

Тайны Русского каганата

Елена Сергеевна Галкина

Введение

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО: БОРЬБА ЗА ИСТОКИ

По обилию споров и спекуляций, возникающих в современных научных и оклонакальных кругах, с древнейшим периодом русской истории могут соперничать, пожалуй, лишь сюжеты, связанные с Октябрьской революцией.

Вопрос о начальных этапах становления Древнерусского государства действительно один из центральных в изучении российской истории. Его трактовка во многом определяет точку зрения на события последующих столетий, на общую линию развития России, да и на современные события. Именно тогда закладывались основы славяно-русского менталитета и особой социальной структуры, пронесенные через сотни лет и ныне коренным образом отличающие русский народ от европейцев. Кто создал государство на Руси, какие корни имеет великая культура домонгольского периода – от ответа на эти вопросы зависит и видение будущего России. И за предложением определенной концепции «начала Руси» стоит, как правило, конкретная *политическая* позиция. Поэтому исследование истоков Руси всегда сопровождалось жесткой борьбой, причем не только научной.

Сейчас, например, на ведущую роль в русской науке претендует норманнская концепция. Восточная Европа VIII – X вв., согласно представлениям нынешних норманистов, была разделена на две примерно равные сферы влияния: с северных областей взимают дань варяги-норманы (они же русы), с южных – иудейская Хазария. Мысли о способности славян к государственному строительству и об истоках российской власти напрашиваются сами собой...

Зачем нужно знать, «откуда есть пошла Русская земля»

Обсуждая вопрос о возникновении Русского государства, нужно договориться о понятиях и принципах. Само слово «государство» многозначно и противоречиво. В широком смысле понятие «государство» равнозначно «стране», то есть объединяет на определенной территории и народ, и власть. В узком историко-политологическом смысле это отделенная от общества и находящаяся над ним организация, система учреждений, обладающая верховной властью на этой территории. Именно отделение публичной власти – это главный рубеж между родоплеменным строем и «цивилизацией». В поисках истоков государственности на Руси нужно опираться на три обязательных признака. Налицо должны быть и территория, и народ, и независимая власть, контролирующая эту землю.

Вторая оговорка касается философской позиции. Дискуссиям о современных методах познания и концепциях исторического развития можно посвятить не одну книгу. Особенно так популярным сейчас идеям структурализма и «цивилизационному подходу». Нет смысла в этой книге спорить о новомодных течениях, не давших миру ни одного исторического открытия. Это и неудивительно. Как можно заниматься *наукой историей*, изначально думая, что нет ни законов истории, ни прогресса в развитии человечества, а задача ученого сводится к накоплению и описанию фактов? Такая философская позиция неотвратимо ведет в тупик, из которого выбраться будет очень трудно. Единственной методологией историка была и остается диалектика, а точнее – диалектический материализм, благодаря которому ученые-марксисты намного опередили своих коллег, поддавшихся «цивилизационным» и «эпистемологическим» соблазнам.

Государственная форма является важнейшим фактором устойчивости социального организма. Поэтому естественно, что в большинстве *научных* работ философского и исторического плана именно государство рассматривается как знаковый рубеж между «доисторическим» и «историческим» периодами развития любого общества, своеобразный венец первобытнообщинного строя. Поэтому проблема происхождения государства и этнической принадлежности его господствующего класса в свете таких установок напрямую связывается с вопросом об

исторической судьбе этого государства и этносов, его составляющих.

Действительно, роль государства в *ранних обществах* в большинстве случаев можно характеризовать как прогрессивную и с позиций марксизма. Однако необходимо принимать во внимание, что процесс образования государства – *политогенеза* прогрессивен не сам по себе, а как формальное отражение и закрепление великого прогрессивного явления – *разделения труда*, и абсолютизация прогрессивности политогенеза без учета его влияния на развитие социально – экономических отношений неприемлема. Именно эта абсолютизация привела к современному состоянию так называемой норманнской проблемы: «официальный» антинорманизм не устоял после принятия норманистами тезиса о том, что восточные славяне были в IX в. способны к созданию государства без внешнего (норманнского) вмешательства. Результат очевиден – большинство специалистов по истории Древней Руси и раннесредневековой Восточной Европы на современном этапе придерживаются норманнской теории, принимая опровергнутую две сотни лет назад аргументацию Байера и Миллера.

В основе же этого процесса в новейшей отечественной историографии была методологическая ошибка советской антинорманистской школы. Известное замечание Энгельса о том, что «государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу», было понято слишком буквально – как необходимость умаления роли внешнего фактора в становлении государства. Таким образом, чтобы снять норманнскую проблему, казалось достаточным доказать способность славян к самостоятельному созданию государства.

Между тем Энгельс имеет в виду иное: он противопоставляет материалистический подход идеалистическому, для которого государство – нечто стоящее над обществом, независимое от него, не отрицая возможности деформации процесса политогенеза в результате внешнего вмешательства и выделяя три пути образования государства – *афинский* (как «чистый», очень редко встречающийся), *римский* и *германский* (в последних двух случаях государство возникает в результате взаимодействия нескольких этносов). Интересно, что советская медиевистика давно отказалась от тезиса о необходимой «автохтонности» государства, разрабатывая теорию о бессинтез-ном и синтезном путях политогенеза у варварских племен раннего Средневековья и признавая, что для некоторых народов, раздираемых противоречиями, даже извне привнесенное государство является благом.

Никем не отрицается, что у большинства народов государство возникает по римскому и германскому, то есть «синтез-ному» образцу, – в условиях, когда внешний для данного общества фактор деформировал естественный процесс политогенеза. Афинский, «чистый» путь, как правило, встречается только в изолированных в силу географических и исторических условий этнокультурных общностях. Но обособленность нельзя назвать положительным фактором, ибо она неотвратимо ведет за собой *замедленность социального развития*.

Напротив, процесс синтеза предполагает обмен опытом, как производственным, так и организационным, между участвующими в нем этносами, взаимную ассимиляцию. Причем чем больше будет разница в традициях социальной организации и уровне культуры между «победителями» (или этносом господствующего слоя) и «побежденными», тем дольше и мучительнее становится процесс синтеза: римско-германский синтез занял не менее четырех веков. Если разрыв очень велик (пример для раннесредневековой Европы – Гуннская держава, Аварский каганат), взаимная ассимиляция уже невозможна и созданное таким путем государственное образование быстро разрушается.

Таким образом очевидно, что этническое происхождение социальной верхушки является одним из важнейших вопросов при изучении проблемы политогенеза в конкретном обществе. Состав господствующего слоя оказывает непосредственное влияние на социально-политическую структуру; именно политическими традициями этого слоя определяется путь деформации «чистого» генезиса государства. Исследование конкретно-исторических примеров синтезного пути ближе подводит к выделению критериев, по которым определяется характер отношений между государством, образующимися этносами, от коего, в свою очередь, зависит *политическая организация зарождающегося государства*.

«Род русский» и его значение

К IX в. развитие восточнославянских племенных союзов шло по «афинскому пути». Основой образования этих протогосударств была славянская территориальная община; общество

структурировалось «снизу вверх». Однако экономически целесообразная земская власть не могла простираться на обширные территории. Возвыситься над ними могла лишь власть внешняя. Для Южной Руси этим внешним фактором стало племя «русь». В IX – X вв. именно «род русский» соединил обширные восточнославянские земли, выполняя функции организации обороны и поддержания внутреннего мира (в качестве «третьей силы»).

Конечно, ни один специалист уже не отрицает, что в процессе образования Киевской Руси и древнерусской народности участвовало несколько различных этносов, что в политической структуре Древнерусского государства сочетались разные формы управления и что название «Русь» имеет изначально неславянское происхождение.

Кто были эти русы, как повлияли они на формирование социально-экономической и политической системы Руси – все это порождает узел пока не разрешенных до конца проблем, вплетенных в общую картину истории Юго-Восточной Европы конца I тысячелетия н. э. Именно изучение данной территории, особенно областей, соседствовавших с землями восточных славян, может внести некоторую ясность в вопрос об истоках Руси.

Вполне понятно, почему проблеме этнической принадлежности племени «русь» уделяется столько внимания. Русы, согласно свидетельствам современников, являлись социальной верхушкой Древнерусского государства. Об этом писали и арабские географы еще в IX в., и византийский император Константин Багрянородный – в X в., и другие.

Загадка русов в источниках

Многочисленные раннесредневековые источники, упоминающие русов, часто противоречат друг другу и в локализации «руси», и при описании социальных отношений, хозяйственного уклада, обрядов. Различные византийские, немецкие латиноязычные, восточные письменные источники располагают русов во многих, даже не связанных между собой торговыми путями, районах Европы от Уральского хребта и побережья Каспия до Западной Прибалтики и германских земель (причем включая территории, на которых нет археологических подтверждений присутствия славян).

В древнерусских свидетельствах также нет единства: уже Повесть временных лет дает две версии: «киевская» выводит полян-русь из Норика, «новгородская» производит горожан «от рода варяжска», а княжескую династию – от варягов-руси. Автору «Слова о полку Игореве» неизвестен ни тот, ни другой вариант: родиной русов он считает Северное Причерноморье и Подонье. В русских летописях и польских хрониках XVI – XVII вв., среди многих других присутствующих там версий, утверждается сарматское происхождение Руси.

Поскольку историография этой проблемы развивалась в русле «моноцентризма» локализации русов (усилия были направлены на поиск *одного* племени русь, которое можно расположить в *одном* месте), большинство источников по проблеме, будучи известным уже в XVIII в., оставалось невведенным в научный оборот. Информация же, содержащаяся в письменных памятниках, удостоенных научного комментария, была «распределена» между различными концепциями: сторонники *славянского происхождения* русов использовали данные одной из арабо-персидских традиций, византийские сочинения, Никоновскую летопись, Степенную книгу, «полянскую» версию Повести временных лет, отождествляющие русь и славян, *норманисты* – «Варяжскую легенду», германские средневековые хроники, другую часть восточной географической и исторической литературы, четко разделяющие эти два этноса.

Однако среди моря свидетельств современников о русах существуют источники, несущие столь важные данные, что обойти их стороной не имела права ни та, ни другая научная школа. Это сообщения о «*Русском каганате*», содержащиеся в Берлинских анналах Франкской империи под 839 г., а также в аутентичных (то есть современных) восточных историко-географических сочинениях.

Берлинские анналы епископа Пруденция сообщают о прибытии посольства византийского императора Феофила в столицу франков Ингельгейм к Людовику Благочестивому, причем вместе с этим посольством были послы и другого народа, называвшие себя росами, а своего правителя – «хаканом». Феофил просил императора франков помочь им вернуться на родину, поскольку ближайшие пути туда были перерезаны «скопищами варваров, весьма бесчеловечных и диких племен». Расспросив послов, Людовик заподозрил в них «свеонов» (Sueones), прибывших с разведывательными целями. Со «свеонами» Русского каганата в исследованиях, посвященных

проблематике этнического происхождения Руси, обычно увязывается «Норманнский каганат», упоминаемый в переписке Василия I Македонянина с другим германским императором Людовиком II под 871 г. наряду с Аварским и Хазарским.

Многие же восточные авторы X – XIV вв., сведения которых восходят к VIII – началу IX в., упоминают о русах (или об «острове русов») с каганом во главе, называя этот племенной союз государством наравне с Хазарией и Сериром, в котором имеются «большие богатые города».

Этот круг источников о русах уникален: западные и восточные авторы здесь единодушны в терминологии определения государственного образования – каганат, но и один из самых трудных для интерпретации: Sueones (обычно понимаемые как «шведы», скандинавы) и *Норманнский каганат* указывают, кажется, на северную, «норманистскую» локализацию русов, степной термин «каган» – на юго-восток Европы.

Вопрос интерпретации этих сведений является одним из ключевых в исследовании проблемы образования Древнерусского государства. Термин «Русский каганат» предполагает существование в начале IX в. государственного образования, в названии которого присутствует корень *ros/rus*, в то время как возникновение на политической арене Киевской Руси датируется концом IX в. Более того, титул кагана, официально признаваемый соседними государствами, значил в евразийских степях то же, что «император».

Слитые воедино «свеоны», «норманны», «росы» и «каган» побуждали и норманистов, и антинорманистов часть этих сведений принимать, часть же – произвольно опускать, поскольку сторонники норманнской теории не могли объяснить, как титул кагана оказался в Скандинавии, а антнорма – нисты, в свою очередь, – какое отношение свеоны и норманны имели к Киевской Руси. В альтернативе Скандинавия – Киевская Русь вопрос не разрешается.

Современным сторонникам норманно-хазарского господства над славянами кажется, что все объясняет их идея: здесь и скандинавы (свеоны), и хазары (каган). И поскольку научный мир справедливо признает, что титул кагана равен императорскому, то получается, что «шведско-хазарский передел» Восточной Европы практически на 100 процентов «обоснован».

А если, к примеру, добавить еще такую запись арабо-персидского географа Ибн Русте: «Они (русы. – Е.Г.) нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар (Волжскую Болгию. – Е.Г.), продают их; нет у них полей пахотных, так как они едят то, что привозят из земли славян». Кто еще может прийти в голову, как не известные норманно-варяги-русы в одном лице, завладевшие северными славянскими племенами и бравшие с них дань? Юг же славянских земель находился долгое время под хазарским игом (или благотворным влиянием – как кому нравится).

Между тем норманно-хазарская концепция, оказавшаяся в поледнее время в «авангарде» исторической науки, имеет весьма зыбкую основу. Это касается как норманизма, так и версии о господстве над югом Восточной Европы Хазарского каганата. Обе теории разбиваются при первом же серьезном взгляде на проблему. Но как же им удалось завладеть умами ученых?

Первые битвы за Русский каганат

Сведения Бертиńskих анналов о народе Rhos, во главе которого стоял каган, были известны уже во времена зарождения норманнской теории. Корпус восточных источников вошел в научный оборот почти веком позже – в начале XIX столетия, после ряда переводов арабо-персидских историко-географических сочинений Средневековья на французский и немецкий языки.

Однако почти за три века исследования этого круга источников не было предложено ни одной удовлетворительной интерпретации сообщений о Русском каганате, снимающей кажущиеся внутренние противоречия источников. И трудность здесь не в самих письменных памятниках, а в вопросах идеологического и методологического плана. Известия о Русском каганате всегда рассматривались в неразрывной связи с норманнской проблемой, в рамках спора о начале Руси. Вопрос же о происхождении Древнерусского государства, как указывалось выше, был изначально политизирован, и трактовка исследователями информации основных источников об этнической принадлежности племени русь зависела, как правило, от априорного суждения о норманнской теории в целом.

Уже для основоположника норманизма, прибывшего в Россию в связи с открытием в 1726 г. Академии наук из Германии, – З. Байера (1694–1738) – известие Бертиńskих анналов о Русском каганате послужило одним из столпов, на которых держалась аргументация его концепции, да и

остальных сторонников норманизма вплоть до современности. Для Байера важным было прежде всего соединение в одном источнике русов и Sueones, под которыми и он, и большинство других ученых понимали шведов, до Рюриковых времен. Это, по мнению основателя норманнской теории, не только доказывало существование русов-шведов в начале IX в., но и наличие у них государства, то есть того, чем они «одарили» неспособных к самостоятельному политогенезу славян в 862 г.

Байер отмечает и значение титула «кагана» – император, самодержец. Немецкого академика не смущило то обстоятельство, что автор Бердинских анналов разделяет русов и свеонов, а каганом называли правителей степных народов Юго-Восточной Европы, – он проигнорировал эти противоречия, полагая их несущественными по сравнению с упоминанием «шведов».

Работы Байера, выходившие на латинском и немецком языках, ориентировались на имевших тогда реальную власть немцев и целью их было историческое обоснование права инородцев на управление страной. Та же идеологическая установка находилась в основе и последующих норманистских изысканий.

Естественно, что подобные построения вызвали противодействие русских патриотично настроенных ученых, не желавших признавать славян неспособными к созданию государства без внешней помощи. Оппонировал Байеру первый русский историк – В. Н. Татищев, переводивший на русский язык и комментировавший его труд. Если Байер ставил знак равенства между русами и варягами и отождествлял их со скандинавами, то его противник по давней западнорусской традиции считал варягов выходцами из Балтийской Славонии, а русов – финским народом, потомками сарматов.

Согласно мнению Татищева, варяги-славяне с Балтийского побережья покорили русов, заимствовав этноним «Русь». Поэтому ученый в комментариях к сочинению Байера о варягах объяснил упоминание послов-«шведов» близким расположением финской «Руси» к Швеции. Татищев отмечает, что «недовольно сведущие писатели» часто называли отдаленные народы именами их более известных соседей.

Уровень развития исторической науки в XVIII в. давал возможность объяснять сообщения о неизвестном государстве русов только исходя из самого известия и *общей точки зрения* на происхождение Руси. И дело не только в ограниченности круга письменных источников (не были введены в научный оборот данные восточных авторов), отсутствии археологических материалов. Уже в то время было известно огромное количество источников о русах, однако систематизировать их тогда было невозможно – методы исторического исследования только начинали разрабатываться, объяснения находились на интуитивном уровне. Многие противоречия, такие как присутствие степного тюркского титула хакан у «северного» народа, не замечались.

Последователь Байера Г. Миллер полностью принял аргументацию основателя норманизма, добавив «Руотси» – финское название части Швеции (это и сейчас любимое слово норманистов). Главный оппонент Миллера, великий русский ученый М. В. Ломоносов опровергнул большинство аргументов норманистов. Жаль, что он проигнорировал известия Бердинских анналов, хотя его сармато-аланская версия происхождения Руси вполне объясняла присутствие тюркского титула главы русов (прародиной русов-роксолан Ломоносов считал междуречье Днепра и Дона), и название Sueoni – в VIII – IX вв. он помещал русов на южном берегу Балтики, отождествляя их с варягами-славянами. Резкая и логичная во многом отповедь Ломоносова на диссертацию Миллера «О происхождении имени и народа российского» не положила конец норманизму, ибо созданная им теория оказалась не менее уязвимой: ученый считал славянами и сарматов, и роксолан, и русов. Система же доказательств Ломоносова, как и у его противников, не выходила и не могла выходить за пределы обычной логики и интуиции.

Нечто новое в споры об истоках Руси привнес еще один немец – А. Л. Шлецер, приехавший в Россию вскоре после смерти М. В. Ломоносова. Его традиционно считают третьим основоположником норманнской теории, хотя новых аргументов в ее пользу он не нашел. Автор первого труда о летописании – «Нестора», внимательно отнесшийся к византийским источникам о русах, пришел к принципиальному выводу о существовании *двух племенных объединений*, называвшихся русами: одно в Северном Причерноморье (многочисленный «азиатский» народ), а другое, с первым не связанное, – скандинавская русь в Прибалтике.

Но, к сожалению, Шлецер связал сообщение Бердинских анналов со скандинавами. По его мнению, людей, называвшихся в Германии «шведами», в Константинополе, откуда прибыло посольство Феофила, именовали русами. Источниковедческие навыки Шлецера привели его к необходимости объяснения титула Chacanus. Приверженность норманизму заставила немецкого ученого интерпретировать его как скандинавское имя собственное Nakon. Таким образом, по

Шлецеру, в Ингельгейм в 839 г. прибыло неизвестное скандинавское посольство, не имеющее отношения к Киевской Руси.

Точка зрения Шлецера о сообщении Бертинских анналов была безоговорочно принята Н. М. Карамзиным, начинавшим в то время писать «Историю государства Российского». Причем придворный русский «историограф» сделал шаг назад по сравнению с «Нестором»: в русах он видит только шведов, считая известие о Русском каганате одним из главных доказательств этого тезиса. Почему официозный историк сделал выбор в пользу норманнов – понятно. Русская императорская фамилия была уже более чем на три четверти немецкой. Да и неплохой идеологический ход – объявить изначальное отличие «голубой крови» – правящей верхушки от народных масс, пребывавших в начале XIX в. в крепостном рабстве.

Роковые ошибки: «скептики» и школа Венелина

События русской и европейской политической истории начала XIX в. немало изменили ситуацию и в отечественной исторической науке. Победа в войне 1812 г., освобождение Европы от Наполеона, начало освободительных славянских движений в Османской империи – все это способствовало росту русского национального самосознания (в том числе и в дворянской среде), возрождению идеи славянского единства, и как следствие – активизации исследований по общеславянской и древнерусской истории и дискуссий по ее важнейшим проблемам. Оппоненты норманнской теории стали многочисленнее, и у них появились новые аргументы.

По инициативе графа Н. П. Румянцева было образовано Общество истории и древностей российских (ОИДР), основу которого составили археографы и источниковеды. С ОИДР связано и введение в научный оборот большого количества иностранных источников. Так, в первой четверти XIX в. источниковедческая база исследователей начала Руси была пополнена принципиально новыми сведениями.

В 1822 г. выдающийся востоковед Х. Д. Френ опубликовал сопровожденную комментариями подборку арабских известий о хазарах, а годом позже выпустил на немецком языке труд о путешествии на Волгу Ибн Фадлана. Вскоре после этого в 1825 г. австрийский востоковед и дипломат Й. Хаммер-Пургшталь по заказу Н. П. Румянцева выпустил в свет в Санкт-Петербурге первый свод арабо-персидских источников о происхождении Руси с переводом на французский язык. Комментарии Фrena и Хаммера носили, естественно, норманистский характер, но сами эти публикации помогли в первую очередь противникам «скандинавомании».

Выяснилось, что ряд арабо-персидских писателей раннего Средневековья также был знаком с русами, во главе которых стоял хакан. Причем восточные авторы давали весьма точную локализацию Русского каганата, правда, в своей географической системе.

Опираясь уже на эти данные, с критикой норманнской теории выступил ректор Дерптского университета Густав Эверс. Он принял идею Шлецера о существовании южных русов, связав их с хазарами и объявив единственным племенем, носившим имя русь. Эверс был практически единственным исследователем, признавшим невозможность верной интерпретации круга источников о Русском каганате при современном ему состоянии исторической науки и источниковедения. Понимая Sueoni Бертинских анналов как шведов, он писал: «Известия сии бесполезны до тех пор, пока не станет известен южный народ Rhos с хаканом во главе, которого знали бы шведы»^[1].

Южную версию происхождения Руси поддержала так называемая скептическая школа, основание которой связывают с именем профессора Московского университета М. Т. Каченовского. Собственно, школа состояла из самого профессора и нескольких его студентов, большинство из которых перестало заниматься наукой после окончания курса, а единственный талантливый – Сергей Скромненко (Строев) – трагически погиб. Несмотря на краткость существования (конец 1820 – середина 1830-х гг., в 1840-е гг. на «скептиков» смотрели как на далекое прошлое), «скептическое направление» успело оказать отрицательное влияние на течение дискуссии по вопросу о начале государства Киевская Русь. Поверхностные изыскания Каченовского и его студентов надолго дискредитировали критическое направление русской исторической науки, отбросив отечественную историографию назад не только в вопросах летописеведения (теорию о сводном характере русских летописей удалось вернуть почти через столетие), но и по проблеме происхождения Руси. По убеждению Каченовского (кстати, грека по национальности), русский народ в IX – XIII вв. пребывал «во младенчестве», то есть в первобытной дикости. А у «младенцев»

летописей и государства быть не может. Поэтому древнейшая русская летопись появилась не раньше XIV в.

Каченовского устраивала «хазарская» версия только потому, что она «противоречила» сообщениям Повести временных лет и «доказывала» ее недостоверность и позднюю датировку. Корпус восточных известий о Русском каганате привлекал – ся «скептиками» почти без намека на критику и анализ, подобно другим иностранным источникам, лишь для того, чтобы зачеркнуть Киевскую Русь как *баснословную*.

После этих изысканий поиск южных русов нескандинавской этнической принадлежности и вообще «третьего пути» в решении этой проблемы надолго прекратился. Исследователи вернулись в рамки альтернативы «славяне – скандинавы».

Но 1830—1860-е гг. были особенно богаты исследованиями и дискуссиями по теме этнического происхождения русов, причем идеологической основой для них стало противопоставление славян и германцев. По мнению известного современного историка А. Г. Кузьмина, этому явлению способствовали два обстоятельства: 1) в 1832 г. в Гамбахе состоялся «национальный фестиваль» представителей германских земель, на котором главным врагом объединения Германии объявлялась Россия и славянские народы, 2) в немецкой же философии появился тезис об «исторических» и «неисторических» народах (критерий – способность к созданию государства), причем славяне попадали в категорию «неисторических»^[2].

Поэтому большинство русских и славянских ученых выступило против норманизма; появилось целое «славянское» направление, целью которого являлось доказать древность и автохтонность славян в Европе, а также – на примере Киевской Руси – показать способность их к самостоятельному созданию государства. Основателем этого направления сами «славяне» считали М. В. Ломоносова, а наиболее сильными в научном отношении представителями были Ю. И. Венелин (Гуца), О. Бодянский, Ф. Святный, Ф. Л. Морошкин.

Эта школа сделала попытку объяснить в рамках одной концепции все известные к тому времени источники о варягах и русах, используя так называемый этимологический метод. Уже Ю. И. Венелин убедительно опроверг скандинавское происхождение варягов, считая их балтийскими славянами. Этимологию этнонима «Русь» Венелин и его последователи также считали славянской, помешая русов на южном берегу Балтики.

Известия о Русском каганате трактовались ими исходя из этой позиции. Посольство 839 г. связывалось с противостоянием балтийских славян попыткам насильственной христианизации и выходом в начале IX в. ободритов и лютичей из Франской империи. При этом Ф. Л. Морошкин и Ф. Святной впервые отметили, что свеоны и русы в Берлинских анналах упоминаются как *два разных народа*, а свеонами в IX в. немецкие хроники называют не только шведов, но другие племена, обитавшие на Балтийском побережье, верхнем Дунае и Рейне^[3]. Ю. И. Венелин также заметил, что Suenones древних авторов – это и славяне, жившие на островах Волин и Узедом. К сожалению, эти выводы, аргументированные данными франкских хроник, не использовались последующими поколениями ученых. Но очевидной слабостью балтийской локализации Русского каганата было отсутствие его связи со степным регионом. Титул хакана остался без объяснения.

Лишь Ф. Л. Морошкин признавал существование различных этносов «русь» по всей Европе от Волги и Каспия до Балтики, в том числе и в степях Причерноморья. Русов Морошкин понимал как древнее «яфетическое» племя, важной ветвью которого были славяне. Однако он не смог предъявить ни одного доказательства в пользу своей гипотезы, а попытки объяснения источников не были логичными. Например, славянское происхождение русов Берлинских анналов Морошкин доказывает, утверждая, что «каганат – название государства у дунайских, днепровских и вообще русских славян», однако русов локализует на Балтийском море.

Почему же школа Венелина канула в Лету? Ведь все знают Карамзина, многие слышали о М. П. Погодине, Д. Иловайском... А если назвать Венелина или Морошкина, то и большинство специалистов по Древней Руси недоуменно пожмут плечами.

«Славянское» направление поставило перед собой непосильную для уровня исторической науки того времени задачу – создать непротиворечивую концепцию происхождения Руси, не исключая из научного оборота ни одного известного источника. Был собран огромный, до сей поры не осмысленный материал, но разрыв между возможностями исторического исследования XIX в. и требуемой глубиной анализа этих источников был непреодолим. В результате ученые этого направления шли от *теории* к источнику, что вообще нельзя признать научным. И последовал закономерный итог: уже в 1860-е гг. «школу Венелина» в исследованиях по началу Руси упоминали несколькими строчками «для историографии». А полемика 1830—1840-х гг. привела к исключению

из научного оборота большей части источников, не устраивавших ни норманистов, ни антнорманистов.

Начало Руси на закате Российской империи

Главным апологетом норманнской теории с 30-х по 70-е гг. XIX в. было официальное лицо русской исторической науки – М. П. Погодин. В духе немецкой философии он отождествлял государство и монархию, поэтому все усилия ученого были направлены на доказательство скандинавского происхождения Рюриковой династии. В числе главных аргументов значилось и gentis Suenorum Бертиńskих анналов, титул же хакана Погодин вслед за Шлецером заменяет на «скандинавское имя Гакон», в скандинавских источниках, кстати, не встречающееся. Восточные известия Погодин не комментирует.

Большинство же единомышленников М. П. Погодина были немцами. Наиболее заметным среди них являлся А. Куник, прибывший в Россию из Пруссии в 1839 г. Он принял всю аргументацию предшественников, в том числе и о сообщении Бертиńskих анналов.

Наиболее видными оппонентами норманистов в 1850—1870-е гг. были С. Гедеонов и Д. И. Иловайский. Их основной идеей, по традиции «патриотического» направления, было доказательство славянской этнической принадлежности господствующего слова Руси (то есть государство также отождествлялось с социальной верхушкой).

Гедеонов утверждал вслед за «школой Венелина», что варяги – это балтийские славяне. Однако племя русь он локализовал в Поднепровье, опираясь на арабо-персидские источники. Тюркский титул хакана был для него одним из главных аргументов существования государства в Южной Руси начала IX в.: «*Русский каганат в 839—871 гг. вернее призвания варягов, договоров Олега, Игоря, Святослава, летописи Нестора*»^[4]. Sueoni Гедеонов объясняет как случайно попавших в Киев шведов. Но тот же титул хакана заставляет видного антнорманиста утверждать зависимое положение Киевской Руси начала IX в. от Хазарии (киевский хакан – «второстепенный наместник хазар»). Так, опровергая зависимость восточных славян от скандинавов, Гедеонов, исходя из корпуса сведений о Русском каганате, легко «отдает» Киев хазарам.

Стройнее и историчнее выглядит концепция монополиста в авторстве гимназических учебников истории Д. И. Иловайского. Он сосредоточился на доказательстве славянского происхождения и южной локализации племени русь (русов он производит от роксолан, считая последних славянами). Знаток летописания, Иловайский установил, что Сказание о призвании варягов является позднейшей вставкой в Повесть временных лет. На основании этого открытия ученый сделал вывод о непринципиальности «варяжского вопроса» и обратился к поиску русов на юге Восточной Европы.

Ему немало помогли в этом новые переводы арабо-персидских географов, сделанные в 1869 и 1870 гг., соответственно, Д. А. Хвольсоном и А. Я. Гаркави, содержащие сведения о локализации русов в VIII – IX вв. В ходе интерпретации круга источников о Русском каганате Иловайский впервые привлек практически все письменные данные, на которые опирается большинство ученых и сейчас, увязав воедино информацию Бертиńskих анналов, восточных авторов, Чтений патриарха Фотия и сочинений Константина Багрянородного, Повести временных лет и «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. В очередном ответе М. П. Погодину «Еще о норманизме» Иловайский отмечает всю важность интерпретации этого круга источников: «*Если допустить, что в 839 г. в южной России существовал народ Русь, управляемый хаканами, то норманская теория должна быть упразднена*»^[5].

Автор «Разысканий о начале Руси» утверждал, что на территории между Доном и Днепром в начале IX в. существовало независимое государство под названием «Русский каганат», бывшее основным врагом Хазарии. Используя восточные источники и «Об управлении империей» Константина Багрянородного, Иловайский установил, что хазарская крепость Саркел была построена именно против Русского каганата. Центром этого государства, по мнению Иловайского, был Киев. Но концепция ученого держалась на недоказанном тезисе о тождестве роксолан и одного из восточнославянских племен, что в тех же 1870-х гг. было опровергнуто В. Ф. Миллером, доказавшим ираноязычность сармато-алан. Ослабляло позиции Иловайского и отрицание этнонима «русь» на Балтийском побережье и других регионах Европы. Этим, а также признанием норманнства варягов он отрицал и усилия своих предшественников-антнорманистов, посвятивших труды именно южному берегу Балтики как родине варягов и руси.

В 1860-х гг. набирало силу и принципиально иное направление в отечественной исторической науке – «государственная» школа, заимствовавшая в качестве методологической основы теорию государства Гегеля и концепцию политогенеза на Руси Эверса. Но если создатель схемы «семья – род – государство» понимал важность вопроса о происхождении господствующего слоя Киевской Руси, то «государственники» отрицали его значение вовсе, абсолютизируя мысль о том, что государство развивается благодаря причинам внутреннего характера. С. М. Соловьев использует материалы о Русском каганате для констатации тождества варягов, русов и скандинавов, подчеркивая, что нет ни одного явления в русской истории, которое нельзя было бы объяснить без решения вопроса этнической природы русов. Каганат Соловьев не отождествлял с государством, ибо в его периодизации отечественной истории до второй половины XII в. «господствовали родовые международные отношения»^[6].

В целом к концу третьей четверти XIX в. перевес был на стороне антинорманистов, хотя оставались большие лакуны как методологического и общеисторического характера, так и в области интерпретации источников. События же конца века сдвинули общественный интерес ближе к социальным и политическим процессам современности, и дискуссия о начале Руси затихла, переместившись на страницы специальных источниковедческих исследований.

В востоковедческих комментариях к арабо-персидским известиям о русах и славянах преобладали норманистские объяснения, поскольку большинство востоковедов были выходцами из Германии и шли в интерпретации «от концепции к источнику».

В 1870—1890-е гг. источниковедческий интерес к византийским источникам, их внимательное изучение и сопоставление с восточными известиями привело к установлению существования в VIII – IX вв. причерноморских («тмутороканских») русов как исторического факта. Доказать скандинавское происхождение Тмутороканской Руси было весьма проблематично. Так появилась версия о Русском каганате в Причерноморье и острове русов в Крыму, где русы объявлялись родственными готам. Историки, не признавшие «готскую» теорию, предлагали еще менее обоснованные версии, не внесшие ни ясности, ни новых решений, которые могли бы использоваться впоследствии. Титул же хакана по традиции объясняли заимствованием от хазар либо зависимостью от них.

Итак, начавшийся процесс специализации и дробления в исторической науке выявил его главную тенденцию, сохранившуюся и ныне: обслуживать за счет познавательных средств *одной дисциплины* (будь то источниковедение, археология, нумизматика и т. д.) и круг вопросов, лишь косвенно примыкающих к ее основной проблематике, но без рассмотрения которого не обойтись. Комплексное, «на стыке наук» исследование было тогда еще невозможно по причине неразработанности методов и недостаточности источниковской базы (прежде всего археологической и лингвистической). Стремление же сделать глобальные выводы на узком материале приводило или к поверхностным, наиболее «очевидным» решениям, или к сомнению в возможности познания этих проблем.

Этим и объясняется наличие двух тенденций в разработке норманнской проблемы в целом и вопроса о Русском каганате в частности: норманизм в специальных исследованиях и тезис о «потере важности» проблемы происхождения племени русь в обобщающих работах, унаследованный от «государственной школы».

Данный тезис хорошо согласовался с общепринятым пониманием фразы Ф. Энгельса «государство не может быть навязано извне» и потому был взят на вооружение официальной советской историографией, начало которой относится к 1930-м гг.

В первое же десятилетие после революции предмет истории был исключен идеологами «интернационализма» и «мировой революции» из преподавания, а история Древней Руси – из программ по обществознанию. Поэтому публикации по проблеме происхождения Руси были редки и большей частью продолжали традиции прошлых лет. Из них стоит отметить работу В. А. Пархоменко «У истоков русской государственности», в которой автор отстаивал южное происхождение русов, а Русский каганат связывал с государством восточных славян с центром в Киеве.

Традиции дореволюционной историографии унаследовали и ученые-эмигранты первого и второго поколения. Существенное влияние на них также оказала и концепция евразийства, широко распространившаяся в эмигрантской среде с 1920-х гг. Большинство придерживалось норманистских позиций, внося лишь небольшие корректировки. Значительно уменьшило ценность эмигрантских работ и слабое знакомство этих историков с новейшими достижениями археологии в СССР.

Оригинальная версия о русах и их хакане, предложенная Г. В. Вернадским, тоже базируется на норманизме и евразийском преувеличении роли степных этносов (авар, булгар, хазар). Однако ученый, используя разнообразные письменные источники и данные лингвистики, впервые попытался реконструировать краткую историю «первого Русского каганата», датировав его существование 737—839 гг. Очевидной для него была необходимость разделить славян и русов (на это указывали аутентичные восточные источники). Происхождение этнонима «рус, рос» Вернадский связывает с североиранскими племенами сармато-алан и Северным Причерноморьем и Подоньем, причем при доказательстве этого предположения он использует известные ему исследования российских и советских археологов.

Но связать Русский каганат с сармато-аланами Вернадскому не позволяли не опровергнутые до сих пор аргументы норманистов («свеоны» Бертиных анналов, именослов договоров с Византией, «русские» названия Днепровских порогов у Константина Багрянородного, дополненные археологическими изысканиями Т. Арне): «не может быть сомнения, что в IX в. под именем „русские“... чаще всего подразумевались скандинавы»^[7]. Пытаясь найти компромисс между иранским «рос» и норманнской теорией, Вернадский «приводит» шведов в середине VIII в.^[8] на Дон, находя подтверждение в «Великой Свитьод» скандинавских саг. Согласно Вернадскому, в Подонье скандинавы подчиняют зависимое от Хазарии русаланское население, заимствуя этноним, и образуют Русский каганат, вассальный Хазарии (так автор объясняет титул «хакан»). В начале IX в. каганат завоевывает независимость и начинает борьбу за господство в регионе с хазарами. Как и Д. И. Иловайский, Г. В. Вернадский связывает воедино данные Константина Багрянородного о постройке хазарами Саркела против западного врага и сообщение Бертиных анналов о посольстве в Византию русов, чей правитель называется «хакан». Гибель Русского каганата датируется ученым 839 г. (нашествие венгров, союзников хазар). Версия Вернадского несомненно являлась шагом вперед по сравнению с историографией прошлого, ибо определяла Русский каганат как государственное образование, непосредственно предшествующее Киевской Руси и связанное с ней. Норманизм же Вернадского объяснялся недоступностью для него археологических материалов по степи и лесостепи Восточной Европы, которые очевидно доказывают отсутствие на этой территории скандинавской материальной культуры.

Исследования эмигрантских историков оказали влияние на работы славистов и медиевистов зарубежья, в основном США и Западной Германии. В СССР они либо остались незамеченными, либо получили резко негативные отзывы, как труды Г. В. Вернадского, когда вместе с евразийской теорией автора отвергалась научная ценность всех его разысканий.

Иллюзия победы

Иначе развивалась историческая наука в Советском Союзе. В 1930-е гг. возрастающая внешнеполитическая угроза, соединение в гитлеровской Германии идеологии антикоммунизма с русофобией заставила руководство СССР не только «восстановить права» исторической науки, но и обратиться к норманнской проблеме на официальном уровне. За основу был взят упомянутый тезис о невозможности привнесения государственности извне, дополненный автохтонистской теорией лингвиста Н. Я. Марра, так понравившейся И. В. Сталину.

Эту упрощенную логическую схему необходимо было, однако, подтвердить конкретным историческим материалом об образовании государства у восточных славян. Согласно идеологическим установкам 1930—1840-х гг., эта задача сводилась к доказательству, во-первых, автохтонности славян в Восточной Европе, во-вторых — славянской этнической принадлежности племени «русь». И на пути антиформанистов вновь встали данные источников, четко разделяющие славян и русов. Все попытки доказать изначальное тождество руси и восточных славян, опираясь на говорящие о противном источники, успеха не имели, хотя и продолжаются до сих пор.

Антиформанизм 1930—1950-х гг. был крайне уязвим и в методологическом, и в источниковедческом отношении, ибо норманская концепция отвергалась за счет теоретических представлений, без рассмотрения конкретной аргументации его приверженцев. Иными словами, если ученый думает, что русы — это не славяне, то он уже не прав.

Ярким примером в этом отношении является выдающийся историк и археолог, академик Б. А. Рыбаков, за последние 50 лет не изменивший точку зрения на происхождение Руси и многие годы бывший олицетворением официального антиформанизма. С 1940-х гг. этот ученый отождествляет русов и славян и утверждает, что древний объем Руси — это лесостепь Среднего Поднепровья.

Рыбаков, разбирая уже в 1980-е гг. проблему локализации Русского каганата, блестяще опроверг концепцию северного расположения этого государства и народа «русь». Однако даже детальное изучение источников (в том числе персидского анонимного сочинения «Пределы мира», весьма точно локализующего Русский каганат не на се – вере, но и *не в Среднем Поднепровье*) не помогает Рыбакову расстаться со своим мнением, как, впрочем, и имевшиеся уже в распоряжении ученого данные археологии, не фиксирующие в Среднем Поднепровье VIII – начала IX вв. славянской культуры, позволяющей говорить о государстве.

Другие историки – «марксисты», не находя возможности доказать тождество славян и русов, вернулись к положению «государственной школы» о непринципиальности проблемы этнического происхождения руси при изучении политогенеза восточных славян. Русский каганат был вновь отождествлен с Киевской Русью, а русы восточных источников – с господствующим слоем Древнерусского государства. Такая позиция характерна в основном для авторов обобщающих трудов по истории Киевской Руси, не занимавшихся вплотную происхождением Руси и не использовавших огромный материал, накопленный почти за столетие специальными историческими дисциплинами.

Победа иллюзии

Возврат норманизма был неизбежен, что и произошло в 1960-е гг. после пересмотра ряда теоретических положений. Имевшиеся к тому времени данные археологии, лингвистики, письменных источников не укладывались в рамки концепции автохтонности и этнической однородности. Новое наступление норманнской теории пошло оттуда, где она оставалась непобедимой еще в конце XIX в., – из недр специальных исторических дисциплин и источниковедения. Причем этот процесс был напрямую связан с начавшимся дроблением исторической науки и сопутствующей гиперболизацией роли вспомогательных исторических дисциплин.

И норманисты быстро вернули свои позиции, не выдвинув ни одного нового аргумента: столетие назад опровергнутые доводы З. Байера и Г. Миллера воспринимались на «подготовленной» автохтонистами почве как откровение, тем более если они исходили из монографий «специалистов» – востоковедов, скандинавистов, археологов, этнографов.

Вопрос о Русском каганате был соответствующе освещен в 1965 г. знатоком восточных языков А. П. Новосельцевым в комментарии к известиям арабо-персидских источников о славянах и русах. Имея два «неопровергимых» факта: 1) очевидное из восточных географических сочинений различие восточных славян и русов и 2) хакан русов и «своены» в Бертинских анналах – востоковед делает противоречащий исследуемым источникам вывод о северном расположении Русского каганата и одного из трех «центров» русов – Арсании^[9], что блестяще опроверг Б. А. Рыбаков^[10] (к его мнению мы еще вернемся). К справедливой критике Рыбакова, основанной на том же материале, что и разыскания Новосельцева, можно добавить следующее: востоковед смешивает информацию различных традиций арабо-персидской литературы, знакомых с разными регионами Восточной Европы (соединяются они достаточно поздно и эклектично), поэтому наложение одних данных на другие недопустимо с источниковедческой точки зрения. Если же учитывать традиции географических школ Арабского халифата, русов придется располагать в весьма удаленных друг от друга районах Европы, что уже невозможно объяснить исходя из альтернативы «славянское Поднепровье – Скандинавия». Поэтому Новосельцев предпочитает *игнорировать* и результаты текстологического анализа, которым, казалось бы, должен следовать в рамках принятой им позитивистской методологии. Интересно, что позже Новосельцев согласится с киевской локализацией Русского кагана – та, ибо она не убийственна для неонорманизма: «Бертинские анналы – источник о появлении русов на славянском юге в 30-е гг. IX в.»^[11].

Южная локализация первого зафиксированного источниками государства русов была так легко принята неонорманистами и по другой причине.

Развитие археологии в 1930—1960-е гг., многочисленные раскопки в Волго-Донском регионе открыли путь к исследованию истории Хазарского каганата и его роли в раннесредневековой Восточной Европе. Археологи отождествили Хазарский каганат с огромной территорией салтово-маяцкой культуры, распространявшейся от левобережья Днепра до низовий Волги и Дагестана. Высокий уровень экономического развития и социальной организации лесостепных племен, составлявших основу салтовской культуры, позволяли говорить о Хазарии как о самом сильном

государстве Восточной Европы VIII – IX вв., а заметные следы влияния «салтовцев» на племена роменско-боршевской славянской культуры – о длительной зависимости славян Южной Руси от Хазарского каганата.

И параллельно с неонорманизмом под прикрытием того же тезиса о «невозможности привнесения государства извне» развивалась другая версия начала Руси – хазарская. Особую популярность она приобрела у археологов, изучавших степи Евразии, тюркологов и иранистов, хазароведов и историков украинской националистической школы. Причем при ее создании привлекался в качестве основного аргумента, помимо археологии салтово-маяцкой культуры, тот же круг источников о Русском каганате.

Квинтэссенция данной версии, основа которой сформулирована археологом М. И. Артамоновым в монографии «История хазар», вышедшей в 1962 г., состоит в следующем. Первоначально Русский каганат – государство, *вассальное* Хазарии (отсюда – заимствование титула хакана) и включавшее в себя «Русскую Землю» Повести временных лет в узком смысле по классическому определению, то есть славян Среднего Поднепровья. Лингвистическая основа «*рус*»/«*рос*» признавалась иранской, воспринятой славянами Поднепровья в VI-VII вв. или ранее^[12]. В VII – начале VIII в., согласно последователям «неохазарской» теории, славянское Поднепровье было подчинено хазарами, высокая культура которых позволяла «диким» славянским племенам развиваться, а военная мощь Хазарского каганата охраняла их от степных кочевников. Принятие титула кагана главой славян свидетельствовало, в данной трактовке, об освобождении от хазар и связывалось со Сказанием о хазарской дани в Повести временных лет, где поляне в виде дани отдали хазарам меч, а хазарские старцы испугались этого дара.

Однако в таком виде эта версия не объясняла четкого разделения славян и русов у восточных авторов IX – X вв., что вызвало появление оригинальной концепции украинского археолога Д. Т. Березовца, впервые отождествившего русов арабо-персидских источников с носителями лесостепного, аланского варианта салтово-маяцкой культуры (аланы – североиранское племя, одни из предков современных осетин). Но привлекая при локализации русов данные о Русском каганате (Иbn Русте, Гардизи, «Худуд ала алам», Бертинские анналы), Березовец считает русов подчиненными хазарскому хакану сборщиками дани со славянских племен, оставляя за хазарами всю территорию салтовской культуры^[13]. Однако выводы Березовца практически никто из ученых не поддержал. Это было связано с *противоречием*, содержащимся в его версии: источники ясно говорят о *самостоятельном* государстве русов, наравне с Хазарией и Сериром (Дагестан), с «хакане *рус*» во главе, а не о вассале Хазарского каганата. Допустить же существование в Подонье независимого государства или племенного объединения значило развенчать представление о могуществе иудейской Хазарии в Восточной Европе и значительно сократить ее предполагаемую территорию. Именно это было невозможно для направления, которое представлял Д. Т. Березовец.

Итак, главной идеей этих двух оппозиционных официальному антимарксизму направлений в советской историографии была зависимость славянских племен накануне образования Древнерусского государства от скандинавов-варягов либо от иудейской Хазарии.

Именно идеологическим фактором объясняется и возобновление поисков племени русь в Балтийской Славонии как реального, основанного на богатой источниковой базе противовеса норманно-хазарским изысканиям. Данная теория не получила достойного развития, однако вызвала широкий резонанс в 1970-е гг. после статей историков патриотического направления А. Г. Кузьмина, В. Б. Вилинбахова и Н. С. Трухачева. Русский каганат и остров русов локализовались авторами на острове Рюген в Балтийском море. И если А. Г. Кузьмин^[14] изначально предполагал неславянское происхождение руси и возможность существования нескольких «Руссий» в разных регионах Европы и различной этнической принадлежности, связь между которыми предстояло выяснить, то Трухачев отождествлял русов, упоминавшихся как в восточных, так и в западных и византийских источниках, либо с ругами – балтийскими славянами, либо с Киевской Русью^[15]. Новые разыскания о Балтийской Руси требовали дальнейших глубоких исследований и порождали больше вопросов, чем ответов. Само предположение о существовании нескольких этносов Средневековья под одним (или сходными) названием могло получить развитие только при комплексном применении данных, собранных различными науками. Это шло вразрез с основной тенденцией исторической науки начиная с 1960-х гг. к выделению из нее новых самостоятельных «наук», претендующих на собственные методы исследования, а также с процессом самоизоляции смежных гуманитарных наук, в первую очередь лингвистики. Потому оно не было использовано в разработках последующих лет.

В результате уже в начале 1980-х гг. норманно-хазарское видение истории Восточной Европы

VIII – X вв. преобладало в историографии во многом и потому, что его противники, имея официальную поддержку, часто не утруждали себя доказательствами, не особенно обращали внимание на то, в каком направлении развиваются вспомогательные исторические дисциплины. Разыскания норманистов и хазароведов были некритично приняты за основу зарубежными медиевистами и славистами.

Современные ученые и русские древности

Когда вместе с ломкой социально-экономической структуры России и сменой политического курса в середине 1980-х гг. симпатии правящей верхушки, соответственно, перешли от славян к норманнам и хазарам, оказалось, что многие археологи, специалисты по нумизматике, эпиграфике прочно стоят на позициях норманско-хазарской версии, которая весьма быстро обрела очертания целостной концепции.

На сегодняшний день эти построения наиболее полно выражены в монографиях и статьях В. Я. Петрухина, сумевшего в 1998 г. защитить докторскую диссертацию, основанную на много раз опровергнутых аргументах основоположника норманизма З. Байера. Петрухин при поддержке скандинависта Е. А. Мельниковой и византиниста М. В. Бибикова возвращается к неестественной скандинавской этимологии корня «рус» – *rops* – типа *ropskarl* со значением «гребец», «участник походов на гребных судах»^[16].

Возникла эта идея из давнего аргумента норманистов о том, что финноязычные народы называют Швецию *Ruotsi*, *Rootsi*. Но еще в XVIII столетии противники шведского миссионерства у диких славян заметили, что Древнюю Русь, а потом Россию эстонцы и финны почему-то именуют *Венелайнен*, *Венея*, *Венемаа*, а в шведском языке (как и в других германских) слова «Руотси» нет. В XIX в. добросовестные ученые норманнского направления сами отказались от сомнительной этимологии, ибо выяснилось, что «Руотси» финно-угры называли еще и Ливонию, а значит это слово «Страна скал». Поэтому современные скандинавоманы и придумали «гребцов»...

Петрухин полностью отождествляет скандинавов, варягов и русов, пытаясь при этом объединить большинство классических источников по проблеме. Совершенно «неподходящие» письменные памятники, к примеру, свидетельство сирийской хроники Псевдозахарии с локализацией росов в Северном Причерноморье в VI в., автор объявляет недостоверными. Восточную Европу в соответствии с норманно-хазарской концепцией Петрухин видит поделенной между двумя «империями» – Хазарским каганатом на юге и Норманским (Русским) на севере, причем в начале IX в. все восточные славяне оказываются в зависимости от хазар (поляне, северяне, вятичи, радимичи) или варягов – скандинавов (кривичи, словене)^[17].

Русский каганат восточных источников и Бертиńskих анналов исследователь рассматривает в альтернативе «скандинавы – Киев» и локализует в районе Ладоги, ибо в Киеве начала IX в. нет монетных кладов и «скандинавских» археологических комплексов. При аргументации разделении Восточно-Европейской равнины на сферы норманнского и хазарского влияния В. Я. Петрухин широко использует археологический материал самой развитой в Восточной Европе культуры – салтово-маяцкой, трактуя ее как государственную для Хазарского каганата. Титул хакана у русов-норманнов ученый муж понимает как свидетельство не территориального соседства с хазарами, а «политического» («русь претендовала на роль, равную хазарам»).

Эта интерпретация предыстории Киевской Руси на данном этапе принимается почти всеми источниками и археологами, несмотря на то что логика Петрухина и уровень его аргументации не поднимается выше норманистов XVIII в., а археологические и письменные источники, данные смежных дисциплин и лингвистики трактуются крайне произвольно. Не смущают неонорманисты и новейшие данные антропологии – науки, которую трудно упрекнуть в гипотетичности. В настоящее время скандинавскими признаются лишь три краинологические серии: из курганов Шестовицы (вторая половина X в.), Старой Ладоги (*не ранее XI в.*) и Куреванихи-2 (XII – XIII вв.)^[18], а так называемые «скандинавские комплексы» были характерны для всего циркумбалтийского региона.

В знаменитых дружинных могильниках Гнездово и Тимерево, инвентарь которых норманисты до сих пор трактуют как скандинавский, после смены погребального обряда на ингумацию (трупоположение), *нет ни одной близкой к скандинавским к раниологической серии*.

Но неонорманисты игнорируют не только современные объективные исследования, но и наследие историографии прошлого, накопленное за три века дискуссии о происхождении племени русь.

С альтернативной и относительно новой версией выступил лишь археолог, автор одной из основных концепций этногенеза славян, В. В. Седов, всегда занимавший компромиссную позицию в спорах о начале Руси. В 1998 г. он посвятил отдельную статью проблеме Русского каганата, а годом позже включил результаты исследования в монографию «Древнерусская народность».

Декларируя антиформанистские взгляды, В. В. Седов отождествляет Русский каганат с территорией, принадлежавшей славянам волынцевской археологической культуры конца VII – VIII вв., распространявшейся от Левобережья Днепра до бассейна Среднего Дона и Верхней Оки.

Работа Седова стала *первой попыткой локализации Русского каганата как самостоятельного сильного сударства* на основе комплексного использования данных археологии, нумизматики, лингвистики и аутентичных письменных источников. Автор верно отмечает один из главных просчетов своих предшественников и оппонентов: информация о русах, содержащаяся в арабо-персидских и византийских источниках IX – XII вв., обычно рассматривается суммарно, без выделения исторических периодов. Хотя этнокультурная карта Восточной Европы начала IX в. очень отличалась от следующих столетий.

Действительно, к 1990-м гг. археологами были выделены ареалы практически всех культурно-исторических общностей Восточной Европы VIII – IX вв. Самостоятельность и важную политическую роль Русского каганата Седов доказывает, развивая почти забытые идеи Д. И. Иловайского и Г. В. Вернадского о могучем западном противнике Хазарии, против которого был построен Саркел^[19]. Археолог отмечает такую черту государственности, как собственная монета, правильно отрицая развитие монетного дела в жившей транзитной торговлей Хазарии (что по нынешним временам уже немалая смелость). Широко используется ученым и информация о территории русов в восточных источниках и Баварском географе, которые однозначно локализуют русов начала IX в. западнее хазар и восточнее славянских племен Среднего Поднепровья.

Резкое разделение русов и славян в арабо-персидской географии Седов объясняет долгой изолированностью племен волынцевской культуры от остального славянского мира (волынцевская культура генетически связана со славянским населением Поволжья IV – VII вв.). Существование Русского каганата, объединявшего полян, северян, вятичей и донских славян при главенстве русов-волынцев, Седов датирует 830—860-ми гг. (начало государственности связано с освобождением от хазар, гибель – с подчинением им же, подтвержденным Начальной летописью).

Очевидно, что при всем антиформанизме В. В. Седов принимает разделение Восточной Европы VIII – начала IX в. на норманскую и хазарскую сферы влияния и по сути не является оппонентом неонорманистов. Версия Седова имеет существенные недостатки прежде всего в использовании археологического материала (с трактовкой письменных источников можно в целом согласиться). Во – первых, это явное несовпадение в датировке существования «русской» волынцевской культуры VIII – начала IX вв. и каганата с русами во главе (в начале IX в. происходит трансформация волынцевской культуры в роменскую, отождествляемую с летописными северянами). Кроме того, на территории каганата (если это славяне-волынцевцы), вступившего в борьбу с Хазарией, *отсутствуют* укрепленные поселения, что говорит как раз о *мирной* жизни. Неясен и путь в Поволжье носителей имениковской культуры, заимствовавших, по мнению Седова, этноним русь у иранцев Поднепровья. Не произвел археолог и сопоставления обряда захоронения руса у большинства арабских авторов (ингумация в «могиле наподобие большого дома») и волынцевской культуры (славянское трупосожжение). Все эти замечания не позволяют согласиться с В. В. Седовым в отождествлении Русского каганата и волынцевцев.

Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе в первой половине IX в.

по В. В. Серову: а – археологические ареалы славян, б – территория салтово-маяцкой культуры, в – ареал волжских болгар, г – муромы, д – морды, е – хазарские крепости, выстроенные византийскими мастерами в 830-х гг., ж – хазарские городища, на которых византийскими строителями в теже годы были воздвигнуты каменные форты и фикации, з – прочие крепости Хазарского каганата и места находок пяти – и семи лучевых височных колец (четвертой группы по Е. А. Шинакову), к – этнонимы «Баварского географа»

Но несомненно, за долгие годы это первый большой шаг навстречу решению проблемы, а значит – истине. Исследование Седова показывает, что имеющиеся в распоряжении современного историка сведения делают возможной аргументированную трактовку корпуса источников о Русском каганате начала IX в., определение его места в истории Восточной Европы раннего

Средневековья и связи с Киевской Русью. Прежде препятствием к решению этой проблемы служило сначала отсутствие археологических данных, а затем нежелание исследователей проделать, невзирая на уже сложившиеся концепции, обширную компаративную работу над памятниками археологии и письменности. В качестве причины можно также выделить неизбежно встающий при исследовании данной проблемы вопрос о народах, носящих имя «русов», и их локализации, который на современном этапе развития исторической мысли до конца не разрешен. Сейчас совершаются лишь первые попытки *локализации* русов с хаканом во главе, то есть определения их территории и этнической принадлежности путем сопоставления данных письменных источников и материальной культуры во всех важнейших аспектах.

Главное – что российская наука сейчас впервые имеет достаточно материала, чтобы раскрыть загадку Русского кагана – та, мучившую ученых уже триста лет. А значит, нанести на историческую карту первое русское государство.

Часть I

РУСЫ И ИХ СОСЕДИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Глава 1 «НАРОД НЕ ИЗВЕСТНЫЙ, НО ПОЛУЧИВШИЙ ИМЯ...»

Появление этнонима «русь» в Европе

Проблема происхождения этнонима «русь» – одна из самых сложных и запутанных. И во многом потому, что это название встречается в Средние века в самых разных областях Европы, обозначая явно не одно и то же. Русов знают и арабы, и персы, и франки, и византийцы. Когда впервые состоялось знакомство этих народов с русами – определить очень трудно. С одной стороны, во многих поздних сочинениях, когда уже широко была известна Киевская Русь, а потом и Московия, в рассказах о событиях IV – VIII вв. называются русы.

Византийский писатель XIV в. Никифор Григора упоминает русского князя, служившего при дворе императора Константина в начале IV в. Составленная в Московской Руси Степенная книга, излагая в форме генеалогий историю Руси от Рюрика до Ивана Грозного, рассказывает о битве римского императора Феодосия (379—395) с «русскими вои». Там же говорится о нападении русов на «Селунский град» (Салоники).

В VI в. в Причерноморье и на Кавказе восточные авторы начинают упоминать русов. Но делают это в основном авторы XI – XVI вв. Единственное современное сообщение – рассказ неизвестного сирийца, обычно именуемого Псевдо-Захарией, о народе рос в Северном Причерноморье, жившем по соседству с амазонками, песьеголовыми и другими фантастическими племенами. Подобное сообщение вызвало естественное недоверие ученых, многие из которых поспешили объявить росов Псевдо-Захарии ременисценцией упоминавшегося в Ветхом Завете термина «наси-рош» (в переводе с иврита «верховный глава»). Якобы в результате неточного перевода на греческий – «князь Рош» – возникло представление о мифическом народе росов, живущем на краю света.

В Западной Европе тоже имеются данные о русах до IX в. И опять-таки все они сохранились в более поздних источниках. Во французской поэме об Ожье Датчанине (XII – XIII вв.) упоминается русский граф Эрно. Он возглавлял русский отряд, который защищал столицу лангобардов Павию от войска Карла Великого в 773—774 гг. В Северной Италии русы занимали район Гарда близ Вероны. Таким образом, если это правда, некие русы находились в Италии в третьей четверти VIII столетия. Вторит поэме и «Песнь о Роланде» в записях XII – XIV вв. Там русы оказываются в числе противников франкского войска, а также упоминаются «русские плащи». Еще в одной французской поэме конца XII – начала XIII в. в числе приближенных Карла Великого назван русский граф. А в поэме «Сесн», датирующейся концом XII в., действует русский великан Фьерабрас, выступающий против Карла Великого на стороне Гитеклена-Видукинда Саксонского. Этому герою посвящена и одноименная поэма, где богатырь из Руссии оказывается царем Александрии и Вавилона, а также правителем Кельна и Руси. Попав в плен, он становится верным слугой Карла Великого.

Если бы все эти сообщения сохранились в рукописях, современных событиям, мы могли бы, даже не используя археологический материал или лингвистику, уверенно сказать, что этнос «рус» существовал еще в первых веках н. э. и был весьма активной политической силой на просторах от Северного Кавказа до Пиренейского полуострова. И уже исходя из этого, можно было бы ставить вопрос, один это был этнос или несколько и как они друг с другом соотносятся. Но, к сожалению, аутентичные (современные события) источники этого периода не сохранились. Поэтому использовать эти данные можно только после доказательства их подлинности, что далеко не всегда возможно. Например, объявить достоверным сообщение арабского историка XI в. ас-Са'алиби о русах на Кавказе можно только после того, как на основе археологии, нумизматики, эпиграфики, антропологии и других исторических дисциплин будет доказано присутствие этноса русов на Кавказе именно в VI в.

Поэтому не будем изначально вступать на столь зыбкую почву, а обратимся к записям о русах современников. Они, как правило, случайны и появлялись после встречи с незнакомым народом, отражая свежие впечатления. Древнейшие аутентичные упоминания содержат западноевропейские и византийские источники.

Послы кагана росов у франкского императора

Самое первое, но, к счастью, весьма пространное сообщение о русах сохранилось в так называемых Бертиńskих анналах. Оно как раз касается загадочного государства русов, во главе которого стоял хакан (каган). Жесткие споры о его интерпретации, ведущиеся уже почти три столетия, сполна описаны во введении к этому исследованию. Это не только древнейшее из ныне известных сообщений о русах. Впервые здесь сообщается о наличии у русов государства. Поэтому отнестись к записям анналов следует крайне внимательно и серьезно.

Во времена единой Франкской империи зародилась традиция вести при дворе государя своеобразную летопись, в ко – торой по годам отражались наиболее значимые события (отсюда и название от лат. annus – «год»). «Бертиńskими» эти анналы названы по месту находки рукописи в аббатстве Св. Бертина на севере Франции. Автор записей известен – это Пруденций, придворный капеллан сначала императора Людовика I (814—840), а затем, после его смерти и распада империи, – его сына, западнофранкского короля Карла Лысого (840—877). Это особенно ценно: Пруденций мог присутствовать при появлении русов.

В 839 г. к Людовику прибыло посольство византийского императора Феофила (829—842), который:

«прислал также ... некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Poc (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему (Феофилу. – Е.Г.), как они уверяли, ради дружбы. Он (Феофил. – Е.Г.) просил... чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться (на родину), так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав (цели) их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет. Об этом он незамедлил ... сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помочь им; если же нет, то с нашими послами отправят их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить»^[20].

Эта случайная запись сама по себе дает столько информации, как никакой другой источник IX столетия. Во – первых, это единственный случай подобного написания этнонима «рос» в западных средневековых источниках. Другие документы того времени знают на просторах Европы Ruzzi, Rizara, Rusci, Ruteni. Откуда взялись эти названия – выясним позднее. Здесь же явно зафиксировано самоназвание народа, с которым франкам встречаться раньше не приходилось. Значит, политическое образование, которое возглавлял хакан русов, находи – лось настолько далеко от Франкской империи, что и торговых связей с ним не было.

Главу русов, «именуемого хаканом», летописец империи величает королем. А в Западной Европе, где всегда придавали большое значение генеalogиям и титулам, «разбрасываться» такими словами, как король, было не принято. Многих весьма уважаемых государей называли князьями. Из этого

следует, что неизвестное доселе государство русов после переговоров показалось франкам настолько значительным, что сразу удостоилось названия королевства.

Титул кагана свидетельствует о южной, степной локализации росов Бертиńskих анналов. Именно в степи этот титул приравнивался к императорскому и символизировал не только независимость, но и притязания на первенство в регионе. Из известных франкам народов только один употреблял этот титул – авары. Из степных народов в Центральную Европу к тому времени проникли еще болгары, но их правители назывались ханами, а не хаканами, что на порядок ниже. Следовательно, скорее всего, росы с хаканом во главе обитали где – то в степях Восточной Европы.

Государство росов не могло находиться на севере Европы – об этом свидетельствует сам текст. Земли, располагавшиеся к северу от империи, а именно в Прибалтике, были хорошо или сносно знакомы франкам, так как входили в сферу их политических и торговых интересов. Побережье Балтийского моря, куда сходились важнейшие торговые артерии Средневековья, всегда было лакомым куском, и не одно столетие за него велась жестокая борьба. Недаром балтийские славяне, под контролем которых долго было южное побережье, ссылали во второй половине I тысячелетия н. э. куда более воинственными, чем викинги.

Направлять свою мысль на север Европы ученых заставляет упоминание в источнике народа свеонов, которых обычно путают со свевами – шведами. Действительно, уже в IX – X вв. шведов часто называли свеонами.

Однако свеоны, свионы (Svioni, Sueni) были известны во времена римского историка Тацита (II в. н. э.) как небольшое островное балтийское племя. Тацит сообщает о них, что «общины свионов обитают среди самого Океана (Балтийского моря. – *Сост.*)» и отличает их от свевов («шведов»), живших тогда на северо-востоке Германии. Но это племя, этническая принадлежность которого до сей поры неизвестна, быстро исчезло, растворившись в других народах. И к концу I тысячелетия н. э. свеонами в западных источниках называли все население побережья Балтийского моря. Как ясно указано в анналах, никакого отношения к русам свеоны не имели. И если русы не воспринимались Людовиком как враги, конкуренты или объект политического внимания, то о свеонах этого сказать нельзя. Они хорошо были известны франкам, и где-то их политические интересы сталкивались (иначе им нечего было бы разведывать во франкской столице).

Таким образом, если не отклоняться от текста капеллана, ситуацию можно пересказать следующим образом. Хакан росов около 838—839 гг. отправил посольство в Византию с целью переговоров о сотрудничестве. Вернуться домой обычным путем послы уже не могли, поскольку этот путь был перекрыт «свирепыми народами». Учитывая предположительно степное расположение Русского каганата, эти племена были кочевыми. Скорее всего, именно о помощи против кочевников хотели договориться послы с Феофилом. Вряд ли переговоры с византийцами завершились для русов успешно – иначе в тексте было сообщено о союзе Византии с русами, а не сквозило бы недоверие: «*как они уверяли, ради дружбы*». Между тем в традициях византийской дипломатии император позаботился о безопасности послов, значит, исход схватки хакана русов с кочевниками еще не был решен. В ходе знакомства с послами неизвестного государства Людовик выяснил, что кто-то из них происходил с побережья Балтийского моря (вряд ли все посольство). В Средние века обычным делом была служба при дворе стран, связанных политическим или торговым союзом. Из этого можно сделать вывод, что Русский каганат имел какие-то контакты (и весьма тесные) с Прибалтикой, хотя и находился далеко от нее. Людовик не имел возможности сразу определить, являлись ли свеоны официальными представителями росского кагана, или они действительно сочинили такую легенду, чтобы проникнуть в святая святых враждебного государства. Чтобы узнать, истина рассказ послов или ложь, нужно было связаться с Русским каганатом, в ожидании чего послы и были задержаны.

Хотя продолжение истории неизвестно, и имеющиеся данные немало сообщают о народе *ros*.

Бертиńskие анналы не единственный западноевропейский памятник, в котором есть информация о каганате. С ними обычно связывают послание франкского императора и итальянского короля Людовика II (844—875) к опять-таки византийскому василевсу Василию I (867—886). Письмо было отправлено в 871 г. и дошло до наших дней в составе Салернской хроники X в. Споря с византийским императором о титулах правителей, Людовик II пишет: «Хаганом (Chaganus) мы называем государя авар, а не хазар или северных людей (Nortmanni)». Вполне понятно, что Людовик не знал о других хаганах, кроме аварского: Аварский каганат был разгромлен его прадедом Карлом Великим на рубеже VIII – IX вв. Жаль, что неизвестно содержание письма Василия, на которое отвечал франкский император. Вполне вероятно, что там был указан точный этноним «норманнов». И надо помнить, что «норманнами» средневековые авторы называли не

конкретный этнос и даже не скандинавов, как принято думать сейчас. В переводе с латинского это просто «северные люди», жители областей, расположенных севернее, чем страна автора источника (в данном случае Италия). Со временем Великого переселения народов в Европе известно четыре каганата: Западный Тюркский, Аварский, Хазарский и Русский. Тюркский каганат, исчезнув за три столетия до написания документа, так и остался неизвестен франкам. Поэтому правомерно предположить, что «северные люди» – это русы. Из этого послания можно сделать два вывода: во-первых, русы с хаканом во главе до сих пор не стали хорошо известны в бывшей Франкской империи, а во-вторых, в Византии о них еще помнили. Существовал ли Русский каганат в 871 г. – сказать нельзя (каган авар упоминается как существующий титул, хотя уже почти столетие, как этот каганат был уничтожен).

Таким образом, из франкских хроник известно, что в начале IX в. (а может, и позже) где – то в степях Восточной Европы находилось весьма влиятельное в регионе образование, именовавшееся «Русский каганат» и имевшее контакты с Византией и побережьем Балтийского моря.

Славяне и русы в Баварском географе

Другие древнейшие упоминания этнонима «русь» в латинских источниках Средних веков относятся к немецкой традиции. Связаны ли они с Русским каганатом Берлинских анналов или с Киевской Русью?

Самым загадочным памятником считается так называемый Баварский географ. Сохранился он в единственном экземпляре – в виде приписки на обороте последней страницы трактата Бозция о геометрии, и судьба его в науке не была простой. Русским ученым он был известен давно, еще со времен «первого русского историографа» (а по сути, первого придворного историка) Н. М. Карамзина. Долгое время рукопись ошибочно датировалась XI – XII вв., и даже место ее создания было определено неправильно: считалось, что это монастырь Св. Эммерама в Регенсбурге или кафедра архиепископа в Зальцбурге. Только в середине XX столетия было доказано, что запись была сделана в монастыре Райхенау, располагавшемся в верховьях Рейна. Таким образом, географ получается не «Баварский», а «Швабский», а создан был, как выяснилось тогда же, не в XI – XII, а во второй половине IX в. (именно так по палеографическим признакам была датирована рукопись). Но неверное имя закрепилось в научных кругах, и до сих пор употребляется термин «Баварский».

Тем более что в рукописи у этого маленьского, но полного тайн текста совсем другое название – «Описание городов и областей к северу от Дуная». Это краткое перечисление более чем пятидесяти племен Центральной и Восточной Европы, большей частью славянских. При этом часто сообщается, сколько у того или иного народа было «городов». Судя по огромному количеству оных (как правило, от 100 до 300), можно предположить, что речь шла не о городах в привычном понимании, то есть центрах ремесла, торговли и политической жизни, а просто об укреплениях. В этом ничего необычного нет: в русских летописях в понятие «город» вкладывался такой же смысл. Странность географа в другом: до сих пор ученые не всегда могут достоверно определить, о каких народах говорит неизвестный автор.

Часто при публикации этого источника в работах о происхождении Руси цитируется только отрывок, где упоминаются Ruzzi. Но в другом месте Баварского географа находится целый ряд этнонимов, в которых есть корень *roz* (в древневерхненемецком звучало «рос»). Исследователи разделяют географ на две части. В первой описаны народы, хорошо известные по другим источникам и жившие по Эльбе и Дунаю до Сремской области, то есть по славяно-германскому водоразделу. Во второй части, как считается, описана Восточная Европа. Как раз там и сконцентрированы всевозможные руссы и росы, а также неизвестные народы явно славянского происхождения. Структура этой части не разгадана до сих пор. Приведем вторую часть таинственного сочинения более полно, благо, оно очень небольшое:

«*Остерабрецы (восточные ободриты? – Е.Г.), 100 (городов). Малоксы, 67. Пешнучы, 70. Тадеши, 200. Бушаны, 231. Шиттицы – области, изобилующие народами и весьма укрепленными градами ... Штадицы – (область), в которой 516 городов и бесчисленный народ. Шеббировы имеют 90 городов. Унлицы – многочисленный народ, 318 городов. Нериваны имеют 78 городов. Атторосы имеют 148 городов, народ свирепейший. Эттарадицы имеют 263 города. Виллеросы имеют 180 городов. Сабросы имеют 212 городов. Снеталицы имеют 74 города. Атурецаны имеют 104 города. Хосиросы имеют 250 городов. Лендицы имеют 98 городов. Тафнецы имеют 257 городов. Сериваны – это королевство столь велико, что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, свое начало. Прашаны (жители Западного Поморья, где известен был город*

Pirissa? Brizani «Славянской хроники» Гельмольда? – Е.Г.) – 70 городов. Велунцаны (от названия славянского г. Волин на южном берегу Балтики? Летописные волыняне? – Е.Г.), 70 городов. Брусы (прусы, обитавшие от Нижней Вислы до Немана. – Е.Г.) – во всех направлениях большие, чем от Энса до Рейна. Висунбейры. Кациры (Caziri), 100 городов. Руссы (Ruzzi). Форшдеренлууды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане. Унгаре. Вишляне (славяне верховье Вислы с центром в позднейшем Кракове. – Е.Г.). Шленцане, 15 городов. Лунишицы, 30 городов. Дазошешаны, 20 городов. Мильцане, 30 городов. Бешунцане...

Свевы не рождены, а поселяны. Бейры зовутся не баварами, а бойарами, от реки Боя»^[21].

Прежде чем разобраться, о каких русах и росах идет речь, нужно ответить на другой вопрос: зачем и когда был составлен этот странный памятник? Ясно, что для купцов, миссионеров, послов Баварский географ был совершенно бесполезен. Ориентироваться по нему нельзя: нет расстояний между землями, даже не указаны направления по сторонам света. Редкие комментарии носят скорее ученый, кабинетный характер. Записка создавалась не для практического применения. Это даже нельзя назвать законченным произведением: фразы похожи на обрывки, в конце – не связанный с предыдущим текстом комментарий. Напрашивается вывод, что Баварский географ – это краткий план или конспект материалов к неизвестному, возможно, так и не написанному сочинению, которое должно было называться «Описание городов и областей к северу от Дуная»... Такое предположение доказывает и местонахождение географа на чистой странице трактата Боэция, и торопливый, неаккуратный почерк автора.

Но, видимо, этот план уже был приведен в систему, как в первой части, так и во второй. В этом нетрудно убедиться, попытавшись наложить данные географа на карту. Из большого списка нам относительно известно место жительства всего не – скольких племен. Ободриты (бодричи) – это славянский племенной союз, занимавший земли по берегу Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, по рекам Одер, Травна и Варна. Далее по списку это глопяне – племя балтийских славян на территории Великой Польши и Куявии. Следующий этноним – Busani – соответствует бужанам Повести временных лет, которые проживали по обоим берегам Западного Буга и верховьям Припяти. Далее после неизвестных народов, в том числе и шеббировсов, упоминаются Unlizi. Многие поддаются соблазну отождествить этот народ с уличами Повести временных лет. Но уличи во времена Баварского географа жили на Нижнем Днепре. Тогда едва наметившаяся географическая логика текста пропадает – происходит огромный и необъяснимый скачок на юго-восток. Более верно предположить, что это один из вариантов написания этнонима «лучане», широко распространенного среди славян (одни лучане известны в районе Луцка на Волыни, другие – в Чехии). В этом случае мы не уходим с торгового пути по Западному Бугу и Висле, ведущего к Балтийскому морю, и оказываемся на просторах между Бугом и Неманом. Здесь обнаруживается скопление всяческих «росов»: атторосы, виллеросы, сабросы, хосироны, «разреженное» другими неведомыми племенами. Сразу после хосироносов – Lendizi, которые давно и уверенно отождествлены с лендинцами – славянским племенем, обитавшим восточнее Западного Буга. Следующий известный этноним – пруссы. Это одно из немногих названий, объяснение которого сомнений не вызывает. Локализация этого лягушоловского племени в Средние века хорошо известна: междуречье Вислы и Немана на берегу Балтийского моря. Логика в записке, как видно, все еще присутствует. И по этой логике, *росы обитали тоже в этом междуречье, только не на самом берегу, а чуть южнее по течению*.

Дальше система изложения, на первый взгляд, ускользает. Автор называет каких-то висунбейров, или, по другому прочтению, виссов и бейров. О племени Wizzi кое-что известно. Не будем сейчас выяснять его этническую принадлежность (об этом еще будет разговор). Главное, что такой народ знает и автор конца XI в. Адам Бременский, который сообщает, что проживали Wizzi в Восточной Прибалтике. И после этого поморского цикла вдруг речь заходит о хазарах и русах, а также неких Forsderen liudi (по мнению ученых, от немецкого forist – «лес», то есть лесные люди), Fresiti (возможно, «свободные жители»), шеравицы и луколане.

Определить, что за местность описана в этом отрывке, не – возможно. Ясно, что путь либо начинается с юго-востока Европы (от хазар), либо это просто путаное перечисление народов совершенно незнакомого региона, попавшее к автору записи через десятые руки. Второе предположение представляется более вероятным. В Германии IX в., как мы уже отмечали, Юго-Восточную Европу практически не знали, ибо не было ни торговых, ни политических контактов. Поэтому о русах Баварского географа нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они во второй половине IX в. обитали где – то в Восточной Европе, не исключено, что рядом с хазарами. Были ли это руссы из Русского каганата Берлинских анналов, или какое-то другое племя, –

неизвестно.

Но несмотря на туманность, Баварский географ сообщил интереснейшую вещь: одни русы (росы) в его время находились на юго-востоке Прибалтики, а другие – в глубине Восточной Европы.

На этом, собственно, древнейшие упоминания IX в. о русах (именно о русах, а не ругах, рогах, рутенах и других похожих этнонаимах) заканчиваются. Германисту А. В. Назаренко удалось присоединить к этому ряду упоминание некоей Русской марки (*Ruzaramarcha*) на территории современной Австрии в одной из грамот короля Людовика Немецкого от 863 г. Ученый сумел доказать, что первая часть слова представляет со – бой древневерхненемецкое *Ruzari* – один из вариантов имени «русь» в этом языке. Оказывается, модель, оканчивающаяся на – *ari*, часто встречалась в этнонаимах: *Becheimari* – «чех», *Marhari* – «датчанин» и т. д. [22]. Таким образом получается, что в середине IX в. в Австрийском Подунавье жили еще какие-то русы. Причем нельзя сказать, что зафиксированный в грамоте анклав был многочисленным: если в названии поселения звучит этноним, то значит, окружающие земли заняты другими народами. Русы явно не составляли большинство населения той территории.

Существуют разные мнения о происхождении дунайских русов. Наиболее интересная и аргументированная точка зрения такова. В V в. н. э. как раз на этих землях, к северу от Дуная между современными Энсом и Веной, в течение по меньшей мере 30 лет существовало королевство Ругиланд. Его населяло племя ругов, этническая принадлежность которого до сих пор неизвестна (либо восточногерманское, либо иллировенедское). В 480-е гг. государство ругов было разгромлено талантливым полководцем той эпохи Одоакром (по некоторым источникам, тоже ругом). В VI в. Ругиланд часто упоминается в лангобардских хрониках. Читающей Европе это название было широко известно по популярному в Средневековье Житию святого Северина, написанному в VII в. На время руги исчезают из источников, а в X в. вдруг появляются в западных сочинениях, но не на Дунае, а в Киевской Руси (княгиню Ольгу называют «королевой ругов»). Поэтому есть мнение, что Русская марка на Дунае, как и многие топонимы той местности с корнем *rus*, оставили потомки ругов, уже смешавшиеся со славянами. Так ли это – увидим позднее, а пока важно, что в Западной Европе IX столетия были известны разные русы, одни из которых жили в Прибалтике, другие – в степях Восточной Европы, а третьи, видимо немногочисленные, – на Среднем Дунае.

Встречи с Византией

Значительно чаще упоминают русов византийские авторы. Это неудивительно: по крайней мере с русами Восточной Европы был знаком еще император Феофил, с чьими послами прибыли во франкскую столицу послы хакана русов. А в переписке двух императоров именно византиец Василий знает о Русском каганате.

В начале IX в. русские войска атаковали византийские порты на побережье Черного моря – Амастриду в Малой Азии и Сугдею в Крыму (в древнерусской традиции Сурож). Об обоих событиях остались подробные рассказы в житиях местных святых – Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Житие Георгия Амастридского было написано между 820 и 842 г. известным византийским сочинителем, впоследствии Никейским митрополитом Игнатием. Известно оно по единственной греческой рукописи. Георгий (ок. 760 – ок. 806) был архиепископом Амастридским. При нем Амастридская епископия была выведена из состава Пафлагонской епархии и возведена в степень архиепископии. Кроме того, он был жестким противником иконоборчества. В результате он был канонизирован, а еще до этого, как и полагается святому, после кончины стал творить чудеса. Среди чудес было и такое:

«То, что следует далее, и еще более удивительно. Было нашестье варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды (пролив Босфор. – Е.Г.) и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но против у всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их нечестивые алтари, без законные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не

было никого помогающего, никого готового противостоять. Лугам, источникам, деревьям воздается поклонение. Верховный промысл допускает это, может быть, для того, чтобы умножилось беззаконие, что, как мы знаем из Писания, много раз испытал Израиль.

Пастырь добрый не был на лицо телом, а духом был с Богами, внепостижимых судах его читая, как посвященный, лицом к лицу, медлил заступлением и откладывал помощь. Но наконец он невозмог презреть, и вот он и здесь чудодействует неменьше, чем в других случаях. Когда варвары вошли в храм и увидели гробницу, они вообразили, что тут сокровище, как и действительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдруг почувствовали себя расслабленными в руках, расслабленными в ногах и, связанные невидимыми узами, оставаясь совершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивления и страха и ничего другого не имея силы сделать, как только издавать звуки голоса»^[23].

Стены Царьграда-Константинополя (совр. Стамбул)

Данное происшествие могло случиться между 806 и 830-ми гг. – после кончины святого, но минимум за несколько лет до написания жития (иначе Игнатий обязательно указал бы на то, что событие произошло недавно). Первое, что бросается в глаза, – слова «руси, народа, как все знают». То есть в это время русы уже прославились в Причерноморье, причем, очевидно, не с лучшей для византийцев стороны. Вид – на в источнике и византийская традиция связывать мистическим образом этоним *рос* с якобы упоминаемым в Ветхом Завете «князем Рош» (в действительности в Библии никакой Рош не упоминается, неточный перевод на греческий древнееврейского титула наси-рош – *верховный глава* – породил «архонта Рош»).

В житии приводится и важная этнографическая особенность – «древнее таврическое избиение иностранцев». Именно по ней можно предположить, откуда пришли росы в Амастриду. Дело в том, что этот ритуал известен еще у древнего арийского населения Крыма – тавров. Античные авторы писали о нетерпимости тавров к иностранцам и об обычай приносить гостей в жертву богам (*ксеноктония*). Видно, что Игнatiю русы представляются прямыми потомками тавров, сохраняющими их древние традиции. Интересно, что подобный обычай независимо от византийцев отмечают у русов арабо-персидские авторы Средневековья (об этом в следующих главах). Да и для греческих писателей X – XII вв. (Льва Диакона, Константина Манассии) русы – это тавроскифы, то есть потомки ираноязычных кочевников Причерноморья и тавров. Не исключено, что остатки тавров действительно смешались с русами, передав им что-то из своих традиций. То есть Игнатий фактически «поселяет» росов в степях Причерноморья и Крыму.

Подтверждает его слова другое сохранившееся упоминание о росах, практически одновременное по описанным событиям. Житие Стефана Сурожского – это сочинение неизвестного византийского автора, имеющееся как на греческом языке, так и в древнерусском переводе (список XV в.). О жизни самого святого известно очень мало. Стефан (начало VIII – конец VIII в.) приехал в Сурож при императорах Льве Исавре или Константине Копрониме для проповеди и поддержки христианства (тогда Сугдея находилась под властью Хазарии). При нем в Суроже была основана епископская кафедра; он и стал первым архиепископом города. Прославился он и как иконопочитатель, противник иконоборца Константина Копронима, укрывавший в Суроже гонимых монахов. В Византии житие популярностью не пользовалось, потому в греческих рукописях сохранилась только краткая редакция жития, где самое интересное – поход русов на Сурож – отсутствует. Он есть только в русском переводе, но исследователь жития В. Г. Васильевский установил, что упоминание о русах было и в греческом тексте, а составление источника датируется первой половиной IX в.

Русский переводчик жития, конечно, что – то изменил в оригинале, но это касается только географических названий:

«По смерти святого (Стефана. – Е.Г.) минуло мало лет. Пришла рать великая русская из Новгорода, князь Бравлин весьма силен и, попленив от Корсуня до Корчева, со многою силою пришел к Сурожу. Десять дней продолжалась злая битва, и через десять дней Бравлин, силою взломав железные ворота, вошел в город и, взяв меч свой, подошел к церкви Святой Софии. И разбив двери, он вошел туда, где находится гроб святого. А на гробе царское одеяло и жемчуг, и золото, и камень драгоценный, и лампады золотые, и сосудов золотых много. Все было погреблено. И в тот час разболелся Бравлин, обратилось лицо его наизад, и, лежа, он истокал пену. И сказал

боярам своим: „Верните все, что взяли“. Они же возвратили все и хотели взять от туда князя. Князь же возопил: „Неделайте этого, пусть останусь лежать, ибо хочет меня изломать один старый святой муж, притиснул меня, и душа изойти из меня хочет“... И не вставал с места князь, пока не сказал боярам: „Возвратите все, сколько пограбили, священные сосуды церковные в Корсунии Корчеве, и везде, и принесите сюда все и положите к гробу Стефана“.

И затем устрашающе говорит святой Стефан князю: «Если не крестишься в моей церкви, не уйдешь от сюда и невозвратишься домой». И возопил князь: «Пусть придут попы и окрестят меня. Если встану и лицо мое вновь обратится, то крецусь». И пришли попы и архиепископ Филарет, и сотворили молитву над князем, и крестили во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И снова обратилось лицо его вперед. Крестились же с ними все его бояре. Но еще шея его болела. И сказали попы князю: «Обещай Богу, что всех мужей, жен и детей, плененных от Корсуни до Корчева, ты велишь освободить и вернуть назад». Тогда князь повелел отпустить всех пленников восвояси. И в течение недели не выходил он из церкви, пока не дал великий дар святому Стефану. И отошел, почти в город, людей и попов. И, услышав об этом, другие ратники опасались совершать нападения, а если кто и совершал таковые, то уходил посрамленным».

Этот источник, наряду с Бертинскими анналами и письмом Людовика, долгое время считался «находкой для норманистов»: вроде бы упоминание Новгорода прекрасно «накладывается» на призвание варягов в Повести временных лет, и осаждавшие Сурож росы – это варяги-скандинавы. Нет смысла сейчас комментировать варяжскую проблему, уже давно решенную не в пользу норманизма. Рать великая русская не могла прийти из Новгорода Великого просто потому, что, во – первых, такого города в первой половине IX в. не существовало, а во – вторых, путь из варяг в греки тогда еще не был известен (он начал функционировать лишь в конце IX столетия). «Новгород» здесь – буквальный перевод греческого Neapoliz, стоявшего в оригинале. Соответственно, этот «Новгород» не может быть отождествлен с Новгородом Великим. Вероятнее всего, это известный по источникам Неаполь Скифский, находившийся около современного Симферополя. И русы Жития Стефана – это те же жители Северного Причерноморья, о которых говорилось и в рассказе об Амастиде.

Продолжает историю взаимоотношений русов и Византии константинопольский патриарх Фотий. Его свидетельства о походе русов на Царьград в 860 г. широко известны, практически хрестоматийны. Их использовал еще один из авторов Повести временных лет, приписав знаменитое нападение киевским правителям Аскольду и Дику. Но русы Фотия к Киевской Руси отношения не имеют.

Миниатюра Радзивилловской летописи. Греки подносят дары русскому князю

Константинопольскому патриарху Фотию (ок. 810 – после 886) принадлежит несколько сочинений, в которых упоминается народ *рос*. Фотий (назложен в 867 г.) стал непосредственным свидетелем нападения русов на Константинополь в 860 г. Выдающийся литератор, полемист и канонист, Фотий оставил две речи-беседы («*гомилии*»), которым позже было дано название «На нашествие росов». Через семь лет Фотий написал «Окружное послание» к «восточным патриархам», где снова упомянул нападение 860 г., однако росы уже называются «подданными и друзьями», а также упоминается о *крецении этого народа*. «Беседы» и «Окружное послание» особенно любопытны при сравнении между собой.

«Беседа первая.

(...) Я вижу, как народ грубый и жестокий окружает город, расхищает городские предместья, все истребляет, все губит – нивы, пастбища, стада, женищин, детей, старцев, юношей, – всех поражает мечом, никого не жалея, никого нещадя. Всеобщая гибель! Он, как саранча на жатву и как плесень на виноград... или наводнение, или не знаю, что назвать, напал на нашу страну и истребил целое поколение жителей (...)

Где теперь наш царь христолюбивый (император Михаил III, правивший тогда, в 860 г. воевал с арабами. – Е.Г.)? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы, припасы? Не других ли варваров нашествие удалило и привлекло к себе все это? Царь переносит продолжительные труды за пределами, вместе с ним отправилось переносить труды и войско, а нас изнуряет очевидная

гибель и смерть, одних уже постигшая, а к другим приближающаяся. Этот скифский, и грубый, и варварский народ, как бы выползши из самых предместий города, подобно полевому зверю, истребляет окрестности его.

Беседа вторая.

(...) Народ неименитый, народ несчитаемый (ни за что), народ, поставляемый наравне с рабами, неизвестный, но получивший имя (то есть ставший знаменитым. – Е.Г.) со временем и похода на нас, незначительный, но получивший значение, униженный и бедный, но достигший блестательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, без военного искусства, так грозно и так быстро нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву (...) [\[24\]](#)».

Из «Окружного послания»

«(...) И не только этот народ (дунайские болгары, принявшие крещение в начале 860-х гг. – Е.Г.) променял первое нечестие на веру в Христа, но даже многими многократно прославленные и в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой русы, которые, поработив находящихся кругом себя и от сюда помышлив о себе высокое, подняли руки и против Ромейской державы, – в настоящее время даже и сии променяли эллинское и нечестивое учение („эллин“ в греческой богословской традиции значит „язычник“. – Е.Г.), которое содержали прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей наших, вместо грабления на си великой противна с дерзости, которую имели незадолго. И до такой степени в них разыгралось желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобызают верования христиан с великим усердием и ревностью».

Эти два произведения, созданные одним человеком, кажется, противоречат друг другу, но при тщательном анализе и сравнении с другими византийскими источниками они дают немало информации о таинственном «варварском» народе.

Скифами по античной традиции (со времен Геродота и реальных скифов) в византийской литературе называли племена, жившие в степях Причерноморья и в Крыму. Этническую принадлежность по этим словам определить нельзя. Ученые Древнего мира и раннего Средневековья называли все население какого-либо региона по имени господствующего этноса или народа, с которым больше всего приходилось контактировать. А наука того времени была крайне консервативна, за истину принимался текст, написанный пятьсот, а то и тысячу лет назад, который не исправлялся, а лишь дополнялся современными сведениями. С середины I тысячелетия до н. э. Северное Причерноморье, степи Подонья и Приднепровья назывались Скифией. Поэтому характеристика русов как «скифов» говорит об их обитании в этих местах. Вторая «беседа» дополняет характеристику словами о кочевом укладе русов.

Очевидно, что сообщение Фотия о месте обитания русов и их образе жизни прекрасно согласуется с житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, помешавшими этот народ в Северном Причерноморье и Крыму.

Но в 860 г. Фотий утверждал, что русы ранее были *неизвестны* Византии. А в «Окружном послании» (867 г.) русы уже представлены как хорошо знакомый византийцам народ. Конечно, можно предположить, что в Константинополе вообще не слышали до 860 г. о русах, а проишествия начала века в отдаленных Сугдее и Амасриде остались для столицы незамеченными. Однако Фотий об абсолютной неизвестности не говорит, просто до похода, по его словам, русы были «народом неименитым... несчитаемым ни за что... поставляемым наравне с рабами». Это уже свидетельствует о знакомстве с русами до нападения на Константинополь. Уничтожительная характеристика может быть конечно отнесена на счет жанра произведений Фотия. Главной задачей патриарха было показать внезапность и неотвратимость нашествия, причиной которого был гнев Божий на Царьград (ничтожные русы выступали как карающее орудие), и Божью милость, которая единственная могла спасти город. Но, возможно, фраза о рабах имела реальную основу: Византия славилась невольничими рынками, и туда могли привозить на продажу русов, плененных врагами далеко от границ империи.

То есть как политическая сила, способная *потревожить Византию*, русы выступили впервые. Почему Фотий не упоминает о посольстве русов 838—839 гг., описанном в Берлинских анналах?

Ведь русы с хаканом во главе должны были обитать где-то в тех же краях, что и нападавшие на Константинополь. Ответить на этот вопрос на основании только западных письменных источников невозможно. Но пока отметим, что дипломатическая переписка и придворная хроника, с одной стороны, и эсхатологические «беседы» – с другой – совершенно разные жанры с непохожими задачами. Если хрониками германских императоров мог пользоваться только очень ограниченный круг лиц, то пропагандистские послания Фотия были рассчитаны на широкие массы образованного городского населения, которому совершенно не обязательно было знать об интересах империи в Северном Причерноморье и способах их реализации.

«Окружное послание» знаменательно не только тем, что русы за семь лет стали вдруг «многократно прославленными» (это вполне понятно, так как нападение вызвало широкий резонанс). В нем сообщается и об обращении русов в христианскую веру. Причем, если один из киевских летописцев знал о походе русов на Константинополь, не только приписав его Аскольду и Диру, но и объявив, что с этих пор «стала прозываться Русская земля», то о крещении в Древней Руси известно не было. Если бы речь шла о киевских русах, то об этом событии сохранилась бы память и оно должно было отразиться в христианской традиции Повести временных лет, став предметом гордости. Но этого нет. Повесть временных лет молчит о принятии христианства, между тем как в Византии об этом знает не только Фотий, но и император середины X в. Константин Багрянородный, и писавший чуть позже продолжатель Хроники Феофана, и автор XI в. Георгий Кедрин. Иные ученые, не желая признавать существования других русов, кроме киевских, объявляют, что крещение приняла какая – то разбойничья дружины то ли славян, то ли викингов. Но византийцы в один голос говорят не об отряде, а о народе.

Фотий пишет о крещении русов как о большом дипломатическом успехе. Ведь принявших христианство по византийскому образцу в Константинополе воспринимали как *подданных и союзников*. Политическое значение могло иметь обращение какой – то земли, народа, а не шайки разбойников. Фотий проводит аналогии между крещением русов и Дунайской Болгарии, ставя эти события в один ряд. А с болгарами у Византии были весьма сложные отношения, и их крещение действительно было большой победой греческой дипломатии.

Кроме того, исходя из сведений о епископе, очевидно, что в «Окружном послании» речь идет о крещении не дружины воинов, а племени, населяющем определенную территорию. Константин Багрянородный, относя события к патриаршеству Игнатия (867—877)^[25], добавляет, что епископ прибыл в столицу русов (название император не упоминает):

«И народ росов, воинственный и безбожный, посредством щедрых раздач золота, серебра и шелковых одежд, он (император Василий I Македонянин, правивший в 867—886 гг. – Е.Г.) привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил их сделаться участниками спасительного крещения и расположил принять архиепископа... Он (архиепископ. – Е.Г.), прибыв в страну названного народа, был принят ими благосклонно по следующему поводу. Князь (в оригинале – „архонт“, правитель. – Е.Г.) этого племени, собрав собрание подданных и председательствуя сокружающими его старцами... приглашает... архиерея и спрашивает, что он намерен им возвестить и чему их научить. Архиерей предложил им Евангелие и рассказал о некоторых чудесах Нового и Ветхого Завета. Росы заявили, что они не поверят ему, если не увидят сами что-нибудь подобное... Помня слова Христа о просящих во имя Его, архиепископ ответил: „Хотя и недолжно искушать Бога, однако, если вы от всего сердца решите приступить к Нему, просите, чего хотите, и Бог непременно сделает это по вере вашей, хотя мы грешны и ничтожны“. Варвары потребовали, чтобы было брошено в огонь Евангелие. Помолившись, архиепископ сделал это. И по прошествии достаточного времени Евангелие было вынуто из потухшей печи и оказалось неповрежденным. Увидев это, варвары, пораженные величием чуда, без колебаний начали креститься»^[26].

Этот рассказ повторяется многими византийскими писателями XI – XII вв., а в XVI в. с ним познакомились и московские книжники, которые срочно включили его в летописи и хронографы, приписав крещение Аскольду (так повествует Хронограф западнорусской редакции 1512 г. и Никоноровская летопись). В сообщении Константина важно то, что архиепископ отправился в страну русов и вел переговоры с их правителем.

Где находилась эта страна – очень определенно говорит автор XI в. Георгий Кедрин, используя материалы предшественников (во времена самого Кедрина Киевская Русь уже затмила остальные):

«Народ скифский, около Северного Тавра обитающий, лютый и свирепый... испытавшие гнев Божий (после нападения на Константинополь. – Е.Г.), в страну свою возвратился. Потом прислав в Царьград посольство, просили сподобить их святого крещения, которое и получили»^[27].

А в 879 г. в перечислении епархий Константинопольского патриаршества впервые упоминается Росская, которая, видимо, находилась в городе Россия в Восточном Крыму. Известно, что просуществовала она до XII в. [\[28\]](#).

Направление поиска

Византийские источники первых трех третей IX столетия определенно указывают на Северное Причерноморье и Крым как на место обитания русов. Также важно, что ни один византиец не указывает на родство русов со славянами. Напротив, этот этнос назван кочевым, что противоречит славянскому земледельческому укладу. Но контакты этого народа с центром империи не были постоянными. Русы в связи с отдаленностью не представляли для Византии большой угрозы или особого стратегического интереса. Поэтому и описания источников весьма скучны. Единственная этнографическая особенность, которая известна по греческим сочинениям, – это «древнее таврическое избиение иностранцев» (ксеноктония) в Житии Георгия Амастридского. К сожалению, этого совершенно недостаточно, чтобы делать выводы о происхождении этноса.

Свидетельства западноевропейских хроник еще более кратки и спорадичны. В средневековой Европе были известны несколько видов русов – в Прибалтике, на Дунае и в степях Восточной Европы. Только у последних, вероятнее всего, было государство, названное в Берлинских анналах Русским каганатом. Особенно любопытно, что предварительная локализация каганата и росов греческих источников весьма близка – та же степная полоса юга Восточной Европы. Прояснить ситуацию могут восточные источники, знавшие и русов с хаканом во главе, и русский обычай ксеноктонии.

Глава 2 ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Если западноевропейские сведения о Русском каганате носят фрагментарный, случайный характер, то арабо-персидские источники Средневековья, напротив, предоставляют уникальные данные не только о русах, но и соседствовавших с ними этносах и государствах. Здесь и координаты территории, и описание этнографических особенностей – обряда погребения, внешнего вида, способа хозяйствования, и перечисление основных городов. Из восточных источников известно и о русах с хаканом во главе, и о трех центрах Руси – Славийи, Куйабе и Арсе. Наиболее полные сведения о племенах под названием «рус» IX в., как и о других народах Восточной Европы того времени, содержатся в памятниках географической литературы, к которой в данном случае можно присоединить и труды комплексного содержания, своеобразные энциклопедии, которые появились в Арабском халифате уже в IX в.

Слово о восточной географической науке

Географические труды в халифате составлялись на основе принципов, разработанных античными учеными (представления об окружающем ойкумену Океане, деление обитаемой части земли на широтные зоны – климаты). Практически вся географическая литература Арабского халифата со временем возникновения (первая половина IX в.) «вышла» из географического руководства Клавдия Птолемея II в. н. э., и долгое время наряду с современным материалом в ней содержалась и старая античная информация, особенно об отдаленных территориях. Именно из античных трудов перекочевали к восточным ученым рассказы о легендарном острове Туле и «Островах счастливых» на северо-западе и амазонках. Причем если у Тацита и Птолемея амazonки располагались в малознакомой им Азии – на восток от реки Ра (Волги), то восточные авторы переместили их, как и «людей-псов» и других мифических существ, на крайний северо-запад, то есть туда, где не бывал ни один путешественник Востока.

Именно консервативность является основной особенностью арабо-персидских географических сочинений, и описание этнополитической ситуации начала IX в. сохраняется и в памятниках XIV – XVI вв., почти без изменений рядом с аутентичными сведениями. Это обстоятельство всегда служило для отечественных востоковедов поводом для объявления сведений арабо-персидских географов «недостоверными», «компилиятивными». А причиной была и является ныне европоцентричность нашего научного сознания. Оценивая степень развития славян или

Древнерусского государства, как правило, сравнивают с Западной Европой. И европейские Баравский географ или Бертинские анналы вызывают у нас гораздо больше доверия, чем какое-нибудь арабское или персидское сочинение. Это связано с тем, что мы проецируем наше представление о современном западном мире на раннее Средневековье.

Между тем и германские племена V в. н. э., и арабы VII в. оказались в одинаковой ситуации. В наследство европейским варварам достались развалины Западной Римской империи со всеми ее научными и культурными достижениями, а арабы в течение второй половины VII в. захватили Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. На римских землях сначала образовались небольшие варварские государства, которые в большинстве своем к началу IX в. были включены в империю Карла Великого. Но синтез римской культуры с варварскими обычаями проходил весьма медленно. Многие достижения были утрачены, к примеру, в столице Франкской империи отсутствовал даже водопровод. Иначе события развивались в халифате. К середине VIII в. это единое государство включало в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сырдарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге. Арабы, покорившие значительно более развитые страны, создали условия для плодотворного взаимодействия входивших в халифат народов. Под их властью оказалось эллинистическое Средиземноморье и иранский мир. В результате сложилась новая уникальная культура, идеологической основой которой стал ислам, а государственным языком – арабский (с 705 г.). Развитие Арабского халифата VIII – X вв. воистину поражает воображение. По проценту урбанизации мусульманские Египет и Месопотамия в то время превосходили страны Европы XIX в. В Багдаде тогда жили около 400 000 человек, строились дома в 7, а то и в 14 этажей. При династии Аббасидов за год в Багдад стекалась сумма более чем в 400 миллионов дирхемов (арабских серебряных монет), то есть около 1160 тонн серебра. Для сравнения, все поступления Российской империи за 1763 г. были в 2,8 раза меньше^[29].

В отличие от христианства ислам изначально создавался как государственная, практическая религия, где нет границ между сакральными и мирскими нормами. И потому одной из важнейших особенностей культуры халифата по сравнению с культурой Западной Европы того же времени, пронизанной средневековой схоластикой, было широкое распространение светского, в том числе и научного знания. Благодаря таким условиям, мусульманская наука и культура раннего Средневековья ушла далеко вперед по сравнению с европейской. Так, персидский поэт Низами Гянджеви, как и все его образованные сограждане, в XII в. не сомневался в шарообразности Земли, как и других планет солнечной системы, ему было известно о кольце вокруг Сатурна (в Европе это было открыто Галилеем). В своих поэмах «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» Низами профессионально характеризует многие небесные светила, которые европейцам станут известны лишь после открытия телескопа^[30]. Поиск знания считался в этом мире главной ценностью, не было никаких ограничений – ни социальных, ни этнических, ни религиозных – в учении и приобщении к науке. Поэтому и античные достижения, и культуру Ирана мусульмане воспринимали в целостном виде, а не только в той степени, в какой они отвечали интересам теологии (как это было в Западной Европе). Книги в халифате переписывались от руки, но существовали в невиданном для европейцев количестве. Ведь стремление выйти за пределы привычного знания постулировано в Коране, где записано: «Ищите знания, даже если вы в Китае», то есть даже в совершенно чуждом мире. Научные центры халифата организовывали и финансировали путешествия с познавательными целями. Например, халиф аль-Васик организовал экспедицию на поиски железной стены на крайнем севере, за которой, по коранической традиции, были заключены чудовищные, опасные для человечества существа Йаджудж и Маджудж (бibleйские Гог и Магог). По крайней мере до начала Крестовых походов мусульманская наука была самой передовой в мире.

Удивительно быстро создав обширную и многоэтничную империю, арабы должны были создать эффективную систему управления ею. Только для сбора налогов надо было обладать исчерпывающей информацией о провинциях халифата, о традиционных занятиях жителей, об их обычаях. Под контролем халифа оказалось множество древних торговых магистралей, в том числе и Великий шелковый путь. Поэтому перед новым государством встало проблема пополнения и развития географических знаний. Как говорилось выше, Арабский халифат VIII – начала IX в. простирался от южной Испании (Магриб) до Кавказа, Ирана и Средней Азии, и на этой огромной территории существовало несколько научных и культурных центров, как правило, со своей древней доарабской традицией (Самарканд, Табаристан, Дамаск, Кордова) и географическими школами. Соответственно, эти школы получали разные сведения по некоторым торговым путям.

Поэтому в арабо-персидской средневековой литературе можно выделить несколько традиций,

рассказывающих о разных периодах и различных народах Европы с похожими этническими названиями (росы, руги, рутены), которых арабы именуют русами. Одна из этих традиций проявляет наибольшую осведомленность о племени русов, его структуре и обычаях. Ее представляют школа Джайхани (сюжет о хакане русов, острове русов, нападении русов на славян и больших богатых городах русов) и школа Балхи (три вида русов, их торговля и войны, «русская» топонимика на Черном море), со – ответственно черпавшие информацию по Волго-Балтийскому и Черноморскому торговым путям. Обе школы получили названия по именам крупнейших арабских географов, живших в конце IX – начале X в.

Уже давно установлено и не оспаривается, что цикл известий о Восточной Европе школы Джайхани – старейший из сохранившихся в арабо-персидской географии^[31].

Хотя большинство авторов этой школы работали в X в., этот цикл восходит к тому же протографу («первоисточник», текст, который предшествовал всем в данной традиции), что и самый древний и самый спорный из дошедших до нас трудов типа «Книги путей и стран» – сочинение Ибн Хордадбеха, написанное в 40 – 80-х гг. IX в. Возможно, этот протограф – «Книга путей и стран» – принадлежит перу Муслима ибн-Абу, написавшего трактат в 846 г. Фрагменты его несохранившегося сочинения, содержавшего первые обширные сведения о Восточной и Юго-Восточной Европе, предположительно были включены в труд Ибн Хордадбеха. В сочинении Ибн Хордадбеха упоминается народ русов, причем как «вид» славян. Это требует обязательного рассмотрения, так как это единственный арабо-персидский источник, отождествляющий славян и русов.

Сам Ибн Хордадбех состоял при дворе халифа; некоторое время заведовал государственной почтой в провинции аль-Джибал (Северо-Западный Иран) и имел доступ к правительенному и частным архивам. Первоначальный текст сочинения Ибн Хордадбеха не сохранился. Большинство востоковедов сходятся на мысли, что существовало две редакции «Книги путей и стран»: первая относится к периоду ок. 232—846 гг. и вторая – не ранее 272—885 гг. Предполагается, что дошедший до нас текст «Книги путей и стран», известный по трем рукописям, – не более чем «сухой справочник, сжатый до предела». Сведения о русах, содержащиеся в этом труде, представляют огромный интерес для исследователя. До сих пор они не получили обстоятельного однозначного комментария. Вот что сообщает этот автор:

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячий шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных (окраин страны) славян к Румийскому морю (Черному морю. – Е.Г.). Владетель (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по...^[32] – реке славян, то проезжают мимо Хамлиджса, города хазар. Их владетель (сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджсан (Каспийскому. – Е.Г.) и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов (в фарсахе 6 км. – Е.Г.). Иногда они везут свои товары от Джурджсана до Багдада на верблюдах. Переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи. Они утверждают, что христиане, и платят джизью (налог с «народов Писания» – христиан и юдеев, который был в несколько раз меньше, чем подать с язычников и зороастрийцев. – Е.Г.)»^[33].

Бронзовый светильник IX-X вв. восточной работы

Итак, купцы по пути в Багдад из страны славян попадают в Черное море. Здесь они платят пошлину за проезд главе какой-то римской провинции («сахиб» в арабском языке значит «последователь», «управитель», а не собственник, царь). Очевидно, это глава византийского Крыма. Далее они плывут по «реке славян» и попадают в хазарский город Хамлидж, хорошо известный по другим источникам и располагавшийся, вероятно, в низовьях Волги, и далее держат путь по Каспийскому морю на южное побережье, в город Гурган. Если взглянуть на карту, будет ясно, что попасть из Черного моря в Каспийское удобнее всего, поднявшись по Дону до того места, где ныне Цимлянское водохранилище, и далее вниз по Волге.

Данный фрагмент не связан ни с предыдущим, ни с последующим текстом, и потому однозначно производит впечатление позднейшей вставки: перед ним и после говорится о маршрутах еврейских купцов в страны ислама и Китай. Однако даже если это вставка, она должна датироваться IX в., так как варианты этого отрывка о славянских (без употребления этнонима русы) купцах встречаются в сочинении географа Ибн аль-Факиха аль-Хамадани, создавшего свой труд около 903 г. Откуда

приходят эти славянские купцы, не ясно ни из одного, ни из другого отрывка. По крайней мере, не из Среднего Поднепровья, откуда до Волги легче было добраться по левым притокам Днепра, Северскому Донцу и Дону. Южные славяне вели торговые дела через Византию. Скорее всего, это были жители побережий Днестра и Южного Буга. Что касается этнонима «ар – рус», то скорее всего это глосса, то есть комментарий позднейшего переписчика. Ведь аль-Факих не упоминает русских купцов, хотя и пользовался трудом Ибн Хордадхеа. А один из переписчиков, знакомый уже с Киевской, славянской Русью, сделал такой комментарий.

Ко второй половине IX в. относят исследователи деятельность первого представителя географической школы, знавшей о государстве русов, глава которых назывался хаканом, – аль-Джайхани. Именно в трудах этого географа, сохранившихся в выписках (о самом аль-Джайхани не известно почти ничего), впервые упоминается равное Хазарии по значению государство русов.

Наиболее полно и архаично, по мнению востоковедов, цикл известий о Русском каганате представлен в сочинении Ибн Русте (конец IX – начало X в.) «Дорогие ценности», созданном в жанре энциклопедии в 903—913 гг. В сохранившемся 7-м томе этого труда имеется раздел о Восточной Европе и живущих там народов (с юго-востока на северо-запад) – аланах, государстве Сарир, хазарах, буртасах, мадьярах, булгарах, русах, славянах. Именно Ибн Русте впервые (из сохранившихся источников) приводит бесценные по своему значению сведения об обряде погребения русов. С небольшими изменениями эту информацию повторяют другие представители школы Джайхани – аль-Бакри, аль-Марвази, аль-Ауфи, Гардизи. Т. М. Калинина считает протографом цикла об острове русов «Анонимную записку» (не позднее 70-х гг. IX в.) о Восточной Европе, которую цитируют многие географы этого направления^[34]. В источниках этой серии содержится важнейшая для локализации Русского каганата информация о социальном устройстве племенных союзов, о характере взаимоотношений русов и славян, о специфических чертах их экономики и быта, религиозных культов, а также географическом положении государства русов.

Основные данные такого рода содержатся в так называемых «Книгах путей и стран», первоначально – своеобразных дорожниках, составлявшихся для купцов и администраторов халифата. Этот жанр восточной литературы получил у специалистов название «описательной географии».

Дорожники, предназначенные для практического применения, редко содержали описания Мирового океана и пределов ойкумены, в них отсутствовало деление территории на «климаты». Они состояли из описания народов, живших вблизи популярных торговых магистралей. Ориентирами служили стороны света, расстояние же указывалось в «днях пути». Очевидно, что информация «дорожников» в большей степени отражает реальную этнокультурную карту определенного времени, чем научные представления средневековых последователей Птолемея.

Но при этом и описательный жанр сохранял такую особенность восточной географии, как консервативность. Изменение исторических реалий приводило не к замене устаревших данных, а лишь к наслоению на них новых (так, кстати, поступали и древнерусские летописцы). Дело в том, что средневековые учёные были убеждены в ограниченности человеческого знания. Поэтому автор видел своей задачей собрать как можно больше сведений по какой-либо проблеме, а суждение об их подлинности уже считалось прерогативой Всевышнего. Такова основная черта любого средневекового труда. Но в этом как раз есть большой плюс для исследователя: иногда в поздних сочинениях можно обнаружить нетронутые отрывки несохранившихся произведений с уникальными данными. Только как определить время написания этих утраченных произведений.

Аль-Йакуби. «Китабаль-булдан» («Книга стран»)

Примерная датировка различных фрагментов, в том числе и известий о русах арабских и персидских авторов возможна, только исходя из сопоставления текста с этнокультурной археологической картой, а также данными других письменных памятников. Однако немало ценных сведений можно перерпнуть и собственно из арабо-персидских географических сочинений, особенно в реальной, «дорожной» их части, предварительно уяснив систему взаимных координат народов Европы в представлении восточных средневековых учёных.

Могли ли русы быть варягами, или Что знали на Востоке о севере Европы?

Излюбленная локализация норманистами русов – север Восточной Европы, а то и Прибалтика. Аргументируется это так. Ибн Русте и другие географы школы Джайхани упоминают о лесистом, болотистом «острове русов» и о торговле пушниной. Остров может быть на море. Главный торговый путь, связывавший страны халифата с Восточной Европой, – Волго-Балтийский. На западе этой магистрали, у Балтийского моря, найдено много арабских монет. Значит, «об областях, лежащих или прилегающих к этому пути, лучше всего знали через купцов арабские авторы». Все это, по мнению А. П. Новосельцева, заставляет «искать страну русов где-то на севере Восточной Европы»^[35]. Страна эта «находится» сама собой – подразумеваются приильменские земли, подчиненные, согласно Повести временных лет, варягам. Так ли верны приведенные аргументы, и могли ли быть русы восточных источников варягами?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо понять, какими путями приходили в халифат известия о соседних и отдаленных народах и государствах.

Арабы познакомились с землями Европы в VII в. во время военных походов на владения Ирана и Византии в Сирии, Ираке, Армении, Грузии и других странах. Арабский халифат в течение века после своего образования занял огромные тер – ритории от Африки до Азии, принадлежавшие ранее Византии и Сасанидскому Ирану, пределы его при династии Омейядов вышли к Гибралтару и Атлантике, власть халифов распространилась до Средней Азии и Закавказья включительно. Следующее столетие прошло в подавлении непрекращающихся восстаний покоренных народов, что закономерно привело к падению Омейядов в 750 г. (после неудачных войн на Кавказе с аланами и хазарами) и смене династии. При первых Аббасидах границы халифата более или менее сформировались и началась относительно мирная жизнь.

По территориям, занимаемым халифатом, издревле проходили важнейшие торговые пути; в первую очередь под контроль арабов попала значительная часть Шелкового пути до Закавказья. Этим определялось быстрое развитие в халифате торговли (сначала транзитной) и ремесел. Арабским купцам была необходима конкретная информация о странах и племенах, ставших их основными торговыми партнерами.

Кроме того, арабские племена постепенно воспринимали достижения высокой культуры и науки завоеванных народов, прежде всего Сасанидского Ирана. Эти два обстоятельства и определили пути развития арабской астрономии, истории и географии. Этим же и объясняется тот факт, что знания арабских географов о народах и территориях Евразии были очень неравномерны: этносы и земли, не включенные в торговлю с халифатом и находившиеся в отдалении от главных магистралей, были знакомы ученым лишь по древним, прежде всего античным сочинениям. Этот вывод распространяется на все традиции ранней географической литературы халифата, включая и развивавшиеся в регионе Магриба (Средиземноморье, научный центр – Кордова в арабской Испании).

Представление о Европе как о географическом объекте сохранилось в целом ряде арабо-персидских трудов. Прежде все – го это «отец» восточной географии Мухаммад ибн Муса аль-Хоризми (Хорезми) (первая треть IX в.), «Книга картины земли» которого содержала взаимные координаты для описания морей Земли. Но труд аль-Хорезми являлся лишь небольшой переработкой «Географии» Клавдия Птолемея II в. н. э. На основе работы аль-Хорезми (то есть фактически дополненного Птолемея) выстраивали систему своих описаний пределов мира все географы IX – XIV вв. В нашем исследовании есть смысл остановиться лишь на системе представлений о Европе географов, упоминающих этоним «рус». Это Ибн Русте и школа Джайхани, аль-Масуди, представители школы Балхи, анонимный автор «Худуд аль-алам» и аль-Идриси.

История научного изучения трудов восточных ученых насчитывает уже два столетия, начиная с Х. Д. Френа (1782—1851), опубликовавшего в 1822—1823 гг. комментированную подборку арабских авторов о хазарах, и труд о путешествии Ибн Фадлана на Волгу. Однако долгое время русская арабистика развивалась только в двух направлениях: либо это было монографическое изучение сведений о Восточной Европе у того или иного мусульманского «писателя», либо составление сводов данных о Руси и Восточной Европе из ряда мусульманских источников. Исследование же сведений средневековых ученых халифата о Европе в общей *системе* их географических представлений в задачи источниковедов не входило. Исключением можно назвать лишь добрые комментарии к «Дорогим ценностям» Ибн Русте Д. А. Хвольсона^[36], в которых он, не в пример предшественникам, учитывал взаимное расположение народов и государств Европы, а не исходил из априорного норманизма. Но Хвольсон ограничился только сочинением Ибн Русте и не попытался выявить общие географические принципы, характерные для арабского

Средневековья. Потому его сочинение полно заключений о невозможности локализации этнонимов, а также самых невероятных отождествлений.

Основные торговые пути арабских купцов

То же характерно и для появившихся более чем полвека спустя обширных комментариев В. Ф. Минорского ко вновь открытому сочинению «Худуд аль-алам»^[37]. Но само комментированное полное издание неизвестного ранее географического сочинения было событием, подтолкнувшим востоковедов и исследователей Древней Руси к изучению данной проблемы, без которого локализация славян и русов остается на уровне размытых гипотез.

Первую попытку предпринял именно не источниковед, а археолог, крупнейший специалист по истории славян и Руси Б. А. Рыбаков. В работе о достаточно позднем и сложном по составу источнике – карте аль-Идриси автор верно отмечает, что к восточным географическим сочинениям обращались ранее «за решением отдельных частных вопросов, не изучая источник в целом»^[38]. Эта статья была первым исследованием, где анализировались все восточноевропейские материалы «Нузхат аль-муштак». Новизна работы Рыбакова состояла и в привлечении при локализации данных Идриси археологических материалов и *исторической логики*, чего так недостает большинству наших исследователей. В результате исследование Рыбакова оказалось столь большое влияние на историографию, что почти все ученые-невостоковеды используют материалы Идриси в его интерпретации.

Позже Б. А. Рыбаков по тому же принципу детально исследовал сочинение конца X в. «Худуд аль-алам», в котором описаны взаимные координаты всех народов Восточной Европы, в том числе славян и русов. Итог этого опыта оказался неутешительным для апологетов норманизма и северо-западной локализации племени русов: переложение информации на современную карту объективно показывало расположение русов в Юго-Восточной Европе^[39].

Однако, если результаты изучения Рыбаковым карты Идриси еще принимались некоторыми востоковедами – ведь речь шла о XII в. – то есть о Киевской Руси, а не о происхождении племени русов, то разбор «Пределов мира» вызвал резко критические отклики, которые, правда, не в силах были опровергнуть выводы Рыбакова. При этом оппоненты историка выдвинули «неопровергнутый» с точки зрения востоковедов *argumentum ad hominem*: нельзя пользоваться источником, не прочитав его в оригинале^[40]. Хотя очевидно об – ратное: если исследователь не понимает эпохи, следует неверной методологией, рассматривает источник сам по себе, а не в контексте событий его времени, то даже знание сотни языков не поможет ему приблизиться к истине.

Да и появившиеся в последние годы востоковедческие работы по данной проблеме вызывают скорее недоумение: построенные на сведениях источника частные заключения противоречат общим выводам, особенно в вопросе локализации руси, исходящим от априорного норманизма.

Начинать рассмотрение европейских пространств в арабо-персидской литературе следует с севера – запада, излюбленного места поселения русов у востоковедов.

Дающие наиболее подробные сведения о русах, восходящие к IX – X вв., школы Джайхани и Балхи в отношении Северной Европы воспроизводят данные античной географии, пользуясь несохранившимся единственным источником. Впервые такое описание встречается в «Книге сабиевых таблиц» аль-Бат-тани (852–929):

«Что же касается Океана Западного... то от него известна только сторона запада и севера от крайних пределов Абиссинии до Британии. Это море, **по которому не ходят корабли** (выделено мною. – Е.Г.). Шесть островов, которые находятся в нем... называются Острова Счастливых. Другой остров напротив Андалусии называется Гадира у залива^[41]. Этот залив *выходит из него...* и в клинивается в море Рума (Средиземное. – Е.Г.). На не месть также на севере острова Британия, их двенадцать. Затем это море удаляется от обитаемой земли, **и ни кто не знает, какое оно и что на нем есть**»^[42].

Кроме того, на крайнем западе восточные географы располагают амазонок и остров Туле. Вот как, так же взяв за основу труд Птолемея, говорит о северо-западе Ибн Хордадбех:

«Что касается моря, которое позади славян (имеются в виду западные славяне. – Е.Г.), а на нем город Туле, то не приближается (к нему) и не выходит из него никто. Это море, в котором Острова Счастливых. Не плавают по нему, и не выходит из него никто. Это тоже Западное

море»^[43].

Эта информация в целом *без изменений* повторяется в «Дорогих ценностях» Ибн Русте, трудах представителей «классической школы» X в. (аль-Истахри, Ибн Хаукалъ) и даже у «арабского Геродота» X в. аль-Масуди, который великолепно знал Центральную Европу и неплохо был осведомлен о Западной, объехав все страны халифата от Испании до Индии и Китая.

Приведенные отрывки ясно свидетельствуют о том, что арабы IX – X вв. (даже бывавшие в Испании-Андалусии) не знали о торговом пути из Балтийского моря в Северное и по крайней мере о западной части самого Балтийского моря и Волго-Балтийского пути. Сведения о Северном море носят легендарный характер или повторяют данные Птолемея.

Оригинальные данные школы Балхи выглядят еще легендарнее:

«Константинопольский пролив (Черное и Азовское море, см. ниже. – Е.Г.) впадает в моря Рума из моря Окружающего... от самого севера на конец земли, который не посещают из-за холода, и уходит он в бедную из бедных землю Йаджуджи Маджудж»^[44].

Ибн Хаукалъ в 970-е гг. вставил рассказ о Гоге и Магоге в главу о тюрках, где утверждал, что эти люди живут «в стороне севера» на высоких темных горах, куда купцы из Хорезма совершают восхождение в течение 17 дней.

Это принципиально новая информация восходит к данным «Рисале» (Записки) Ибн Фадлана, мусульманского миссионера, побывавшего в Волжской Булгарии в 921—922 гг. по просьбе правителя булгар, надеявшегося на помощь халифа в борьбе с Хазарией и обещавшего за это принять ислам. Ибн Фадлан в своих этнографических наблюдениях упоминал гигантских людей из северного племени Гог и Магог, отделенного неким морем от земель Вису^[45]. «Племя Гог и Магог» – несомненно, комментарий самого Ибн Фадлана к легенде, услышанной в Булгарии. Этим замечанием миссионер в *первые* связал воедино виденную им самим восточную и незнакомую западную части Волго-Балтийского пути. Но эта связь очень долго оставалась мифологичной и непонятой в арабском мире. Интересно, что народы северо-запада Восточной Европы – вису, йура, «береговые люди» – упоминаются лишь у Ибн Фадлана и широко использовавшей его труд школы Балхи (с 930-х гг.). Вису и йура – это финно-угорские племена. Большинство ученых сейчас считает, что вису – это известная по русским летописям весь, йура – возможно меря. Люди-гиганты Гог и Магог (здесь это уже не два мифических существа, а народы) отделены от вису неким морем.

Сейчас в востоковедении не оспаривается, что все сведения об этих этносах восходят лишь к Ибн Фадлану^[46]. Признано также, что Ибн Фадлан был *основным* информатором аль-Балхи о Восточной Европе, ибо географическая и этническая номенклатура данного региона, а также этнические сюжеты у них полностью совпадают^[47].

О западном конце Волжской магистрали – Балтийском море – в арабо-персидской географии стало известно лишь в XI в. Первым о нем упоминает среднеазиатский энциклопедист аль-Бируни (973—1048). Описывая Окружающее море, Бируни говорит, что на севере, близ земли славян, от него отходит залив, называемый по имени одного из проживающих там народов морем Варанк^[48]. Из этого известия очевидно, что информация Бируни была получена не по Волго-Балтийскому пути, так как Балтийское море называется *заливом Окружающего* (а не *проливом*, ведущим в него).

Конкретной информацией, полученной именно по Волго-Балтийскому пути, пользовался в XII в. аль-Идриси, очень подробно описавший Восточную Прибалтику^[49]. Аль-Идриси знал множество стран и народов, расположенных по его берегам: и Польшу, и Финляндию, и Швецию, и Восточную Прибалтику. Но его сведения остались уникальными в арабо-персидской географии, потому что он не привел названия Балтийского моря (трудом Бируни аль-Идриси не пользовался). Даже хорошо знавший сочинение Идриси Абу-ль-Фида (XIII в.) в своем описании Балтики опирается лишь на Бируни:

«Рассказ о море Варанк. Я (нигде) не нахожу упоминания об этом море, кроме как в сочинениях Абу Райхана аль-Бируни и в книге ан-Насира, и я придерживаюсь мнения, высказанного Бируни. Он говорит, что море Варанк отделяется от Окружающего моря на севере и простирается в южном направлении; его длина и ширина значительные. Варанк – это народ, (живущий) на его берегу»^[50].

Из этого следует, что источником Идриси в данных известиях были не восточные путешественники.

Таким образом, все эти факты свидетельствуют о том, что в основном сведения о северо-западе Европы добывались географами из античных сочинений, а немногие оригинальные известия приходили из региона Магриба. Арабские путешественники и купцы IX-XIII вв. не поднимались по Волго-Балтийскому пути далее Волжской Булгарии (причем это единичный случай) и крайне скучно (фактически никак) представляли себе обитателей севера Восточно-Европейской равнины и

Балтийского побережья.

Из этого ясно следует, что русы, описанные географами IX – X вв., никак не могли быть варягами или жить на Балтийском море и на северо-западе Восточной Европы. Ведь их обычаи описаны весьма и весьма подробно, а в это время арабские ученые Балтийского побережья не знали.

Ученые Арабского халифата о географии Восточной Европы

Очевидно, что Балтика и земли ильменских славян и кривичей из сферы поиска территории русов должны быть исключены. Другой интересующий нас ориентир в арабо-персидской географии, весьма легко поддающийся идентификации, – моря юга Восточной Европы – Черное и Азовское. Ведь именно там появились русы-росы в конце VIII – начале IX в., доставив немало проблем византийским колониям и «заставив» греческих святых спасать Сурож и Амастриду от варварского нашествия. Из первой главы очевидно, что Русь Причерноморская была такой же реальностью раннего Средневековья, как Крымская Готия или, к примеру, хазарские владения в Северном Причерноморье. Могут ли восточные географы ощутимо помочь в выяснении этнической природы черноморских русов, и может ли иметь отношение к этим русам Русский каганат?

Черное море (бахр Нитас – исказенная форма греч. «понтос») традиционно считалось «заливом», отходящим от восточной части Средиземного моря. Географы наиболее ранней школы Джайхани имели весьма слабое представление о Черном море, зная лишь наиболее восточную его часть. Показательны данные Ибн Русте: в разделе о мадьярах (то есть протовенграх) он рассказывает о прилегающем к их территории Румском море, в которое впадают две реки, одна из которых больше Джейгуна (Амударья. – Е.Г.)^[51]. В остальном ученые этой школы пересказывали сведения, известные еще Птолемею и заимствованные у Баттани: там упоминается река Танаис (так назывался Дон в античных источниках).

Представители классической школы Балхи вовсе не знали о существовании Черного и Азовского морей; вместо них фигурировал упоминавшийся ранее Константинопольский пролив, идущий прямо от Константинополя на север до «конца земли». Вот как представлял этот пролив один из выдающихся ученых этой школы аль-Истахри:

«Константинопольский пролив впадает в море Рума из моря Окружающего... от самого севера на конце земли, который не посещают из-за холода, и уходит он в бедную из бедных землю Йаджуджи Маджудж»^[52].

Первым из арабских географов, показавшим подробное знание берегов Черного моря, был аль-Масуди, основным источником для которого были не книжные традиции, а современные сведения, собранные им в беседах с торговцами и путешественниками. При описании в законченной им перед смертью «Книге предубеждений и пересмотра» (956 г.) также известного ему моря Майутис или Хазарского Масуди рассказывает о городах Крыма и Приазовья, а также племенах, населяющих Северное и Западное Причерноморье. Хазарским Масуди называет Азовское море, так как северо-восточный Крым и Керченский пролив были в то время под контролем хазар. Бахр Нитас аль-Масуди называл Русским. Из рек, впадающих в Понт, Масуди известны Дон (Танаис) и Дунай (NB: О Днепре Масуди не упоминает!). Интересно, что в более раннем труде «Промывальни золота и рудники самоцветов» (ок. 947/948 гг.) энциклопедист полемизирует с автором IX в. аль-Йакуби, называвшим Понт морем хазар, подчеркивая, что в его время морем хазар называется Каспий, а Понт – это море русов.

Очевидно, что Масуди безуспешно пытался соединить современные сведения и традиционные представления, чем и объясняются некоторые несоответствия. Море Майутис он называет началом Константинопольского пролива. Так же добросовестно он попытался скомпилировать книжные и современные сведения о народах Европы.

Наиболее точные, не имеющие аналогов данные о берегах Черного моря приводит уже в середине XII в. Идриси. Здесь нужно сказать несколько слов об этом ученом, ибо еще не раз мы будем обращаться к его сочинениям по самым разным вопросам, связанным с проблемой русов. Главный труд этого сицилийского географа XII в. – «Развлечение истомленного в странствии по областям» («Нузхат аль-муштак фи-хтирак аль-афк», 1154 г.) и карта, к нему прилагающаяся. На этом источнике следует остановиться подробнее, ибо он представляет собой «сплав» известий как литературного, книжного происхождения, так и собранных самим автором, представителем совершенно иной географической школы – на западе халифата (Магриб).

Кроме этого, аль-Идриси приписывают еще одно географическое сочинение, составленное для сына Рожера Вильгельма I под названием «Сад приязни и развлечение души». Этот труд известен

как «Малый Идриси» и практически не исследован, так как его текст даже не опубликован.

Главное же произведение аль-Идриси представляет собой географическое и этнополитическое описание «обитаемой Земли», причем ее граница в северном полушарии, по мнению аль-Идриси, проходит по 64° северной широты. Вся обитаемая территория делится на 7 равных климатов, каждый из которых, в свою очередь, механически разбит на 6 равных же частей.

Среди источников Идриси – и рассказы современных ему купцов и путешественников, и собственные впечатления, и работы арабо-персидских и европейских предшественников (Птолемей, Орозий, Ибн Хордадбех, аль-Джайхани, аль-Басри, аль-Масуди, Ибн Хаукалъ и др.). Карта составлена по принципу труда Птолемея, причем при ее создании Идриси пользовался несколько иными источниками, чем при написании текста. Автор тщательно отбирал и систематизировал материал. Об этом свидетельствует хотя бы то, что у Ибн Хордадбеха Идриси заимствовал сведения о Византии, у Ибн Хаукаля – информацию о Северной Африке, Иране, Кавказе, Поволжье и Каспийском море, у Масуди – о Восточной Европе и Черном море и т. д., то есть *самые достоверные* сведения, которые могли быть в их трудах. При составлении карты, кроме труда Птолемея, были использованы данные Хваризми, а также неизвестные пока источники.

Аль-Идриси. Круглая карта мира. 1154г. Каир

Сведения книжных источников, достоверные для IX – X вв., переплелись в сочинении Идриси с рассказами современников. Особенно это ярко видно при изучении описания Руси. Там аль-Идриси привел данные всех известных ему традиций, повествующих о русах и славянах, в том числе и о России-турк, под которой есть основания понимать Русский каганат (об этом ниже). Ведь, по признанию Идриси, Русь и особенно ее северные земли не были ему хорошо известны^[53]. Работы Идриси занимают крайне важное место при локализации различных видов русов.

По форме эта информация представляет собой морскую лоцию (византийскую или итальянскую, но, судя по лингвистическим особенностям, не арабскую) с пространными характеристиками портовых городов. Причем Идриси использовал данные уже XII в., то есть не относящиеся к интересующему нас периоду. Эта информация была включена аль-Идриси в предисловие к его труду. В 6-й же секции VI климата, где географ пользовался в основном арабо-персидскими источниками (трудами аль-Масуди, Ибн Хаукаля), в качестве реки, впадающей в баҳр ан-Нитас, называется некий Сакир – «рукав Атиля», идентичный Танаису античной и ранневизантийской географии.

Таким образом, можно сделать вывод, что Черное и Азовское моря в IX – XI вв. также не входили в сферу основных торговых интересов Арабского халифата, чем и объясняются *весьма скучные и размытые сведения о Северном Причерноморье в большинстве сочинений того периода*. Наиболее ясное представление географы имели о северо-восточной части этого региона. Из рек большинству авторов был известен лишь птолемеевский Танаис, возможно – Кубань (если «две реки» у Ибн Русте – это низовья Дона и Кубань), у аль-Масуди добавляется Дунай. Важно, что Днепр появляется в арабо-персидских источниках (в форме Данабрис) только у Идриси в XII в., то есть арабам X – XI вв. не был известен даже появившийся в конце IX в. Днепровско-Черноморский путь (из варяг в греки), соответственно, и народы, обитающие на нем.

Иначе обстояло дело с Каспийским морем. Все его южное побережье, включая Закавказье (торговые и административные центры Ардебиль, Бардаа, Тифлис) и Табаристан, уже к началу IX в. входило в состав Арабского халифата. Кроме того, через Каспий шел Великий шелковый путь, большая часть которого, как указывалось выше, с VIII в. была под контролем арабских купцов. Это полностью подтверждают нумизматические данные, свидетельствующие о двух самостоятельных потоках арабских дирхемов в Восточную Европу VIII – IX вв.: *первый* – из Ирака через Каспий на Волго-Балтийский путь, *второй* – из западных частей халифата в Сирию, оттуда – в Закавказье и далее.

Поэтому Каспий являлся для арабской географии одним из самых важных и, соответственно, известных регионов, и Каспийское море получило много названий, связанных с именованием прилегающих к этому морю стран, народов и городов: Джурджанское море по названию крупного торгового центра на южном побережье, Хазарское море – по имени государства, контролировавшего устье Волги, то есть начало Волго-Балтийской магистрали. Существовало и много других названий, имевших локальный характер (Дербентское, Табаристанское и др.).

Главной рекой, впадающей в Каспий «семьюдесятью жерлами», арабо-персидские географы называли Атиль. Эта река (как и весь Каспийский регион) с особыми подробностями описана учеными школ Джайхани и Балхи, что не без оснований позволило выдающемуся востоковеду Б. Н. Заходеру объединить этот комплекс известий IX – X вв. в «Каспийский свод сведений о Восточной Европе»^[54].

Как правило, этот водный путь давно безоговорочно отождествляют с Волгой. Однако Б. А. Рыбаков еще в статье о карте Идриси заметил, что это не совсем верно^[55], что признают и востоковеды. Дело в том, что географическая номенклатура у средневековых писателей не может быть отождествлена с современными топонимами, гидронимами, оронимами, каждый из которых точно соответствует какому-либо географическому объекту. *Каждая река у арабо-персидских географов может быть тождественна нереальным жерлам рек, но торговым путям, использовавшимся арабами и их ближайшими деловыми партнерами.* Такой гидроним может включать в себя несколько рек, исторически объединенных в одну торговую артерию. Этот тезис хорошо иллюстрируется представлениями о реке Атиль, мало изменившемся от Джайхани до Идриси.

Географическая традиция IX – XI вв. за основное русло верхнего Атиля (варианты написания: Асиль, Исиль, Итиль) принимала реку Каму, причем истоки Атиля искали далеко на востоке. Истахри и Инб Хаукалъ, например, считали, что начало реки в земле киргизов между гузами и кимаками. Автор «Худуд аль-алам» («Пределы мира», анонимное сочинение конца X в.) выводил исток из северных гор. Вот его описание:

«Исток Атиля – в горах к северу от Артуша; это самая большая и широкая река, текущая через страну кимаков... потом на запад между гузами и кимаками, пока не попадает в землю булгар, тогда течет на юг между тюркскими печенегами и буртасами, протекает мимо города хазар Атиль и впадает в Хазарское море»^[56].

То есть, по мнению автора «Пределов мира», начало Атиля – где-то на севере Алтая. И только пройдя тюркские кочевья – земли гузов и кимаков и побывав современными Обью, Иртышом, Ишимом, Тоболом, Белой, – Атиль, миновав булгар, становится привычной нам Волгой.

На карте Идриси истоки Атиля совпадают с рекой Белой за Уралом, в среднем течении – с Камой, и лишь от устья Камы – с Волгой. В тексте «Развлечения истомленного в странствии по областям», который является оригинальным по отношению к карте (хотя они и связаны между собой) даются несколько описаний Атиля в разных секциях VI климата:

«6-я секция VI климата.

...Аль-Хазар – это название страны, а ее столица – Исиль. Исиль – это название реки, которая течет к ней от русов и булгар и впадает в море аль-Хазар. Исток этой реки – в восточной стороне, в некой области «Опустошенной страны»^[57], затем река проходит через «Зловонную землю»^[58] на запад до тех пор, пока не пройдет позади булгар близ земли русов, после чего возвращается на восток и протекает через землю русов, за тем через землю булгар, затем через землю буртасов и течет в землю аль-хазар, пока не впадает в море.

8-я секция VI климата.

(Из трех рек начинается река Исиль)^[59]. Все они (эти реки) берут начало в... горе, называемой Аскаска, и текут на запад, пока не соединятся в одну реку, которая затем течет до земли булгар, поворачивает на восток, пока не дойдет до границ земли русов, и там разветвляется. Один ее рукав течет до города Матраха (Тмуторокань. – Е.Г.) и впадает в море между ним и городом Руссия. Что касается второго рукава (выделение в тексте везде мое. – Е.Г.), то он спускается от земли булгар (здесь: Волжская Булгария. – Е.Г.) и течет на юго-восток до земли хазар и впадает за Исилем в море аль-Хазар»^[60].

Если первый отрывок имеет своим источником данные Каспийского свода, то второй является «творческой компиляцией» самого Идриси. В нем описание русла Атиля более удалено от реальности уже в низовьях (разделение нижнего Атиля на два рукава: первый – Нижний Дон, второй – собственно Волга).

Надо отметить, что при рассказе о Волго-Каспийском бассейне Идриси в XII в., имея под рукой огромное количество источников, пользовался старыми произведениями традиций Балхи и Джайхани. Это объясняется, во-первых, тем, что Идриси работал в Палермо при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II, а не в мусульманской стране. Вторая причина более принципиальна: прошел уже век с момента окончательного распада Аббасидского халифата (процесс этот был мучительным и длился полтора столетия). Исчезла былая мощь халифата, в том числе и экономическая, постоянные войны ослабили Шелковый путь, а Волго-Балтийская

магистраль по этой и ряду других причин из главной в Восточной Европе превратилась во второстепенную.

Новые сведения об этих областях не поступали, и добросовестным географам приходилось довольствоваться информацией двухвековой давности.

Итак, источники дают возможность сделать следующие выводы о представлениях арабских путешественников и географов о Восточной Европе IX – XIII вв. Во-первых, никто из представителей халифата за весь указанный период не поднимался по Волго-Балтийскому пути на запад далее Волжской Булгарии, соответственно, арабские географы не представляли себе обитателей ни севера Восточно-Европейской равнины, ни Балтийского побережья.

Во-вторых, все они в IX – XI вв. имели смутное представление о побережье Черного и Азовского морей, а также не знали Днепр как самостоятельную водную артерию. Поэтому русы с хаканом во главе, сообщения о которых относятся к IX в., не могли, очевидно, жить в Северном Причерноморье – слишком подробны сведения о них.

А все данные о Волго-Балтийском пути до Волжской Булгарии и связанных с ним народах приходится датировать не позднее 930-х гг. (Ибн Фадлан и аль-Балхи). Поэтому в источниках, восходящих к интересующему нас времени или написанных тогда, – IX – начало X в. – этносы и государства Восточной Европы, имеющие подробное описание, следует помещать лишь на юго-востоке и востоке от левобережья Днепра до Среднего Поволжья.

Глава 3

РУССКИЙ КАГАНАТ: МЕСТО НА КАРТЕ

В каждой арабской энциклопедии Средневековья обязательно был раздел о происхождении народов. Всех жителей земного шара традиционно возводили к трем сыновьям Ноя – Симу, Хаму, Иафету. Европу и евразийские степи, по мнению арабов, населяли потомки Иафета. Вот как выглядел обычный список этих потомков: ас-сакалиба (славяне), хазары, тюрки, бурджан (дунайские болгары), ишбан (жители Испании), йаджудж и маджудж (мифические племена Гог и Магог)^[61]. О русах, как и о многих других этносах, ничего обычно не сообщалось. Но в рукописи 1126 г. из Тегеранской библиотеки и у поздних авторов (XV в.) в числе сыновей Иафета, наряду с Чином, Тюрком, Хазаром, Саклабом, Майсаком и Кимари упоминается Рус^[62]. Зная об особенностях арабо-персидских научных сочинений, можно предположить, что существовали и более древние генеалогии, в которых фигурировали русы. Тем более что почти во всех ранних энциклопедиях, созданных в халифате, русы занимают не последнее место.

Как правило, в ранних восточных географических сочинениях описание народов Восточной Европы располагалось в главе «Тюрки». Но под тюрками, поскольку они считались потомками Иафета, часто разумелись и индоевропейские этносы степи и лесостепи, например аланы. В конкретных рассказах о Евразии в «тюрки» записывают и славян, и русов, и мадьяр.

Наиболее подробные сведения приводили представители школ Джайхани и Балхи. Но если у ученых классической школы информация о «тюрках» может быть датирована не ранее начала X в., то известия последователей Джайхани значительно древнее. Однако они также восходят к разным периодам. Связано это с трепетным отношением средневековых авторов к творениям предшественников. Причем нередко географ, взявшийся за очередной труд, приводил список источников только один раз – в самом начале, а в главах мог и не делать ссылок. Из этого списка половина, как правило, не сохранилась до наших дней, о многих авторах неизвестно даже, в какое время и в какой области халифата они жили.

Поэтому задача предстоит сложная: определить максимально точно, в какое время было составлено каждое известие о русах. Это можно сделать только с помощью данных археологии, нумизматики, лингвистики и других наук, способных предоставить сведения о Восточной Европе конца I тысячелетия н. э.

В традиции школы Джайхани от Ибн Русте (начало X в.) до аль-Марвази (середина XI в.) сохраняется последовательность при описании тюрок: гузы – киргизы – карлуки – кимаки – печенеги – хазары – буртасы – булгары – мадьяры – славяне – русы. По материалам археологии и письменных данных – китайских и среднеазиатских – расположение тюркских кочевых племен Азии в разное время приблизительно известно. Информация арабов совпадает с ситуацией IX в. Кочевья восточных гузов были близки к Китаю. Еще эти гузы (точнее, токуз-огуз – «девять племен») известны под названием уйгуров. Во второй главе мы кратко упомянули о трагедии,

разразившейся на уйгурских землях в 840 г. Еще в VIII – начале IX в. Уйгурья была богатой страной, через которую пролегал сухопутный торговый путь от Дуньхуана до побережий Каспия. Но ко второй трети IX в. ситуация изменилась коренным образом. Во-первых, уйгуры пропустили через свои территории огромные массы киргизов, направлявшихся из Минусинской степи к Орхону. Киргизы ранее считались подвластным уйгурам племенем, но в 818 г. киргизский вождь объявил себя ханом (то есть независимым от уйголов). Чуть позже в Уйгурью вторглись хакасы. С юга также наступал сильный враг – китайцы. Так из процветающего государства Уйгурья превратилась к середине IX в. в «Опустошенную землю». И если наши знакомые арабские и персидские ученые, например Ибн Русте, говорят об уйгурах как о самостоятельной силе – значит, сведения, которыми они пользовались, относятся к периоду до 840 г. и после 818 г.

Западнее селились киргизы. Очевидно, это те орды, которые только что прошли через Уйгурью. В Восточном Приаралье обитали карлуки, еще далее на запад – кимаки. От Северного Приаралья до северо-восточного берега Каспия простирались земли печенегов. То есть в первой части (до Волги, то есть до хазар и буртасов) наблюдается логическая последовательность – с северо-востока на юго-запад. Датируется она еще и по расселению большей части печенегов к *востоку от Волги*.

В части, касающейся Восточной Европы, такая логика нарушена. К примеру, возникает путаница с положением мадьяр (предков современных венгров) – то они являются соседями Византии, то живут на реке Атиль, то на берегу Черного моря. Так, в сочинении Ибн Русте о мадьярах сказано следующее: *«Между землей печенегов и землей болгарских эсегель лежит один из краев мадьярских. Земля их обширна: одной окраиной своюю прилегает она к Румскому морю, в которое впадают две реки, одна из которых больше Джайгана; между этими-то двумя реками и находится местопребывание мадьяр»*^[63].

Причем печенеги у Ибн Русте находятся за Волгой, а «болгарские эсегель» (Ас.г.л, Ас.к.л) располагаются вверх по Атилю от буртасов, соседей хазар, то есть мадьяры должны жить где-то на Средней Волге. Однако Ибн Русте следующей фразой перечеркивает это сообщение: Румское море – это однозначно Черное море, междуречье «двух рек» – известное по венгерским преданиям и данным Константина Багрянородного как Ателькюзу (буквально «междуречье»). То есть Ибн Русте пытался совместить два свидетельства: одно фиксировало мадьяр в Заволжье, а другое знает это племя уже в Северном Причерноморье, после продвижения на запад.

Коснулась ли эта путаница сообщений о славянах и русах? Сведения об этих народах настолько интересны, что мы приведем эту часть источника полностью (здесь будет использован перевод с арабского А. П. Новосельцева). Ведь ни одна другая восточная традиция не рассказывает о них так подробно. Рассказ о стране славян (ас-сакалиба^[64]), следующий сразу после описания мадьяр:

И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней^[65] *пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва.т (Ва.ит). Путь в эту сторону идет по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду. И они народ, пасущий свиней как (мы) овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И попрошествии года после смерти покойника берут они бочонков 20 больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню.*

Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковши с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: «Господи, ты, который (до сих пор) снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии». Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему Богом. Рабочего скота у них совсем немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их

коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав» («раисар-руаса»)^[66], зовется у них *свает-малик*, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб^[67], и в этом городе ежемесячно в продолжение трех дней проводится торг, покупают и продают.

В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскаляются до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что даже снимают одежду. В таком жилье остаются они до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у каждого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. И если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений»^[68].

Насколько узнаваемы из рассказа арабского географа славянские быт и нравы! Ибн Русте точно воспроизводит известный археологам славянский обряд погребения: сожжение покойного и захоронение праха в кургане. Ему известны и музыкальные инструменты наших предков, и их занятия, и даже баня, и полюдье. И главу славян Ибн Русте называет не «малик» (король) или «хакан», а «раис ар-руса’а» – *глава глав*. Раисы в мусульманских странах Средневековья – выборные, самые уважаемые люди города, решавшие наиболее важные дела городской общины. Славянская система представительства завершалась племенным князем. Как известно, должность эта была выборной даже и в Киевской Руси, и выбирали князя самые уважаемые люди общины, в летописях называемые «старцами градскими». Находит аналогии в общественном устройстве Древней Руси и титул «главы глав» – *свает-малик*. Как выяснил выдающийся ученый-востоковед ХХ в. Б. Н. Заходер, вторая половина слова представляет собой попытку перевода славянского «князь», а первая половина – почти точная передача корня «свят», «свет», традиционной составляющей имен-титулов в славянском обществе периода раннего государства (*Свято* слав, *Свято* полк)^[69]. Б. А. Рыбаков добавляет еще одну замечательную аналогию. В договоре Олега с Византией 911 г. при перечислении знатных особ упоминаются «светлые и великие князья»^[70], под которыми, очевидно, разу – меются главы славянских племенных союзов^[71].

Но о каких славянах идет речь? Часто это сообщение связывают со славянами Балканского полуострова, указывая на город Джарваб-Хорват и «наместника» главы славян – супанеджа. Еще Д. А. Хвольсон высказал предположение о том, что «супанедж» – это жупан южных славян. Но этнографические особенности, известные от Ибн Русте, свидетельствуют против балканского расположения «ас-сакалиба», которые жили по соседству с русами. По словам автора «Дорогих ценностей», славяне живут на лесистой равнине. Зимы в этой стране холодные; их бани (как, очевидно, и жилища) представляют собой типичные полуземлянки или даже землянки. И главное: покойников эти ас-сакалиба хоронят в «холмах», то есть курганах.

Этот рассказ Ибн Русте достаточно полон для убедительного сравнения с археологическими данными. В археологии есть критерии материальной культуры, по которым можно определить этнос (так называемые *этноопределяющие* признаки). Это обряд погребения, лепная керамика (та, что делалась для домашних нужд, а не на продажу) и характер жилища. О керамике восточный автор не упоминает, зато подробно говорит о двух других критериях. На Балканском полуострове неизвестны славянские курганы того времени. Славяне Балкан предпочитали зарывать прах умерших в грунтовые ямы, а жить – в наземных домах^[72]. В связи с теплым климатом в полуземлянке необходимости не было. Все эти факты свидетельствуют против теории южной природы славян Ибн Русте. Термин «Хорват» связан, как говорилось выше, с «белыми хорватами» Повести временных лет, которые жили в бассейне Днестра, по соседству с тиверцами. «Хорваты» – это не единственный этоним, который встречается одновременно в землях Киевской Руси и на Балканском полуострове. По данным византийцев, Балканы населяли в числе прочих северы, драговиты (то есть дреговичи), смоляне^[73]. Многие современные археологи и источниковеды придерживаются мнения, что племена с одинаковыми названиями – родственные, по крайней мере те, у которых этонимы неславянские (слова *хорваты* и *северы* – северяне – иранского происхождения). Все они «вышли» из пеньковской археологической культуры, которая

существовала в Среднем Поднепровье в V – VII вв. (подробнее о ней – в части III).

Таким образом, и среди будущих восточных славян были те, кто назывался хорватами, соблюдал деление своей земли на жупы и избирал для управления оными жупанов. А этнографические признаки, описанные Ибн Русте, великолепно подходят к славянским племенам Восточно-Европейской равнины. Именно среди них стал к VIII в. популяррен курганный обряд погребения, они строили полуземлянки (в более северных районах, к примеру, в днепровской и донской лесостепи). То есть это были племена, потом вошедшие в состав Древней Руси.

Единственное, что странно: Ибн Русте считает, что славяне *не были земледельцами*. Знать такие подробности из жизни народа и не иметь представления о его главном занятии невозможно! Здесь может помочь сравнение текста Ибн Русте с творением какого-нибудь другого географа школы Джайхани. Примерно такое же описание славян имеется в анонимном сочинении, написанном в конце X в., – «Пределах мира от востока к западу» («Худуд аль-алам мин аль-машрик иляль-магриб»):

«...Это большая страна, и в ней очень много деревьев, растущих близко друг от друга. И они живут между этими деревьями. И у них нет иных посевов, кроме проса, и нет винограда, но очень много меда, из которого они изготавливают вино и тому подобные напитки ...»^[74].

При сравнении текстов двух авторов становится ясно, что Ибн Русте пользовался каким-то подпорченным источником, где отсутствовал отрывок о просе и медовом вине.

Сразу же за славянами Ибн Русте располагает русов. Это значит, что в представлении этого географа русы жили западнее ас-сакалиба (описание Восточной Европы у Ибн Русте идет с востока на запад). Знает восточный автор о русах следующее:

Что же касается ар-Руссийи, то она находится на острове, окруженному озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, не здоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хаканрусов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а пытаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь ты этим мечом»^[75]. И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими). У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, также как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя (род) поднимается (против кого-либо), то вступаются они все. И нет тогда между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока не победят его^[76]. И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело. Есть у них знахари, из которых иные повелеваю царем, как будто бы они их (русов) начальники^[77]. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак не возможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва Богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Побежденных истебляют или обращают в рабство. Одни высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях^[78].

(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых уходит сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не

испражняется наедине, но обязательно сопровождают руса трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удается приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить. Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении.

Как видно, несмотря на расположение русов западнее славян, то есть дальше от границ халифата, автор «Дорогих ценностей» (а также другие представители географической школы Джайхани) не менее подробно описывает образ жизни этого этноса. Обычаи русов резко отличаются от славянских. И это обстоятельство всегда подталкивало ученых к острым дискуссиям. Норманисты (Х. Д. Френ, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, А. П. Новосельцев и др.) объявляли русов варягами-викингами и помещали «остров» на севере Европы – в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге, связывая рассказ арабов и персов с эпизодом о призвании варягов в Повести временных лет. Как было показано выше, такое расположение острова русов невозможно (см. главу 2 данной части).

Те, кто придерживался славянского происхождения руси, полагали, что противоречия между славянами и русами носят не этнический, а социальный характер (русы как социальная верхушка Древнерусского государства). В этом случае остров русов объявлялся лишь частью русской территории, отдаленной от ее центра. Так, Б. А. Рыбаков локализует «остров» в устье Дуная^[79], в той земле, где находились города Переяславец и Киевец и которую князь Святослав Игоревич в 969 г. объявил «середой» (центром) своей земли^[80]. Однако Святослав пытался завоевать Переяславец во второй половине X в., то есть минимум на столетие позже написания восточными географами рассказа об острове русов. В середине IX в. эти территории занимала балкано-дунайская археологическая культура, в основе своей не славянская, а тюрко-болгарская. Хотя славяне Подунавья уже активно ассимилировали тюрок, последние в середине IX в. еще сохраняли этнические особенности: жили в похожих на юрты домах, хоронили покойных в грунтовых ямах и оставляли автографы на тюркском наречии^[81]. Эти болгары известны арабам под названием «бурджаны». Что же касается версии о русах как о назывании социальной верхушки восточного славянства, то и она не выдерживает критики. Во-первых, славянское общество середины IX в. не знало такого резкого расслоения. Археология свидетельствует о примерно одинаковом уровне жизни большинства славян Поднепровья. Во-вторых – и это главное, на Среднем Днепре (как, впрочем, и в других восточнославянских землях), в IX в. неизвестны захоронения в «могиле в виде большого дома» по обряду трупоположения (ингумации) вместе с любимой женой и богатым инвентарем. А для славян Поднепровья IX в. был характерен обряд трупосожжения.

Итак, русы Ибн Русте были не славянами, но и не скандинавами. Жили они, очевидно, близко от одного из популярных у арабов торговых путей, поскольку их этнографическое описание очень подробно. Одно странно: русы *вообще не локализуются как соседи других народов*. Ибн Русте, аль-Марвази, Гардизи добросовестно сообщают, например, между какими народами живут буртасы, или сколько придется ехать купцу от мадьяр до славян. А как добираться до такого полезного торгового партнера, как русы, у которых можно разжиться мехами и рабами, ничего не известно. Что это – тоже испорченный текст, как в случае со славянским земледелием?

«Остров русов» по Б. А. Рыбакову

Несколько другая картина представлена в анонимном сочинении «Худуд аль-алам мин аль-машрик ила-л-магриб» («Пределы мира от востока к западу»), автор которогоставил перед собой нехарактерную для X в. задачу – показать все пределы ойкумены. Написанный в 982/983 гг. на персидском языке по заказу правителя области Гузган на севере Афганистана, этот труд имеет истоки в географической литературе IX – X вв., соединяя в себе различные традиции этого периода. Единственная рукопись «Худуд» была случайно найдена в 1892 г. в Средней Азии А. Г. Туманским. Еще первый издатель этого уникального произведения, В. В. Бартольд обратил внимание на датировку содержащейся там информации: «...Сведения Анонима не могут относиться ни к его

собственной эпохе, ни даже к эпохе Джейхани»^[82]. То есть гузганец не автор и даже не составитель «Пределов мира», а лишь переписчик. Автора нужно искать в IX в.

Описание степей и лесостепей Евразии неизвестный географ дает после пределов Рума (Византии. – Е.Г.), причем интересно, что в состав Рума в «Худуд» входят все известные ему народы и государства Центральной и Западной Европы: славяне-христиане, булгары (область на северо-западе собственно Рума-Византии), город Рим, баски, остров Британия и Греция. Крайне важно упоминание западных славян как христиан, в отличие от дунайских болгар: крупнейшее славянское государство Центральной Европы Великая Моравия официально стало христианским в 30-е гг. IX в., а Первое Болгарское Царство – в 60-е гг. IX в.^[83] Следовательно, можно согласиться с предположением Б. А. Рыбакова, что источник рассказа «Пределов мира» о «Руме» был написан между 30-ми и 60-ми гг. IX в.^[84]

Описание жителей Евразии в источнике идет по единому принципу *с запада на восток*, а не с востока на запад, как гласит заголовок. Это значит, что в «Худуд», наряду с другими данными, включен единый пласт информации о евразийских степях. Причем в Восточной Европе упоминаются следующие народы: славяне – русы – внутренние булгары – мирват – хазарские печенеги – аланы – Сарир – хазары – буртасы и барадасы – v. n. nd. г. После этого загадочного народа автор переходит к Зангистану (Занджану, части Иракского султаната) и Абиссинии. Таким образом, в «Пределах мира» обитатели лесостепи и степи Восточной Европы четко отделены от зауральских кочевников. Славяне в этой части «Худуд» явно восточные, что видно и из их локализации.

Василий Владимирович Бартольд (1869—1930)

Интересно также, что в источнике нет самостоятельного параграфа о мадьярах (предках венгров) в данном разделе. Они упоминаются в главе о зауральских кочевниках с подробным описанием территории и обычаях. Весь раздел о Восточной Европе, впрочем, как и другие, проникнут внутренней логикой, локализации в большинстве случаев четко и однозначно обозначены в системе геофизических ориентиров – горных цепей и рек.

Насколько хорошо знали арабские путешественники и географы периода до 930-х гг. племена Восточной Европы и пролегавшие через нее другие торговые пути, можно судить по имевшимся у них сведениям о реках (помимо Атиля), а также другом важном для купцов ориентире – горных хребтах. Однако определить положение этих ориентиров на современной карте, а также локализовать упоминающиеся у восточных географов племена и государства можно лишь при использовании материалов смежных дисциплин – археологии, нумизматики, лингвистики. Наиболее полные описания геофизических особенностей дают два источника – «Худуд аль-алам» и аль-Идриси.

Аноним является уникальным источником не только потому, что сохранился в единственной рукописи. В нем имеются географические описания, отсутствующие в других памятниках либо упоминающиеся там неясно. Прежде всего это река Рус – одна из трех (кроме Атиля и Руты) рек, помещаемая автором «Пределов мира» в Восточной Европе. В главе, посвященной природным ориентирам, даются следующие сведения:

«Другая река (перед этим шел рассказ об Атиле. – Е.Г.) – Рус, которая вытекает из глубины страны славян и течет на восток, пока недостигнет границ русов. Далее она проходит границы Urtab, Slab и Kuuya, которые являются городами русов, и пределы Khifakh. Там она меняет направление и течет на юг к пределам печенегов и впадает в Атиль»^[85].

Следом идет описание другой загадочной реки – Руты (Ruta): *«Другая река – Рута, которая течет с горы, находящейся на границе между печенегами, мадьярами и русами. Потом она достигает пределов русов и течет к славянам. Там она достигает города Khurdab, принадлежащего славянам, и используется на их поля и луга»^[86].*

Вокруг реки Рус сломано немало копий из-за этнической окраски ее названия. Давно доказано, что происходили такие гидронимы от названий племен, проживавших около данных водных артерий. Кроме этого, река Рус служила в «Худуд аль-алам» ориентиром для локализации славян, русов, печенегов и кипчаков.

В. Ф. Минорский, создавший единственный до сей поры перевод всего источника (на английский), осторожно отождествил реку Рус по неведомым, точнее норманистским,

соображениям с Верхней Волгой^[87], хотя никаких следов печенегов на севере Восточной Европы никогда не было. В. В. Бартольд полагает, что Рус это Дон^[88]. А. П. Новосельцев в работе 1965 г. связывал Рус с искаженным «Ра»/ «Рас» – Волгой, возводя ее название к птолемеевской традиции. Присутствие в источнике Атиля как знакомого арабам русла Волги он относил на счет «кошибки» гузганского автора, «не разобравшегося» в источниках^[89]. В 1986 г. в ответе на разработки Б. А. Рыбакова (хотя он ни разу не упоминает в статье даже о существовании исследования академика) Новосельцев уже признает, что «если у Истахри Русская река – Волга, то у ХАА – Ока и Дон»^[90]. Неонорманисты-востоковеды нового поколения придерживаются старой точки зрения А. П. Новосельцева. Они даже объединяют информацию о реке Рус классической школы и традиции Джайхани: нахрап-Рус в X в. обозначает либо приток Атиля («Худуд аль-алам». – Е.Г.), либо весь Атиль (Иbn Хаукаль. – Е.Г.)^[91]. Таким образом непозволительно смешивается информация двух направлений, черпавших сведения из разновременных источников: Волга стала называться Русской рекой *после* путешествия Ибн Фадлана и его встречи с какими-то русами. Школа Джайхани обладала более ранними сведениями.

Б. А. Рыбаков же в своем великолепном разыскании об ориентирах «Худуд» отождествляет реку Рус с Днепром и Доном (конъектура Рыбакова – Дуна^[92]), считая, что в отрывке соединены сведения о двух разных реках с похожими названиями.

В отношении реки Руты мнения расходятся еще больше. Река Рута – последняя из водных артерий, которые локализует в Восточной Европе гузганский географ (далее идет описание реки Тигр). С ней связаны взаимные координаты русов, тюркских печенегов, мадьяр, славян. Традиционно Руту через конъектуру отождествляли с Дунаем^[93], город Khurdab – с искаженным названием южнославянского племени хорватов. Связано такое отождествление не только с «очевидностью» конъектур, но и кажущейся легкостью объяснения взаимных ориентиров. Так, славяне этого отрывка ХАА объявлялись западными и южными, а русами – соответственно, все восточнославянские племена. Однако славяне Центральной Европы фигурируют в ХАА под названием «славяне-христиане»^[94], а допущение конъектуры «хорват» дает возможность и локализации его между Днепром и Днестром (Белые Хорваты ПВЛ).

А. П. Новосельцев в 1960-е гг. также возводил данные о Руте к Птолемею (птолемеевский Рудон)^[95]; позже он уже утверждал, что Рута «Пределов мира» невозможна нанести на современную карту, так как автор источника пользовался «не – совпадающими данными» (IX в. и современными ему)^[96]. Причем скепсис данного заявления не оправдан: сам Новосельцев не может привести конкретных доказательств «разновременности» материала о Восточной Европе. Единственный его аргумент – то, что рассказ «Пределов мира» о городе Итиль «похож» на данные «арабского Геродота» X в. – аль-Масуди^[97]. Однако Масуди предоставляет новые, современные ему сведения о Северном Причерноморье, а не о Волго-Балтийском пути. Эту торговую магистраль автор «Промыва-лен золота» представляет настолько плохо, что смешивает волжских булгар с известными ему дунайскими^[98]. Информация о столице хазар была заимствована Масуди из более ранних источников, знакомых и ХАА и связанных со школой Джайхани^[99].

Б. А. Рыбаков предложил свою интерпретацию: Ruta ХАА – Ока, вытекающая со Среднерусской возвышенности, а Khurdab – вятический город Корьдно. При этом Рыбаков делает весьма спорный перевод английского текста В. Ф. Минорского: «Потом она (Рута. – Е.Г.) входит в пределы Руси и течет к Славянам»^[100], как бы объединяя славян и русов. Между тем в тексте идет речь о том, что Рута лишь достигает границ русов, не входя на их территорию, и, очевидно, поворачивая, течет к славянам.

Для локализации этих важных водных ориентиров целесообразно привлечь данные археологии и нумизматики, поскольку реки арабо-персидской географической литературы – это водные торговые магистрали. Их расположение определяется археологами по скоплению монетных кладов и предметов импорта. Для реки Рус у нас имеется и важный письменный ориентир: ее «нижнее течение» на юге впадает в Атиль (то есть в данном случае Волгу). Таких больших правых притоков Волга, конечно, не имеет, однако расстояние между Нижним Доном и Волгой в районе нынешнего Цимлянского водохранилища действительно очень невелико, и река, как и описывает источник, резко меняет направление в южную сторону. Поэтому можно согласиться с В. В. Бартольдом и Б. А. Рыбаковым в достаточно точном отождествлении нижнего течения реки Рус со средним и нижним течением Дона.

Карты находок кладов арабских дирхемов и восточного импорта показывают начало и среднее течение этой «реки», а реально – торгового пути по верховьям Дона, Северского Донца и правым притокам Днепра (Псел, Ворскла, Сула). Временные рамки этих кладов и импорта – VIII – первая

половина IX в. Далее этот торговый путь теряет свое значение^[101]. Представления восточных ученых о реке Рус становятся более смутными, а упоминания – редкими.

Русская река (*нахрап-Русийа*) подробно описана у дотошного географа XII в. аль-Идриси, собиравшего сообщения о ней из разных источников. В описании самой реки есть как отголоски книжной птолемеевской традиции, так «следы знакомства» с Доном и Северским Донцом:

«От Бутара (Феодосия. – Е.Г.) до устья Русской реки 20 миль. От устья Русской реки до Матрахи (Тмуторокань. – Е.Г.) 20 миль» (5-я секция VI климата)^[102] ... «В упомянутую Русскую реку впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукай^[103], а это большая гора, протянувшаяся от моря Мрака^[104] до края обитаемой земли. Эта гора простирается от страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении и до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-нибарийа...»^[105]

Очевидно, что устье Русской реки у Идриси точно соответствует Керченскому проливу, а сама река – Дону и притокам в его верховьях (реки Воронеж, Медведица, Иловля, Битюг, Хопер). Народ ан-нибарийа – это угорские племена, обитавшие в верховьях левых притоков Дона.

Реку Руту, ориентируясь на монетные клады того же времени, реально отождествить в верхнем течении с Окой (действительно выходящей с гор – со Среднерусской возвышенности), но согласиться с трактовкой Б. А. Рыбакова славян в «Худуд аль-алам» как вятичей нельзя. Поселения предков вятичей IX в. обнаружены на Верхней Оке в очень небольшом количестве, причем ареал ранних вятичей соответствует территории финно-угорской мосцинской культуры. В рассматриваемое время количество финно-угорского населения значительно превосходило пришлых славян, и для путешественников жители Верхней Оки скорее должны были быть финноуграми. Но автор «Пределов мира» как раз не знает жителей Среднерусской возвышенности. Монетные же клады ведут вниз по Оке до других правых притоков Днепра – Десны и Сейма^[106].

Таким образом, главные речные ориентиры гузганского анонима для локализации племен Восточной Европы таковы: река Рус – торговый путь VIII – первой трети IX в. от устья Волги по Нижнему и Среднему Дону, верховьям Северской Донца и правым притокам Днепра; река Рута – менее важная (судя по количеству находок) торговая артерия, соединявшая Среднее Поднепровье со Среднерусской возвышенностью через Сейм, Десну и Верхнюю Оку.

Кроме рек, в «Худуд аль-алам» дается такой важный геофизический ориентир, как «горы». Конечно, это не горные хребты в современном понимании. Вполне можно согласиться с Б. А. Рыбаковым, что для торговых экспедиций были хорошо ощущимы возвышенности как водораздельные линии^[107], тем более что «горы» ХАА никак не были заимствованы из античной географии, на что так любят ссылаться современные востоковеды^[108], если сведения источника идут вразрез с их априорным норманизмом.

В начале описания «пределов мира» аноним рассказывает о горной системе от Сирии до страны славян (приводится отрывок о Восточной Европе):

«...Горы тянутся строго на север между Арменией и Румом к началу территории Сарира... Тогда они поворачивают на восток, пересекая Сарир, Армению, Арран^[109] и Кабк по соседству с Хазарским морем. Далее они меняют свое направление и поворачивают обратно, на запад, проходя между Сариром и Хазарией, и достигают начала земли алан. Потом они идут строго на север дальше, до конца страных азар. Потом они пересекают страну хазарских печенегов и отделяют внутренних булгар от русов, следуя к пределам славян. Тогда они избирают северное направление, пересекают славян, называемых Khurdab, после чего они достигают конца страны славян и там заканчиваются»^[110].

Б. А. Рыбаков сопоставил «горы» «Пределов мира» с крупными водоразделами Восточной Европы на основе собственного перевода текста Минорского и своей локализации упоминающихся при описании гор племен: упомянутая цепь включает у него Кавказ (соответствует фрагменту до территории алан включительно), Ставропольскую возвышенность (горы, идущие «строго на север» до конца страны хазар), Донецкий кряж и Днепровско-Волынский водораздел (от хазарских печенегов до славян), Среднерусскую возвышенность (до конца страны славян). Горы, включенные в описание народов Восточной Европы, академик локализует *независимо от этой цепи*^[111].

Действительно, перенести «горы» анонима на современную карту нельзя, не локализовав основные этносы, – это слишком взаимосвязанные ориентиры. Но принципиально принимая метод исследования, нельзя согласиться с частными выводами Б. А. Рыбакова. Прежде всего потому что составитель свода о Восточной Европе и Заволжье в «Пределах мира» – не компилятор, а очень

грамотный и дотошный ученый, как правило, не допускавший ни повторений, ни пропусков информации (к примеру, все реки, упомянутые в разделе о реках, совпадают с водными ориентирами при локализации народов и государств). Поэтому искать горные системы параграфов, посвященных этногеографии, нужно в параграфе 5 «О горах и рудниках, в них существующих», часть которого толь – ко что была приведена.

Сообщение «Пределов мира» о народах Восточной Европы мы процитируем полностью, исключая лишь моменты, упомянутые раньше или явно легендарные и несущественные, тем более что ранее этот свод на русском языке не публиковался.

«§43. Описание страны славян.

На восток от нее – внутренние булгары и некоторые из русов, на юг – часть моря Gurz^[112] и часть Рума. На запад и север от нее всюду пустыни и необитаемые земли Севера...^[113] У них два города: 1. Вабнит – первый город на востоке (страны славян), и некоторые из его жителей похожи на русов. 2. Хордаб – большой город и место пребывания царя.

§44. Описание страны русов и их городов.

На восток от страны русов – горы печенегов, на юг – река Ruta^[114], на запад – славяне, на север – необитаемые земли севера. Это огромная страна, и обитатели ее плохого нрава, непристойные, нахальные, склонны к ссорам и воинственны. Они воюют совсем неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хаканрусов (Rus-khaqan). Страна эта изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа моровват (morigvavat).^[115] Знахари у них в почете. Ежегодно они платят 1/10 добычи и торговой прибыли государю (sultan). Среди них есть группа славян, которая им служит. Они шьют шаровары приблизительно из 100 газов хлопка, которые надевают и заворачивают выше колена. Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка. Мертвого хоронят совсем, что ему принадлежало из одежды и украшений. Они еще кладут в могилу с мертвыми еду и питье.

KUYABA – город (земля?) русов, ближайший к мусульманам. Это приятное место и есть резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи.

S.LABA – приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной булгар. URTAB – город, где любого чужеземца убивают. Там производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму.

§45. Описание внутренних булгар.

На восток от них – Mirvat, на юг – море Gurz, на запад – славяне, на север – Русская гора. Это страна без городов. Люди эти храбры, воинственны и внушают страх. Они имеют внешнее сходство стюрками, живущими около страны хазар.

Внутренние булгары находятся в состоянии войны со всеми русами, но продолжают торговые отношения со всеми, кто живет вокруг них. У них есть овцы и оружие для ведения войны.

§46. Описание страны Мирват.

На восток от них – некоторые горы и некоторые из хазарских печенегов, на юг от них некоторые из хазарских печенегов и море Gurz, на запад – некоторая часть последнего и внутренние булгары. На север от них – некоторая часть последних и горы V.n.nd.r. Они христиане и говорят на двух языках – арабском и румском. Они одеваются как арабы. Они дружески настроены и к тюркам, и крумийцам. У них есть палатки и войлочные хижины.

§47. Описание страны хазарских печенегов.

На восток от нее гора хазар, на юг от нее аланы, на запад от нее море Gurz, на север от нее мирваты. Раньше эти люди составляли группу тюркских печенегов. Потом они пришли сюда, завоевали эту страну и поселились здесь. У них есть войлочные хижины и палатки, крупный рогатый скот и овцы... Хазарские рабы, которые продаются в странах ислама, в основном оттуда. Три последние упомянутые страны не слишком одарены природой.

§48. Описание страны алан и ее городов.

На восток и на юг от нее – Сарир, на запад Рум, на север – море Gurz и хазарские печенеги. Вся эта страна рассечена горами... Их царь – христианин. Они владеют 1000 больших поселений. Среди них есть и христиане, и идолопоклонники. Некоторые из них живут в горах, а другие – на равнинах (...)

§49. Описание страны Сарир и ее городов.

На восток и юг от нее – границы Армении, на запад – границы Рума, на север – аланы. Это совершенно прекрасная страна, состоящая из гор и равнин. (...) [\[116\]](#) 1. Замок царя – огромнейшая крепость на вершине горы. Место царя – в крепости, и говорят, что у него есть большой трон из красного золота. (...)

§50. Описание страны хазар.

На восток от нее – стена, тянущаяся между горой и морем, и наконец море и некоторая часть реки Атиль; на юг Сарир, на запад горы, на север B.ra.dhas и N.nd.r [\[117\]](#). Это очень приятная и процветающая страна с большими богатствами. От туда поступают коровы, овцы и бесчисленные рабы.

1. Атиль – город, разделенный рекой Атиль. Это столица хазар и место пребывания царя, который называется Tarkhankhaqan и является одним из прямых потомков Ansa(?). Он живет со своей дружиной в западной части города, отгороженной стеной. В другой части живут мусульмане и огнепоклонники. У этого царя в городе семь наместников (судей), принадлежащих к семи различным верам. Если возникает более серьезная тяжба, они спрашивают у царя, как поступить, или сообщают о решении, принятом в отношении этой тяжбы.

2. Самандар – город на берегу моря. Это приятное место, где живут купцы и имеются рынки.

3. Khamlikh, Balanjar, Bayda, Savghar, Kh.tl.gh, L.kn, Swr, Ms...t [\[118\]](#) – города хазар, все с мощными стенами. Основной источник благополучия и богатства царя хазар – из приморских городов.

4. Tulas, Lugh.r – два региона страны хазар. Люди здесь воинственны и обладают большим количеством оружия.

§51. Описание страны буртасов.

На восток и юг от них – гузы, на запад – река Атиль, на север – страна печенегов. Жители мусульмане, но говорят на особенном языке [\[119\]](#). Царя называют Mis (?). У них есть палатки и войлочные хижинги; они разделены на три орды: Б.р.зула, Аш.к.л., Б.лкар. Все они пребывают в войне друг с другом, но если появляется враг, они примиряются.

§52. Описание страны B.radhas.

На восток от нее Атиль, на юг – хазары, на запад – V.n.nd.r, на север – тюркские печенеги. Они – народ, исповедующий веру гузов. У них есть войлочные хижинги; мертвых они сжигают. Их богатство – в пушнине. У них два царя, которые держатся обособленно друг от друга.

§53. Описание страны V.n.nd.r.

На восток от нее – B.radhas, на юг – хазары, на запад – горы, на север – мадьяры. Они трусливы, слабы, бедны...

Все эти страны, которые мы перечислили ... в северной части ойкумены» [\[120\]](#).

Мадьяры, гузы и тюркские печенеги упоминаются анонимом среди кочевников Заволжья [\[121\]](#).

Исходя в данном случае из сведений источника и современной геофизической карты, не нарушая строгой системы «Худуд аль-алам» (не разрывая горных цепей Восточной Европы), а также учитывая, что расположение некоторых племен вполне точно известно по археологическим данным, перенесение взаимных ориентиров анонима дает следующий результат:

- на Атиле (то есть до среднего течения Волги, поскольку речь идет о Восточной Европе) с юга на север – хазары, буртасы (на восток от Волги) и бурадасы (на запад);
- Заволжье: 1) на юго-восток от верхнего течения Атиля (Кама и Урал) – гузы; 2) на запад от гузов

– тюркские печенеги;

- Среднее течение современной Волги и Приволжская возвышенность, с юга на север – V. n. nd. r, мадьяры;

- Кавказ: хазары, хазарские печенеги, Сарир, аланы, мирват;

- Северное Причерноморье, Приазовье и Нижний Дон (с востока на запад): мирват, внутренние булгары, славяне;

- *Верховья Дона, Северского Донца и правые притоки Днепра (река Рус) – область русов.*

Одни племена из перечисленных практически неизвестны современным ученым. Это мирват и v. n. nd. r. Для других этносов спорно их место жительства (внутренние болгары, хазарские печенеги, буртасы). Но упоминаются в «Пределах мира» и народы, чья территория не вызывает сомнений.

Точно известна локализация в период с VIII по X в. алан в Центральном Предкавказье, хазар в Нижнем Поволжье и прикаспийском Дагестане и государства Сарир на западе Дагестана (археологическая культура авар начиная с VIII в.^[122]). Результаты современных археологических исследований этих районов *точно соответствуют для VIII-X вв.* ориентирам анонима. Поскольку информация ХАА о степной и лесостепной зоне составляет единый комплекс, нет оснований не доверять и сведениям источника о других народах и государствах этого региона. Новейшие разработки в археологии и лингвистике позволяют более точно датировать данные источника, который пользовался автор этого свода.

Прежде всего это размещение мадьяр на Средней Волге, причем в Заволжье. Такая локализация уникальна в восточной географической литературе. Еще Б. Н. Заходер отметил сложность мадьярской тематики в различных арабо-персидских традициях: одна группа сведений говорит о мадьярах-кочевниках, другая – об оседлых племенах, контактирующих с Византией^[123]. Наиболее архаичная «кочевая» тематика развернута только школой Джайхани, первоисточником которой, напомним, считают так называемую «Анонимную записку», благодаря главным образом информации о мадьярах датирующуюся не позже 880-х гг.

Такая датировка появилась в связи с существованием научного мифа о переселении мадьяр в Центральную Европу в 890-х гг. Миф возник из необъяснимого доверия к данным Повести временных лет об «уграх», шедших мимо Киева в 898 г.^[124]. Легенда сия была развеяна еще К. Я. Гротом в конце XIX в., указавшим, что угры-мадьяры в Центральной Европе упоминаются впервые в 30-е гг. IX в., причем в большом количестве^[125]. Например, византийский источник – Продолжатель Георгия Амартола упоминает, что в 830-х гг. болгарский царь Крум, испытывая трудности в войне с Византией, обратился за помощью к уграм (венграм), находившимся поблизости^[126]. Это подтверждают и современные исследования^[127].

Однако будет интересно сравнить локализацию мадьяр в ХАА (Средняя Волга) с данными классиков школы Джайхани, а именно Ибн Русте. У последнего местом жительства мадьяр указывается и Поволжье, и Северное Причерноморье. Из этого следует, что источник Ибн Русте располагал более поздними сведениями, чем составитель «Пределов мира». Ведь появление мадьяр в Причерноморье датируется сейчас довольно точно данными археологии и косвенным подтверждением письменных источников – «Деяний венгров» и Константина Багрянородного – началом IX в.

Племена Восточной Европы и Заволжья в начале IX в. по данным анонимного сочинения «Худуд аль-алам»

Локализация мадьяр *до конца VIII в.* также в общих чертах известна современным исследователям, хотя вопрос о точном расположении дискутируется. Предки мадьяр жили в степях Зауралья и со второй половины VI в. по вторую половину VII в. находились в зависимости от Тюркского каганата. В середине VII в. в Западном Тюркском каганате начались смуты и он начал быстро распадаться (знакомым событием стало образование самостоятельного Хазарского каганата). Примерно в это время и началось формирование мадьярского этноса из кочевых племен, расселившихся по рекам Уфа, Белая, Кама. В венгерских преданиях, зафиксированных в «Деяниях венгров», упоминается, что где-то в Среднем Поволжье и Прикамье находилась «Великая Венгрия»^[128]. Большинство археологов в настоящее время отождествляют с Великой Венгрией кушнаренковско-караякуповскую археологическую культуру, памятники которой расположены по берегам рек Белая, Уфа и Урал^[129]. Основные этнические признаки мадьяр по данным археологии – это подкурганные захоронения в ямах, головой на север или северо-запад, с остатками конской

шкуры (череп и кости ног животного). Таким образом, гора, упоминающаяся в «Худуд аль-алам» как восточная граница мадьяр, – это хребты Урала.

Но судя по другим ориентирам, данным гузганским ученым, территория мадьяр^[130] должна охватывать и собственно Среднее Поволжье. На юг от мадьяр упоминаются «христиане v. n. nd. г», которых аноним локализует западнее Волги. Эта информация географа также подтверждается археологическими находками. С конца VIII в. на востоке территории будущей Волжской Булгарии известны памятники хусаиновского (позднекушнаренковского) типа, которые большинство ученых отождествляет с мадьярами^[131], а в первой четверти IX в. отдельные курганы с кушнаренковскими чертами встречаются в верховьях Дона, на Хопре и Медведице.

Небольшая часть мадьяр осталась в этих местах и после того, как их соплеменники ушли в поисках родины на запад. Доминиканский монах Юлиан, венгр по происхождению, путешествовал на восток в 1235 и 1237 гг. Один из его приближенных оставил записки о путешествии, из которых известно, что в это время по левым притокам Средней Волги жили люди, понимавшие языки приданайских венгров и сохранившие предания об общем с ними происхождении. В начале XV в. францисканцы пытались (без успеха) обратить в католичество жителей Верхнего Дона, говоривших на мадьярском языке и остававшихся язычниками. Предприятие не удалось по причине вмешательства русского великого князя Василия II^[132].

Описание восточноевропейских земель у анонима крайне интересно еще одним фактом: в «Пределах мира» не упоминается Волжская Булгария, в отличие от всех других восточных сочинений. Эту непонятную «забывчивость» гузганского ученого обычно объясняют «разновременностью» его источников и «путаностью» сведений о Поволжье. Основанием для такого предположения, возможно, была фраза географа, следующая сразу после описания народов Восточной Европы о городах Булгар и Сувар. Эта информация действительно взята из труда какого-то представителя школы аль-Балхи, однако автор «Пределов мира» не считал возможным вставить ее в единый текст о евразийском севере, которым он пользовался, а лишь осторожно, не комментируя, дополнил его:

«Эти все страны, которые мы перечислили... – все верной части ойкумены. Булгар – город, которому принадлежит маленькая провинция на берегу Атиля. Жители все мусульмане... Сувар – город около Булгара...»^[133]

Однако возможна и другая интерпретация молчания о стране волжских булгар с учетом данных археологии данной территории (Среднее Поволжье и Прикамье). Дело в том, что первые погребальные памятники, достоверно относимые к булгарам, в Среднем Поволжье датируются концом VIII в. (Кайбельский и первый Больщетарханский могильники). Некоторые ученые причисляют к булгарам немногочисленные пока памятники так называемого новинковского типа второй половины VI – VIII вв.^[134] Но от материалов «булгарского компонента» Волжской Булгарии IX – X вв. новинковские памятники отличаются по этноопределяющим признакам археологической культуры – лепной керамике и обряду погребения^[135]. Большое сходство же «новинковцы» обнаруживают с позднесарматской турбаслинской культурой (среднее течение реки Белой).

Сарматы – североиранский этнос, давно обосновавшийся в степях Заволжья и Восточной Европы и игравший немалую роль в ее истории. Античным писателям они известны с III в. до н. э., когда стали важной политической силой в жизни Причерноморья. В конце II в. до н. э. они были союзниками скифов против греков, а в I в. до н. э. уже вытеснили остатки скифских племен с берегов Черного моря. С тех пор на античных картах «Скифия» (причерноморские степи) стала называться «Сарматией».

Политическую власть сарматов в III в. н. э. по дорвали вторгшиеся в Причерноморье готы, а в IV в. готы, сарматы и аланы были разбиты гуннами. После этого некоторые племена присоединились к гуннам и участвовали в Великом переселении народов, другие остались в Причерноморье, а третьи ушли туда, откуда полтысячелетия назад лежал их путь в Европу, – на берега Волги и Камы. Там существовало несколько позднесарматских культур, которые медленно, но неотвратимо смешивались с более сильными угорскими этносами.

Это заметно и в новинковских курганах: восточная – в отличие от праболгарской западной – ориентировка погребенных, деформация черепов (типично сарматская традиция), меловая подсыпка в могилах. Наконец, сарматской чертой был и обряд обезвреживания покойных – перемещение костей трупа, чтобы он не смог покинуть могилу и потревожить живых^[136].

Ранее основным аргументом тюрко-болгарской принадлежности могильников новинковского типа считались так называемые «курганы с ровиками» и обычай класть кости ног и череп коня в ногах умершего. Но те же самые признаки связывали и с протовенграми, и, как мы убедились, не без

основания. Недавно же В. Е. Флерова весьма убедительно показала связь «курганов с ровиками» именно с позднесарматскими, а не тюркскими традициями^[137].

Первый этап формирования культуры волжских булгар датируется концом VIII – первой половиной IX в., когда на юге и юго-западе будущей территории Волжской Булгарии появились весьма немногочисленные иммигранты, оставившие Кайбельский, 1-й и 2-й Большиетарханские могильники. Раньше считалось, что эти переселенцы пришли с территории Хазарского каганата – из степного Подонья. Но более тщательные исследования показали, что между археологической культурой Донских степей и ранними волжскими болгарами имеются различия как во внешнем облике, так и в традициях культуры. А наибольшие аналогии памятникам Средней Волги прослеживаются в материальной культуре Саратовского и Волгоградского Поволжья^[138].

То есть Волжской Булгарии как влиятельной политической силы, государства, контролировавшего торговлю на Средней Волге, в конце VIII в. еще не было.

Интересно, что автор «Анонимной записки», на которую опирается школа Джайхани в описании Восточной Европы, уже достаточно подробно знает булгар, проживающих в трех днях пути от буртасов вверх по Волге, уже оседающих на землю и торгующих с хазарами и русами. Во многих ранних работах этой традиции арабо-персидской географии сохранилось следующее свидетельство:

«Булгарская земля смежна с землей буртасов. Живут булгары на берегу реки, которая впадает в Хазарское море и называется Атиль, и она между хазарами и славянами. И царя их называют Алмуш, и он принял ислам... Они – трех разрядов. Один разряд называется б.р.сула, другой разряд – ас.к.л. и третий – булгары. Средства существования каждого из них водном месте. Хазары торгуют с ними, также и русы привозят к ним товары. И все, кто из них был на берегах той реки, везут свои товары для торговли с ними...»^[139]

Этот рассказ можно датировать весьма точно. Именно царь Алмуш в 920 г. направил посольство в Багдад с просьбой о помощи против Хазарии, в составе которого приехал знаменитый Ибн Фадлан. Сам Алмуш принял ислам около 902 г., но был вассалом Хазарии, его сын как заложник находился в Атиле.

О кочевом племени ас. к. л., обитающем, возможно, где-то в районе среднего течения реки Белой и подчиненном главе булгар Алмушу, упоминает Ибн Фадлан. О барсилах же известно с VI в. н. э. как об обитателях севера – западного Прикаспия и низовий Волги.

В «Пределах мира» имеется такой же отрывок о «трех разрядах» с теми же названиями и с точным термином «живущие в одном месте», но по отношению к буртасам (см. выше). Первичность сообщения анонима перед Ибн Русте подтверждается незначительным числом булгар в Поволжье и отсутствием Волжской Булгарии как самостоятельной политической силы в период, описанный анонимом.

Понимание автором «Худуд» булгар как «разряда» буртасов можно объяснить с привлечением археологических данных: народность волжских булгар формировалась по меньшей мере из трех основных этнических компонентов, представ – ленных культурой степей Волгоградского Поволжья, кужнаренковской и ломоватовской культурами^[140]. Буртасы анонима, так же как и упомянутые культуры, располагаются преимущественно на восток от Волги.

По расчетам Б. А. Рыбакова, основанным на данных традиции Джайхани и информации Идриси, земля буртасов «начиналась несколько севернее Саратова и простиралась почти до волго-донской переволоки близ Волгограда»^[141]. Хотя Б. А. Рыбаков помещает всех буртасов на запад от Волги (вразрез с источником), его расчеты по ориентиру север-юг верны. Интересно, что они совпадают с местом жительства одного из этносов, сформировавших народность волжских булгар.

В «Пределах мира» подробно описаны «внутренние булгары», которых аноним локализует в Приазовье и на Нижнем Дону. Это племя долго не давало покоя исследователям, ибо без определения его места жительства невозможно понять положение русов. Поэтому если ученого устраивали русы в Киеве, внутренние булгары поселялись на Дунае^[142] или в лучшем случае – в Западном Причерноморье^[143], если нет – объявлялось, что автор «Худуд» «путает» дунайских булгар с волжскими, имея в виду, конечно, последних^[144]. Но внутренние булгары – не следствие плохой информированности анонима. Византийский император Константин Багрянородный и Повесть временных лет знают (эти сообщения можно датировать до середины X в.) в Восточном Приазовье, Западном Предкавказье и на Нижнем Дону, в непосредственной связи с Хазарией (у Константина Багрянородного) «черных булгар». Это заметил еще в XIX в. Н. Ламбин^[145]. По словам Константина Багрянородного, из реки Днепр киевские русы попадают (вплавь) в Черную Булгарию, Хазарию и Сирию. В Повести временных лет «черные булгары» упоминаются в договоре князя Игоря с Византией 944 г., среди обязательств русов по Корсунской стороне:

«Если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стороне, то повелеваем русскому князю, дабы не пускал их, иначе причинят зло и его стране»^[146].

То есть точно там, где располагаются внутренние булгары «Пределов мира». Археологические раскопки второй половины XX столетия показали, что сведения источников подтверждаются: именно в этом районе были найдены кочевья этнических булгар (их антропологический тип хорошо известен – круглоголовый, с монголоидной примесью), соответствующие так называемым приазовскому и крымскому вариантам салтово-маяцкой археологической культуры VIII – X вв.^[147]. Грунтовые ямные погребения, традиционно называемые «булгаросалтовскими», известны там по меньшей мере со второй половины VII в.

По данным византийских письменных источников, именно в Западном Предкавказье и Восточном Приазовье в 630-е гг., после распада Западно-Тюркского каганата, племенами оногуров (унногундиров) и кутригиров (котрагов) была образована Великая Булгария. Просуществовала она менее полувека, до смерти хана Курбата. После этого, согласно «Хронографии» Феофана Исповедника и «Бревиарию» патриарха Никифора (источники конца VIII – начала IX в.), пятеро сыновей хана рассорились и вместе со своими ордами «кудалились друг от друга»^[148].

Три орды (глава самой известной из них – Аспарух, основатель Первого Болгарского царства) ушли на Дунай. Орда же старшего сына – Баяна (или Батбаяна) осталась «на земле предков доныне»^[149], а «второй брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис (низовья Дона. – Е.Г.), поселился напротив первого брата». Далее сообщается о появлении хазар из «Первой Сарматии» (Северо-Западного Прикаспия) и захвате ими земель Черноморского побережья по юго-восточную сторону от низовий Дона, в том числе и подчинении орды Баяна.

Таким образом, «внутренних булгар» «Пределов мира» следует связать с ордой Баяна и, возможно, Котрага, византийских источников и археологической культурой кочевников Приазовья второй половины VII – X в.

Причем описание образа жизни внутренних булгар в «Худуд» подтверждается археологически: в этих местах действительно была «страна без городов», жители которой «имели овец и оружие». В таком случае северная граница внутренних булгар – «гора», отделяющая их от русов, – это *Донецкий кряж*.

На запад от внутренних булгар и на север от Черного моря и Крыма в низовьях реки Руты, то есть в Поднепровье в «Пределах мира» располагается земля славян, западнее и севернее которой автор источника помещает «необитаемые пустыни севера». Обычно «славян» ХАА помещают не восточнее Дуная^[150]. Но здесь очевидно имеются в виду славяне Восточно-Европейской равнины, ибо западно – и южнославянские земли аноним описывает в главе, посвященной Руму. Фраза о «необитаемых пустынях севера» еще раз свидетельствует о том, что мусульманский мир раннего Средневековья не имел представления о севере Восточной Европы. Такая локализация также подтверждается данными археологии: в VIII – IX вв. на левобережье Днепра была известна славянская культура типа Луки-Райковецой, на правом берегу – волынцевская в VIII в. и роменская в IX в. Подробное описание образа жизни славян, которое можно объяснить расположением волынцевской культуры в западной части торгового пути по «реке Рус», у автора «Худуд», как мы убедились, почти полностью совпадает с материалами традиции Джайхани, даже выглядит несколько сокращенным.

Наконец, восточными соседями славян «Пределы мира» называют русов – это *единственный* из арабо-персидских источников IX – X вв., который локализует этот этнос в системе взаимных координат. Восточный ориентир – «горы печенегов», северная граница анониму неизвестна, на западе – восточные славяне, на юге – некая река Рута (низовья Дона). По территории русов протекает река Рус – торговый путь, включающий среднее и верхнее течение Дона, Северский Донец и правые притоки Днепра.

Кроме того, «некоторые русы» названы западными соседями мадьяр и тюрksких печенегов^[151]. Тюркские печенеги, согласно анониму, проживали по обе стороны Атиля: к востоку от них названы гузы, к югу – буртасы (племена Заволжья) и b. radhas^[152] (указаны к западу от Атиля). Из других источников известно, что гузы (огузы) после распада Великого тюркского каганата жили в бассейне Урала.

О печенегах информации меньше. Но они нам более интересны, учитывая, что наш аноним знает в Предкавказье и «хазарских печенегов» в Восточной Европе. Самоназванием главного печенежского племени было «кенгересы» или «кангар». Конечно, эти кангары имели опосредованное отношение к великому североиранскому государству Кангюй, существовавшему в Приаралье в последних веках до н. э. – начале I тысячелетия н. э. После проникновения в Туран

гунно-угорских орд там начался процесс тюркизации местных жителей иранского происхождения. И в VI – VII вв. этноним «кангары» обозначал тюркоязычных кочевников. Об этом говорят рунические надписи, сделанные на тюркском языке. В начале VIII в. в Восточном Приаралье из тюрок, угрев, сарматов и других северных иранцев-кочевников уже оформилась печенежская этническая общность, говорившая на западно-тюркском диалекте^[153]. К IX в. печенеги продвинулись к северному берегу Каспийского моря и в заволжские степи. Севернее и восточнее, в степях Зауралья, обитали другие тюрки-кочевники, кипчаки. Отсюда знаменитое средневековое название степной зоны Казахстана – Дештикыпчак («Кипчакская степь»). Позднее кипчаки смешались с кангарами, образовав народ, известный на Руси под именем половцев.

«Горам печенегов», если учитывать расположение мадьяр и печенегов, соответствует Приволжская возвышенность. Один из входящих в нее хребтов – водораздел Дона и Средней Волги и Суры, который «проходит между бассейнами Хопра, Вороны и Суры, окаймляя с севера и запада степное пространство между Волгой... и Средним Доном»^[154]. В таком случае река, на которой мадьяры стоят зимой и которая «отделяет их от русов», – Средний Дон и его притоки – Хопер и Медведица. Как мы говорили раньше, на этих реках еще в XV в. обитали мадьяры. Это и есть *восточная граница* русов с хаканом во главе, упоминаемых в «Пределах мира». *Южная граница* также известна – это низовья Дона и Донецкий кряж («Русская гора», отделяющая внутренних булгар от русов). О северных пределах Русского каганата источник свода о Евразии «Худуд» не знал, как и о северных и северо-западных районах Восточной Европы в целом.

Описание же страны русов у анонима заставляет искать их за пределами восточнославянского мира (см. выше).

Сведения об остальных народах Восточной Европы указывают на датировку информации *не позднее первой трети IX в.*^[155]. Дата написания «Худуд аль-алам» – 982/983 гг. Как известно, один из ярко окрашенных этнических признаков археологической культуры славян-язычников – трупосожжение; ингумация никогда не была характерна для восточных славян I тысячелетия н. э. Это очень серьезное свидетельство в пользу неславянского происхождения русов нашего источника.

Текст о русах, как мы видели, в значительно более подробном виде содержится в работах практически всех ученых школы Джайхани с одним расхождением: у Ибн Русте, Гардизи, аль-Марвази и др. Рассказ о русах с хаканом во главе начинается с описания лесистого и болотистого «острова русов» в три дня пути длиной, окруженного озером или морем. Причем если остальные народы Восточной Европы даны в системе взаимных координат, то русы их не имеют. Единственное, что можно отметить: «остров русов» в изложении с востока на запад следует за славянами^[156].

Обычно исследователями отсутствие «острова» рассматривается как сознательная редактура автора «Пределов мира», при локализации народов Восточной Европы якобы опиравшегося на сведения X в. Аргументы приводятся следующие: «соседями русов названы печенеги и совсем не упомянуты венгры, бывшие в то время уже в Паннонии»^[157].

Нам уже представился случай убедиться, что мадьяры *«в это время»* были не на Дунае, а в Среднем Поволжье, поскольку сведения ХАА о степных и лесостепных племенах к западу и к востоку от Волги аутентичны. Печенеги указаны как соседи с востока, а не с юга (как это было бы логично для X в.).

Сравнение же сообщений о мадьярах у гузанского географа и в традиции Джайхани дает возможность определить взаимную датировку сведений о степи и, следовательно, о славянах и русах. Последователи Джайхани^[158] не только локализуют мадьяр между Кубанью и Доном – они *компилиативно* вставляют эту информацию в источник, которым пользовался автор «Худуд» (фраза из «Пределов мира» подчеркнута):

«Между землей печенегов и болгарских Эсегель^[159] лежит один из краев мадьярских. Земля их обширна. Одной окраиной она прилегает к Румскому морю (Черноеморе. – Е.Г.), в которое впадают две реки, одна из которых больше Джейгана (Амударыи. – Е.Г.). Между этими-то двумя реками и находится место пребывание мадьяр»^[160].

Три «разряда» буртасов переносятся, очевидно, автором «Анонимной записки» на булгар, так как кроме булгар Подонья ему уже известна и Волжская Булгария (в «Записке» имеется ее подробное описание, как мы убедились из «Дорогих ценностей» Ибн Русте).

Уже по этим сведениям можно осторожно предположить, что во времена автора «Записки» локализация русов *представляла затруднение для восточных географов*. Напомним, что торговая магистраль по реке Рус, судя по данным археологии, перестала существовать во второй трети IX в.

Значит, арабы уже не были экономически связаны с этим регионом.

Само описание «острова русов» дает возможность немалого простора при переводе с арабского, начиная со слова *джазира*, которое может обозначать как остров, так и полуостров, и даже междуречье (аль-Джазира – северная часть Месопотамии, а также междуречье Белого и Голубого Нила). В самой старой из сохранившихся редакций сообщений об «острове»^[161] – у Ибн Русте – указано не море (*бахр*), а озеро или маленькое море (*бухайра*). Более поздние географы говорят либо об озере, либо о море. В сочинение Марвази попало как море, так и озеро^[162]. Обычно этот фрагмент переводят так: «А что касается русов, то они живут на острове в море … там деревья и леса, вокруг них – озеро»^[163]. В таком виде сообщение выглядело явно нелогично. Это дало возможность В. Ф. Минорскому, переводившему и комментировавшему текст, отметить возможность другого перевода: «…около^[164] них – озеро»^[165]. То есть «остров русов» может быть не только островом, но и полуостровом, и не в море, а в озере (маленьком море) или около него. Но можно попробовать переводить отрывок из Марвази без оглядки на то, что потом сей «остров русов» нужно будет куда-нибудь поместить и желательно туда, где вы планируете найти русов. То есть не изменяя, например, род и число местоимений в зависимости от ваших целей. Тогда получится следующее:

«А что касается русов, то они живут на острове в море… И на нем леса и деревья, и около него («острова». – Е.Г.) маленькое море (или озеро. – Е.Г.).»

Если верить Марвази, то получается, что земля русов разделяет море и маленькое море или озеро. А по Ибн Русте, русы живут просто на маленьком море или озере. Таким образом, определить расположение «острова русов» на основании только восточных источников невозможно.

Чем позднее, свежее сведения о Восточной Европе в арабо-персидской литературе X – XII вв., тем сложнее и запутаннее становится сообщение о народе русов. Ученых классической школы (основатель – аль-Балхи, род. ок. 850 г. – ум. в 30-х гг. X в.) появляется рассказ о «трех группах русов» – один из самых известных и неясных сюжетов восточной географической литературы. Надо отметить, что сюжет пользовался не только популярностью, но и доверием ученых, так как его посчитал нужным вставить в свое сочинение гузганский аноним (именно в части характеристики трех групп русов, которые он считал городами, стоящими на одной реке Рус недалеко друг от друга)^[166]. Вот как выглядят русы и их «группы» у географа X в. аль-Истахри:

«Русы. Их три группы (джинсы). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куй-аба, и он(город) большие Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и (третья) группа их, называемая аль-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе.

И люди для торговли призывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?). Ирусы – народ, сжигающий своих мертвых… и одежда их короткие куртки… и эти русы торгуют с Хазарами, Румом и Булгаром Великим, и они граничат с северными пределами Рума, их так много и они столь сильны, что наложили дань на пограничные им районы Рума, внутренние Булгары же христиане»^[167].

В «Книге путей и государств» аль-Истахри сохранилась наиболее ранняя и, по мнению Б. Н. Заходера, полная редакция этого сообщения^[168]. Составление этого дорожника датируется 930—931 гг., то есть после знаменитого путешествия Ибн Фадлана на Волгу. Ибн Фадлан – секретарь мусульманского посольства в Волжскую Булгарию 921—922 гг. Посольство было отправлено из Багдада для помощи главе булгар Алмушу, желавшему освободиться от хазарской дани. Поэтому с послами была отправлена немалая сумма денег – несколько тысяч динариев (золотых монет). По дороге к булгарам, которая заняла почти год, динарии «испарились», и Алмуш получил лишь моральную поддержку. «Записка» Ибн Фадлана халифу аль-Муктадиру появилась как следствие этого казуса – ведь исчезновение финансовых надо было объяснить. Нельзя сказать, что объяснение послов выглядело изящно, но зато оно полно этнографических описаний встреченных по пути народов. Благодаря им этот отчет превратился в арабском мире в «бестселлер», который переписывали много раз. В Булгаре послы встретили неких русов, которые сжигали покойных в ладье и выглядели, по словам Ибн Фадлана, так:

«И я не видел людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, (но носит) какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них имеется секира и меч и нож, и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы сейчас упомянули. Мечи

их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтей кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений и тому подобного. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или меди, или золота, в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца – коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди... Они грязнейшие из тварей Аллаха – (они) не очищаются от испражнений, ни от мочи, и не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие осли. Они пребывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле»^[169].

Именно из «Записки» Ибн Фадлана, как видно из текста, и были позаимствованы Истахри и вслед за ним другими представителями школы аль-Балхи новые сведения о Восточной Европе. Русы «Пределов мира» и Джайхани, с одной стороны, и русы Балхи и Ибн Фадлана – с другой, представляют совершенно разные народы. Об этом свидетельствует описание сожжения в ладье мертвого руса у Ибн Фадлана и позаимствовавших эти сведения классической школы и аль-Масуди. Очевидно, что и впечатления от внешнего вида русов у Ибн Фадлана и у школы Джайхани, мягко говоря, разные.

Известие о появлении этих русов на Атиле датируется примерно 920 г. И эти русы сжигают мертвых, торгуют с Румом и граничат с северными пределами Рума. Красочно описанное трупосожжение, а также торговые партнеры и границы свидетельствуют о том, что это совершенно другое племя.

Однако вернемся к трем группам русов. И Истахри, и Ибн Хаукалъ вплетали эти данные в старую канву Ибн Хордадбе-ха, аль-Джайхани, аль-Басри. Сведения о трех группах русов датируются сейчас востоковедами не позднее второй половины IX в.^[170] и, значит, не имеют отношения к русам Ибн Фадлана с их специфическим представлением о гигиене и сожжении трупов.

С начала XIX в. этот рассказ пытались интерпретировать и востоковеды, и историки-слависты, и археологи. В результате выявилось два принципиальных подхода.

Одни ученые пытались локализовать эти «виды» на огромной территории в границах Киевской Руси XI в. Аргументация этой линии строится на неоднозначности арабского «синф» (вид, группа, племя, род). Куйаба и Славий были безапелляционно объявлены Новгородом и Киевом: «локализация первых двух групп русов – Куйабы в Киеве, Славии в центре, находившемся на месте будущего Новгорода или рядом с ним, не вызывает особых разногласий у исследователей»^[171].

Что касается Арсы, то здесь среди представителей первого направления разгорелись жаркие споры. Ведь несмотря на то что жители Арсы страдают ксеноктонией, то есть так не любят иноземцев, сведений о них больше всего. Версии, естественно, напрямую зависели от того, кем считал русов автор. Например, норманист А. П. Новосельцев видел в Арсе Белоозеро^[172], а представитель «роксоланского» направления Д. И. Иловайский – Тмутаракань^[173].

Другой подход – это локализация *в одном месте*. Опорой ему служат данные «Пределов мира» и карты аль-Идриси, где «группы» обозначены как города на реке Рус. Эти три города располагали то в Поволжье, то на Днепре или даже в Балтийской Славонии^[174].

В настоящее время большинство ученых, занимающихся этой проблемой, придерживаются первого подхода. Но рассказ о видах русов, перемещаясь во времени и пространстве от Гузгана до Кордовы с IX по XV в., подвергался историческим изменениям. Несмотря на трепетное отношение средневековых географов к предшественникам, они проецировали на древние тексты свое *современное* отношение к тем же русам, свои представления о них.

Описания видов русов крайне разнородны. Если аль-Истахри говорит о Куйабе как о разряде, ближайшем к булгарам, то в «Худуд аль-алам» это город, «ближайший к мусульманским землям». Как было показано выше, свод данных о Восточной Европе «Пределов мира» может датироваться *не позднее первой трети IX в.*, когда булгары не входили в понятие «мира ислама», ибо приняли эту религию только в начале X в. Таким образом, можно предположить, что замена «мусульманские земли» на «булгаре» была произведена под впечатлением «Записки» Ибн Фадлана, побывавшего в Булгарии как раз в пору принятия ислама.

В отношении «самого загадочного» центра русов – Арсы (Уртаба) гузганский ученый приводит вообще уникальные данные о производстве там «очень ценных клинов для мечей и мечей, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму». Понятно, что это описание противоречит сообщению Ибн Фадлана о «плоских, бороздчатых, франкских» мечах. Свойствами, описанными анонимом, обладает только один вид стали – булат. Секрет изготовления булатного, давно (со времен Аристотеля) известного на востоке, в частности в Персии, был открыт в Европе (кстати, в России) лишь в начале XIX в. В традиции Джайхани, очевидно,

описание русских мечей «Худуд аль-алам» трансформировалось в «соломоновы мечи» русов. Еще И. Хаммер сделал предположение, что эпитет «соломоновы» может быть приложим к булатным мечам, изготавлившимся в Хорасане.

Очевидно, это противоречие заставило Истахри и его последователей исключить из рассказа о группах русов сюжет о мечах.

Сейчас нам важно не выявление первоначального варианта: были в тексте IX в., который использовался в «Пределах мира», три города русов или это вставка, сделанная под влиянием географов классической школы. Вполне допустимо, что в начале IX в. на торговой артерии «Рус» существовали такие города. Наиболее значимо *понимание* этих данных географами начиная, очевидно, с X в., когда действительно под «группами» подразумевались крупные и очень разные территориальные образования (схема интерпретации сведений первоисточника о булгарах).

Особенно ярко это видно на карте аль-Идриси и в его сочинении «Нузхат аль-муштак», где соединяются разные традиции арабо-персидской географии:

«6-я секция VI климата. Внешняя Русь. Русов – два вида. Один их вид – это тот, о котором мы говорим в этом месте (Внешняя Русь. – Е.Г.). А другой их вид (наиболее отдаленная Русь) – это те, которые живут по соседству со страной Ункарийя (Венгрия. – Е.Г.) и Дж(а)сулийя (Македония. – Е.Г.). Русов три группы. Одна их группа называется равас, и правитель ее живет в городе Кук(и)йана. Другая их группа называется ас-Салавийя, и правитель ее живет в городе Салав. Этот город стоит на вершине горы. Третья группа называется аль-Арсанийя, и правитель ее пребывает в городе Арса. Город Арса – красивый укрепленный город на горе, и местонахождение его – между Салави Кук(и)йана. От Кук(и)йаны до Арсы четыре перехода, а от Арсы до Салав четыре дня. Купцы-мусульмане из Арминийи (Армения) доходят до Кук(и)йаны. Что касается Арсы, то шайхаль-Хаукали сообщает, что никто из чужеземцев туда не проникает, так как они обязательно убивают всякого чужестранца, входящего к ним, и никто не отваживается войти в их землю. От них вывозят шкуры черных леопардов^[175] и черных лисиц и свинец – все это вывозят от них купцы Кук(и)йаны.

...От города Нарус в восточном направлении до города Салав сто тридцать пять миль... От города Салав до города Кук(и)йана из земли булгар восемь переходов. Кук(и)йана – город тюрок, называемых Руса»^[176].

В тексте у Идриси в качестве одной из «Русий» имеется в виду Киевское государство. Описание его городов – Киева, Смоленска, Канева и других – находится в 5-й секции VI климата^[177]. А вот на карте и в приведенной 6-й секции восточнославянские земли находятся вне классификации русов. Да и расположены эти русы **восточнее** городов Поднепровья, известных Идриси по рассказам современников (XII в.). А русов и на карте, и в тексте два вида: Русийатюрк, иначе «внешняя Русийя», которой и принадлежат города Кукийнана, Салав и Арса, и «другой вид – это те, что по соседству со страной Ункарийя и Джакумийба». Этот «другой вид» Идриси называет «наиболее отдаленной Русийей».

О двух видах русов говорит в восточной литературе только аль-Идриси. Это свидетельствует о его стремлении создать непротиворечивую картину из сведений о разнородных племенах русов, данные о которых он почерпнул из различных источников. В данном случае он разделяет Русийю-турк, располагавшуюся где-то на пространстве от Русской реки до Атиля, и Прикарпатскую Русь. Города Поднепровья в своем комментарии к 6-й секции аль-Идриси к какой-либо Руси не относит. Важно упоминание о *ру сах-турках*. Идриси специально выделяет их, остальные виды русов турками не считая. Почему? Очевидно, рассказ о них Идриси взял из древней, возможно, IX в., рукописи, в которой сведения о трех городах русов помещались в главе о турках. Кстати, именно так и есть в «Пределах мира»...

В данном случае пока нет смысла браться за локализацию «видов» русов. Главное – что арабо-персидские географы X – XII вв. знают их несколько, причем разноэтничных.

* * *

Можно подвести первые итоги. В арабо-персидской географии Средневековья древнейшими сведениями (из тех, что сохранились) о русах обладал анонимный автор «Пределов мира». Именно с них начинаются и сообщения о русах с хаканом во главе. Этот корпус известий о Восточно-Европейской степи и лесостепи, который можно считать достоверным. Это доказывают сопоставления с археологическим материалом, который датируется концом VIII – началом IX в. не позднее 830-х гг. (появление мадьяр в Причерноморье и прекращение торговли по «реке Рус»). Русы локализуются в данном сочинении на территории среднего и верхнего течения реки Дон, Северский Донец до правых притоков Днепра, ограничиваясь с востока западной частью Приволжской

возвышенности и Средним Доном, с запада восточными славянами и с юга – Донецким кряжем и булгарами Подонья.

Сюжет об «острове русов» – это позднейшая вставка, которую можно приблизительно датировать временем сочинения «Анонимной записи» (вторая половина IX в.). Сюжет об «острове» возник, скорее всего, так: хорошо знакомые арабам русы Подонья сменили место жительства, сохранив ненадолго торговые связи. От них арабы узнали, что теперь их поставщики мехов и рабов обитают на неком острове или полуострове и плавают на кораблях. Его точное расположение не указано, ибо арабских торговцев не интересовало в коммерческом плане. Русы в сочинении «Худуд аль-алам» и трудах школы Джайхани иноэтничны по отношению к восточным славянам.

Аль-Идриси. «Нузхат аль-муштак фи хтирак аль-афак». VI/XIIв.

Комплекс известий о русах в «классической» традиции относится к началу X в. и повествует о другом племени со схожим или тем же названием, о чем свидетельствует противоположность основных этнических признаков, характерных для русов IX и X вв.

Очевидно, что в арабо-персидской средневековой литературе можно выделить несколько традиций, рассказывающих о разных периодах и совершенно различных народах Европы с похожими этническими названиями. Соединение их можно видеть на карте Идриси середины XII в., где в Подонье располагается Русийатюрк, на Дунае – противоположная ей «наиболее отдаленная Русь», а города Среднего Поднепровья, составляющие «древнейший объем Киевской Руси», перечисляются вне данной классификации, то есть племя русов понимается как неславянское.

Наиболее же подробные и ранние описания относятся к так называемому Русскому каганату, локализуемому восточными источниками *в верховьях Донца и Дона*. Судя по удачному сравнению данных археологии с информацией о других племенах, в этом районе должна находиться высокоразвитая культура, как раз принадлежавшая русам. Именно обращение к ней позволит определить этническую принадлежность русов и восстановить политическую историю первого Русского государства.

Часть II СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ХАЗАРИЯ ИЛИ РУССКИЙ КАГАНАТ?

Исследование арабо-персидских географических источников показало, что наиболее ранние из них помещают Русский каганат где-то в междуречье Дона и Северского Донца. Восходит эта информация к концу VIII – началу IX вв. Однако при наложении этих данных на этнокультурную археологическую карту Восточной Европы того периода оказывается, что эту территорию занимают памятники одного из вариантов салтово-маяцкой археологической культуры VIII – начала X вв. Развалины белокаменных замков, обширные поселения искусственных ремесленников – гончаров и металлургов, могильники с останками вооруженных до зубов воинов, богатые монетные клады... Казалось бы, вот он, Русский каганат, о котором спорили уже три века! Но, открывая любую книгу, посвященную этой культуре, сразу сталкиваешься с одним и тем же препятствием. Салтовскую культуру давно почти безоговорочно определили как *государственную культуру Хазарского каганата*. А все восточные источники говорят о независимом и сильном государстве русов, не находившемся в хазарском подчинении. Упоминают о подчиненных хазарам буртасах, булгарах Поволжья, хазарских печенегах, мадьярах... *Но только не о русах и славянах*. Поэтому для исследователя проблемы Русского каганата остается два пути: либо объявить сведения восточных географов недостоверными именно в отношении русов и славян и искать каганат в другом месте, либо все-таки обратиться к рассмотрению салтово-маяцкой культуры.

Однако точность локализации других племен Восточной Европы и совпадение с археологическими данными в едином корпусе сведений персидского сочинения «Пределы мира» не вызывает сомнений, поэтому первый вариант для ученого неприемлем. Тем более что салтово-маяцкая культура (далее – СМК. – Е.Г.), как принадлежавшая Хазарскому каганату, вызывает ряд

вопросов при первом же взгляде на ее огромную территорию, занимающую всю Юго-Восточную Европу от правых притоков Днепра до Поволжья и Дагестана, включая степи Подонья и Приазовья.

Поэтому прежде всего необходимо выяснить, соответствуют ли описания Русского каганата письменных источников данным археологии по различным вариантам СМК, тем более что ареал распространения культуры огромен и большинством исследователей связывается с Хазарским каганатом.

Археологический же материал может пролить свет на события этнической и государственной истории лишь *при его отождествлении с культурой народов и государства, известных по письменным источникам*. И основным методологическим вопросом здесь является проблема соотношения археологической культуры, этноса и государства. Поэтому необходимо сделать экскурс в историю археологии и выяснить, во – первых, что же такое «археологическая культура» и по каким признакам ее выделяют. Во-вторых, что может дать археология при изучении вопроса о происхождении народа и государства.

Археологию часто называют «историей, вооруженной лопатой», потому что археолог, прежде чем изучать материальные источники, выкапывает их из земли. Главное понятие в археологии – *археологический памятник*. Это любая вещь или комплекс вещей, которые связаны с жизнедеятельностью человека. Основными археологическими источниками являются древние поселения и погребения, а также клады, сельскохозяйственные угодья, дороги, корабли и т. д.

Само понятие «археологическая культура» сложилось в ходе археологических раскопок. Поэтому сложности в определении понятия об археологической культуре, их выделении и классификации возникли сразу после зарождения археологии. С одной стороны, ученых появились объективные данные материальной культуры, с другой – интерпретация этих данных оказалась не менее сложной, чем запутанных письменных источников.

Ясно, что для выделения археологической культуры должны быть сходными определенные категории найденных вещей. Однако вопрос состоял в выделении этих конкретных категорий, круга признаков археологической культуры. Ведь под археологической культурой понимаются порой очень разные явления. Например, выделяемая для бронзового века ямная культура простирается на тысячи километров от Днестра до Алтая. Ясно, что говорить даже об отдаленном этническом родстве людей, оставивших ее, можно с большой осторожностью. Тогда как, к примеру, роменская культура IX – X вв. на Левобережье Днепра оставлена одним племенным союзом – летописными северянами.

В настоящее время дискуссии об определении признаков археологической культуры не прекращаются. Сложностей в разработку этого основного для археологии понятия добавляет отсутствие собственного «логико-методологического базиса» этой дисциплины. Потому выделилось два подхода к вопросу об археологической культуре, различие между которыми основано на понимании целей и задач археологии в целом. Если археология рассматривается ученым как самостоятельная наука, тогда определение им археологической культуры включает социально-исторические характеристики общности, ее оставившей.

Другой подход основан на понимании археологии как исторической дисциплины, отрасли знания, обслуживающей историческую науку. В таком случае археологическая культура определяется лишь как классификационное понятие, решающее задачу сортировки находок. По замечанию Ю. Н. Захарчука, отнесение комплекса археологического материала к той или иной культуре основано только на *визуальных наблюдениях* во время раскопок. Разные исследователи выделяют свой комплекс признаков археологической культуры. Следовательно, можно лишь говорить об археологической культуре в понимании отдельных исследователей. То есть археологическая культура – не более чем технический термин, складывающийся в ходе эмпирического исследования, а не отдельная «объективная реальность». Однако археологическую культуру нельзя изучать вне связи с древней общностью, оставившей ее. Поэтому проблема заключается в том, чтобы выделить круг памятников материальной культуры, с помощью которых можно определить этническую принадлежность их создателей, а также форму общественно-политического устройства.

Многие советские ученые выявили признаки, отражающие этническую принадлежность. Основные *этнические признаки* для языческого времени – обряд погребения и другие культовые явления, то есть то, что наиболее консервативно в народной жизни. Например, это лепная керамика, которую изготавливали женщины – не на продажу, а для хозяйственных нужд. Это искусство передавалось от матери к дочери на протяжении поколений, не изменяясь. Из той же серии – сосуды для ритуальной загробной трапезы, которые клади в могилу.

Содержание самих выделяемых археологических культур (по указанным причинам) неодинаково

для каменного века и бронзы, для эпохи первобытности и ранних государств. Последние десятилетия вновь открытые культуры раннего Средневековья выделяются именно по комплексу этноопределяющих признаков: погребальному обряду, лепной керамике и т. д. Если комплекс археологических памятников разнотипен, то общность археологической культуры устанавливается только тогда, когда на месте одного поселения находят лепные горшки, типичные для разных народов, а в одном могильнике или даже погребении – свидетельства разных обрядов. В этом случае налицо начавшееся смешение этносов. Таким образом, археологическая культура раннего Средневековья соответствует этносу или формирующейся новой этнической общности.

Для выделения более широких археологически близких областей было введено этнографо-археологическое понятие «культурно-историческая общность» (КИО). КИО складываются вследствии сходных *природных условий* обитания и общих видов *традиционной хозяйственной деятельности* и объединяют разные этносы *независимо* от их генетического, языкового и политического родства. Например, для кочевников характерна юрта или юртообразное жилища (когда они начинают переходить к оседлости). В юртах жили все скотоводы I тысячелетия н. э. по всем степям Евразии. И если появлялся новый тип конской упряжи, то это модное веяние распространялось на земли от Монголии до Северного Причерноморья. Ясно, что на этих территориях жил не один народ, образовалось и погибло не одно кочевое вождество. И конечно, отождествлять КИО с государственным образованием тоже нельзя.

Археологические же признаки протогосударства («предгосударства») и государства на данном этапе развития археологии четко не выделены. Это должны быть памятники, отражающие основные черты этих структур, отличающие их от организаций эпохи первобытности.

Глава 1

САЛТОВСКАЯ КУЛЬТУРА, или МИФ О ВЕЛИКОЙ ХАЗАРИИ

О древних городищах на Дону, Осколе и Северском Донце было известно очень давно, да и сегодня в этих местах можно увидеть остатки каменных укреплений – валов и стен. Уже в XVII в. русские географы составили их описание. В знаменитой «Книге Большому Чертежу» ее авторы, дьяки Разрядного приказа Данилов и Лихачев, особо выделили самые выгодные места для расположения русских пограничных гарнизонов в верховьях Северского Донца. Почти на всех выбранных точках находились развалины средневековых укреплений. Некоторые из них не дожили до наших дней: они были уничтожены при строительстве застав в XVII в. Но большая часть все же сохранилась.

Исследование проблемы этнической и государственной принадлежности салтово-маяцкой культуры (СМК), а также ее территории и хронологии ведет свою историю с 1900 г., когда были открыты первые ее памятники: катакомбный могильник у села Верхнее Салтово на Северском Донце и Маяцкое городище у Дивногорского монастыря на Дону. Археологический материал свидетельствовал о существовавшей здесь высокоразвитой и своеобразной культуры. Определение этноса ее носителей позволило бы пролить свет на многие моменты истории раннесредневековой Восточной Европы и Древней Руси. Поэтому данная проблема сразу приобрела некоторый политический оттенок.

Один из первых исследователей СМК А. А. Спицын высказал предположение о связи Салтовского могильника с алантами. На основе письменных и вещественных источников он пытался доказать, что с половины I тысячелетия н. э. и вплоть до монгольского нашествия в бассейне Дона обитал ираноязычный народ, именовавшийся: *сарматы, аланы, роксоланы, ясы*^[178]. То есть те, кто считается сейчас предками современных осетин. Бросающаяся в глаза близость Салтовского могильника к аланским памятникам Северного Кавказа привела к той же точке зрения выдающегося археолога первой половины XX столетия Ю. В. Готье^[179].

Поиски господствующего этноса

Уже в начале XX в. было очевидно, что СМК является, возможно, самой высокоразвитой культурой Средневековья в Восточной Европе. В письменных же источниках аланы-ясы таковыми не назывались, да и не локализовались в VIII – X вв. в большинстве случаев в Подонье. Поэтому

практически сразу, вопреки археологическим данным, начались поиски одного из «народов-господ», принесших «цивилизацию» славянам Поднепровья. А история изучения СМК приобрела характерные черты увлекательного романа, где главное формально остается «за кадром», но великолепно читается подтекст.

Попытка шведских археологов Т. Арне и Арендта доказать скандинавскую принадлежность СМК не получила поддержки по причине слишком очевидного отсутствия каких-либо аналогий в материальной культуре СМК и Скандинавии. Найти не то что скандинавов или германцев, но и самое отдаленное скандинавское влияние оказалось просто невозможно.

Но «господствующий этнос» вскоре был обнаружен. Им были объявлены хазары. Почему именно они? Еще до революции в отечественной науке сформировался взгляд на Хазарское государство как на самое могущественное в Европе, в подчинении которого находились все народы, населявшие ее в VIII – IX вв. Уже Густав Эверс, российский историк первой половины XIX в., пытаясь опровергнуть норманнскую теорию происхождения Русского государства, противопоставил ей... хазарскую. В начале XX столетия украинский историк-националист М. С. Грушевский объявил Хазарию сильнейшим государством Восточной Европы в VIII – X вв., которое спасло славян от нашествий кочевников и таким образом помогло им освоить будущие земли Киевской Руси^[180]. Опиралась эта гипотеза только на одно – на сообщения Повести временных лет о хазарской дани, которой были обложены поляне, северяне, вятичи, радимичи. О самих хазарах во времена Г. Эверса не было известно почти ничего, за исключением того, что они были кочевниками, жили на Нижней Волге и в Приазовье, а кроме верховного правителя – хакана, у хазар был еще и царь (бек). Примерно такое представление можно было составить из известных тогда в России источников.

К началу XX в. знания о Хазарии расширились – благодаря переводу арабских сочинений и уникального хазарского документа, письма царя Хазарии Иосифа испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту. Из них следовало, кроме прочего, что хазарская знать исповедовала иудаизм. Этот факт повлек за собой, во-первых, включение Хазарского каганата в историю еврейства (то, что сами хазары евреями этнически не были, игнорировалось). Во-вторых – оживление интереса к хазарам на волне политических событий конца XIX – начала XX вв., в частности, остро стоявшего тогда «еврейского вопроса». Так Хазария в глазах многих ученых, особенно в европейской историографии, поднялась на новую высоту, и зародилось «хазароведение».

Степной характер салтовской культуры и всплеск интереса к Хазарии побудил археологов Д. И. Самоквасова и Д. Я. Багалея в начале XX столетия выдвинуть гипотезу о хазарской принадлежности и подонских могильников, и близких им северокавказских памятников.

Общий вид Правобережного Цимлянского городища

Остатки привратной башни из тесаного камня

Но ни одна из этих точек зрения – хазарская или аланская – не была достаточно обоснована фактическим материалом. Слишком мало было известно о салтовской культуре.

К 1920-м гг. ученые пришли к следующим результатам: 1) стало ясно, что бассейн Дона был заселен народами, создавшими единую культуру, и был поставлен вопрос о ее государственной и этнической принадлежности; и 2) по находкам дирхемов СМК была датирована VIII – IX вв. Причем до 1930-х гг. СМК на всей территории от верховьев Северского Донца до Нижнего Дона воспринималась как единственная, этнически цельная.

Новый этап в интерпретации памятников СМК связан с именем ленинградского археолога и функционера от науки М. И. Артамонова. Под его руководством проводились обширные раскопки памятников салтовской культуры. В 1930-х гг. М. И. Артамонов со своей экспедицией изучал остатки двух крепостей у станицы Цимлянская на Нижнем Дону (сейчас там Цимлянское водохранилище). Одну из них, стоявшую на левом берегу реки, археолог сумел отождествить с развалинами хазарского города Саркел. Этот город был давно известен ученым по русским летописям, в которых назывался Белой Вежей (буквальный перевод тюркского Саркел). Именно его захватил в 965 г. киевский князь Святослав Игоревич. Раскопки Саркела были продолжены в 1949—1951 гг., когда было решено соединить Дон и Волгу каналом и создать водохранилище –

«Цимлянское море». Так М. И. Артамонов возглавил первую новостроечную экспедицию – Волго-Донскую. Саркел находился почти в центре будущего моря. Сейчас его развалины скрыты под пятнадцатью метрами воды, как и остатки другой крепости, находившейся на противоположном берегу Дона, – Правобережного Цимлянского городища.

Волго-Донская экспедиция была одной из крупнейших в истории отечественной археологии. Ученым удалось добыть массу уникального материала о ремеслах, торговли, религии, военном деле жителей этих двух крепостей. Медики и антропологи исследовали тысячи скелетов из городских могильников, восстановив облик людей той эпохи и изучив их болезни. Антропологическая коллекция, собранная в экспедиции, стала одной из самых крупных в России.

Добытые материалы были положены М. И. Артамоновым в археологический «фундамент» хазароведения. Краеугольным камнем для этого стало сходство между культурой людей, живших в достоверно хазарском Саркеле, и тех, кто оставил поселения и городища на Среднем Дону и Северском Донце.

Артамонов исследовал проблемы развития СМК, социально-экономического строя ее носителей и еще в 1940 г. поста – вил вопрос о разделении СМК на различные варианты. В один из них автор включил район между средним течением Дона и Северским Донцом (памятники у сел Салтовское, Ютановка, Покровка, хутора Зливки). Именно эту группу Артамонов объединил под понятием «салтово-маяцкая культура». Другую группу, в которую входили кочевые стоянки и захоронения, он выделял под названием «поселения хазарской эпохи на Нижнем Дону»^[181]. Эту градацию археолог сохранил и в своей обобщающей работе «История хазар», вышедшей в свет в 1962 г., где он на основании своих представлений о размерах Хазарского каганата и его определяющей роли в истории Восточной Европы того периода включил СМК в Хазарию.

Но все же М. И. Артамонов не объявлял салтовскую культуру государственной для Хазарского каганата. Считая, что каждая археологическая культура принадлежит особому древнему этносу, ученый лишь отметил, что к СМК тяготеют (по разным признакам) болгарская культура Дуная и Среднего Поволжья, культура болгаро-хазарского населения Таманского и Керченского полуострова и культура хазарского времени в Дагестане. Объединять эти варианты он не стал. То есть археологические памятники достоверно хазарских районов – Дагестана и Нижней Волги – ученый не считал салтово-маяцкими.

Артамонов объединил все же в СМК разноэтничные захоронения – в грунтовых ямах с брахицальным (круглоголовым) типом черепов и катакомбные с долихокальным (длинноголовым) типом черепов. Было очевидно взаимопроникновение этих вариантов, то есть, например, в одном могильнике встречались погребения, совершенные и по тому, и по другому обряду. Те, кто хоронил умерших в катакомбах – просторных ямах с ответвлением (дромосом), были определены археологами как аланы. К тому времени уже были неплохо изучены памятники Центрального Предкавказья, связанные, по мнению ученых, с аланами. Известен был и антропологический тип кавказских могильников, как оказалось, очень близкий к сериям черепов из Салтовского. Круглоголовое население было весьма похоже на жителей Волжской и Дунайской Болгарии и поэтому называлось праболгарским. Ни те, ни другие даже не были родственны хазарам.

Отнести же СМК к Хазарскому каганату ученого заставили следующие обстоятельства. Во-первых, М. И. Артамонов был фактически последним археологом, хорошо знавшим и ставшимся в полной мере использовать «классические» письменные источники при интерпретации археологических данных. Однако пользовался он при этом традиционными трактовками восточных известий, не исследуя их самостоятельно. Источники действительно не сообщали о самостоятельном и сильном племенном образовании алан в Подонье, а данные «Пределов мира» о локализации «внутренних булгар» еще не были введены в научный оборот в СССР (вышедший в Великобритании перевод В. Ф. Минорского не был доступен). Во-вторых, именно этим ученым была открыта Левобережная Цимлянская крепость и точно отождествлена с хазарским Саркелом письменных известий. Археологические и антропологические материалы Саркела однозначно говорили в пользу его единства с СМК. Третьим объединяющим СМК и Хазарию моментом для М. И. Артамонова был вывод об ассимиляции алан тюрками – праболгарами. Основанием для этой мысли послужила работа тюрколога А. М. Щербака, прочитавшего по-турецки надписи, которые были обнаружены на керамике и крепостных стенах салтовских городищ^[182].

Но Артамонов, дотошный и опытный исследователь, заметил и другое. На Северском Донце некоторые поселения салтовцев располагались там, где раньше жили славянские племена пеньковской культуры, известные византийцам VI – VII вв. как анты. Само название «анты» не славянское, а иранское^[183]. Среди пеньковских древностей особенно выделяется Пастьрское

городище в бассейне притока Днепра – реки Тясмин. Это было поселение ремесленников – гончаров, причем не славян, а потомков кочевых сармато-аланских племен. Очевидная связь культуры Пастирского городища Поднепровья и СМК привела археолога к осторожной догадке об ираноязычном народе «рус», имевшем отношение к СМК^[184]. Однако развивать эту мысль Артамонов не стал, ибо она противоречила его весьма стройной и аргументированной концепции.

Иной подход к разделению памятников СМК и определению ее государственной принадлежности применил археолог И. И. Ляпушкин, работавший в Волго-Донской экспедиции вместе с Артамоновым. Он более точно формулирует проблему очевидной неоднородности СМК, полагая, что существуют две *самостоятельные* культуры: салтовская (катаомбы, долихокранный антропологический тип, прямоугольные полуzemлянки) и зливинская (ямные погребения, брахираны с монголоидной примесью, округлые жилища – юрты). Кроме того, Ляпушкин, достаточно квалифицированно использовав восточные источники, в том числе и знаменитую еврейско-хазарскую переписку, впервые убедительно доказал, что «область междуречья Дона и Донца... в состав Хазарии в ее узком значении никогда не входила»^[185]. Однако если методика разделения СМК на салтовскую и зливинскую группы получила продолжение и поддержку у всех исследователей, то главный его вывод о самостоятельности племен СМК по отношению к Хазарии был просто проигнорирован. Возможно, и потому что И. И. Ляпушкин не провел убедительного отождествления данной области с известным по источникам самостоятельным племенным союзом. А может быть, и по другой причине. С. А. Плетнева, «столп» современного хазароведения, в книге, изданной «Центром развития иудаики на русском языке», пишет: «Недоговоренной остается в работе И. И. ЛЯ-ПУШКИНА только концепция о Хазарском каганате. От этого *создается впечатление, что ни хазар, ни такого государства как бы совсем не было* (подчеркнуто мною. – Е.Г.)»^[186]. То есть, по мнению Плетневой, если салтовская культура не входила в состав Хазарии, то и Хазарии не существовало. Но это не совсем так. Просто если хазар не было в Подонье, то размеры первого иудейского государства Восточной Европы надо резко сократить ...

Другой исследователь археологии СМК, Н. Я. Мерперт еще в 1949 г. в кандидатской диссертации обратил внимание на отсутствие этнического и культурного единства у населения Донецко-Донского междуречья^[187]. Н. Я. Мерперт провел разделение СМК фактически по тому же принципу, что и И. И. Ляпушкин, но более последовательно методологически и с более яркой этнической окраской. По этой причине в одну группу попали памятники разных географических зон, но объединенные общностью погребального обряда и антропологической характеристикой. Этому археологу принадлежит и мысль о связи салтовского варианта с сарматской культурой I – IV вв. в Причерноморье и с керамикой культуры полей погребений, оставленной североиранскими племенами^[188]. Эта догадка потом подтвердилась антропологическим материалом.

В методологическом (а не в историографическом, к сожалению) плане концепция Н. Я. Мерперта оказалась очень перспективной. Именно в этом направлении шел археолог Д. Т. Березовец, предложивший в 1970 г. версию об этнической принадлежности салтовцев, кардинально отличающуюся от предшественников. Березовец впервые высказал мысль об отождествлении сармато-алан СМК с русами арабо-персидских источников^[189]. Но дальнейшего развития его тезис не получил, более того, его восприняли как ересь и специалисты по истории Древней Руси, и исследователи СМК.

Новое поколение археологов, исследующих салтовскую культуру (1960—1990 гг.), достигло больших успехов на собственно археологическом поприще. Количество открытых памятников увеличилось почти в тысячу раз. Но, к сожалению, археологи этого поколения все меньше используют комплексный метод исследования и потому приходят к крайне противоречивым выводам. Очень ценный материал был собран и опубликован за эти годы С. А. Плетневой, ученицей М. И. Артамонова. В методике дифференцирования памятников СМК она считает себя последовательницей И. И. Ляпушкина, но использует его предложения весьма специфически. В группах-культурах Ляпушкина она видит лишь *территориальные* варианты, а в целом придерживается концепции М. И. Артамонова о хазарской государственной принадлежности культуры.

Варианты СМК (по С. А. Плетневой и А. З. Винникову): I – лесостепной, II – степной, III – приазовский, IV – крымский, V – дагестанский, VI – нижневолжский. Культуры, входящие в СМКИО: VII – аланы Северного кавказа, VIII – Волжская Булгария, IX – Дунайская Болгария, X – Волынцевская культура

С. А. Плетнева уже в одной из первых монографий попыталась снять самое слабое место в гипотезе своего учителя: она значительно расширила территориально СМК. Те районы, которые М. И. Артамонов считал самостоятельными культурами, близкими салтовской, она предлагает считать локальными вариантами: 1) лесостепной (салтовский) в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона; наиболее развитый и относительно ранний, он основан населением, антропологически близким к сарматам, жившим в том регионе в начале нашей эры, и к кавказским аланам; 2) степная зона Подонья, населенная праболгарами; 3) приазовский и 4) крымский варианты, в целом сходные с подонским; 5) дагестанский и 6) нижневолжский, где до сегодняшнего дня продолжаются поиски «собственно хазар»^[190].

Что касается северокавказских алан, дунайских и волжских булгар, чье археологическое наследие тоже сходно с первыми двумя «группами», то эти культуры «прошли в своем развитии салтовский этап, являющийся в какой-то мере вариантом СМК»^[191]. Конечно, если эти культуры включать в СМК как варианты, придется слишком непомерно и явно антиисторично расширять территорию Хазарского каганата. С. А. Плетнева же для создания стройной концепции так хотела включить в «государственную культуру Хазарии» памятники северокавказских алан. Ведь без этого нельзя доказать один из важнейших ее пунктов, а именно насильственное переселение хазарами алан в ареал лесостепного варианта^[192].

Работы С. А. Плетневой получили широкий резонанс в науке, и с 1970-х гг. ее гипотеза стала использоваться историками-норманистами, тогда уже сформировавшими представление о «норманно-хазарском» разделении Восточной Европы^[193]. Особенно гипотеза Плетневой оказалась удобна, когда данные письменных источников «не желали» подтверждать подвластность Хазарскому каганату всего юга Восточной Европы. Именно этим объясняется такое безболезненное восприятие исторической наукой и большинством археологов данного весьма и весьма спорного тезиса. В этом ключе написано и большинство новейших археологических трудов, концептуально остающихся на тех же позициях, но давших ценный фактический материал по социальной и этнической структуре этих «вариантов». Однако В. С. Флеров напомнил о дискуссионности версии С. А. Плетневой и фактически высказался против нее. Не решая прямо вопрос о территориальном определении СМК, он отмечает равноправное существование трех точек зрения: 1) восточноевропейская культура, возникшая на алано-болгарской основе и распространившаяся от Средней Волги до Нижнего Дуная; 2) государственная культура Хазарского каганата; 3) культура населения бассейна Дона – Северского Донца – Приазовья^[194]. Главный собственный вывод о понимании СМК делается им незаметно, на материале и только в отношении лощеной керамики салтовской культуры: по крайней мере *наименьшее* сходство выявлено между керамикой «лесостепной» и «степной» зоны и керамикой областей, непосредственно входивших в Хазарский каганат. В. С. Флеров и в других работах сделал немало важных частных выводов, противоречащих хазарской «государственности» СМК (см. ниже), но неконцептуальных обобщений. Сейчас, к сожалению, В. С. Флеров переключился на решение совсем другой проблемы и занимается обрядом обезвреживания у алан Северного Кавказа.

Размеры Хазарии по версии С. А. Плетневой

Эти долгожданные обобщения наконец-то появились в статье археолога Г. Е. Афанасьева, вышедшей в 2001 г. Ученый заметил, что выделение М. И. Артамоновым нижнедонского варианта СМК было *неаргументированным* (выделено мною. – Е.Г.) осторожным предположением, которое его ученики не смогли доказать. Г. Е. Афанасьев признал, что «если исходить из современных требований, предъявляемых к выделению археологической культуры и ее локальных вариантов... то станет очевидным, что эти признаки (выделенные С. А. Плетневой. – Е.Г.) вообще не могут быть использованы для выделения какой-либо культурно-территориально-хронологической группы археологических памятников»^[195]. Г. Е. Афанасьев – единственный среди археологов за последние десятилетия – выступает против тезиса о существовании в Хазарии единой государственной культуры. О современном состоянии проблемы он с горечью замечает: «Завершился процесс смысловой трансформации данного научного термина (СМК. – Е.Г.) априорной формулой: салтовская культура = археологическая культура Хазарии». Однако, сделав такие неутешительные для общепринятой концепции выводы, Г. Е. Афанасьев считает, что археологические признаки существования на данной территории Хазарского государства все-таки имеются. В качестве

таковых он рассматривает белокаменные и кирпичные крепости в верховьях Северского Донца, Оскола, на среднем течении и в низовьях Дона^[196].

Таким образом, на данный момент среди ученых, которые занимаются историей восточных славян Средневековья и Древней Руси, преобладает точка зрения, что СМК – это государственная культура Хазарского каганата. Потому в абсолютном большинстве научных работ границы Хазарии упираются в Левобережье Днепра, совместные поселения салтовцев и славян объявляются доказательством зависимости славян от хазар, а великолепные замки на Северском Донце и Дону называются «пунктами сбора дани».

Проблема территории Хазарского каганата всегда привлекала внимание исследователей, и не только потому, что источники содержат об этом много данных, весьма противоречивых и сложных.

Период славяно-русской истории, предшествующий образованию Древнерусского государства, а также истории Юго-Восточной Европы VII – IX вв., и в отечественной, и в зарубежной историографии уже давно связывается с представлением о безоговорочном господстве на этой территории Хазарского каганата. Наиболее точно выразил эту мысль А. П. Новосельцев: «Главная особенность Восточной Европы – зависимость значительной части ее от такого сильного государства, как Хазария ...» (подчеркнуто мною. – Е.Г.)^[197]. Единственная попытка противостоять этой точке зрения была пред – принятая Б. А. Рыбаковым. Академик справедливо отметил, что ни в одном из арабо-персидских источников не говорится о зависимости славян и русов от хазар, а также рассмотрел реальные границы Хазарии по данным письма царя Иосифа^[198].

Но предложить взамен «хазарской» теории менее спорную концепцию Б. А. Рыбаков не сумел, поэтому его противники, согласившись с определенной Б. А. Рыбаковым территорией, назвали ее «землей, занятой собственно хазарами и бывшей, по – видимому, доменом хазарского кагана»^[199]. Земли Донецко-Донского междуречья, по их мнению, не были знакомы арабам, в отличие от более западных и северных славян – вятичей и северян, и не назывались в источниках никак, несмотря на то что население этих земель этнически не было хазарским.

Интересно, что источник А. П. Новосельцев при включении данной территории в состав Хазарского каганата ссылается на археологические раскопки^[200].

Признания царя Иосифа

Вопрос о размерах Хазарского каганата не один раз был предметом дискуссий в исторической литературе. Мнения варьировались от огромной территории, включая Заволжье и Среднее Поднепровье, до скромных земель в низовьях Волги и Предкавказье, в западном направлении едва доходивших до низовий Дона. В современной литературе, как указывалось выше, преобладает гипотеза М. И. Артамонова, развитая С. А. Плетневой.

Основной письменный источник, на котором зиждется эта точка зрения, – так называемая Еврейско-хазарская переписка X в. Она представляет собой письмо министра финансов омейядского халифа в Испании Абдуррахмана II (912—962 гг.) Хасдаи ибн Шафрута к хазарскому царю Иосифу и ответ Иосифа на сие послание. Время написания документов – середина X в. Хасдаи от еврейских купцов получил сведения о существовании где-то на востоке Европы государства, правители которого исповедуют иудаизм, и решил установить с ним контакты. Для нас важно не письмо министра, а ответ Иосифа, написанный незадолго до разгрома Хазарии киевским князем Святославом. Он по сей день является главным источником по истории Хазарского государства. Иосиф рассказывает об истории своей страны, о принятии хазарами иудаизма и о географии Хазарии.

Ответ Иосифа известен в двух редакциях, краткой и пространной. Обе они восходят к одному источнику. Древнейший вариант, дошедший до нас, датируется концом XI – началом XII в. Сохранился он в сочинении еврейского писателя того времени Иехуды бен Барзиллай («Барселонца»)^[201]. Обнаружил и впервые опубликовал краткую редакцию письма Исаак Акриш в 1577 г. Текст был явно сокращен и содержал исторические неточности, поэтому его переводчики на европейские языки предостерегали ученых от использования письма как исторического источника.

Но подлинной сенсацией стала находка пространной редакции письма. Ее нашел в Каирской генизе (хранилище рукописей при синагоге) коллекционер древних книг по истории евреев и караимов Авраам Фиркович (1787—1874). В этом варианте содержались важнейшие дополнительные сведения по истории народов и территорий, располагавшихся по соседству с Хазарией. Но находку ждала непростая судьба.

Репутация А. Фирковича была неоднозначна. По происхождению и вере Абен Решеф^[202] был

караимом. Это течение в древности (VIII в.) отделилось от основной массы иудаистов. «Караим» на иврите буквально обозначает «читающие». Эта секта отрицала Талмуд, признавая лишь Библию единственным источником веры. Большая община караимов находилась в Крыму, куда они переселились из Византии после набега крестоносцев в XIII в. После присоединения Крыма к России царские чиновники с удивлением обнаружили, что «евреи-караимы» говорят не на идише, а на диалекте крымско-татарского языка. Это объяснимо: караимы, в отличие от талмудистов, принимали в свои ряды и не-евреев, в данном случае крымских татар. Отношения между раввинистами и караимами, и так крайне напряженные, осложнились и тем, что ограничения в правах, установленные российским правительством, на караимов не распространялись. Авраам Фиркович был признанным духовным лидером российских караимов XIX в. Он всю вторую половину жизни посвятил собранию – по всей Европе и Ближнему Востоку – древних еврейских манускриптов. После смерти Фирковича в 1876 г. его коллекция (более 15 000 уникальных документов) поступила в Императорскую Публичную библиотеку. Среди этих рукописей было и письмо царя Иосифа. Но противостояние между караимами и талмудистами переместилось и на научную почву. Коллекция оказалась в руках правоверного еврея А. Я. Гаркави и подобных ему коллег-востоковедов. А. Фиркович был объявлен фальсификатором, а большая часть его собрания – подделками. Со статьями о фальсификациях Фирковича, якобы пытавшегося «удревнить» историю караимов и доказать истинность их веры, дружно выступили ученые-иудеи из Европы. Особенно угнетало раввинистов наличие в коллекции крымских иудейских надгробий VI в. и более ранних с тюркскими и иранскими именами. Ведь это свидетельствовало не в пользу господства талмудического иудаизма. Более того, находки Фирковича в случае их подлинности свидетельствовали против существования талмудизма в Хазарии.

Единственным защитником репутации Абена Решефа оказался великий востоковед Д. А. Хвольсон, к тому времени принявший христианство.

Гаркави организовал настоящую травлю Хвольсона, представляя последнего чуть ли не идиотом. Результатом мощного давления стал выход в свет труда Д. А. Хвольсона о крымских надгробиях, в котором ученый объявил все найденное караимским собирателем «подозрительным»^[203]. Так ожесточенная дискуссия о рукописях Фирковича была фактически завершена, хотя А. Я. Гаркави почему-то продолжал кропотливо изучать «подделки», составляя их каталог. Только сейчас, через столетие, стали раздаваться голоса в защиту А. Фирковича^[204].

Тень «подозрительности» пала и на письмо царя Иосифа. Но П. П. Коковцов в исследовании 1930 г. доказал достоверность как краткой, так и пространной его редакций^[205]. В ответе Иосифа Хасдай ибн Шафруту, датируемом серединой X в., действительно перечисляется огромное количество племен – данников Хазарии:

Авраам Фиркович (Абен Решеф)

Краткая редакция

Она (Хазария. – Е.Г.) расположена подле реки, примыкающей к Г-р-ганскому морю^[206], на востоке на протяжении 4 месяцев пути. Подле реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут и в селах, и в городах, и в укрепленных городах. Их 9 народов, которые не поддаются точному распознанию и которым нет числа. Все они платят мне дань. Оттуда граница поворачивает (и доходит) до Г-ргана. Все живущие по берегу моря на протяжении 1 месяца пути платят мне дань (...)

С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, расположенных по берегу моря Кустантии^[207]. От туда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. (Возможно, имеются в виду гузы. – Е.Г.) Они живут в открытых местностях, незащищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границ Хин-диим. (Возможна конъектура Хиг-риим (угры). – Е.Г.)

(...) Пределы моей страны. (Точка отсчета – устье Волги. – Е.Г.) В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, и в южную сторону на 30 фарсахов пути, и в западную сторону на 40 фарсахов пути... В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути.

Пространная редакция

Я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращается к востоку на 4 месяца пути. У этой реки располагаются многочисленные народы... Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-рмис (черемисы. – Е.Г.), В-н-н-тит (тоже, что В.н.н.д.р арабо-персидской географии. – Е.Г.), С-в-р, С-л-вион... Все они мне служат и платят мне дань... (Города Хазарии. – Е.Г.) С западной стороны – Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суграб, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит (перечисляются владения в Крыму и на Тамани. – Е.Г.). (...) Я еще сообщаю размеры пределов моей страны, в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-гансского, в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени Угру^[208], в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени Бузан (очевидно, Дон. – Е.Г.), вытекающей из Угру, в северную сторону на 20 фарсахов пути до Бузана и склона реки к морю Г-р-ганско^[209].

По словам царя Иосифа, многочисленные племена, живущие по Атилю (Волге), платят ему дань. В краткой, более поздней, редакции, вместо названий племен упоминаются «девять народов, которые не поддаются точному распознанию и которым нет числа». А. П. Новосельцев сопоставляет это сообщение с указанием Константина Багрянородного на девять «климатов» Хазарии, прилегающих к Алании^[210]. Из этого востоковед делает вывод о том, что перечисленные Иосифом народы обитали западнее Волги. Единственной основой для такого сравнения является число «девять». Однако все данные византийского императора говорят в пользу классического расположения «климатов» в Восточном Крыму. В книге 11 Константин сообщает о постоянных нападениях, которые совершали аланы на хазар, когда переходили к Саркелу, Климатам и к Херсону^[211]. Из этого сообщения следует, во-первых, что «климаты» находились в Крыму или в Восточном Приазовье, а во-вторых – что между Хазарией и ее приазовско-крымскими владениями находились *независимые* аланские племена. Севернее же и западнее, где помещает «климаты» А. П. Новосельцев, по мнению Порфириогента, жили черные булгары и печенеги^[212]. А последний царь Хазарии прямо указывает на расположение даннических племен – по реке Атиль, а не западнее ее. Буртасы (бур-т-с), булгары (бул-г-р), савиры (с-вар), арису (эрзя?), черемисы (ц-р-мис) – народы, локализуемые именно в Поволжье.

Под последними тремя народами обычно понимаются восточнославянские племена, что подтверждается известным сообщением Повести временных лет:

«...Хазары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей по горностаю и белке от дыма»^[213].

Однако сопоставление В-н-н-тит с названием города славян Вабнит или Ва-и – в восточном сочинении «Худуд аль-алам» и у Ибн Русте (см. выше) лишь весьма спорная гипотеза. Тем более что этот город в арабо-персидской географии называется самым восточным в стране славян, пограничным с землями *русов*. Племя с-в-р даже А. П. Новосельцев считает не северянами, а вариантом тюрко-угорского *савир-сувар*^[214]. С этим можно согласиться, поскольку во второй половине I тысячелетия н. э. савиры были известны как в Западном Прикаспии (упоминаются у византийца Прокопия Кесарийского^[215]), так и в Среднем Поволжье (по сообщению Ибн Фадлана^[216]).

В отношении племени С-л-вион, считающегося «несомненно, той частью славян, которая и согласно Повести временных лет платила дань хазарам», тоже не все ясно, даже если предположить тождество с-л-вион и славян. В письме Иосифа этот народ локализуется в Поволжье. Кажется, славян на Волге в I тысячелетии н. э. быть не могло. Действительно, именно так считалось совсем недавно. Но последние исследования Среднего Поволжья показали, что в V – VII вв. там существовала именьковская археологическая культура, носители которой были *славянами*^[217]. В конце VII в. большая часть именьковцев покинула Поволжье, но некоторые остались и слились с населением Волжской Булгарии. Именно из-за этих славян Волга в арабских сочинениях о событиях VII в. называется «Славянской рекой», а Ибн Фадлан присваивает булгарину Алмушу титул «царя Славян».

Включать же в территорию Хазарского каганата все перечисленные Иосифом племена неверно (этого не делает и царь Иосиф). В хазарском письме перечислены все народы, когда-либо за историю Хазарии ей подчиненные. Вполне естественно, что Иосиф был склонен преувеличивать мощь своего государства, доживавшего в середине X в. последние годы. Следовательно, при поиске государственной археологической культуры Хазарии, если таковую возможно определить, необходимо исходить из границ собственно Хазарии, указанных в письме Иосифа и арабо-персидских географических сочинениях.

В краткой редакции письма сообщается, что в западную сторону Хазария простирается на 40 фарсахов, то есть менее чем на 300 км. Пространная редакция, восходящая к более древнему протографу, оценивает границы еще скромнее – около 200 км. В пространной редакции, кроме того,

в числе пограничных пунктов с запада называется Ш-р-кил, то есть Саркел. Такова территория Хазарского государства с запада по данным еврейско-хазарских источников. Ясно, что по сравнению с современными хазароведами царь Иосиф, объяви он о таких границах сейчас, мог бы прослыть антисемитом (именно в этом обычно обвиняют тех ученых, которые не стремятся преувеличить рассказ Иосифа).

Следовательно, судя по указанному расстоянию, основная область СМК (лесостепной и степной варианты) – междуречье Дона и Северского Донца – *постоянно в составе Хазарии не находилась*. И это полностью совпадает с выводами Б. А. Рыбакова и Г. С. Федорова о размерах Хазарского каганата^[218]. Основной творец «хазарского могущества» в современной археологии, С. А. Плетнева соглашается с такими границами, но датирует их «временем упадка Хазарии», X в. (то есть временем переписки)^[219]. К тому же периоду она несправедливо относит и информацию арабо-персидских источников.

Однако в традиции Джайхани (восходит к середине IX в.), а также в анонимном сочинении «Худуд аль-алам», данные которого датируются концом VIII – первой третью IX в. (см. часть I главу 2), Хазарский каганат локализуется даже в меньших пределах, чем указанные Иосифом. В «Пределах мира» границы Хазарии обозначены так (напомним):

«На восток от нее – стена, тянущаяся между горой и морем, и наконец море и некоторая часть реки Атиль; на юг Сарир, на запад горы, на север B.ra.dhas и N.nd.r (то же, что и V.n.nd.r. – Е.Г.)».

Западными соседями хазар здесь являются хазарские печенеги, обитавшие в Западном Предкавказье. О существовании Саркела, пограничного города на западе Хазарии, персидский аноним ничего не говорит. Это, во-первых, является еще одним подтверждением датировки источника о Восточной Европе до 830-х гг. (то есть до постройки Саркела). Во – вторых, из этого сообщения следует, что *в конце VIII – начале IX в. Хазария не выходила за пределы Предкавказья и низовий Волги*.

В тех же источниках упоминаются и зависимые от Хазарии народы: буртасы и хазарские печенеги. Плохо представлявшие Северо-Западное Причерноморье и Приазовье географы школы Джайхани не знали о хазарских владениях в этом регионе. Осведомленность в этом вопросе проявляют византийские современники. В VIII – начале X в. между Хазарией и Византией шла борьба за Таврику. Однако кроме крымских владений Феофан Исповедник и патриарх Никифор упоминают лишь приазовских булгар как хазарских данников:

^[220] «Из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря^[221]. Этот народ, сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне»^[222].

А Константин Багрянородный сообщает о враждебности «черных булгар» к хазарам:

«...Так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами»^[223].

Очевидно, что основная территория СМК с учетом этих известий не может быть признана частью Хазарского каганата, и соответственно сама археологическая культура – государственной для Хазарии.

Археология против хазарских соблазнов

Так ли уж прочен археологический фундамент хазароведения? Это легко проверить, внимательно рассмотрев доказательства, на которых держится теория хазарского господства. На сегодняшний день выделены следующие признаки единства СМК:

- бесфундаментная кладка стен городищ; отмечается, что этот строительный антисейсмический прием, необходимый в горных и предгорных районах (Дагестане и Крыму), прослежен и в остальных вариантах;
- стационарные неукрепленные поселения, основным типом жилищ которых были полуземлянки с очагом;
- столовая лощеная посуда, конские сбруи, воинские пояса, богатая женская бижутерия;
- попадающиеся в пределах распространения культуры рунические надписи^[224].

Указанные аргументы традиционно подтверждаются данными восточных источников о Хазарии, в первую очередь письмом предпоследнего или последнего царя Хазарии Иосифа испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту^[225]. Однако и эта «фундаментальная» аргументация при ближайшем рассмотрении оказывается зыбкой.

Археологические аргументы единства СМК в понимании С. А. Плетневой и ее последователей не менее сомнительны, чем только что рассмотренные сообщения хазарского царя. Напомним, что

первым объединил в одну «этнокультурную среду» население Саркела и Верхнего Салтова открывший Саркел М. И. Артамонов. Построенный при участии византийского архитектора Петроны, Саркел, по мнению М. И. Артамонова, не имеет общих черт с укреплениями лесостепного варианта – крепостями верховьев Северского Донца, Оскола и Среднего Дона.

Население же Саркела состояло из двух больших этнических групп: 1) оседлые земледельцы, жившие в западной, самой доступной части крепости в землянках с очагами, и хоронившие умерших по «зливкинскому обряду» (грунтовые ямы); 2) жившее в цитадели население с яркими признаками кочевого быта, составлявшее гарнизон. В отношении последних М. И. Артамонов отмечает, что их культура не сходна с СМК (в узком смысле), параллели можно провести с кочевническими памятниками Средней Азии, Казахстана, отдельными погребениями Заволжья, Кубани и Приазовья.

Необходимо отметить, что население раннего Саркела – периода постройки крепости – было уже антропологически разнородным, хотя второй группы еще не было. Все мужчины и часть женщин раннего Саркела по краниологическому типу идентичны черепным показателям Зливкинского могильника и Правобережного Цимлянского городища^[226] («праболгары»).

Краниологические показатели остальных женщин идентичны тем, что были обнаружены в Верхнем Салтве, то есть долихокрannому аланскоому. А вот мужские долихокrанные черепа в ПЦГ встречались, в Саркеле же – нет^[227]. Этот факт особенно знаменателен, поскольку в могильниках верховий Северского Донца захоронения зливкинского типа часто располагаются по окраинам катакомбных могильников, почти не имеют инвентаря и резонно трактуются как захоронения *зависимого населения*. Других примеров нет. Исходя из этих посылок, можно предположить, что строители Саркела были настроены весьма враждебно к салтовцам – ведь они или родственные им племена находились у салтовцев в подчинении. Женщины-долихокраны, скорее всего, пленницы (ведь мужские долихокrанные серии в раннем Саркеле не обнаружены).

Другим важным доказательством единства «шести вариантов СМК» является, по С. А. Плетневой и А. З. Винникову, бесфундаментная кладка стен. Такой вывод делается на основании того, что этот строительный антисейсмический прием, необходимый в предгорных районах, распространен в степи и лесостепи, не подвергавшихся землетрясениям. Однако приемы такой кладки в хазарском Предкавказье (городище у села Чири-юрт и др.) были *заимствованы* у аланского населения Северного Кавказа, родственного носителям лесостепного варианта СМК, и местных жителей Дагестана (государства Сарир)^[228] – не менее сейсмоопасных районов с более древними традициями домостроительства (хазары и в X в. оставались кочевниками).

Единство принципов строительства городищ является одним из культурообразующих признаков не для археологической культуры, а для *культурно-исторической общности*. Строительные приемы могут быть полностью переняты у одного народа другим. Сходные черты в строительстве крепостей прослеживаются на огромной территории, никогда не объединенной политически, – от Средней Азии до Византии, и учёные порой не могут определить, к какой традиции восходит тот или иной комплекс.

То же можно сказать и о полуземлянках с очагами, распространенных по всему югу Восточной Европы. Полуземлянка вообще была традиционным жилищем оседлого населения и заимствовалась при оседании кочевниками у соседних народов. Установлено, что восточноевропейская полуземлянка восходит к *славянскому жилищу*. Эта конструкция была в VII – VIII вв. заимствована сармато-аланским населением лесостепного варианта СМК и уже в IX в. воспринята у него праболгарами и другими тюрками, вступившими в стадию оседлости. Первоначальным же типом для праболгарского и, возможно, аланского варианта являлось юртообразное жилище с очагом в центре пола.

Схожесть бытового инвентаря, как сельскохозяйственного, так и керамики, также связана с оседлым образом жизни, который гораздо раньше был свойственен лесостепному, чем зливкинскому варианту, носители которого в VIII в. еще не завершили переход к оседлому образу жизни. Жители степи почти век после появления в Подонье имели стойбища почти без культурного слоя.

Многие принципы изготовления сельскохозяйственных орудий также были заимствованы салтовцами у изначально земледельческих славян.

Столовая серолощеная посуда, сделанная на гончарном круге, действительно была широко известна на юге Восточной Европы. Большинство учёных возводит традиции ее изготовления еще к черняховской культуре, распространенной в Северном Причерноморье и Поднепровье II – IV вв. Черняховская культура обычно называется культурой готского союза Германариха и включает

массу разных этносов: кельтов, готов, сарматов и алан, славян, фракийцев и др. Самые осторожные исследователи связывают начало этой гончарной традиции с керамикой типа Пастырского городища (VI – VII вв.) и балки Канцерка (VII – нач. VIII в.) в Среднем и Нижнем Поднепровье, включая Надпорожье и бассейн реки Тясмин.

Своим зарождением серолощеная керамика обязана сармато-аланским мастерам Крыма и Приазовья еще догуннского времени. Очень долгое время лишь сармато-аланы знали секрет ее изготовления, и она была своеобразным этномаркирующим признаком – в той же черняховской культуре. Праболгары, кочевавшие в Приазовье в VI – VII вв., именно тогда познакомились с лощеной керамикой. Возможно, некоторые сармато-аланы жили в Великой Булгарии, что подтверждает присутствие в ее памятниках серолощеной посуды.

После гуннского нашествия, когда часть алан отошла на Северный Кавказ, это ремесло стало популярным и там. В VI – VII вв. с ней познакомились на территории современного Дагестана – в Сарире и дагестанской Хазарии. Такое быстрое ее распространение естественно: гончарное дело у сармато-алан имело почти промышленные масштабы, везде, где ни появлялись они, сразу же возникали огромные по тем временам гончарные мастерские, производившие керамику на продажу.

Конские сбруи и пояса тем более не могут служить признаком для объявления СМК «государственной хазарской». Издавна, со скифских времен и до рубежа II тысячелетия н. э. существовала в степи воинская «moda», сочетающая в себе элементы практически всех народов, обитавших на юге Восточной Европы, и не только. Например, очень схожи сабли, изготавливавшиеся в VII – IX вв. на территории от Поднепровья и Подонья до Прикамья, а пряжки идентичны в СМК, в новинковской культуре, у тюрок Заволжья и на горном Алтае. Ни одно погребение еще не было отнесено к какой-либо культуре по данному признаку.

Таким образом, очевидно, что ни один из предложенных аргументов в пользу хазарской государственной принадлежности всех шести «вариантов» СМК не подтверждает этого тезиса. Все они характерны для культурно-исторической общности, в которую с таким же основанием могут быть включены памятники алан Северного Кавказа и булгар Нижнего Дуная и Средней Волги. Для обоснования государственной принадлежности культуры необходимы *неоспоримые факты взаимопроникновения локальных вариантов* на более глубоком уровне: культуры, идеологии, письменности, хотя бы администрации.

Понимая это, С. А. Плетнева и ее последователи постоянно пытались найти такие признаки. Сначала было декларировано единство культовых солярных амулетов от Северского Донца до Нижней Волги. Однако при более детальном исследовании амулеты оказались исключительно лесостепного аланского происхождения и хронологически были ограничены концом VIII – первой половиной IX в. Причем большинство амулетов было связано с солярной (то есть этнически индоиранской) символикой: «криволинейные свастики», подвески с сокольими головами, кольца с вписанными в них фигурками всадников на грифонах, изображениями коней^[229]. Среди них имеются поразительные параллели с солярными знаками Поднепровья (см. гл. 3).

В одной из последних монографий С. А. Плетнева и А. З. Винников обозначили еще один государственный признак – наличие единой рунической письменности^[230]. Однако почему-то авторы принимают в вопросе происхождения этой письменности точку зрения А. М. Щербака и его последователей И. Л. Кызласова и В. Е. Нахапетян, возводящих данную письменность к тюркским рунам. Но ведь известно, например, что А. М. Щербак не только неверно перевел, но даже и неправильно воспроизвел надписи, ибо никогда их не видел^[231].

С. А. Плетнева и А. З. Винников доверяют И. Л. Кызласову в том, что «в данное время эти надписи не читаются, поскольку нет объективных данных для их расшифровки»^[232]. Интересно, что эти «загадочные» надписи давно прочитаны лингвистом Г. Ф. Турчаниновым. Есть среди них и сделанные на тюркском языке. Правда, саму систему письма выдающийся лингвист идентифицировал как *средневековую осетинскую – алансскую, уходящую корнями в скифо-сарматское письмо арамейского дукта*^[233]. Почему «хазароведы» игнорируют эти выводы (на работы Турчанинова нет ссылок ни у одного из них), понятно: если принять эту концепцию, гипотеза о хазарском государственном характере салтовской культуры *разрушается до основания* (подробнее см.: часть 3).

1-3, 6-10, 12, 13, 15, 17 – из Салтовского могильника;

4, 11, 14, 16, 18 – из Дмитровского могильника; 5 – из Саркела

Но если единство СМК как государственной культуры Хазарского каганата эфемерно, то существенные различия между вариантами проявляются очень ярко.

Более всего очевидны различия между лесостепным, как раз интересующим нас, вариантом и всеми остальными. Для него выделяются следующие типичные признаки:

- в строительстве городищ: белокаменные и бесфундаментные стены (преобладающий признак), сырцовые и земляные стены (встречаются не часто);
- в приемах домостроительства: полуземлянки с очагами и с печами (преобладают), юртообразные полуземлянки;
- в характере поселений: стационарные поселения (преобладают), кочевья;
- погребальный обряд: катакомбные погребения и трупосожжения (преобладают), ямные погребения;
- краниологический тип: долихокраны (преобладают) и брахицраны^[234].

В других вариантах из перечисленных признаков отсутствуют: белокаменные городища (кроме степного Подонского варианта), земляные (глиняные) стены (также), полуземлянки с печами (также), трупосожжения (больше нет нигде). В то же время в лесостепном и степном вариантах нет характерных для Дагестана и Нижнего Поволжья сырцово-каменных и каменных построек, жилищ на каменных цоколях.

Из этнообразующих признаков важно то, что определяющим для лесостепного варианта являются катакомбные захоронения и долихокранность погребенных в них и встречающиеся только здесь трупосожжения. Интересно, что некоторые аналогии этим трупосожжениям находятся в Западном Предкавказье^[235]. Кроме того, в лесостепи нет свойственных Нижней Волге и Дагестану тюрко-угорских курганов с ровиками (именно в них видят погребения хазар). Последний факт знаменателен: что же это за территория Хазарского государства, куда хазары не доходили?

В число этнообразующих признаков в данном случае может быть включена и лепная столовая посуда. В поселениях лесостепного варианта одним из основных типов лепной посуды были толстостенные большие горшки, сделанные из глиняного теста с примесью шамота. Также попадались кухонные горшки из грубого теста, сделанные на гончарном круге. Горшки эти правильной яйцевидной формы, обжиг ровный гончарный, имеется линейный орнамент, нанесенный штампом. Аналогии таким сосудам имеются в синхронных аланских памятниках Северного Кавказа. Столовая посуда степного варианта резко отличается прежде всего менее качественным составом теста, что свидетельствует о попытке заимствования степняками самой технологии.

Еще одним важным признаком является различие в конструкции сыродутных горнов в лесостепном и степном районах. Ведь на ранних этапах развития достижения в таком ремесле, как кузнечное дело, тоже этнически значимы. Кузнец у первобытных народов был фигурой полусвященной. От него во многом зависело благополучие общины. Секреты мастерства передавались из поколения в поколение. Кузница, как правило, находилась на краю деревни; то, что в ней происходило, считалось чародейством, а ее хозяин в эпосах был обычно колдуном, магом. Достаточно вспомнить, что в древнейших поэмах разных народов «первопредками» являлись кузнецы: у греков – Гефест, у карело-финнов – Ильмаринен и т. д. Заимствование кузнечных традиций возможно уже на этапе разложения первобытно-общинного строя, в рамках предгосударственных образований, связанных общими интересами и общим противником. Тогда технологии одного этноса перенимаются соседями, но этот процесс происходит медленно, и наиболее высокие технологии и секреты все равно не выдаются.

Сыродутные горны, аналогичные нижнедонским, известны в соседних регионах – в Поволжье и Приазовье. Нельзя сказать этого о салтовском типе сыродутного горна, датируемого VIII – началом IX в. Аналогий ему нет не только в остальных «вариантах» салтово-маяцкой культуры, но и на Северном Кавказе у алан, и у восточных славян^[236]. Наиболее близкие конструкции – аутентичные салтовским в Северной Моравии.

Лепная посуда лесостепного варианта:

миски, кубышки, лощеные горшочки, гончарные кухонные горшки и разнообразные лепные сосудики – в основном подражания гончарным

Схема распространения памятников лесостепного варианта СМК:

а – ареал памятников лесостепного варианта СМК, б – граница лесостепного варианта, в – южная граница лесостепной зоны

Г. Е. Афанасьев и А. Г. Николаенко отмечают глубокие исторические корни таких печей в Моравии – еще с латенского времени, то есть господства кельтов в Европе (V в. до н. э. – начало н. э.). Кельты сделали исключительный вклад в металлообработку. Кельтское кузнечное дело стало основой для развития всей металлургии Центральной Европы^[237]. Подобные горны – около середины I тысячелетия н. э. – обнаружены в Молдавии и Харьковской области. Как известно, сарматы и аланы прошли в III – VI вв. по всей Европе, включая Моравию и Нижнедунайские регионы, где, кстати, и жили не одно десятилетие. Очевидно, именно в Моравии во время Великого переселения народов одно из сармато-аланских племен и переняло эту технологию.

Подобный более ранний горн найден и на Пеньковском городище, но он там единственный такого типа; остальные – характерно славянские^[238].

Те признаки, которые С. А. Плетнева и ее последователи называют для выделения салтовской археологической культуры, как мы убедились, *вообще не могут быть использованы* для выделения какой-либо группы археологических памятников^[239], тем более объявления культуры *государственной*. Наоборот, различия между «вариантами» огромны, а взаимопроникновение этносов можно проследить только у жителей степи и лесостепи Подонья. Археологических признаков присутствия на этих землях хазар не обнаружено. Но для того чтобы окончательно убедиться в ложности мифа о Великой Хазарии, обратимся к восточным источникам. На сей раз – к рассказам об образе жизни хазар, их общественном и экономическом строе.

Что собой представлял Хазарский каганат?

Хазарское государство существовало в VII – X вв. Столицы – города Семендер на реке Сулак в Дагестане и Атиль в устье Волги. Образован был каганат угро-финским племенем савиров и несколькими тюркскими племенами, которые вторглись в Восточное Предкавказье в VI в. Среди этих тюрок было и племя ко-са – оно, по предположению ученых, дало название народу хазар. Хазарский каганат был влиятельной силой в Восточной Европе, и поэтому о нем сохранилось немало письменных свидетельств в арабской и персидской литературе, у византийцев. Хазары упоминаются в русских летописях. Есть и собственно хазарские источники, среди которых самый важный – письмо X в. от хазарского царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту, в котором царь кратко рассказывает всю историю Хазарии. Но несмотря на множество источников, о Хазарии известно очень мало. Мы рассмотрим только то, что было до и во время существования Русского каганата, то есть до первой половины IX в.

Вот как выглядит квинтэссенция истории хазар VII – начала IX в. по письменных источникам. Сначала хазары кочевали в Восточном Предкавказье, от Каспийского моря до Дербента, а в VII в. закрепились на Нижней Волге и на части Крымского полуострова. Тогда хазары формально были зависимы от Тюркского каганата, который к VII в. ослабел. И в первой четверти VII в. зарождающееся Хазарское государство уже было самостоятельным, но еще не называлось каганатом. Ведь каган в евразийских степях – это титул, который приравнивался к императорскому у европейцев, а каганат – сильное и могущественное государство, под властью которого находится множество племен.

Рядом с хазарами, в Западном Предкавказье, в VII в. рас – полагалось другое кочевое государство – Великая Болгария. В 660-х гг. хазары в союзе с северокавказскими аланами разгромили его, преследуя болгар, по словам царя Иосифа, до реки Дуна, под которой надо понимать все же не Дунай, а Дон, судя по словам византийской хроники Феофана Исповедника. С того момента, как считают некоторые ученые, Хазария стала каганатом.

Известно, что хазары совершали постоянные набеги на земли Арабского халифата в Закавказье. Уже с 20-х гг. VII в. начинаются периодические вторжения хазар в район Дербента с целью грабежа

этого богатого торгового центра. Эти действия хазар и союзных им племен кавказских алан побудили арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда выступить в поход на Хазарию. В 737 г. Мерван взял столицу Хазарии – Семендер, а каган, спасая свою жизнь, пообещал ему принять ислам. Однако этого не случилось.

В Хазарию, расположенную на самом важном в Восточной Европе VII – IX вв. Волго-Балтийском торговом пути, в середине VIII в. прибыли еврейские купцы, вероятно, из Хорезма и Византии. Хазарская легенда гласит, что царь Булан предпочел иудаизм христианству и исламу, так как мусульманский и христианский проповедники оба признавали закон Моисея. Так Хазария стала единственным государством Средневековья, где глава и высшая знать исповедовали иудаизм, но не в ортодоксальной форме (хазарские иудеи еще не знали Талмуда, считали себя потомками сына Ноя Иафета, а не Сима, а каган и его окружение содержали большие гаремы).

И простые люди, и хазарская знать вели кочевой образ жизни, основным занятием было скотоводство. От тюрков хазары сохранили жесткую систему социальной организации – «вечный эль». В центре ее находилась орда – ставка кагана, который «держал эль», то есть возглавлял союз родов и племен. Высшим сословием были тарханы – родовая аристократия, а среди них самыми знатными – выходцы из рода кагана. Изначально государством правил каган, но постепенно, в VII – VIII вв. ситуация изменилась. «Заместитель» кагана, шад, который командовал войском и занимался сбором налогов, стал его соправителем (его стали называть каган – бек). А к началу IX в. каган потерял реальную власть и стал сакральной, символической фигурой. Теперь он назначался беком из людей определенной знатной фамилии. Кандидата в каганы душили шелковой веревкой и, когда он начинал задыхаться, спрашивали, сколько тот хочет править. Если каган умирал раньше названного им срока, это считалось нормальным. В ином случае его убивали. При жизни кагана имел право видеть лишь каган-бек. Если в стране случался голод или эпидемия, кагана убивали, потому что думали, что он потерял свою сакральную силу. Гвардия, охранявшая властителей, была наемной и состояла из 30 000 мусульман и русов.

IX в. стал временем расцвета Хазарии. В конце VIII – на – чале IX в. потомок князя Булана Обадия совершил религиозную реформу, приняв как государственную религию раввинистический иудаизм, признававший Талмуд. Несмотря на некоторое противодействие, очевидно, Обадия смог объединить вокруг себя часть хазарской знати.

Все эти сведения об образе жизни и общественном строем хазар известны по арабо-персидским источникам (арабам часто приходилось сталкиваться с хазарами на Кавказе) и по письму царя Иосифа. Никакой «грандиозности» этого государства по свидетельствам современников не ощущается, так же как и в описании его границ, внимательно рассмотренном ранее.

Экономика Хазарии, по мнению очевидцев, также не соответствует самому сильному государству Восточной Европы, от которого зависели все окрестные племена. Известный географ Мукаддаси, описывая общее положение хазар, говорит об их чрезвычайной бедности: «нет ни скота, ни плодов»^[240]. На дагестанских территориях Хазарии отмечают поля, сады и виноградники, что было традиционным в этом районе и до хазар. Принципиальные сведения о хазарской экономике сообщают Истахри и Ибн Хаукалъ:

«Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбного клея»^[241].

По словам анонимного автора «Пределов мира», уже цитированным раньше, Хазария поставляла рогатый скот и рабов. Причем территория, откуда поставляли рабов, ограничивалась землями хазарских печенегов. Больше ничего хазары не производили и жили за счет транзитной торговли, ибо находились в южном конце Волго-Балтийского пути: хазары закупали у русов, булгар и в Куйабе меха и перепродают по всему свету^[242]. Но об этом пишут уже географы школы аль-Балхи, чьи сведения относятся в основном к X в. Ни в «Худуд аль-алам», ни в других произведениях, сохранивших данные первой половины IX в., о таких масштабах транзитной торговли не сообщается.

Более того, необходимо еще раз повторить, что ни один арабский или персидский автор не упоминает о русах и славянах, зависимых от хазар! Не говорит об этом даже царь Иосиф. О каких-то конфликтах между этими племенами упоминает лишь «Генеалогия тюрок» – источник, сложившийся в хазаро-персидской среде в VIII – X вв. и известный по рукописям XII – XIV вв. Эта генеалогия персонифицирует отношения между народами, перенося их на легендарных прародителей. Согласно этому источнику, Рус был братом Хазара и, вторгвшись в землю последнего, поселился там. Саклаб, племянник Руса и Хазара, попытался вселиться в область Руса, Хазара и Кимера (легендарного предка булгар и бургасов). После того как Саклабу не удалось поселиться на юге, он добрался до того места, где «сейчас находится земля славянская»^[243]. Даже здесь не

упоминается о какой-либо зависимости славян от хазар. Наоборот, указывается на славянскую экспансию в южном от Поднепровья направлении. Что это за экспансия – рассмотрим позже.

Памятники хазарской эпохи в Дагестане

Таким образом, по состоянию на VIII – начало IX в. ни данные аутентичных (то есть одновременных) письменных источников, ни археологические материалы не подтверждают существования огромного Хазарского каганата, якобы простиравшегося от Нижней Волги до Днепра. Еврейско-хазарская переписка и арабо-персидские географы локализуют Хазарию в восточном Предкавказье и в дельте Волги, причем крайним пограничным пунктом с запада в письме Иосифа называется крепость Саркел (Левобережное Цимлянское городище), а до 30-х гг. IX в. и низовья Дона не входили в Хазарский каганат.

Данные археологии полностью подтверждают такое расположение Хазарии. СМК представляет собой культурно-историческую общность, сложившуюся у нескольких разных и не связанных единым государством этносов вследствие сходных природных условий обитания и общих в целом видов хозяйственной деятельности. Данная КИО включает в себя и культуры алан Северного Кавказа (краниологический тип, керамика, крепостное строительство, прикладное искусство – сходство с лесостепным вариантом СМК), Волжской и Дунайской Болгарии (краниологический тип, обряд погребения, керамика, крепостное строительство, домостроительство, прикладное искусство, ремесло – сходство с праболгарскими вариантами).

На нижней Волге и в восточном Дагестане, где современники локализуют Хазарию, выделяются дагестанский и крайне неисследованный нижневолжский варианты СМК, менее всего связанные с СМК «в узком смысле». При этом хазарский этнос в «чистом виде» еще не выявлен (подкурганные погребения с ровиками могут трактоваться не яснее, чем «турецкие»), до сих пор не обнаружены города Итиль, Семендер, Беленджер. Поэтому есть все основания уже на новом уровне согласиться с выводами Б. А. Рыбакова, А. Г. Кузьмина, Г. С. Федорова: Хазарский каганат к началу IX в. представлял собой небольшое полукочевое государство, имевшее некоторое влияние лишь за счет положения на Шелковом и Волго-Балтийском торговых путях. Представления же об огромных размерах Хазарии, благодаря которой в VIII – IX вв. восточные славяне осваивали новые земли, действительности не соответствуют.

Глава 2 КТО ЖЕ ЖИЛ В ПОДОНЬЕ В VIII-IX ВВ.?

Об этнических компонентах салтовской культуры

Очевидно, что тесно связаны только лесостепной и степной варианты СМК. Причем очень важно абсолютное единство в строительстве городищ. Именно идентичность (а не схожесть) этих принципов позволяет высказать предположение о *государственном единстве* только этих двух вариантов. Наиболее же развитым в экономическом, административном (огромное количество белокаменных крепостей) и культурном плане является лесостепной вариант – исконная салтовская культура, принадлежавшая, по заключению антропологов, людям, близким к сармато – аланам.

Аланы на Дону – незамеченный народ?

Проблема идентификации жителей верховьев Северского Донца, Оскола и Дона VIII – IX вв. с помощью аутентичных письменных источников всегда была одной из самых трудных в исследовании СМК. Материалы антропологии однозначно свидетельствовали об их сармато-аланской этнической принадлежности, а близость их археологической культуры к аланам Северного Кавказа была отмечена еще в начале XX в. Однако письменные источники времени существования салтовской культуры *неупоминают алан* среди народов, обитающих в степях и лесостепях между Доном и Днепром. Арабо-персидские географы и путешественники знают в этом регионе только хазар, булгар, бургасов, угров, печенегов, русов и славян.

Попытки найти имя салтовских алан продолжаются до сих пор. В поисках данного этникона

историки неоднократно обращались к русским летописям, упоминающим ясов-алан на Дону и несколько их городов – Галин, Чешуев, Сургов:

«В лето 6624 (1116)… Яро полк ходил на Половецкую землю, креке, называемой Доном, и взял тут многочисленный полон, и три города взял пловецкие: Галин, Чешуев и Сургов, и привел с собой ясов, и жену полонил себе ясыню»^[245].

Б. А. Рыбаков отождествил эти города с белокаменными крепостями СМК, разместив их на Северском Донце^[245]. Действительно, Дон русских летописей – это современный Северский Донец. В среднем течении эта река ничуть не меньше Дона и к тому же ближе к Киевской Руси. Это предположение подтверждается еще разысканиями ираниста В. Ф. Миллера, логично объяснившего название одного из этих городов – Сургов – из осетинского *сурх хъае ey* («красное село»)^[246].

Т. М. Минаева подкрепила эту версию сообщениями восточных источников XIII – XV вв., размещавших асов между Волжской Булгарией и Русью^[247]. Например, в «Истории Вассафа Фазлаллаха» начала XIV в.:

«...На втором курилте мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на головы вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания за черту сопротивления»^[248].

А хорасанский ученый XIII в. Джувейни в «Истории завоевателя мира», рассказывающей о монгольских походах, упоминает о продолжении:

«...Он (Батый. – Е.Г.) подчинил и покорил сплошь все те края, которые были посодеству его: осталенную часть земли кипчаков, аланов, асов, русов и другие страны, как то: Булгар, М.с.к и другие»^[249].

Однако, во-первых, трудность сопоставления этих ясовасов с носителями лесостепного варианта СМК заключается в том, что все источники, упоминающие этот этноним на Дону и Донце, относятся к тому времени, когда поселения салтовцев в бассейнах этих рек пришли в запустение. Конечно, остатки аланского населения в этом районе сохранялись весьма долго. Но если письменные источники упоминают и это незначительное население, то не оставить сообщения об аланах Подонья VIII – IX вв. они просто не могли. Во-вторых, эти источники постоянно упоминают вместе *русов и асов*, а прекрасно осведомленный о направлении монгольской экспансии и очередности походов Джувейни утверждает, что волжские булгары были покорены после русов! Почему русы и асы находятся в представлении восточных историков XIII – XIV вв. в такой неразрывной связке? Из русских летописей о таких тесных и постоянных контактах, чтобы один народ стал ассоциироваться с другим, не известно ничего.

Верное направление в решении проблемы предложила С. А. Плетнева: «Что же касается... аланского варианта СМК Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что *имя аланов скрыто* (выделено С. А. Плетневой. – Е.Г.) в источниках под каким-то другим... названием»^[250]. Но сама Плетнева отвечает на поставленный ею вопрос весьма нелогично: она полагает, что «аланы верхнего Дона слились с основным населением Хазарского каганата – болгарами – и вошли в состав этого государства». Но, во-первых, как было показано выше, лесостепной вариант СМК не имеет отношения к Хазарскому каганату. Во-вторых, ассимиляция аланского населения Подонья носителями зливкинского варианта началась лишь со второй половины IX в. и проходила медленно.

Априорное положение о зависимости территории верхнего Подонья от Хазарского каганата заставляло исследователей искать этноним подонских алан среди упоминаемых в источниках вассалов Хазарии, локализация и этническая принадлежность которых еще не определена. В постоянной зависимости от Хазарии, по данным восточных источников, находились волжские булгары и буртасы. Поскольку локализация волжских булгар не подлежит сомнению, взоры «хазароведов» обратились к скромному племени буртасов. Отождествить этот народ с аланами лесостепного варианта СМК попытался археолог Г. Е. Афанасьев. Основным его аргументом было и является до сих пор иранское происхождение этнонима буртас (*furt as* – «асы, живущие у большой реки»^[251]). Данная версия была живо воспринята «хазарским» направлением историографии СМК.

Однако точке зрения Г. Е. Афанасьева противоречат однозначные сообщения восточных географов, локализующие буртасов в среднем и нижнем течении реки Атиль, то есть на Волге, между хазарами и волжскими булгарами:

«Земля буртасов лежит между хазарской и болгарскую землями, на расстоянии 15-дневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар»^[252].

Хорошо известны были буртасы и жителям Древней Руси. В «Слове о погибели Русской земли»

(созданном между 1238 и 1246 гг.) описан Волжский путь «от Болгар до Буртас, от Буртас до Черемис, от Черемис до Мордовы», а также упоминается, как «Буртаси, Черемиси, Веда и Морьда бортничаху на князя великого Владимира»^[253]. Буртасы здесь указаны на Волге среди других финно-угорских племен, но не в низовьях, а в среднем Поволжье. В русских документах XVI – XVII вв. буртасы упоминаются как пришлое население в Мордовском и Мещерском краях. То есть, очевидно, около XI – XII вв. буртасы переселились по Волге севернее, что объясняется половецким нашествием.

Кроме этого, скромное этнографическое описание буртасов – особенно «палатки и войлочные хижины» – совершенно не соответствует лесостепному варианту СМК, представляющему самую развитую культуру Восточной Европы изучаемого времени. Более того, восточные источники единодушны в описании погребального обряда буртасов – трупосожжения (у сармато-алан Подонья – трупоположение в катакомбах).

В «Пределах мира» упоминается два вида буртасского погребального обряда – и трупосожжение, и трупоположение. На этом основании можно было бы провести параллели с лесостепью СМК, однако локализация буртасов современниками на Волге и «войлочные хижины» (у салтовцев – полуземлянки) не позволяют сделать этого.

Поэтому гипотеза Г. Е. Афанасьева была убедительно опровергнута сторонниками традиционной версии этнической идентификации буртасов как финно-угорского населения Среднего Поволжья. Против буртасской версии высказались и исследователи СМК, не подверженные влиянию «хазарского мифотворчества»^[254]. Причем надо отметить, что противоречия между концепцией финно-угорской принадлежности буртасов и их ираноязычным этнонимом не существует: долгое время в Поволжье кочевали сарматские племена, оказавшие сильное влияние на становление культуры и этноса финноугров этого региона.

«Буртасская» теория была опровергнута, и вопрос остался открытым.

Открытие Донской Руси

Принципиально отличную позицию в поиске имени носителей лесостепного варианта СМК занял еще в конце 1960-х гг. украинский археолог Д. Т. Березовец. Рассматривая информацию арабо-персидской средневековой литературы о славянах и русах, он справедливо полагал, что сообщения восточных источников дают возможность трактовать *славян и русов как два разных этноса*. Причем русы локализуются в районе Северского Донца, Оскола и Дона, а этнографические особенности русов, подмеченные арабскими путешественниками, удивительно точно соответствуют археологии лесостепного варианта СМК (большие богатые города, активная внутренняя и внешняя торговля, соответствие катакомбного обряда погребения похоронам в «могиле наподобие большого дома» у школы Джайхани). Однако общая концепция Д. Т. Березовца, построенная на этих выводах, не выглядела убедительной: он признавал единство СМК как государственной культуры Хазарского каганата, считая, что хазары, которым платили дань летописные поляне, северяне, вятичи, – салтовские русы, вассалы Хазарии^[255].

Кроме того, Д. Т. Березовец не смог развить свою идею о Донской Руси на основе византийских и латиноязычных источников. Д. Т. Березовец писал, и его воспринимали, исходя из ложной посылки о существовании одной руси, а, имея такую установку, вообще невозможно объяснить весь комплекс источников о русах. Потому тезис археолога по лучил очень слабое дальнейшее развитие. Тогда его поддержал лишь Д. Л. Талис, пытавшийся на материалах приазовского и крымского вариантов безуспешно доказать, что и в Крыму росами называли алан^[256].

Идею Д. Л. Талиса об аланах-росах в Крыму и Северном Причерноморье нельзя назвать бесперспективной, но конечно это не приазовский и крымский «варианты» салтовской культуры, так как антропологически их носители соответствуют праболгарам и сарматам (круглоголовый тип).

После этого версия Д. Т. Березовца долго игнорировалась в научном мире, и лишь в 1991 г. в городе Волоконовка Воронежской области вышла небольшая работа местного краеведа А. Николаенко, активно участвовавшего в раскопках поселений донских алан на реке Оскол вместе с С. А. Плетневой и Г. Е. Афанасьевым. Придерживаясь точки зрения о славянском происхождении племени русь, А. Г. Николаенко попытался соединить ее с локализацией русов Д. Т. Березовца. В «Донской Руси» он видит местное славянское население – носителей пеньковской и волынцевской культур, к которым в конце VII в. присоединился «большой массив» праболгарского и аланского происхождения^[257]. Заслуга А. Николаенко состоит в том, что он отказывается от понимания СМК

как территории Хазарского каганата. Но, к сожалению, позиция воронежского краеведа по самому принципиальному вопросу остается в рамках концепции Д. Т. Березовца: он считает Донскую Русь вассалом Хазарского каганата, жителей ее, по мнению Николаенко, восточные славяне «путали» с хазарами.

Между тем ни один из использованных Д. Т. Березовцом и А. Г. Николаенко источников не говорит о зависимости русов ни от Хазарского каганата, ни от какого – либо другого политического образования.

Но все-таки главный шаг был сделан – лесостепь салтовской культуры и этноним «рус» соединились.

Каган не может быть вассалом

Средневековые правители, как известно, очень внимательно относились к тому, как их называли подданные и главы сопредельных территорий. Назвать, например, короля князем в Европе значило бросить вызов. Титулы служили предметом самых высочайших диспутов. Франкский император Людовик II в 871 г., отвечая на письмо византийскому коллеге Василию I, указывал, кого можно, а кого нельзя было в его понимании именовать «хаганом»:

«Хаганом мы называем государя авар, а не хазар или норманнов (*Nortmanni*)»^[258].

Естественно: ни с «северными людьми» (так переводится «нортманны»), ни с хазарами франки знакомы не были и о степени их могущества ничего не знали. Аварский же каганат на Дунае был разгромлен прадедом Людовика Карлом Великим на рубеже VIII – IX вв. К сожалению, послание Василия I, на которое отвечал франкский император, не сохранилось. Но очевидно, что василевс был другого мнения, ибо имел представление и о хазарах, и о «северных людях». Здесь самое время вспомнить еще раз о Бертинских анналах и о послах народа «рос», чей правитель называется хаканом. Ведь они также прибыли из Византии!

Титул хакана, который носил «царь» русов арабо-персидских источников, у кочевых народов и в потестарных образованиях с оседло-кочевым населением означал правителя, подобного европейскому императору. Например, тюрки VI в., от которых и распространилось это название, именовали хаканом китайского императора. Хаканом в степях Евразии считался абсолютный правитель, которому были подчинены многие, как правило, разноплеменные, земли, управляемые наместниками^[259]. Принятие этого титула свидетельствует не только о независимости государства, но и о его претензиях на господство в регионе, в данном случае в Восточной Европе конца VIII – начала IX в.

Показательна и терминология, которую используют арабо-персидские авторы в отношении правителя русов. Если, например, глава славян называется часто *raicar-rusa'* («глава глав») или *сахиб* (арабское «правитель», «владетель»), то русами правит *малик* (царь, полновластный собственник, хозяин земли), который называется *хакан*.

Предлагаемая же нами концепция строится на тезисе о существовании в лесостепном Подонье самостоятельного государства под названием Русский каганат, что подтверждается как письменными источниками, так и новейшими археологическими материалами.

В классическом понимании, разработанном советской исторической наукой, в полном смысле государством является лишь то, что возникло в результате раскола общества на антагонистические классы. В 1960-е гг. было введено понятие «дофеодальный период» (переходный между доклассовой и раннеклассовой общественной формацией), начальным этапом которого является военная демократия. В политической сфере ему соответствовало «протогосударство» (или «варварское», «раннее» государство, «вождество») – политическая структура, в которой в весьма неразвитой форме есть элементы будущей государственности. Народы Восточной Европы в раннем Средневековье переживали именно дофеодальный период развития. В отличие от предыдущих форм вождество (чифдом) имеет: централизованную администрацию, строго фиксированную наследственную преемственность правителя и знати, социальную стратификацию. В вождестве есть разделение труда, обмен, а важнейшей функцией верхней страты является экономическая (организация производства и центральное распределение). Военная функция всегда обращается против соседей. В чифдоме появляются также полукастовые структуры. Исследователями политогенеза выделяются *простоепротогосударство* (в рамках части племени или при смешении субкланов разных племен) и *составное* (на уровне племени или нескольких племен, начинается разделение населения по территориальному принципу, судопроизводство осуществляется правителем, его помощниками и наместниками).

Таким образом, отражением раннего государства в памятниках материальной культуры являются:

- центры власти – городища, для постройки которых требовалась административная организация,
- обособленные поселки ремесленников-профессионалов, в особенности металлургов,
- ярко выраженное социальное неравенство, которое хорошо прослеживается в погребальном инвентаре.

Каганат в том виде, как его понимали жители средневековых степей, должен в современной научной терминологии соответствовать составному протогосударству. И если русы с хаканом во главе жили на территории салтовской культуры, то ее археологические памятники должны ярко продемонстрировать все признаки, что были перечислены.

Глава 3

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Что остается от государства древности спустя столетия? Память отдаленных потомков, свидетельства современников и памятники археологии. Причем археологическая культура может сказать о степени развития общества и его политической структуре гораздо больше, чем первые два источника. Но древние развалины заговорят лишь при сопоставлении с письменными свидетельствами.

Крепости и города

Главным и неоспоримым признаком государственности у русов являются административно-торговые центры, упоминаемые географами школы Джайхани при описании экономики Русского каганата: «У них (у русов. – Е.Г.) большие богатые города...»

Еще Д. Т. Березовец счел возможным отождествить их с белокаменными городищами лесостепного варианта салтовской культуры. Однако в историографии СМК основными трактовками этих крепостей является либо точка зрения М. И. Артамонова и С. А. Плетневой, рассматривающих их как замки хазарских феодалов и центры сбора дани, либо версия Г. Е. Афанасьева – сторожевые крепости, опорные пункты хазарских «военизированных колонистов», направленные против восточных славян. Сейчас Г. Е. Афанасьев модернизировал свою точку зрения, объявив белокаменные и кирпичные крепости бассейнов Северского Донца и Дона доказательством существования на этой территории Хазарского государства. С направленностью этих крепостей против славян Поднепровья согласен и выдающийся археолог В. В. Седов, известный своими теориями происхождения славян. Он видит в славянской волынцевской культуре, расположенной в основном по левому берегу Днепра, Русский каганат письменных источников [\[260\]](#).

Схема расположения типов городищ в Салтовской земле: а – городища 2 типа, б – городища 1 типа

Действительно, ни в одном регионе Восточной Европы нет такого большого скопления каменных городищ, как на территории лесостепного варианта СМК. По верховьям Северского Донца, Оскола и среднему течению Дона насчитывается 25 сохранившихся белокаменных крепостей, не считая не дошедших до нашего времени, но упомянутых в «Книге Большому Чертежу». Из них наибольшее количество находится на Северском Донце – 11 развалин крепостей или замков! К этому же типу относятся Хумаринское и Правобережное Цимлянское городища в низовьях Дона. Характерные отличия этих городищ – это белокаменное строительство из обработанных (лучше или хуже) блоков известняка, облицовочная кладка, отсутствие фундамента под мощными оборонительными стенами.

Все они находятся на высоких мысах правого берега рек. Часто русы использовали как основу для крепости сооружения их далеких предков – скифов. Этот североиранский народ освоил Подонье еще в VII в. до н. э. Скифы укрепили многие мысы мощными валами и рвами, образовали поселения и жили там несколько веков. Культурный слой скифской эпохи на некоторых городищах достигает 25 – 30 см, а это немало, если помнить, что скифы были кочевниками. Следующий строительный этап начали уже салтовцы примерно через тысячу лет.

Г. Е. Афанасьев по принципу постройки разделил крепости на 4 типа, которые по большому счету можно объединить в два: 1) городища, которые могли быть возведены силами сельской округи без применения новейших достижений архитектурной мысли по давним местным традициям; в системе укрепления этих крепостей главную роль играли природные особенности места; 2) крепости, для строительства которых требовалось государственное вмешательство, большое количество рабочей силы и опытные архитекторы; в организации обороны этих городищ природные факторы играли второстепенную роль, крепости имели правильную геометрическую планировку, а их стены сложены из обработанного камня.

К первому типу относятся 10 из 11 городищ на Северском Донце, все на Осколе и 2 из 8 на Среднем Дону, в том числе знаменитые ремесленные центры у сел Ютановское, Дмитриевское, Мокнач, Сухая Гомольша, Кабаново. На этих городищах почти нет культурного слоя. Жилища и хозяйственные постройки хозяев городищ располагались не за крепостными стенами, а с внешней стороны. Но дома стояли настолько близко к укреплениям, что когда нужно было строить дополнительную линию обороны, пришлось некоторые из них уничтожить. Кстати, эту вторую линию возвели в начале IX в. Люди здесь жили в неукрепленных селах, примыкавших к крепости.

Яркий пример селения такого типа – Дмитровский комплекс, расположенный на берегах притока Северского Донца – небольшой речки Корочи. Он, по сравнению со многими другими памятниками, практически досконально изучен археологами. На правом берегу Корочи находится городище и поселение, чуть в стороне – еще два селения и могильник. На левом берегу, прямо напротив городища и ниже его по течению были открыты еще два неукрепленных села. Крепость расположена на мысу с крутыми склонами, который был укреплен в западной части двумя рвами еще в скифское время.

Относительная слабость укреплений городищ свидетельствует о том, что они построены не для обороны от сильного врага, а скорее являются центрами ремесла и торговли, а также общинными убежищами от редких нападений кочевников. В пользу данного предположения говорит их четкое расположение по торговому пути «река Рус», описанному в «Пределах мира» и других восточных источниках.

Второй тип представляют Верхнесалтовское городище на Северском Донце, 6 крепостей по левому притоку Среднего Дона – реке Тихая Сосна, в том числе Маяцкое, и Правобережное Цимлянское городище на Нижнем Дону. Эти фортификационные сооружения были возведены прежде всего для обороны от сильного противника. Г. Е. Афанасьев подсчитал, что для их постройки требовалось не менее 20 000 человеко-дней, то есть в 5 – 20 раз больше, чем для возведения общинных укреплений первого типа. Что стоит за этими сухими цифрами? Например, при 12-часовом рабочем дне (максимум, что возможно на таких тяжелых работах), чтобы выкопать ров, для выемки 1 куб. сажени необходимо 3 человека, если очень твердый грунт, или 1,5 человека, если копается песок или чернозем. А кладку стены из камня объемом в 1 куб. сажень выполняют за 1 день 6 каменщиков и 6 рабочих.

Следовательно, их невозможно было соорудить силами общины, требовалось вмешательство организованной администрации, способной доставить рабочих из других мест, и мастеров-архитекторов.

План городища, селищ и могильника у с. Дмитриевское (черным обозначены раскопы на них) и разрезала с вероятной его реконструкцией (по С. А. Плетневой):

1 – гумус-дерн, 2 – серый гумусный слой, 3 – светло-серый гумусный слой, 4 – черный углистый слой, 5 – уголь, 6 – горевшие плахи и бревна, 7 – песок, 8 – меловая крошка, 9 – щебень и мелкие камни, 10 – деревянные крепления вала

Городища этого типа *не имеют никаких аналогий* на установленной нами реальной территории Хазарского каганата, за исключением Саркела и Семекаракоровского городища, располагавшегося на реке Сал – левом притоке нижнего Дона. На нижней Волге и Кавказе обработанные блоки применялись лишь при возведении крепости Дербент на Кавказе при иранских Сасанидах.

Отсутствует такой тип и в хазарской колонии в Крыму. Когда возникла эта колония – неизвестно, скорее всего, это связано со временем образования Хазарского каганата и борьбой тюрок за господство в северо-восточном Причерноморье. Есть сведения о захвате хазарами в конце VII в. городов Фанагории и Боспора. В 704—705 гг. хазарский хаган, надеясь на упрочение своих позиций

в Крыму, выдал за опального тогда императора Юстиниана II (правил в 685—695 и 705—711 гг.) свою сестру. Но говорить о господстве или контроле хазар над частью Крыма в то время нельзя: нет ни письменных свидетельств об этом, ни данных археологии. Борьба за Крым между византийцами и хазарами началась во второй половине VIII в. Именно к этому времени археологи относят большой приток ранее неизвестного тюркского населения на Керченский полуостров и восток Таврики. И тогда хазары начинают наступление на независимую область на юго-западе полуострова — Крымскую Готию со столицей в Доросе.

Карта памятников Крыма, относящихся к VII – началу X вв.

Составлена И. А. Барановым.

1 – византийские города и крепости, 2 – византийские поселения, 3 – памятники праболгар VII – начала VIII вв., 4 – памятники, на которых прослежены следы хазарского присутствия или влияния (поселения), 5 – городища хазарского времени с явными следами хазарского присутствия

Хазары, желая закрепиться в Крыму, строят опорные пункты. Архитектура огромных (до 90 га) крепостей — Мангуп, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен и др. — полностью подчинена рельефу местности. Поэтому по сравнению с городищами Подонья крымские хазарские укрепления, построенные, кстати, также в первой половине IX в. [261], нельзя назвать вершиной архитектурной мысли. Отдаленное сходство (а не прямые аналогии) в строительных приемах наблюдается в Крыму лишь в крепостях, возведенных при византийском участии. Все эти городища датируются по культурному слою первой половины IX в. — нет веши ни более раннего, ни позднейшего периодов.

Все перечисленные крепости были возведены в одно время и под руководством одних мастеров, причем иностранных. В планировке этих городищ не прослеживаются местные традиции. Да и организация обороны там была устроена по-другому. Их правильная геометрическая форма позволяла более эффективно сдерживать натиск врага. Конструкция крепостей давала возможность вести огонь по врагу по всему периметру стен. Появился новый элемент обороны — фланкирующий огонь вдоль стен, который велся с башенных выступов и башен. Вся эта система призвана была противостоять новой тактике нападения — штурму крепостей в отличие от пассивной блокады.

Дискуссии о генезисе данной архитектуры продолжаются до сих пор. Прежде всего это связано с изначально ошибочным отнесением к тому же типу Саркела (Левобережного Цимлянского городища). А Саркел — это единственный на сей день археологический памятник в Подонье, принадлежность которого хазарам не вызывает сомнения. Потому существуют две основных версии: византийская традиция (Д. Овчаров, Г. Е. Афанасьев) и сасанидская (М. И. Артамонов, П. А. Раппорт).

Византийская гипотеза связана с сообщением в труде императора Константина Багрянородного о строительстве Саркела. Император рассказывает, что в 830-е гг. у Хазарии появился некий воинственный сосед, с которым это государство в одиночку справиться не могло. Поэтому хазарский каган на — правил в Византию посольство с просьбой о помощи в строительстве укреплений. Правивший тогда в Восточной Римской империи Феофил (829—842) согласился помочь. В Хазарию была направлена миссия во главе с Петроной Каматиром, в составе которой были мастера — архитекторы и строители из Пафлагонии, византийской провинции на южном берегу Черного моря. В результате был построен Саркел. Поскольку эта крепость считалась однотипной со строениями лесостепи, ученые сделали вывод, что и в их сооружении участвовали византийцы.

Однако еще М. И. Артамонов различал строительные приемы при сооружении городищ Донецко-Донского междуречья и Правобережного Цимлянского городища, с одной стороны, и Саркела — с другой, хотя и признавал наличие многих общих черт. М. И. Артамонов указывал, что «ни размеры кирпичей, ни цемянка, ни общий характер кладки не являются типичными для византийского зодчества, где употреблялись значительно более тонкие кирпичи, где цемянка накладывалась толстым слоем и, имея в своем составе примесь толченого кирпича, отличилась розовым цветом, а самое главное — играла совершенно другую роль в кладке... В Саркеле имела место другая, не византийская традиция. Нечто подобное... известно в Восточном Закавказье» [262].

Некоторые черты в технике строительства Саркела, возможно, подтверждают сообщения Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана об участии византийских архитекторов — в

планировке крепости, рецептах замеса глины для кирпичей и извести, хотя основную работу выполняли строители салтовских крепостей.

В технике строительства лесостепных крепостей и Правобережного Цимлянского городища местные традиции преобладают. Что касается планировки, то Г. Е. Афанасьев, необоснованно объединяя их с Саркелом, настаивает на византийской традиции, ссылаясь на странные аналогии («сходство») в планировке крепостей поздней Римской империи и византийских провинций в Северной Африке^[263].

Более обоснованной представляется точка зрения М. И. Артамонова и П. А. Раппопорта о влиянии архитектуры Закавказья и Сасанидского Ирана, которые так же, как и Византийская империя, восприняли античные традиции планировки оборонительных сооружений. Прямые аналогии иранской технике обнаруживаются в размерах кирпичей, общем характере кладки. Это влияние легко объяснить прочными связями сармато-алан Подонья с этнически родственным им Ираном через продолжение Шелкового пути и земли северокавказских алан. Причем интересно, что жилища и хозяйственные постройки в данных крепостях возводились местными и северокавказскими мастерами. Верность этой мысли доказывает и такой факт. Примерно в то же время в Верхнем Прикубанье строится Хумаринская крепость, по технике строительства очень схожая с замками бассейнов Северского Донца и Дона. Принадлежала же эта крепость Аланскому государству.

Ясность может внести ответ на вопрос: *против кого строились упомянутые крепости?* Наиболее величественной из них является Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ). По сложности планировки ему нет равных ни в салтово-маяцкой культуре, ни вообще в Восточной Европе того периода. Эта крепость весьма хорошо изучена, ее основание датируется первой четвертью IX в., а уже во второй четверти IX в. она была до основания разрушена и сожжена, очевидно, теми врагами, для защиты от которых ее построили. Планировка и расположение ПЦГ – на правом берегу реки – показывает, что строилось городище против врага с *востока*, с левого берега. Интересно, что около ПЦГ нет поселения. Это свидетельствует как о краткости существования крепости, так и о постоянной опасности, подстерегавшей ее обитателей. ПЦГ возникло раньше Саркела и было захвачено и разрушено незадолго до его строительства или в то же время^[264]. Саркел же был введен против врага с запада. Наиболее очевидным противником, следовательно, были именно те, кто строил ПЦГ.

План Правобережного Цимлянского городища:

1 – раскопы И. И. Ляпушкина, 2 и 3 – раскопы С. А. Плетневой, 4 – основание серединной башни, 5 – раскоп В. С. Флерова, 6 – следы (ложбинки) от разрушенных стен Правобережного замка

Причем в то же время на левом берегу реки Сал появилось Семикаракоровское городище. До последнего времени оно не раскапывалось, ибо считалось, что Семикаракорская крепость полностью стерта с лица земли. И лишь в последнее десятилетие оно исследовалось В. С. Флеровым. Это городище по своей мощи и размерам даже превосходит Саркел: если периметр Саркела – 178,6 на 117,8 м, то здесь – 200 на 215 м. Семикаракоры, как и Саркел, построены с применением обожженного кирпича. Это и позволяет определить крепость как хазарский форпост. Дело в том, что, по данным восточных авторов, привилегией хазарского кагана было использование на строительстве обожженного кирпича.

Кладка северной и западной стен Семикаракор наиболее прочная, а в восточной стене былложен сырцовый кирпич низкого качества. Очевидно, что и здесь противника ожидали с севера – запада. Так и случилось. Всего через 10 – 20 лет крепость была уничтожена, причем западная стена была разрушена полностью, а гарнизон перебит. Защитники крепости даже не успели похоронить погибших товарищей. Произошло это примерно в тот период, когда была разгромлена Правобережная Цимлянская крепость^[265]. Очевидно, что если Семикаракоры и Саркел строили хазары, то ПЦГ было опорным пунктом их врага. Причем враг этот – не славяне, а носители степного и лесостепного вариантов салтово-маяцкой культуры. Ведь именно они находились на правом берегу Дона. Кстати, недавно около ПЦГ обнаружили остатки еще одного белокаменного городища. Скорее всего, будет еще немало подобных находок. Эти открытия последнего времени свидетельствуют, что и со стороны хазар, и их противника границы планомерно укреплялись мощными крепостями. На такое способна только весьма развитая государственная организация.

Относительно 7 городищ на территории лесостепного варианта СМК также нет оснований делать, подобно Г. Е. Афанасьеву, столь категоричные выводы об их направленности против славян. 6 крепостей: Красное, Алексеевское, Колтуновское, Мухоудеровское, Верхнеольшанское и Маяцкое – расположены на правом берегу Тихой Сосны или ее правых притоках. Все они, судя по археологическим раскопкам, наиболее сильно укреплены с северо-востока^[266]. Эта оборонительная линия, защищавшая правый берег Среднего Дона, достигала 140 км.

Г. Е. Афанасьев считает, что крепости были сооружены от вторжений славян роменской и боршевской культур (северянами и вятичами), с которыми произошел конфликт на торговой почве. Вроде бы по маршруту Дон – Переволока – город Итиль славянские купцы торговали со странами Востока, а салтовцы (то есть их якобы хозяева – хазары) хотели контролировать эти перевозки. В это время славянские по – селения располагались на Верхней Оке, *не были укреплены*, там не обнаружено следов активной торговой деятельности VIII – начала IX в. Ясно, что никакой опасности, от которой нужно обороняться подобными дорогостоящими сооружениями, вятичи Верхней Оки не представляли. Более мощная славянская группировка жила на левых притоках Среднего Днепра. Эти славяне, судя по находкам археологов, действительно торговали с восточными странами. Может, они были врагами салтовцев? Тогда лучше всего должны быть укреплены *западные* стены крепостей. Но, например, раскопки самого западного, Красного городища показали, что эта крепость вовсе не была неприступной^[267]. На северо-востоке же от салтовских крепостей в первой половине IX в. славянских поселений обнаружено немного, а отношения салтовцев и славян Подонья носили мирный характер – салтовцы и славяне прекрасно уживались в рамках одного поселения, заимствовали друг у друга элементы быта. Интересно, что во всех городищах практически отсутствует культурный слой, в то время как вокруг практически каждой из крепостей или недалеко от нее существовали селища с богатым культурным слоем начиная с VIII в. Эти поселения возникли на торговом пути по «реке Рус», то есть по Среднему Дону, Осколу и Северскому Донцу с их притоками. Сам Г. Е. Афанасьев методом топологического исследования выявил, что одним из трех наиболее транспортно доступных городищ является Маяцкое – на крайнем востоке^[268]. То есть крепости создавались для защиты и этих населенных пунктов.

Опасность надвигалась и с юга и с севера: Правобережное Цимлянское городище и укрепления лесостепи строились одновременно. Верхнесалтовское городище было возведено тогда же, но находилось оно в центре салтовской культуры. Вокруг крепости, и с северо-востока, и с юго-запада, по обоим берегам Северского Донца было огромное (для Восточной Европы того времени) поселение. В могильниках, прилегающих к этому поселению, покоятся более 100 000 человек. Верхнесалтовский комплекс – самый крупный памятник салтово-маяцкой культурно – исторической общности и один из древнейших. Не без основания археологи Г. Е. Афанасьев и А. В. Крыганов считают Верхний Салтов *центром салтовской земли*^[269].

Таким образом, складывается следующая картина: возведение крепостей такого рода свидетельствует о существовании раннего государства уже с весьма сильной верхушкой. В первой половине IX в. перед администрацией этого раннего государства, в своих границах совпадающего с территорией лесостепного и степного варианта СМК, встала задача защитить от противника северо-восточные и юго-восточные границы.

Это государство в своей основе было сармато-аланским, ибо именно этот этнос составлял гарнизоны большинства крепостей. Ведь представителей покоренных народов нельзя допускать охранять рубежи страны. *Границы этого государства поданным письменных источников совпадают с местом жительства русов восточных источников и, вероятно, внутренних булгар.*

Русы на торговых путях Евразии

О степени развития государства свидетельствует также уровень торговли и ремесла. Русский каганат как торговое государство знали арабо-персидские географы школы Джайхани и «Худуд аль-алам»: они сообщают о том, что главным занятием русов была меховая торговля и торговля рабами, за что русы от покупателей получали «назначенную цену деньгами и завязывали их в свои пояса». К этой же теме относится и описание торгового пути по реке Рус в «Пределах мира». Следовательно, территория Русского каганата должна прослеживаться по нумизматическим данным – расположению кладов юридических дирхемов.

В VIII – X вв. на всех землях Восточной Европы, включенных в международную торговлю, действовала одна денежная единица – серебряный арабский дирхем. Ведь Арабский халифат играл

очень важную роль в трансконтинентальных связях Европы и Азии. По территории халифата проходили все важнейшие торговые магистрали, включая и Великий шелковый путь. Торговые обороты этого государства в раннее Средневековье намного превышали византийские, не говоря уже о странах Западной Европы. Ранее во многих странах, потом включенных в состав халифата, имела хождение греческая драхма, откуда и произошло слово *дирхем*. Название куфический произошло от аль-Куфы, города в Иране, бывшего в середине VII в. столицей халифата. Дирхем быстро распространился по огромной территории от Бактрии до Испании. Значительные пространства и длительное время чеканки монеты обусловили существование множества разновидностей дирхема, отличавшихся по форме, рисунку, весу и пробе серебра. На каждой монете было написано имя правителя, при котором она выпущена. Поэтому ученым, как правило, не составляет труда определить дату клада (по самой молодой монете). Естественно, это не дата зарытия клада – с момента чеканки до попадания в Восточную Европу могло пройти около 10 лет. Уже после образования Киевской Руси дирхемы продолжали использоваться и назывались в древнерусской литературе ногатами.

В IX в. клады состояли преимущественно из монет, выпущенных при династии Аббасидов времен единого халифата (с 750 по 833 г.). Великий нумизмат первой половины XX века Р. Р. Фасмер обратил внимание на закономерности в размещении кладов в Восточной Европе. Он составил классификацию находок и разделил клады на большие периоды:

- 1) конец VIII – 833 г., когда были распространены абасидские монеты, отчеканенные в Африке;
- 2) 834—900 гг. – абасидские дирхемы, а также монеты иранской династии Саманидов и правителей Средней Азии;
- 3) 901—960 гг. с преобладанием азиатской чеканки;
- 4) 961—1014 гг. – саманидские, бувейхидские и зияридские монеты [\[270\]](#).

Согласно карте распространения дирхема, составленной В. Л. Яниным [\[271\]](#) и дополненной по новым находкам В. В. Кропоткиным [\[272\]](#), в начальный период, по классификации Р. Р. Фасмера – до 833 г. условно – дирхей имел хождение на всем течении Северского Донца, в верховьях этой реки, Оскола и в Среднем течении Дона, в меньшей степени – в Среднем и Верхнем Поднепровье, далее – в финно-угорских землях до Балтики. Интересно, что в данный период в славянские земли дирхем почти не проникал. Клады куфических монет отсутствуют на левобережье Среднего Днепра, в Побужье, Поднестровье (то есть земли летописных древлян, волынян, белых хорватов, уличей, тиверцев). Исключение составляют территории, наиболее близкие к салтово-маяцкой культуре и имевшие непосредственный контакт с лесостепным ее вариантом: пеньковская, волынцевская, боршевская и роменская культуры, то есть именно те племенные союзы, которые согласно Повести временных лет платили дань Хазарии.

Между тем до 833 г. Хазарский каганат имел весьма скромные размеры (лишь в 830-е гг. на его крайних западных рубежах против могущественного противника был построен Саркел). Кроме того, согласно топографии В. Л. Янина, территория собственно Хазарии не входит в ареал выпадения дирхема в Восточной Европе. Данные других исследователей подтверждают, с одной стороны, отсутствие кладов в Нижнем Поволжье, и с другой – скопление находок конца VIII – начала IX в. на территории степного и особенно лесостепного вариантов СМК: в Ростовской и Воронежской областях, на Правобережном Цимлянском городище, в Верхнем Салтове, на Донецком городище. Именно на территории Русского каганата оседали и немногие византийские монеты VIII – начала IX в. [\[273\]](#), приходившие «окольными путями» через Шелковый путь и Волго-Балтийскую магистраль. Мало их было потому, что с конца VII в. до середины IX в. Византия не имела влияния в Восточной Европе в связи с нестабильностью внутриполитической ситуации и международными проблемами: вторжениями варваров (в том числе и славян), иконоборческим движением, борьбой с экспанссией Арабского халифата и постоянной сменой императоров, редкие из которых заканчивали земной путь своей смертью.

Исследователи выделяют два самостоятельных монетных потока, обслуживавших в VIII – первой половине IX в. соответственно восточные и северо-западные районы Европы:

- 1) из Ирана через Каспий на Волгу и далее в Прибалтику;
- 2) из западных частей халифата, оттуда через Сирию и Закавказье на Дон и Северский Донец [\[274\]](#). Соответственно, эти пути обслуживались продукцией разных монетных центров халифата: на Волго-Балтийском пути всего 3 процента монет африканской чеканки, в Восточной Европе на «реке Рус» – около 40 процентов [\[275\]](#). Причем если Волго-Балтийский путь был транзитом (известен лишь один клад на Волге) и монеты оседали на Балтике, то на «реке Рус» они оседали в виде больших кладов у местного населения. Из этого А. В. Фомин даже сделал важный вывод о *преднамеренной*

задержке серебра на данной территории^[276].

Очевидно, что салтовские русы пользовались и тем, и другим путем. Граффити так называемой «донской» рунической письменности, распространенной среди жителей салтово-маяцкой культуры «в узком смысле», в обилии встречаются на куфических дирхемах, найденных на берегах Балтики. Более того, в балтийских кладах четко прослеживаются эти два потока арабского серебра. В Скандинавии клады дирхемов появляются позже, чем в Восточной Европе, – после 833 г., и эти монеты – из восточной части халифата. На этих дихремах граффити практически отсутствуют (найдено около 30 по всей Скандинавии, идентифицируются как германские руны)^[277]. К периоду же до 833 г. относятся 4 клада на Готланде, а также знаменитый Петергофский клад (дата младшей монеты – 805 г.). Этот клад был спрятан на берегу Финского залива недалеко от устья Невы, около Петергофа. Состав клада очень интересен и позволяет узнать, как и откуда поступали арабские монеты к берегам Балтики.

Как правило, монетные находки из Скандинавии, Финляндии, прибалтийских республик бывшего СССР относятся к восточному потоку, который формировался в Хорасане и Мавераннахре – восточных провинциях мусульманской империи, а попадал на Балтику через Каспий и далее по Волжской магистрали. Петергофский клад образовался из монетного потока, который сформировался в западной части халифата и проходил по «реке Рус». Данный факт позволяет предположить, что жители Подонья участвовали в торговле по Волго-Балтийскому пути и в его северо-западной части.

Знаменательно и распространение в конце VIII – начале IX в. в южных областях Швеции бус, традиционно популярных у аланского населения Северного Кавказа и в лесостепном варианте салтовской культуры. Однако эти находки позволяют говорить скорее об эпизодических связях с данным регионом.

Но «западный» монетный путь не заканчивался на Донце и Днепре. Наиболее близки по составу к кладам на «реке Рус» находки конца VIII – начала IX в. на территории Юго-Восточной Прибалтики (историческая Пруссия, Понеманье, Самбия, Ятвягия). Юго-Восточная Прибалтика была в начале IX в. вторым регионом в Восточной Европе (после Доно-Днепровского района), где осело такое огромное количество монет. Число монет, обнаруженных в Поморье, «достигает нескольких десятков тысяч и на две трети состоит из дирхемов», причем большая доля кладов относится к VIII – IX вв. и найдена в Волине^[278] – одном из центров балтийских славян. В. Б. Вилинбахов (один из сторонников версии происхождения киевских русов от балтийских ругов, которых он считает славянами с острова Рюген), «поселив» русов в балтийском Поморье и поставив знак равенства между ними и славянами, «отдал» им Волжский торговый путь, назвав его даже *Балтийско – Волжским*. Мы уже убедились в нереальности этой гипотезы. Но именно благодаря ей В. Б. Вилинбахов обратил внимание на обширные связи между Поморьем и Восточной Европой. И сейчас очевидно, что эти контакты шли не только по Волжской магистрали, но и через Днепр, Нeman и Юго-Восточную Прибалтику.

Учитывая образование кладов обеих областей из одного монетного потока, можно сделать вывод о непосредственной связи пути по «реке Рус» с южным побережьем Балтийского моря.

Нитка бус с амулетами из катакомбы № 11 Дмитровского могильника

Нумизматические сведения об активном участии русов – сармато-аланского населения Подонья – в международной торговле подтверждаются не только письменными арабо-персидскими источниками, но и многочисленными находками на исследуемой территории предметов восточного и балтийского импорта. Очень показательно распространение в Восточной Европе иранских сосудов VI – VIII вв. – через земли алан Северного Кавказа на Дон и Северский Донец.

Выходы о степени важности этого второго пути позволяет сделать уровень импортных находок на нем. На территории Русского каганата – серебряные сосуды и столовые наборы сасанидских царей, предметы роскоши из Средней Азии и Ирана, среднеазиатский и китайский шелк, то же – на землях северокавказских алан^[279]. Интересно, что и у носителей лесостепного варианта СМК, и у алан Кавказа были очень популярны изделия из балтийского янтаря – амулеты с солярной символикой и бусы, которые также датируются концом VIII – первой третью IX вв., как и второй монетный поток^[280]. На Кавказе же скопления янтарных бус встречаются в районе Кисловодска, откуда ученые выводят салтовцев лесостепного варианта.

Амулеты у салтовцев были нескольких видов и все уходили корнями в древние индоиранские верования. Очень часто среди бронзовых оберегов встречаются варианты символической фигуры огня-солнца – «крест в круге». Лучи в нем иногда имеют вид спиральных завитков, обозначающих движущееся солнце. Четыре изогнутых луча – «криволинейная свастика» – тоже символ вращающегося светила. Среди находок имеются и колесообразные фигуры, образованные шестью, семью или восемью лучами. В общепринятой символике, появившейся у indoевропейских народов за три тысячелетия до салтовских русов, обычно было восемь лучей. Но у салтовцев особенно популярным было число «семь».

Зеркала из сплава бронзы и серебра 8-угольное зеркало – китайское изделие VIIIв.

Индоарийские символы у салтовцев

Янтарь же сам по себе издревле считался символом солнца благодаря своему цвету. Часто русские мастера просто обрабатывали янтарь, придавая ему форму круга и проделывая отверстие для ношения.

По этому же пути на Балтику транзитом через Кавказ доставлялись многочисленные виды каменных и стеклянных бус из Сирии и Ближнего Востока. Область наибольшей концентрации этих бус в Восточной Европе – Северо-Западный Кавказ, Крым и СМК «в узком смысле». Бусы были желтые, посеребренные, голубые, зеленые, черные. Из Подонья бусы расходились по двум направлениям. Во-первых, через Волго-Донское междуречье на Среднюю Волгу и в Прикамье^[281]. Косвенно торговые связи салтовских русов с Заволжьем и Прикамьем подтверждают арабо-персидские источники. В сюжете о трех группах русов упоминается экспортируемый от них свинец: «И вывозят из Арсы (третья группа русов. – Е.Г.) черные соболя и свинец...»^[282] В Восточной Европе месторождений свинца нет, его можно было достать только в Заволжье. Туда, очевидно, и ездили русы, продавали украшения и покупали ценный металл.

Второе направление – на правобережье Днепра и оттуда на южный берег Балтики. Прослеживается и связь жителей верховий Северского Донца с Византией, по крайней мере с крымскими ее провинциями: со второй половины VIII в. в лесостепи появляется крымский импорт – кувшины-ойнохой, но в первой половине IX в. поступление кувшинов в этот район прекращается. Археологи пытаются связать кувшины с отношениями Хазарского каганата и Византии, бывшими в VIII – начале IX в. не только неоднозначными, но и весьма напряженными. Хазары постоянно пытались оккупировать византийские владения в Крыму, войны и восстания покоренных территорий не прекращались. Конечно, о бурном развитии торговых связей в это время речи идти не могло. Объяснить появление ойнохоев на Северском Донце во второй половине VIII в. и исчезновение их в начале IX в., исходя из этой концепции, конечно, нельзя. Скорее, эта торговля связана с дружественными контактами. Если предположить существование в Подонье независимого Русского каганата, все становится на свои места. Когда хазары атаковали крымские колонии, греки часто обращались за помощью к независимым давним обитателям полуострова – аланам. Русы, этнически родственные этому народу, поддерживали с ними связь. Была в Крыму и на Тамани и собственно русская колония (ставшая известной потом как Причерноморская Русь). Поскольку хазары были торговыми конкурентами русов и в начале IX в. между ними назревал серьезный конфликт, вполне естественно, что когда византийцы боролись с Хазарией, Русский каганат их поддерживал, в том числе и в торговле.

Гончары и металлурги (заметки об организации ремесла)

В отличие от Хазарии, жившей лишь за счет транзитной торговли, Русский каганат был сильным ремесленным центром. Это известно и по письменным источникам, и по археологическим материалам. Широко было развито гончарное производство, обеспечивавшее потребности всего юга Восточной Европы – ропы – более десятка гончарных мастерских, ювелирное дело, «торговой маркой» которого были так называемые салтовские зеркала с индоиранскими восьми – и семиконечными звездами на тыльной стороне.

На салтовских памятниках обнаруживают и зеркала с шестиконечными звездами. Ранее данные находки служили аргументом в пользу хазарского (то есть иудейского) присутствия в регионе. Но Г. Е. Афанасьев показал, что шестиконечная звезда на сармато-аланском зеркале салтовской культуры – типичный индоевропейский солярный знак, а не могендавид^[283], как считают некоторые ученые. Других признаков иудейского присутствия в Подонье не обнаружено.

Особо интересна железообработка. Если другая продукция салтовских ремесленников не представляла интереса для торговцев Арабского халифата (напротив, салтовцы подражали арабским, персидским и сирийским мастерам), то техникой железного дела русов жители халифата живо интересовались. Выше уже упоминалось уникальное свидетельство автора «Худуд аль-алам» о мечах русов, напоминающих по свойствам булат. О местном производстве в Подонье булат археологические данные пока отсутствуют, да и вряд ли появятся. Сабли и мечи находят в погребениях редко: это оружие было дорогим, и клали его только в богатые погребения, да и то не во все. В основном оно передавалось по наследству. Об этом говорит и известный сюжет из описания русов у географов школы Джайхани: русы оставляют сыновьям в наследство только меч.

На территории салтовской культуры были более распространены сабли. В оружейной коллекции, исследованной М. М. Толмачевой^[284], только один меч. Но в арабском языке слово *сайф*, которое употребляют в этом случае средневековые географы и энциклопедисты, обозначает и саблю, и меч. При этом ученые халифата не сообщают о том, что оружие русов было обоюдоострым, что нужно ожидать при описании мечей. Меч вообще представляет собой более древнее и менее эффективное оружие, чем сабля. Показательно, что в Киевской Руси, где чаще использовались сначала так называемые каролингские мечи, перешли потом на саблю.

В этой связи не может не вспомниться непосредственно близкий к этой теме сюжет. Во введении в Повесть временных лет есть предание о полянах и хазарах, которое, казалось бы, может опровергнуть наш вывод:

«И напали на них... хазары, и сказали: „Платите нам дань“. Подумали поляне и дали помечу от дыма. И принесли их хазары к своему князю и старейшинам, и сказали им: „Вот добыли мы дань новую“... Спросили те: „Что же вам дали?“ Они же показали меч. И молвили старцы хазарские: „Не добра дань эта, княже: мы добыли ее саблями – оружием, острым лишь с одной стороны, их же оружие – меч – обоюдоостро; будут они собирать дань и с нас, и с других земель“... И все это сбылось»^[285].

Но эта легенда не может поставить под сомнение выводы историков оружия и археологов, да и сам выбор истории. Скорее, все изложенное выше заставляет сомневаться в верности рассказа летописца. Сказание о хазарской дани представляет единое целое с сюжетами, превозносящими полян в сравнении с другими восточнославянскими племенами, и является абсолютно легендарным (не исключено, что и книжным). Собственно, в нем и подразумеваются не качественные преимущества меча перед саблей, а лишь количество заостренных сторон.

Оружие: однолезвийные и двулезвийные палаши, боевые топоры, кистени, наконечники стрел, детали колчанов и костяные накладки луков

Теперь вернемся к русским саблям. Возможно, саблю клали в могилу умершего руса только тогда, когда он не оставлял сыновей или у него вообще не было наследников (судя по тому, что сабли редко находят в захоронениях).

Но и из исследованных на данный момент 9 салтовских клинков 5 демонстрируют очень высокий технологический уровень: использование высокоуглеродистой стали, вварка, сварка из двух полос, сложные виды термообработки. Подобные технологии применялись только в высокоразвитых центрах производства оружия с давними традициями. Такие операции требовали от мастера узкой специализации именно в оружейном деле. В лесостепном регионе среди кузнецов-универсалов начали выделяться особо квалифицированные ремесленники (в основном оружейники), которые использовали качественную сталь и передовые технологии^[286]. Таким образом, в лесостепи происходило окончательное отделение кузнецкого ремесла от других видов хозяйственной деятельности, что бывало, как правило, в раннеклассовых обществах^[287]. Причем технологические признаки изделий лесостепного региона настолько устойчивы, что очевидно: кузнецкая обработка здесь отличается единством и однородностью, возможной лишь в сфере *одной этнокультурной традиции*.

Арабский энциклопедист Бируни в главе «О железе» своего Минералогического трактата сообщает:

«Из шабуркана мечи румийцев, русов и ас-сакалиба»^[288].

То есть византийцев, русов и славян. Шабуркан в данном случае, как поясняет выдающийся исследователь русской металлургии Б. А. Колчин, это сырцовая сталь, полученная непосредственно в сыродутном горне^[289]. Сообщение Бируни полностью подтверждается данными археологии (см. главу 1 этой части).

Металлургические горны салтовской культуры

В Донецко-Оксольском междуречье существовал крупный центр черной металлургии. Объем добычи железа был очень велик, и это естественно: в этом районе отличная сырьевая база, где болотные руды добываются в промышленных масштабах начиная с XV в. и по сей день (в 1990 г. в одном Приосколье насчитывалось 80 металлургических пунктов^[290]). Причем здесь проявляются любопытные различия между лесостепным и степным вариантами СМК, и не только в типе сыродутного горна. Металлообработка достигла высокого уровня и у русов, и у жителей степи. На всей территории «СМК в узком смысле» употребляются пакетные заготовки. Но если для лесостепи пакетная сварка – главный технологический прием, то в степи с использованием этой прогрессивной технологии изготовлено лишь 17 процентов изделий; лесостепь представлена 263 качественными поковками 11 различных категорий, а степь – 136 изделиями 26 категорий^[291]. Причем степное Подонье значительно беднее оружием: сабель здесь нет, боевые топоры также не характерны, а находки предметов вооружения степняков сводятся к наконечникам копий и стрел^[292]. Среди них много широколезвийных наконечников низкого качества. Все это говорит об участии в походах степных воинов в основном в качестве пешего войска.

Типы железоплавлен стели и лесостепи тоже различны. Первый тип, лесостепной, известен только у североиранского населения салтовской культуры, то есть у русов. Интересно, что точно такой горн был обнаружен на одном из городищ пеньковской культуры V – начала VIII в., отождествленной со славянами – антами. Раньше мы уже отмечали, что антская культура неоднородна. На ее территории существовали явно неславянские поселения, например, Пастьрское городище в Среднем Поднепровье. Их этническая принадлежность до сих пор представляет загадку для ученых. С одной стороны – сармат-Аланские традиции паstryских гончаров, с другой – юртообразные жилища, которые традиционно связывают с болгарами. Придерживаясь «хазарского» взгляда на салтовцев, некоторые ученые смотрят на гончаров Пастьрского городища и других подобных поселений как на хазар-оккупантов, контролировавших потоки дани со славян. Но этот горн, найденный на пеньковском городище Оскольское – III (Белгородская область), говорит как раз не о хазарах. Напомним, что технология строительства горнов для того уровня развития общества была одним из *этноопределющих* признаков. Найдка типично салтовского лесостепного горна *на более древнем поселении*, чем, как думают многие, салтовская культура, может свидетельствовать о двух явлениях. Либо русы Подонья заимствовали этот тип горна у славян-пеньковцев, либо начало салтовской культуры надо отодвинуть на два века вглубь и признать, что «пастьрская культура» – это предки салтовцев, североиранские племена. Первое решение невозможно по той причине, что другие известные пеньковские горны, достоверно славянские и связанные с общеславянской металургической традицией, на него совершенно не похожи^[293]. Поэтому запомним второе предположение: «пастьрские» гончары и металлурги – *предки салтовских русов*.

Кузничные изделия праболгар и асов Подонья

Но вернемся к обработке железа в Подонье VIII – начала IX в. Несмотря на приведенные различия, ученые считают возможным объединить Донецко-Донской регион в единый металлургический центр^[294], ибо очевидна вторичность праболгарских мастеров по сравнению с ремесленниками-русами (существенно отличается качество сварочных работ – высокое в лесостепи и в основном грубое в степном регионе). Такой единый центр ремесла с передачей опыта был возможен только в пределах одногого сударства.

Кузнечные изделия славянской боршевской культуры

Исследователи определили и форму кузнечного ремесла в этом государственном образовании – организованное, специализированное и высокотехнологичное военное ремесло (основными изделиями были предметы вооружения)^[295]. Интересно, что наблюдаются прямые заимствования салтовского искусства соседними восточнославянскими племенами волынцевской, роменской и боршевской культур. Но уровень развития славянского ремесла был значительно ниже. Из пакетного металла изготовлено всего около 10 процентов поковок, в основном ножи. Нехарактерно для волынцевцев и употребление пакетного полуфабриката, то есть стремление сначала изготовить качественную сталь, а потом уже из нее – изделие. Такие технологические схемы развитого Средневековья, как трехслойный пакет, наварка, вварка, которые получили широкое распространение в Киевской Руси, у славян волынцевской культуры VIII – начала IX в. встречались лишь эпизодически (около 3 процентов продукции), в отличие от 22 процентов у салтовцев. Но контакты славянских и русских кузнецов были очень тесными. Во-первых, на славянских поселениях зафиксирован салтовский импорт готовых железных изделий и полуфабрикатов. Во-вторых, славяне, жившие на Верхнем Дону и Воронеже, обладали богатством – высокофосфористым железом, которого не было в русских районах. Этот металл славяне получали специально и для своих нужд, и для экспорта в салтовскую лесостепь^[296]. И в результате таких длительных и плодотворных контактов у славянских культур – наследниц волынцевской высокие технологии применяются неизмеримо чаще: у боршевцев – вятичей они составляют 30 процентов, у роменцев – северян 26 процентов. Эти тесные связи наводят на мысль, что не только степи и лесостепь Дона входили в единое государство, но и славяне Поднепровья и Верхнего Дона. Однако это нуждается в дополнительных доказательствах, которые будут приведены чуть позже.

Монетный двор Русского каганата

Более важным свидетельством существования самостоятельного сильного раннего государства в междуречье Донца и Дона являются находки на данной территории так называемых «варварских подражаний» куфическим дирхемам. Это серебряные монеты, очень похожие на арабские, но произведенные в Юго-Восточной Европе. Известны они уже очень давно, с XIX в. Один из первых исследователей этих «денег», германский ученый Э. Цамбаур, объявил эти монеты хазарскими. Он считал, что хазарские фальшивомонетчики сбывали подделки несведущим славянским купцам. Кроме того, он предположил, что варварские подражания были одно время денежной единицей Хазарского каганата.

Надо отметить, что в литературе развернулась довольно оживленная полемика о денежном обращении в Хазарском каганате. Данного вопроса касались великие нумизматы XX столетия: Р. Р. Фасмер, В. Л. Янин, В. В. Кропоткин. Причем и Фасмер, и Янин отрицали существование собственной монеты у хазар. Ведь все находки как самих дирхемов, так и подражаний им обнаружены на территории Европейской России, и ничто не указывает на чеканку монеты в политическом центре Хазарии (на Нижней Волге и в Дагестане). Однако при этом салтово-маяцкая культура чаще всего понималась в русле концепции М. И. Артамонова – С. А. Плетневой, то есть как хазарская. Так же поступил и А. А. Быков в своей в остальном очень убедительной статье, посвященной материалам Девицкого клада Коротоякского района Воронежской области^[297].

Девицкий клад состоит из 299 монет – как целых, так и обломков (в Восточной Европе принято было разрезать, рубить деньги; отсюда русское *резана* и более позднее *рубль*). Самая поздняя арабская монета клада датируется 837/838 г. Более одной четверти дирхемов показались нумизмату «странными»: лицевые и обратные стороны не соответствовали друг другу, сообщались фантастические данные о несуществующих халифах, при которых они якобы были выпущены. Например, дата, указанная на одной из монет, – 108 г. хиджры (726/727 г.). Тогда правил халиф из династии Омейядов Химам. По идеи, именно его имя и должно быть указано на дирхеме. Но там мы обнаруживаем аль-Махди, легендарного 12-го халифа в шиизме, по преданию, взятого живым на небо. Земным аналогом аль-Махди был Абу Муслим, один из лидеров шиитского движения, предательски убитый аббасидским халифом аль-Мансуром в 755 г. А внешний вид оборотной стороны монеты стал существовать только с 766 г. Однако с арабским языком и куфическим

письмом «автор» монеты был знаком не по наслышке. Такое впечатление, что легенды дирхемов составлялись мастерами по памяти, без учета исторических обстоятельств.

В статье А. А. Быков убедительно доказывает, что 86 монет этого клада сохранили следы местного производства. Раннее эта серия считалась «варварскими подражаниями» дирхемам, однако по содержанию серебра и его качеству эти монеты превосходят аббасидские «оригиналы»! Средний вес настоящего дирхема – 2,89 г. Эти монеты весили примерно столько же, а некоторые превышали 3 г. Проба серебра тоже не уступала аббасидской. Ясно, что такие монеты сделал не фальшивомонетчик. Задача преступника – создать монету, в точности напоминающую настоящую, но по сути более дешевую. А дирхемы Девицкого клада так заметно отличались от подлинных, что невольно напрашивается вывод: это делалось специально.

Итак, в легенде девицких дирхемов имеются намеренные искажения, а также знак на обратной стороне. Этот знак имеет прямые аналогии в так называемой «донской» рунической письменности, которой пользовались салтовцы. Причем из 86 монет 76 принадлежат трем парам штемпелей, что свидетельствует о близости центра их производства к Девицкому кладу.

Последние монеты из имеющихся в кладе выпущены в 837/838 гг. Подобные «подражания» найдены также в небольшом кладе Правобережного Цимлянского городища, также датируемом первой третью IX в. Причем здесь они – самая поздняя группа монет.

А. А. Быков на основании этих фактов сделал вывод о собственном монетном обращении в Хазарии^[298]. Но даже американский исследователь Т. Нунэн заметил: картографирование находок «варварских подражаний» отчетливо свидетельствует, что территориально *оны не связаны с собственно хазарскими землями*^[299]. Правда, понимал Нунэн под хазарской территорией и лесостепь салтовцев. Действительно, в 1970-е гг. еще не были известны памятники лесостепного варианта СМК севернее границы степи и лесостепи.

Монеты Русского каганата

Но странно, что тот же аргумент приводит уже сейчас В. В. Седов, утверждая, что большинство монетных кладов, в том числе и с «подражаниями», найдены в землях волынцевской культуры^[300]. Интересно, что В. В. Седов именно на основа – нии нумизматических данных в два раза расширяет на восток территорию волынцевской культуры, связывая ее с Русским каганатом письменных источников.

Территория же распространения волынцевских памятников выглядит куда более скромно: основная территория – Подесенье с бассейном Сулы, Псла и Ворсклы. Реально же эти клады картографируются на территории лесостепного варианта салтовской культуры и славянских поселений в районе Тихой Сосны и Девицы, где прослеживается огромное влияние носителей лесостепного варианта. То есть согласно В. В. Седову, славяне волынцевской культуры создали монетный двор в месте, находящемся вдали от основной территории и отрезанном от нее вражескими (В. В. Седов считает СМК культурой Хазарии) поселениями. Очевидно, чтобы монетный двор захватили и разрушили в первую очередь. Конечно, такое развитие событий нереально. Кроме того, славяне не имели высоких технологий, необходимых для организации производства дирхемов. Более того, они не испытывали необходимости в собственной монете, так же как и Хазарский каганат. Славяне жили натуральным хозяйством, Хазария – транзитной торговлей. Собственная же денежная единица нужна только в обществе с *производящей экономикой*, развитым ремесленным производством. Таким образом, на землях степного и лесостепного вариантов салтовской культуры, которые связываются с Русским каганатом, существовало собственное монетное обращение, что свидетельствует о наличии или по крайней мере последнем этапе становления *государственности*. Кстати, веком позже такие «подражания», а реально собственные монеты, появятся в Волжской Булгарии.

Очевидно, что данные археологии и нумизматики не только подтверждают существование на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры самостоятельного торгового государства, через которое шла особая магистраль, но и вносят любопытные дополнения в локализацию Русского каганата: кроме основной его части, покрывающей эти два варианта, можно определить и периферию – восточнославянские племена левобережья Среднего Днепра.

Кроме того, можно с уверенностью предположить, что в 830-е гг. на рассматриваемых землях произошла какая-то катастрофа. Во второй период по классификации Р. Р. Фасмера из обращения

дирхема выпадает территория СМК и указанных выше славянских племен^[301], замирает торговый путь по «реке Рус». Также археологически прослеживается резкое сокращение антропоморфных, зооморфных и солярных амулетов. В огне погибают многие поселения лесостепного варианта, в том числе и ремесленные центры.

Русские письмена: находки и свидетельства очевидцев

Одним из основных признаков государственности в Средневековье, несомненно, может считаться и единая система письма. Рунические надписи встречаются по всей территории юга Восточной Европы. Особенно изобилует ими Подонье и Прикубанье.

Считая их тюркскими на основании исследований А. М. Щербака, С. Г. Кляшторного, И. Л. Кызласова, сторонники хазарской принадлежности СМК признают, однако, что по-турецки они «не читаются»^[302] или читаются с крайними натяжками и исправлениями^[303]. Более того, в настоящее время признано, что в Саркеле «не было обнаружено ни одной надписи, которую можно было бы безоговорочно отнести к руническим болгарским текстам»^[304].

Между тем прямые аналогии руническим знакам на салтовской лощеной керамике и стенах белокаменных городищ имеются в сарматских знаках Северного Причерноморья^[305]. Иранист Г. Ф. Турчанинов адекватно расшифровал данные эпиграфики Подонья, исходя из материалов сарматского и средневекового аланского письма, берущего начало в скифосарматском письме арамейского дукта^[306]. Буквенные знаки, встречающиеся в руническом письме Верхнего Салтова и Маяцкого городища, а также в достоверно аланских надписях Надь-Сен-Миклоша (Х в.), впервые появляются в североиранских надписях Северного Причерноморья. Эти надписи выполнены красной краской на амфорах местного производства и датируются II – III вв. н. э.

Эти данные полностью согласуются с сообщениями арабо-персидской литературы о письменности у русов. В «Каталоге» Ибрагима ибн Йакуба, фрагмент которого опубликован еще X. Д. Френом, имеется такой сюжет:

«...Он был послан к правителью русов одним из кавказских владетелей. Он рассказывал мне также, что у русов есть свои письмена, которые вырезаются на дереве... он показал мне кусок белого дерева, на котором были нарисованы знаки, изображающие, не знаю, целые ли слова или отдельные буквы...»^[307]

«Русские письмена» на керамике

Очевидно, что речь идет о рунической письменности народа, называемого «русы» и тесно связанного с Кавказом.

Подтверждение находим у персидского историка начала XIII в. Фахр ад-дина Мубаракшаха Марваруди, на это сообщение впервые обратил внимание В. В. Бартольд:

«У хазар также есть письмо, которое заимствовано ими у ветви румийцев, которая находится в близи них (хазар. – Е.Г.), и они называют этих румийцев русами. Хазары пишут слева на право и буквы не соединяют между собой...»^[308]

Под словом «урум», «рум» здесь подразумевается аланская нация. Среди кавказских алан христианство, судя по данным археологии, распространялось уже с VII в. Аль-Масуди сообщает, что царь алан принял христианство «при появлении ислама и при Аббасидах»^[309]. В этой двойственности нет ничего удивительного. Правители нередко меняли религиозные убеждения в зависимости от политической ситуации. В первом случае, очевидно, аланский «царь» поддерживал Византию в ее борьбе с Сасанидским Ираном в начале VII в. Потом греки потеряли свое влияние в связи с неудачами во внешней политике и внутренними неурядицами. К началу IX в. Византия справилась с неурядицами, политическая обстановка внутри страны стабилизировалась. Восточная Римская империя быстро возвращала утерянные позиции в мире. И аланская руководство снова приняло «румийскую» веру, помня о непосредственной близости границ вновь набирающего силу государства. Здесь главное другое: оба обращения аланских «царей» произошли *не позднее начала IX в.* (с 833 г. Аббасидская династия теряет влияние, и халифат начинает распадаться). Русы, как уже мы видели, были этнически очень близки к аланам. Есть основания говорить и о русской колонии на Северном Кавказе на территории Алании. Алания в раннем Средневековье была известна на Востоке как «страна аланов и русов»^[310](подробнее об этом – в 3-й части).

Как показал Г. Ф. Турчанинов, заимствованное хазарами у русов письмо соответствует сармато-аланскому руническому алфавиту, восходящему к арамейскому и сирийско-неисторианскому (21 буква, написание слева направо, отсутствие «алеф»). Надписи же на керамике Саркела, построенного в 30-е гг. IX в. хазарами с помощью византийцев на левом берегу Дона, сделаны аланским письмом на тюркском языке^[311]. Подтверждения этому заимствованию находятся при сопоставлении осетинского фольклора с сообщениями арабо-персидской литературы: персидский поэт, автор «Шахнаме» Фирдоуси называет письменность Хазарии «хаттским почерком», в то время как в осетинском эпосе «Нарты» упоминается «хаттский язык», употребляемый правителями нартов в общении между собой и с верховным богом^[312]. Ученые считают, что слово «хаттский» имеет арабскую основу хатт (черт). Но это сомнительно. Вряд ли безымянные творцы древних «Нартов», аналогичных скандинавским сагам и этногенетическим преданиям других народов, стали бы пользоваться арабским словом для обозначения разговора священных правителей. Тем более что это слово обозначает письмо, а не устную речь. Скорее, это название уходит корнями в индоевропейскую древность (в XVII – XII вв. до н. э. известно в Малой Азии Хеттское государство, основанное индоевропейцами).

Образцы сармато-аланских рунических письмён по Г. Ф. Турчанинову

Тюркоязычные (хазарские) надписи русским руническим письмом

Таким образом, именно праболгарские кочевники степного Подонья, а вслед за ними и хазары, заимствовали у основателей Русского каганата – сармато-аланского населения – руническую письменность. Отдельный вопрос – когда это произошло? Ведь нельзя же обвинить в намеренном подлоге многих специалистов в рунической письменности, которые упорно считают донские надписи тюркскими. Руны евразийских степей, принадлежащие точно тюркам (орхонский, енисейский, таласский алфавиты), действительно очень похожи на салтовские. Однако связь между ними противоположна той, которую ищут тюркологи. Тюрки – более молодой этнос, чем североиранские народы (аланы, аорсы, сарматы и др.). Этногенез тюрков начался на обломках евразийской гуннской эпохи в предгорьях Алтая V – VI вв. н. э. из смешения хунну, монголов, угорских племен. После образования в начале VI в. Великого Тюркского каганата в сферу влияния тюрок попали ираноязычные народы Приаралья и Средней Азии – остатки канувших в Лету алано-сарматских государств Кангюй и Янцай. Эти люди как раз и передали тюркским племенам свою систему рунического письма. Так появились орхонские и енисейские знаки. Но праболгары и хазары, видимо, заимствовали аланскую письменность уже в Восточной Европе. Они переняли один из двух алфавитов Русского каганата – степной, иногда называемый «кубанским».

Очевидно, что данные эпиграфики не только не опровергают мысль о существовании Русского каганата с ядром на территории лесостепного салтовской культуры, но и приоткрывают некоторые аспекты его истории.

Таким образом, материалы археологии, нумизматики и эпиграфики полностью подтверждают сообщения арабо-персидской литературы о локализации русов с хаканом во главе в верховьях Северского Донца, Оскола и на Среднем и частично верхнем Дону.

СМК неправомерно рассматривать как государственную культуру Хазарского каганата, ибо различия между ее вариантами слишком велики. СМК в современном понимании определяется лишь как культурно-историческая общность, включающая также балкано-дунайскую культуру и культуру волжских булгар. Наибольшие же совпадения наблюдаются в пределах «СМК в узком смысле», то есть между лесостепным и степным ее вариантами. Именно эти два варианта по классификации, разработанной в современной археологии, правомерно объединить в одну культуру. Также характер этих совпадений позволяет предположить существование в Подонье единого сильного потестарного образования. Памятники материальной культуры свидетельствуют о высокой организации этого образования. Городища, для постройки которых требовалась мощная административная организация, обособленные поселки ремесленников-профессионалов (в особенности металлургов), организованное, специализированное и высокотехнологичное военное

ремесло, оживленная торговля, собственная монета и письменность на территории от левого берега Днепра до Среднего Дона – все это дает возможность говорить о *раннем государстве*. Верхней хронологической границей его функционирования по данным нумизматики являются 830-е гг. В письменных источниках это государство обозначается как «Русский каганат».

Поселения и городища салтово-маяцкой культуры и границы Русского каганата (VIII-IX вв.)

Главным государствообразующим и политически доминирующим этносом в каганате были носители лесостепного варианта СМК – сармато-аланы, которые в письменных свидетельствах называются русами. Это подтверждает проведенная корреляция сообщений арабо-персидской литературы о русах с хаканом во главе и данных археологии и специальных исторических дисциплин.

Русский каганат в этнополитической системе Восточной Европы 1-й трети IX в.

Русский каганат был прежде всего военно-торговым государством с собственной производящей экономикой и развитыми ремеслами (гончарное, ювелирное дело, металлообработка на государственном уровне). Эти ремесла восходят к сармато-аланской традиции первых веков н. э., однако весьма быстро перенимались соседними этносами – прабулгарами и славянами Днепровского левобережья. Такой тесный контакт между племенами, а также данные о торговом пути по «реке Рус» позволяют предположить, что эти племена входили в состав Русского каганата. Судя по археологическим материалам, ближайшими торговыми партнерами салтовских русов были страны Северного Кавказа и Юго-Восточной Прибалтики, где заканчивался поток дирхемов преимущественно африканской чеканки. В начале IX в. в Русском каганате появляется собственная монета. Кроме того, русы имели свою руническую письменность, восходящую к скифо-сарматскому письму. Это сармато-аланское письмо заимствовали внутренние булгары и через их посредство – хазары.

В начале второй четверти IX в. у Русского каганата появляется опасный внешний противник на северо-востоке и юго-востоке, против которого строится ряд мощных крепостей по течению реки Тихая Сосна и в низовьях Дона. Южным врагом являлась Хазария. Конец же первой половины IX в., точнее по монетным находкам и дате строительства Саркела (сразу после разрушения ПЦГ), – конец 830-х – начало 840-х гг. отмечен разрушением некоторых крепостей, сожжением селищ и ремесленных центров.

Часть III АЛАНСКАЯ РУСЬ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И СЛАВЯН ПОДНЕПРОВЬЯ

В почти трехвековом споре норманистов и антнорманистов о происхождении этноса «русь» и Древнерусского государства едва ли не самым трудным для интерпретации является давно известное сообщение под 839 г. в Бертиńskих анналах. Этот документ хронологически первым фиксирует существование Русского каганата и датируется временем, когда была поставлена, судя по археологическим данным, важнейшая и трагическая веха в истории этого политического образования.

Правильная интерпретация этой даты позволяет более четко сформулировать дискуссионный сам по себе тезис о влиянии сармато-аланской Руси верховьев Донца и Дона на славянские племена и образование Древнерусского государства. Сам факт существования такого государства или протогосударства, как Русский каганат с сармато-аланами – главным государствообразующим этносом, ставит под сомнение бытующие ныне версии предыстории Киевской Руси и Восточной

Европы третьей четверти I тысячелетия н. э., в первую очередь норманно-хазарскую концепцию. Одновременно это вызывает к жизни весь комплекс проблем, связанных с политогенезом восточных славян, в частности, вопрос об этническом происхождении господствующего слоя Древнерусского государства. Необходимо определить, *насколько существенным было влияние салтовских русов на славян Поднепровья*. И чтобы наметить основные линии решения данной отдельной и большой проблемы, нужно проследить этапы истории и эволюции этой руси, насколько это возможно.

Глава 1 ОТРОК СОЛАНДОРУСОВ

Судя по находкам керамики, рунических письмен, погребений в катакомбах, предыстория Русского каганата длилась не одно столетие. Причем основное действие разворачивалось на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье и на Кавказе, и частью – за Уральским хребтом в Средней Азии.

Непосредственное происхождение лесостепного варианта салтовской культуры всегда оставалось дискуссионным. Три наиболее распространенные гипотезы отталкиваются от единого общего положения об антропологической (а значит, и этнической) и археологической близости салтовцев с аланская культурой предгорий Кавказа. Согласно точке зрения И. И. Ляпушкина, аланы отступили в донскую лесостепь под давлением хазар в VII в. ^[313] С. А. Плетнева предположила, что аланско население вынуждено было покинуть разоренные предгорья в середине VIII в. в период арабо-хазарских войн, в которых нередко аланы были союзниками хазар ^[314]. По третьей версии, аланы были насильственно переселены во второй половине VIII в. хазарским правительством на северную окраину Хазарского, естественно, каганата, поскольку они находились в вассальной зависимости от Хазарии ^[315].

Главным же здесь является признание этнического родства алан, пришедших на Северный Кавказ из Северного Причерноморья и Подонья в V – VI вв., и салтовцев. А аланы Северного Кавказа бесспорно берут начало в сармато-аланских племенах, кочевавших в степях Северного Причерноморья на рубеже нашей эры. Это значит, что салтово-маяцкая культура, как культура оседлого ираноязычного населения, в основе своей местная, юго-восточная и уходит корнями по меньшей мере в сармато-аланскую культуру первых веков до н. э. – первых веков н. э. И. И. Ляпушкин показал, что ее следы археологически выступают в III – IV вв. н. э. ^[316]. Но если обратиться к свидетельствам античных историков и географов, истоки русов Подонья обнаруживаются еще раньше.

Сарматы, аланы, роксоланы, тавроскифы

В средневековых польских хрониках и русских летописях XVI – XVII вв. бытowała версия происхождения русов от сармат. Сохранилась она и в фольклорных сказаниях, и в трудах первых русских историков – В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. Так она выглядит в «Синопсисе» – своеобразном учебнике по истории второй половины XVII в.:

«Иные летописцы род Сарматов производят от Асармафа или от Сармафа, праправнука Арфаксадова сына Симова. Инии от Рифада, внука Афетова, того ради, яко Асармафа и Рифада племя совокупившееся купно обиташе, откуду под тем Сарматским именем все прародители наши Славенороссийские, Москва, Россы, Поляки, Литва, Поморяне, Волынцы и прочая заключаются... От тех же Сарматских и Славенороссийских осад той же народ Российский изыде, от него же нации нарицахуся Россы, а иными Аланы, а потом прозвавшаяся Роксоланы, аки бы Rossi и Alani ...» ^[317]

Большинство современных ученых относятся к этой версии скептически, считая ее книжной, тенденциозной и поздней. Якобы она была создана уже в XV в. и имела лишь одну, политическую цель – «удревнение» славянской истории с использованием античных данных. Конечно, славянские книжники ловко воспользовались тем, что Польша и Южная Русь находились там, где античный географ Птолемей в I в. н. э. располагал Сарматию. Но в отношении русов и алан легенда имела реальную древнюю основу, которую только сейчас можно подтвердить благодаря археологическим находкам, изысканиям лингвистов и антропологов. И дело тут не только в очевидной близости названий «рокс» и «рус».

С начала II в. до н. э. античные источники выделяют множество сарматских племен, упоминая их названия и локализацию от Поволжья до Дона и Крыма. Перечисление крупнейших племен Сарматии у Птолемея показывает, что это разные, далеко не родственные народы: венеды, бастерны, певкины, языги, роксоланы, аланы-скифы и др.^[318] Бастерны и венеды, например, – это иллирийские племена, берущие начало в Малой Азии и переселившиеся в Европу на рубеже II – I тысячелетий до н. э. Уже обосновавшись на южном берегу Балтики, венеды вступили в контакт с праславянами и ассимилировались ими. Некоторые племена балтийских славян приняли название вендов. Поэтому византийские историки VI – VII вв. уже производят склавинов и антов от венедов. Так что у составителей славянских хроник и летописей были основания называть своих предков сарматами (балтийские славяне, в частности венды, приняли немалое участие в этногенезе польского народа).

Да и между этносами, причисляемыми к ираноязычным сарматам современными учеными, различия в археолого-этническом типе очень велики.

Сарматы – это общее название ираноязычных племен, которые кочевали с III в. до н. э. по IV в. н. э. в степях от Тобола до Дуная. Конечно, реально существовал и собственно сарматский этнос, о котором известно весьма много.

У сарматов очень велика была роль женщин; многие ученые даже считают, что некоторое время у них был матриархат. Женщины были хорошими наездницами, прекрасно владели оружием, воевали наравне с мужчинами, и хоронили в курганах их вместе с конем и оружием. Поэтому ученые предполагают, что во многих греческих и латинских источниках сарматы скрываются под именем амazonок.

Сарматы стали важной политической силой в жизни Причерноморья. В конце II в. до н. э. они были союзниками скифов против греков, а в I в. до н. э. уже вытеснили остатки скифских племен с берегов Черного моря. С тех пор на античных картах «Скифия» (причерноморские степи) стала называться «Сарматией». Соответственно, племена, которые переселялись из других мест в Северное Причерноморье, автоматически для греков и римлян становились «сарматскими», даже не будучи таковыми по происхождению. Кстати, такое же явление наблюдается и в римских описаниях Германии: у Тацита германскими считаются руги, варини, бойи, фризы, которые относились к кельтской и иллиро-венедской группам.

Однако многие современные специалисты безосновательно доверяют античной традиции, не учитывая ее особенностей. С легкой руки историков и археологов К. Ф. Смирнова, В. Б. Виноградова, В. А. Кузнецова, аланы, асы и особенно интересные нам роксоланы были объявлены сарматами. Историки не обращали внимания даже на некоторые странности. Ведь археологические и антропологические характеристики сарматов, и алан известны. И первые относились по черепным показателям к круглоголовому (брахиокранному), а вторые – к длинноголовому (долихокранному) типу. А это полностью исключает близкое родство народов. Антропологический тип человека гораздо консервативнее всех традиций и обычай. Ясно, что так кардинально он не мог смениться.

Какие-то данные о происхождении аланских племен, не позволяющие отнести их к сарматам, имеются у античных и византийских авторов. Аланы стали известны римлянам с 60-х гг. до н. э. Тогда Помпей, будущий противник Юлия Цезаря, совершил поход в Закавказье и преследовал там «суровых и вечно воинственных аланов»^[319].

Аммиан Марцеллин, римский историк IV в. н. э., в рассказе о том же походе Помпея в Закавказье и Персию пишет:

«(Помпей. – Е.Г.), пройдя земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбили это племя и увидел Каспийское море...»^[320]

Массагеты – это тоже североиранское племя, но близкое не сарматам, а скифам. Иначе называемые «маскутами», они жили на территориях к востоку от Кавказского хребта еще в IX – X вв.

Вносит некоторую ясность и сообщение Гая Плиния Старшего (23 – 79 гг. н. э.) в энциклопедическом труде «Естественная история»:

«К северу от Истра (Дуная. – Е.Г.), вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные (к Черному морю. – Е.Г.) местности занимали разные племена, может, у римлян называемые dakами, тосарматы, или по-гречески савроматы, и из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы»^[321].

Таким образом, если аорсы у Плиния сарматское племя, то аланы и роксоланы сами по себе. Такого же смысла сведения находим в знаменитой «Географии» Страбона:

«Все пространство... между Борисфеном (Днепром. – Е.Г.) и Истром занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ним иязиги-сарматы, так называемые царские, иурги; ...а самые северные, занимающие равнину между Танаисом (Доном. – Е.Г.) и Борисфеном, называются роксоланами»^[322].

В другом месте Страбон называет роксолан вообще самым северным из известных ему племен и рассказывает о легендарной отваге роксоланских воинов^[323]. Равнина между Доном и Днепром, кстати, это то самое место, где через полтысячелетия возникнет салтовская культура. Восточнее Танаиса, по представлению греков и римлян, начиналась Азиатская Сарматия. Деление на «европейскую» и «азиатскую» части было сохранено с тех пор, когда там простиралась Скифия. Правда, за рекой Ра (Волгой), по сообщению Птолемея, Азиатская Сар – матия заканчивается и начинается Скифия. Это было причем не книжным измышлением, а отражением реальности: именно за Волгу в III в. до н. э. были вытеснены сарматами основные скифские силы (какие-то скифские «государства» сохранились до гуннского нашествия в Крыму). И в Азиатской Сарматии, и в Скифии за Волгой упоминаются аланы и скифы (иногда как одно племя, иногда по отдельности), но роксолан Птолемей знает только в Европейской части.

Кроме того, среди жителей степей между Доном и Волгой Птолемей указывает еще один интересный нам народ – асов, обитавших непосредственно перед «северным поворотом реки Танаиса»^[324]. Именно асами (ясами) называли русские летописи ираноязычных обитателей Подонья XII в.

Следующее подробное известие о северных иранцах Причерноморья относится ко времени римского императора Аврелиана, который в 274 г. устроил триумф. Описание его сохранилось у Флавия Вописка Сиракузского:

«Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины... восемьсот пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен – блемии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, персы – все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы...»^[325]

Ясно, что и в конце III в. н. э. современники не смешивали три народа – алан, роксолан, сарматов. И если при Страбоне, труд которого датируется началом I в. н. э., роксоланы жили в Подонье, то во II в. Птолемей их знает уже как обитателей западного берега Меотийских болот (Азовского моря)^[326].

Очевидно, именно в это время роксоланы и аланы начали проникать в Крым. А уже в V в. в анонимном сочинении «Перипл» Феодосия называется Ардаббой (иранск. *семисторонний*), а аланская население – *таврами*, по имени древнего, доскифского племени.

О тавроскифах уже давно ведется дискуссия. Ведь это название часто применяли византийцы X – XII вв. по отношению к русам, в том числе и киевским. Так называет воинов Святослава Игоревича Лев Диакон в описании похода русов на дунайских болгар и византийцев 971 г.

Во «Всемирной хронике» Константина Манассии (XII в.) в рассказе об осаде Константинополя в 626 г. объединенным войском персов, авар и славян упоминается о кораблях тавроскифов, воевавших на стороне антивизантийской коалиции. Правда, остальные византийцы, повествуя о том же событии, знают среди нападавших с запада лишь авар, болгар, гепидов и славян. Причем и славяне, и авары пользовались так называемыми моноксилами – лодками, выдолбленными из цельного дерева. Часто на этом основании ученые пытаются объявить тавроскифов славянами^[327]. Но славяне в Крыму в это время отсутствовали, судя по данным археологии^[328]. Еще более интересно, что в старогрузинской хронике рубежа X – XI вв. при описании тех же событий есть уточнение:

«Осаждавшие в 626 г. Константинополь скифы были русские, государь которых назывался хаканом»^[329].

Совпадение удивительное. Современники событий – составитель «Пасхальной хроники» и Феодор Синклл – скифами называли авар, правитель которых действительно именовался хаканом. Но почему грузинскому хронисту почти через четыре века показалось естественным назвать русов, хотя при весьма развитых отношениях Грузии с Киевской Русью автор должен был знать, что главы восточных славян именуются князьями? Вероятно, он имел в виду других, не киевских русов. Но связаны ли эти русы с тавроскифами?

Ясность могут внести русские летописи. Как известно, византийские хроники были одним из основных источников летописных сводов Средневековья, в том числе и Повести временных лет. При переводе хроник на древнерусский язык летописцы комментировали их, заменяли некоторые

слова более близкими читателю. В относительно точном переводе в Хронографе западнорусской редакции (XVI в.) авары-обры отделены от скифов, а тавроскифы упоминаются хоть и в непосредственной связи со скифским хаганом, но все же не вместе:

«Персидский же воевода Сарвар подступил к Царствующему граду (Константинополю. – Е.Г.) спереди. Тогда же подошел к стенам и скифский хаган со множеством воинов. К ним присоединились полководцы таврийских скифов с бесчисленным множеством свирепых воинов в деревянных ладьях, закрывающих собой море...»^[330]

В Повести временных лет также сохранилось упоминание о событиях тех лет, только в комментарии летописца в рассказе о князе Кие. Споря с оппонентами, доказывавшими простонародное происхождение легендарного основателя Киева («иные, не зная, говорят, будто Кий был перевозчиком»), летописец приводит такой аргумент:

«Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы он к Царьграду. А Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю (царями тогда назывались только византийские императоры. – Е.Г.), как говорят; великие почести воздал ему тот царь, при котором он приходил...»^[331]

«Почести», которые один из авторов Начальной летописи относит к Кию, на деле являются откупными дарами византийцев аварскому хагану. Что дало летописцу возможность перенести «скифов» и «тавроскифов» византийских источников на Кия? Очевидно, все то же понимание тавроскифов как русов. И если славяне археологически появляются на Крымском полуострове достоверно после X в., а то и в XIII в.^[332], то русы-тавроскифы не славяне.

По версии известного лингвиста современности О. Н. Трубачева, это реликтовый пласт индоарийского населения – синды и меоты, в малом количестве сохранившегося в Крыму и Прикубанье в первые века н. э. Однако другие иранисты отмечают, что «все, что Трубачев относит к индоарийскому, хорошо известно в ирано-сарматском мире»^[333], соответственно, ираноязычный этнический элемент был преобладающим среди местного населения Северного Причерноморья античности, причем как в южных и западных районах Крыма и Приазовья, так и в восточных: так, североиранским является название «Судак» (осетин. «святой», иран. «чистый»). Однако роксоланы и тавроскифы упоминаются в источниках античности как разные народы, и лишь во второй половине I тысячелетия н. э. русы в глазах современников приравниваются к тавроскифам. Это может отражать естественный процесс взаимной ассимиляции (миксации) племен, долгое время проживающих на одной территории. Прояснить этот вопрос могут археологические источники и исследования антропологов.

Большой сармато-аланский пласт первых веков н. э. имеется как на территории Юго-Западного Крыма, так и в черняховской культуре конца II – IV вв. в восточноевропейской степи и лесостепи от левого берега Днепра до Нижнего Дуная. Черняховскую культуру традиционно считают принадлежащей Готскому союзу племен, который возглавлял Германарих, но, как и в случае с салтово-маяцкой общностью, под одним названием здесь скрываются многочисленные народы со своими традициями. Это и готы, и кельты, и фризы, и даки, и аланы, и возможно, славяне. Причем и в Крыму, и в черняховских степных памятниках в сармато-аланских погребениях наблюдается исключительное разнообразие как погребальных обрядов (подбои, грунтовые ямы, катакомбы, склепы^[334]), так и краинологических серий. Среди последних выделяются две, характерные для сарматов и алан: узколицый брахиокранный европеидный и узколицый долихокранный европеидный, что соответствует данным античных авторов о разнообразии сармато-аланских племен^[335].

Интересно, что и те, и другие краинологические серии имеют аналогии на территории Русского хаганата в Подонье. Палеоантропологический материал из Маяцкого могильника наиболее близок не северокавказским аланам V – VII вв., а ранней группе могильников Крыма и черняховской культуры. Причем среди погребенных по катакомбному обряду встречаются как долихокраны (в большей степени), так и круглоголовое население без монголоидной примеси. Брахиокранные узколицые черепа находят в аланских могильниках Юго-Западного Крыма и на Северном Кавказе (плитовые могилы в Осетии X – XII вв.)^[336]. Г. П. Зиневич отмечает также «значительное сходство, доходящее до идентичности... при сопоставлении салтовских долихокранных серий с черепами полей погребений Украины (I – IV вв. – Е.Г.), в частности, с территорией Нижнего и Среднего Поднепровья»^[337].

До появления сарматов в степях и лесостепях Северного Причерноморья многие века господствовали скифы. Согласно античным источникам, как мы видели, роксоланы лишь территориально принадлежали к сарматам. По мнению известного антрополога XX столетия Г. Ф.

Дебеца, мезо-долихокранный тип Верхнесалтовского могильника наиболее близок не к аланскому, известному по Северному Кавказу, и не к сарматскому, а к древнему *скифскому*^[338].

Скорченное погребение из Дмитровского могильника

В Зливкинском же могильнике степного варианта салтовской культуры, также входившего в Русский каганат, и на Правобережном Цимлянском городище обнаруживаются две разноэтничные краниологические круглоголовые серии: европеидная – сарматская и со значительной монголоидной примесью – очевидно, праболгарская.

То есть в создании политического образования VIII – начала IX в. в Подонье участвовали по меньшей мере два сармато-аланских племенных объединения, одно из которых вело, очевидно, кочевой образ жизни (зливкинцы), другое – оседлый. Это разделение между сармато-аланскими племенами наблюдается еще с собственно сарматского времени. А некоторые племена переходили на оседлый образ жизни уже после Великого переселения народов, в VI – VII вв. н. э.

Практически идентичные зливкинским скорченные трупоположения в ямах встречаются в черняховской культуре, аланских могильниках Юго-Западного Крыма, в Дмитриевском могильнике лесостепного варианта салтовской культуры. В черняховской культуре на Среднем и Нижнем Днепре также был распространен обряд обезвреживания покойных, очень популярный у жителей лесостепи Подонья. В лесостепном варианте встречаются и подбойные погребения, связанные с сарматской традицией. То есть потомки сарматов были среди тех, кто входил в Русский каганат, но они не являлись господствующим этносом – русами. Археологически эти сарматы характеризуются погребениями в ямах и европеидным круглоголовым типом.

Близкие же конструкции в катакомбном обряде захоронения обнаружены в могильниках Юго-Западного Крыма позднеримского и раннесредневекового периодов, аланских могильниках Северного Кавказа (V – VII вв., близ Кисловодска) и могильниках лесостепного варианта салтовской культуры. Причем в могильниках V – VII вв. в Крыму процент катакомбных захоронений даже выше, чем в синхронных на Кавказе^[339].

Прямые аналогии между Русским каганатом и черняховской культурой существуют и в традициях керамики (изготовленные на гончарном круге кувшины с двумя ручками). Причем на Северном Кавказе такой тип посуды появился лишь в X – XII вв.^[340]. Это означает, что часть носителей лесостепного варианта салтовской культуры прибыла в Подонье *не с Северного Кавказа*.

Непосредственную связь русов СМК с сармато-аланами Северного Причерноморья и Крыма первых веков н. э. подтверждает лингвистика и эпиграфика. Средневековый период истории осетинского языка начался в Северном Причерноморье, и огромную роль в этом играл Танаис (Дон). Новые буквенные знаки, встречающиеся в письме Верхнего Салтова и Маяцкого городища, появились на монетах скифских и сарматских боспорских царей в первые века н. э., в сармато – аланских надписях, выполненных красной краской на амфорах местного производства II – III вв. н. э.

Великое переселение народов – белое пятно истории

После этого наступил период, называемый «Великим переселением народов». Это время фактически перевернуло европейский мир. Пала под ударами варваров и внутренних неурядиц Римская империя, исчезло с исторической арены множество этносов, но родилась масса новых народов и государств, которые в течение следующей тысячи лет и даже больше определяли жизнь и Европы, и Азии. Именно тогда отчетливо зазвучали имена племен славян и русов. И насколько масштабными были эти изменения, настолько неясной и таинственной до сих пор остается эта эпоха для историков. Этносы меняли место жительства и раньше, но последствия этого касались обычно лишь племен, находившихся на первобытной стадии развития, а «цивилизованный мир» смотрел на их победы и катастрофы со стороны. Здесь же прежняя цивилизация в результате Великого переселения была разрушена, а на ее обломках возникла из синтеза римских и варварских черт новая Европа.

Начало переселений датируется обычно концом IV в. н. э. – вторжением гуннов в Подунавье^[341]. Но еще раньше гунны вторглись в Восточную Европу, населенную к тому времени аланами, роксоланами, сарматами, готами, гепидами, ругами и другими. Готский историк Иордан много

страниц своей «Гетики» посвятил борьбе Готского союза и других народов Северного Причерноморья с неожиданно нагрянувшими кочевниками.

Гунны считаются выходцами из Азии, районов, расположенных к северу и северо-западу от Китая. Но до IV в. н. э. упоминается народ с таким названием и в Европе. Например, Птолемей помещает гуннов между бастернами и роксоланами у устья Борисфена (Днепра)^[342]. У побережья Северного моря известна область Гунналанд, которую занимало фризское племя (отсюда популярные на севере средневековой Европы имена Гундобад, Гундерикс и др.)^[343]. Такое разнообразие гуннов в отдаленных друг от друга уголках Евразии объясняется просто. Слово «хун», «гун» одинаково для всех языков уральской группы (к ним относятся и финно-угорские языки) и обозначает человека вообще. А очень многие народы в качестве самоназвания используют слово «люди». Особенно это касается этносов, сложившихся еще до начала разложения первобытно-общинного строя. Поэтому несколько уральских племен независимо друг от друга могли принять этот этоним.

Но во всяком случае с уверенностью можно сказать, что гунны, потревожившие относительное спокойствие Европы, пришли не с севера Европы и не из Причерноморья. Это было племя азиатское и кочевое, о чем говорит и его образ жизни, и внешний вид, известные из описаний современников. Во внешности гуннов явно проглядывают черты монголоидной примеси: малорослые, сухопарые, безбородые, «с дырами вместо глаз»^[344]. Но об их продвижении до Танаиса – Дона римские авторы знали очень мало, как и вообще о народах, которые там жили. Известно, что на Кавказ гунны пришли в 360—370 гг. и в конце IV в. они прорвались через Дербент в Закавказье и оттуда посыгали на центр Сирии, Антиохию.

В течение долгого пути с предгорий Тянь-Шаня в Европу Гуннский союз вбирал в себя все новые и новые племена, как позже происходило и с монголами. Это отразилось в легенде о происхождении гуннов, записанной Иорданом, в которой он связывает их этногенез и с готами:

«Король готов Филимер... вступил в Скифские земли (Северное Причерноморье. – Е.Г.). Он обнаружил среди своего племени несколько женичин-колдуний... Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях сошлись с ними и произвели это свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот...»^[345]

Ко времени появления гуннов в Восточной Европе было два сильных объединения: Аланский и Готский племенные союзы. Они вели уже полуоседлый образ жизни, и нашествие «зверино-диких» кочевников привело их в смятение и вызвало внутренние распри. Например, Аммиан Марцеллин сообщает, что могущественный король готов Германарих наложил на себя руки, поняв, что сопротивление бесполезно.

Аланский союз, в который входили и роксоланы, попытался сопротивляться. Встреча произошла, очевидно, еще восточнее Дона, где селилась часть ираноязычных племен. Но сделать это было весьма трудно из-за непрочной организации союза. По словам того же Аммиана, в него входили очень разные народы, отделенные друг от друга обширными пространствами и бродившие по неизмеримым степям, какnomады^[346]. Здесь же Аммиан рассказывает и о том, как выглядели аланы: они отличались светлыми волосами, высоким ростом, быстрой реакцией и устрашающим видом из-за свирепости во взгляде. Иордан еще отмечает, что аланские племена были равны гуннам в бою, но отличались от них «общей человечностью» традиций. Это их, очевидно, и подвело, как обычно бывает при встрече относительно высокой культуры с воинственными дикарями. Часть аланских племен двинулась под напором гуннов на запад, побуждая к тому же находившихся на их пути готов, вандалов, савлов. Еще одна группа присоединилась к гуннам. Что сделали другие участники Аланского союза – из письменных источников мы не знаем, поскольку латинских книжников другие, тем более отдаленные от них народы, интересовали в то неспокойное время только в связи с проблемами развивающейся Империи.

Оставшиеся без вождя готы для разросшегося Гуннского союза не представляли преграды. И перейдя Днестр, гунны оказались на Дунае уже в виде сложного объединения, в котором «европейцев» было больше, чем «азиатов». Одни племена, как остроготы («восточные готы»), гепиды, часть ругов являлись военным подкреплением гуннам. Другие обеспечивали союз данью и снабжали войско продуктами. Сами завоеватели постепенно смешивались с покоренными, перенимая их язык и обычай. Ближайшие потомки современников событий – Приск и Иордан – сообщают, что напиток гуннов назывался «медос», а тризна по умершему – «страва». Это свидетельствует о наличии в рядах гуннов славян. В V в. гуннские вожди носили уже имена

покоренных народов – аланские, готские и другие. Да и другие племена стали перенимать имена один у другого, о чем также сообщает Иордан. Начался неотвратимый процесс взаимной ассимиляции, появления новых этносов. Поэтому несмотря на существующие письменные источники, восстановить этническую историю времен Великого переселения очень трудно.

Не сильно поможет и археология, во всяком случае, на данном этапе развития. Для более или менее объективного исследования археологических памятников и их этнической интерпретации нужно найти стационарные поселения или же (если это касается кочевников) – хотя бы могильники. При постоянном перемещении культурный слой не успевал образовываться. Едва основав поселение, жители вынуждены были переходить на новое место. Поэтому находки этой эпохи случайны и определить их этническую принадлежность очень трудно.

Однако именно на Великое переселение народов приходятся первые, весьма смутные, упоминания этнонима «русь» в Восточной Европе.

Народ «рос» по соседству с амазонками и в борьбе с Германарихом

Подтверждение данным археологии и лингвистики о русах в Северном Причерноморье и Крыму VI – VII вв. можно найти и в письменных источниках. Впервые народ *Hros* упоминается в сирийской хронике Псевдо-Захарии VI в. в причерноморских степях по соседству с амазонками и другими скифо-сарматскими племенами. Все народы, о которых говорит в данном случае хроника, находятся за «Каспийскими воротами» (так называли Дербент) к северу от Кавказа в «гуннских пределах»:

«Анвар, себир, бургар, алан, куртагар, авар, хасар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти 13 народов живут в палатах, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. В глубь от них (живут) народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них (живут) амazonки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижиться, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю... Соседний с ними народ рос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток у северных краев еще три черных народа»^[347].

Сирийский автор хорошо знал население Северного Кавказа, но о жителях более северных территорий имел туманное представление. Народ рос он помещает на северо-запад от людей – псов и амазонок. Давно установлено, что первое описание амазонок появилось под впечатлением знакомства с кочевыми племенами, у которых существовал поздний матриархат. В таком виде, вероятно, они упоминаются у Геродота (V в. до н. э.). Но впоследствии амазонки стали таким же традиционным географическим сюжетом для развлечения публики, как остров Фуле, люди-псы (кстати, тоже упомянутые еще у Геродота) и загадочная рыба, одного куска которой хватает для фантастического повышения мужской потенции. Описание росов («мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей»), очевидно, почти так же далеко от действительности, как и рассказ об амазонках.

Для автора этого сообщения место жительства росов – это почти край света, где обязаны жить народы-мифы. Поэтому, конечно, бесполезно согласовывать информацию о росах у Псевдо-Захарии с какими-то этнографическими реалиями. Такие попытки обречены на провал.

Но есть и другая версия реконструкции текста сирийца. В настоящее время норманисты настроенные учёные предпочитают (в традициях Г. Бараца и других представителей еврейской историографии) относить этот источник к области мифологии, связывая с библейским именем «Рош» и его неверным переводом в византийской литературе^[348]. Но Н. В. Пигуловская, единственный серьезный исследователь этого сообщения, отмечает, что оно взято не из греческих источников^[349].

О неком «вероломном племени росомонов» упоминает в рассказе о событиях IV в. н. э. в Причерноморье поздний римский историк Иордан:

«Германарих, король готов, хотя... и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломном уже племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из выше названного племени (росомонов), по имени Сунильду, за изменнический уход (от) ее мужа, король (Германарих), движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сари Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой

раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть (готов, которую составляли) остроготы; от них везеготы, следя за какому-то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, неперенеся гуннских набегов, скончался на стодесятом году жизни.

Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые... сидели на восточной стороне и назывались остроготами»^[350].

Это сообщение относится к последней четверти IV в. н. э. Росомоны представлены как весьма ненадежные союзники-вассалы одного из готских вождей – Германариха. Накануне гуннского нашествия между готовами, которых возглавлял Германарих, и росомонами, очевидно, произошел политический разрыв. Ситуация, описанная в приведенном тексте, такова: Германарих подверг жестокой казни жену некоего вождя – Сунильду. Причем неясно, чей это был вождь – росомонский или готский. Высказывалось предположение, что это был готский предводитель Ала фей, но точных данных нет. Он вполне мог быть и готов, поставленным над подчиненным племенем. По крайней мере, он был положительно настроен к готовам, чего нельзя сказать о его жене. Ее братья, Сар и Аммий, отомстили за сестру, ранив Германариха в бок.

Сведения Иордана уникальны. Кроме него, об этом народе не упоминает ни один источник, как ни один древний автор не уделяет значительного места «государству Германариха» в Северном Причерноморье. Вот этот факт объяснению поддается легко. Ни одно потестарное объединение времен военной демократии не могло быть стабильным, несмотря на описания Иордана. Он не просто готский историк. Он летописец лишь одного из готских племен, задача которого политизирована в угоду одной племенной группе остроготов. Руководствуясь политическими соображениями, Иордан изложил предание о Германарихе, наполнив его таким содержанием, которое соответствовало современным ему представлениям, штампам, принятым в VI в. при написании истории народов^[351]. Об этом свидетельствует попытка Иордана включить в «государство Германариха» почти всю Восточную Европу, а также его желание опровергнуть версию о самоубийстве вождя при появлении гуннской опасности. Однако историю остроготов Иордан знал прекрасно. В данном случае он лишь решил привязать один из ее известных эпизодов к щекотливой политической теме.

Споры об этнической принадлежности росомонов ведутся более двух столетий: их пытались отождествить с роксоланами, герулами, готовами, славянами. Интерес вызывает начало слова – *ros*. Традиционной является иранская этимология этой части этнонима. Б. А. Рыбаков возводит к осетинскому «мойне» (муж) и вторую часть, считая, однако, росомонов славянами^[352]. Другой специалист по древнейшей русской истории, А. Г. Кузьмин связывает росомонов с ругами^[353].

Иордан упоминает в «Гетике» и роксолан, и ругов в традиционном написании – Aroxolani, Roxolani; Rugi, Rogi. Однако если «роксоланы» упомянуты только дважды в части, заимствованной Иорданом у одного из античных авторов^[354], то о ругах историк готов говорит *постоянно*, и на протяжении всего повествования этот этноним не менялся. В решении этого вопроса может помочь этимология упомянутых Иорданом имен.

Известные иранисты В. И. Абаев и А. Н. Карсанов имена Sarus и Ammius выводят из сармато-аланских наречий (*sar* – «глава», *ama* – «могучий»^[355]). Единственный «камень преткновения» – имя женщины. «Сунильда» явно происходит из германских языков и обозначает «Лебедь». Но этот факт объясняется, если вспомнить, что она была женой готского или верного готов вождя. Вполне естественно, что, выйдя за – муж, женщина принимает имя или прозвище на наречии мужа.

Учитывая упоминания о роксоланах у античных авторов и народе «рос» у Псевдо-Захарии, а также археологический материал, надо признать, что североиранская принадлежность росомонов Иордана более вероятна. И жили росы-росомоны в IV – VI вв. именно в Северном Причерноморье.

Также в Северном Причерноморье и Крыму фиксируется большое количество топонимов с корнем *ros*. По нижнему Днепру, на восточном берегу Керченского пролива, в Юго-Западном Крыму античные и ранневизантийские авторы упоминают массу названий с этим корнем^[356].

Рядом с Таматархой (Тмутараканью) в начале II тысячелетия н. э., по сообщению византийских и арабских источников, находился город Русия. Этот пласт, несомненно, связан с проблемой Азово-Причерноморской Руси. О. Н. Трубачев, изучив гидронимию Юго-Восточной Европы, пришел к заключению, что междуречье Северского Донца и Дона (область салтово-маяцкой культуры) и Приазовье можно назвать *единным гидронимическим ареалом*. Этую территорию лингвист связывает с Азово-Черноморской Русью^[357]. Топонимы и гидронимы Северного Причерноморья и Подонья О. Н. Трубачев считает в основе индоиранскими (реликтовое население Причерноморья и Крыма –

синды и меоты), однако иранисты отмечают, что приводимым академиком данным можно найти объяснения и в североиранских языках.

Как данные археологии, так и сведения письменных источников относятся в основном к первой половине I тысячелетия н. э. (топонимию датировать крайне сложно). Единственное, что не позволяет напрямую вывести русов салтовской культуры из Крыма и Северного Причерноморья, – отсутствие в аланских памятниках этой территории керамики, идентичной салтово-маяцкой и ее ближайшим прототипам.

Русы-рухсы на Кавказе в археологии и письменных источниках

Происхождение салтовцев от алан Северного Кавказа вызывает гораздо больше вопросов. Археологические находки в Крыму и на Северном Кавказе, которые связывают с генезисом лесостепного варианта салтовской культуры, синхронны. С одной стороны, есть свидетельство путешествовавшего по Северному Кавказу в XIX в. Ю. Клапрота о переселении алансов с Кавказа на Дон, при этом Клапрот ссылается на осетинские предания и грузинские хроники, но не указывает конкретных источников, а также причин переселения^[358]. Это согласуется с гипотезами о северокавказском происхождении носителей лесостепного варианта. Наиболее приемлемой из них является версия С. А. Плетневой об арабском нашествии в первой половине VIII в. как основной причине миграции алан.

Действительно, арабские источники сообщают о ряде походов полководцев халифата на алан Кавказа. Дело в том, что Кавказский хребет тогда попал в сферу интересов набиравшего силу Арабского халифата. Эти горы, особенно их центральная часть, издревле служили естественной границей между странами Восточной Европы и Передней Азии. По ним проходило ответвление Великого Шелкового пути. Закрепиться в Центральном Предкавказье пытался и Сасанидский Иран, а после его падения задача «по наследству» перешла к халифам.

Натиск арабов на Кавказ начался во второй половине VII в. Их основным противником на этом фронте была Византия, традиционно имевшая влияние на закавказские государства. В то время кавказский регион представлял собой скопление независимых «стран», которых, по данным арабских источников, насчитывалось 113. Наиболее сильными из них были Алания и Хазария, с которыми после покорения Закавказья и пришло бороться арабам. Помощь в битвах с завоевателями иногда оказывала Византия, которая в то время и сама была объектом арабских нашествий (с 715 по 717 г. брат халифа аль-Валида Маслама осаждал Константинополь).

В. А. Кузнецов даже называет Византию, Хазарию и алан «единым антиарабским фронтом»^[359], хотя каждая из этих стран преследовала свои цели, и войны с арабами перемежались междуусобными конфликтами. И если в конце VII в. алан еще можно было назвать союзниками хазар, то в 720-е гг. отношения между ними испортились. Например, в 721—722 гг. аланы воевали с хазарами, а в 723—724 гг. пропустили арабов через свои земли к хазарскому Баланджару. В 728/729 гг. (110 г. хиджры) Маслама предпринимает большой поход против хазар со стороны Дарьяльского ущелья. Это можно было сделать только при хороших отношениях с аланами. В 730—750-е гг. арабо-аланский союз распался, и полководцы халифата снова напали на Аланию. Конфликт завершился завоеванием в начале 750-х гг. Дарьяла, который еще назывался «Баб аль-Алан» (ворота алан), куда был поставлен арабами гарнизон из особо преданных воинов.

То есть ситуация у кавказских алан была не из легких, но и не настолько катастрофичная, чтобы бежать с насиженных мест. Но давайте на минуту согласимся с позицией С. А. Плетневой. По ходу военных действий видно, что чаще всего с арабами вынуждены были встречаться жители побережий рек Терека и Сунжи (на Тереке, у поворота Большого Кавказского хребта, и располагаются Аланские ворота). Именно они, по логике, и должны были покинуть свои поселения.

Итак, эти события географически должны были коснуться алан, находившихся на трассе Дарьяльского прохода и в окрестностях нынешнего Владикавказа. Но, как заметил В. А. Кузнецов, в археологических памятниках этих мест *совершенно отсутствует картина катастрофы и ухода населения*. Напротив, наблюдается постоянный прирост жителей и непрерывность в материалах могильников – Чми, Балта, Тарское, Камбилиевский^[360]. Кроме того, и самое главное, археологические комплексы этих памятников *несвязаны с генезисом салтовской культуры* ни по инвентарю, ни даже по обряду погребения^[361]. А именно этот район связывается учеными с выделением и распространением со II – III вв. н. э. дигорского диалекта – языка осов. То есть именно эти аланы и были предками современных осетин. Но кто же тогда оставил могильники и поселения Центрального Предкавказья, которые так похожи на салтовские?

Вообще на территории, которую письменные источники закрепляют в Предкавказье за алантами, исследователи выделяют три основные группы памятников:

- 1) восточная группа на правом берегу Сунжи, где преобладают подкурганные катакомбы с южной ориентировкой покойных;
- 2) горы на юге (от Дигории до Приэльбрусья) с преобладанием склеповых сооружений;
- 3) предгорья в районе Кисловодска с грунтовыми катакомбами (ориентировка различна) [\[362\]](#).

Наиболее близкими к салтовским русам являются катакомбные могильники Кисловодской котловины – по инвентарю и могильник Мокрая Балка (также вблизи Кисловодска) – по форме погребения. Но сходство катакомб Кисловодской котловины по норме площади камеры наблюдается лишь в *одном* могильнике салтовской культуры – Нижнелубянском, причем частичное [\[363\]](#). А в катакомбах Мокрой Балки очень мало вещей, характерных для салтовцев, отсутствуют даже весьма популярные на Кавказе салтовские поясные наборы.

Интересен и сам вопрос о происхождении катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе и связи его с сарматскими и аланскими племенами. Долгое время этномаркирующими признаками алан считались катакомбные захоронения и долихокранный узколицый антропологический тип.

По мнению специалиста по сарматской археологии К. Ф. Смирнова, катакомбы на Северный Кавказ принесли сармат-Аланские племена Поволжья и Приуралья (этот археолог был сторонником сарматского происхождения алан) [\[364\]](#). Но раскопки 1970—1990-х гг. на Кавказе поставили под сомнение этот тезис. Выяснилось, что катакомбы, считавшиеся характерными только для сармато-алан, распространялись в Центральном Предкавказье со II – I вв. до н. э., когда сарматов Поволжья здесь еще не было. Более того, К. Ф. Смирнов считает *невозможным* связывать именно этот тип катакомб с Поволжьем. Да и катакомбы Поволжья и Приуралья составляют не более 2 процентов от числа исследованных сарматских погребений. Между тем этот обряд был широко распространен в Северном Причерноморье до появления основной волны сарматов – в могильниках *скифских племен* и у меотов Прикубанья [\[365\]](#). По данным В. А. Кузнецова, антропологический тип по – гребенных в катакомбных могильниках Крыма не менялся с первых веков до н. э., задолго до того, как впервые упомянут был этоним *алан* [\[366\]](#).

Катакомбные и ямные захоронения Северного Кавказа III–V в.

Те, кого античные авторы называли сарматами и алантами, реально были весьма разнородны в этническом отношении. На Северном Кавказе известны катакомбы и с брахицранными захоронениями (именно круглоголовость характерна для основной массы сарматских племен). Но более важно, что в этом регионе встречается *два долихокранных узколицых типа*: с крупной черепной коробкой и средней шириной лица («каспийский») и средне – или длинноголовый узколицый («понтийский»). Первый тип был больше распространен в восточной части Северного Кавказа и связывается выдающимся антропологом М. М. Герасимовой с алантами. Второй – на западе Центрального Предкавказья, и аналог ему находятся в «меотских» могильниках [\[367\]](#). «Понтийский» тип считается «местным», принадлежащим еще ираноязычному («позднескифскому», по мнению М. П. Абрамовой) населению первых веков до н. э. В этой связи по-новому можно взглянуть на особую близость салтовских серий скифским и скифо-сарматским черняховского времени и «полей погребений». Крайне важно также, что понтийский тип черепа распространен был и у салтовских русов, и у соседних с ними славян Среднего Поднепровья (в меньшей степени), и у причерноморских русов в Северо-Восточном Крыму VIII – X вв., которых упоминают византийцы.

Однако этот вопрос еще не может быть решен однозначно: не прослежено прошлое «понтийского» типа до рубежа нашей эры, неизвестно, есть ли параллели ему в сармато-аланской культуре Приаралья II в. до н. э. – IV в. н. э.

К «местным» иранцам относятся и те, кто оставил самый богатый катакомбный могильник Кавказа – Мощевую Балку в Карачаево-Черкессии. Именно сюда В. А. Кузнецов помещает главный город Алании VIII – IX вв., который находился на территории доминирующего племени – *Рухс-ас* восточных источников [\[368\]](#). Как же были связаны рухсы Предкавказья и Русский каганат на Дону?

Катакомбные могильники в районе Кисловодска появились в I в. н. э. и существовали непрерывно до VIII в. включительно. Исследователь аланских древностей Северного Кавказа М. П. Абрамова отметила очень любопытную тенденцию: в эпоху формирования аланской культуры на этой

территории (IV – V вв.) наблюдается значительное сокращение катакомбных захоронений по сравнению с догуннским временем, появляются сарматские подбойные могильники. Это значит, что люди, хоронившие в грунтовых катакомбах, ушли, когда в этих местах появились гуннские орды (к концу IV в.). Сарматы же Поволжья наоборот были уже союзниками гуннов и помогали им в покорении Кавказа.

В VII в. количество катакомб резко увеличивается, в частности в районе Кисловодска, где сопровождается появлением вещественных материалов салтовской культуры. М. П. Абрамова в 1984 г. связывала эти факты с «усилением роли Хазарского каганата»^[369], но сейчас археолог справедливо отказалась от этой версии и оставила вопрос открытym. Можно предположить уже только на этом материале другую связь: с завершением Великого переселения народов потомки тех, кто покинул эти земли в IV в., стали возвращаться. Остается выяснить, как они назывались в сохранившихся письменных источниках.

Известны сообщения целого ряда арабо-персидских историков IX – XV вв., где этноним *ар-рус* действительно фигурирует в рассказах о событиях, разыгравшихся на Кавказе в VI – VIII вв. Писавший по-арабски персидский филолог и историк конца X в. ас-Са'алиби в своем сочинении «Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них», повествуя о строительстве в первой половине VI в. Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает тюрков, хазар и русов. Во второй половине XV в. прикаспийский историк Захир ад-дин Мар'аши, опираясь на древние сведения, тоже писал, что русы в VI в. обитали на Северном Кавказе^[370]. А. П. Новосельцев в связи с этим предполагал, что под русами здесь мог иметься в виду какой-то народ иранской языковой группы^[371].

Еще одно раннее упоминание русов на Кавказе у восточных авторов связано с событиями 643/644 гг., когда арабы, захватив Закавказье, подступили к Дербенту. С правителем этого города Шахбаразом они заключили соглашение. По нему арабы освобождали Дербент от уплаты дани, но Шахбараз обязан был охранять Дербентский проход от северных соседей.

Согласно несохранившейся пространной (наиболее древней) редакции «Истории царей» ат-Табари, правитель Дербента Шахриар (Шахбараз) заключил мир с арабским полководцем, объяснив фактическую сдачу города так:

«...Я нахожусь между двумя врагами: одних хазары, другие русы, которые суть враги всему миру, в особенности же арабам»^[372].

В том же источнике под VII в. есть и такая локализация русов:

«В этих горах (Кавказ. – Е.Г.) по ту сторону, когда проходят мимо руса и джуран (конъектура Б.А.Дорна – „алан“. – Е.Г.), то находят государство и многие города, которые называют Баланджаром...»^[373]

В краткой редакции ат-Табари есть такое сообщение:

«Жители этих стран, все неверные, из хазар, русов и алан. Они смешались с тюрками и взаимно соединились с ними посредством бракосочетаний»^[374].

Это подтверждается и данными археологии о развитии культур Северного Кавказа, когда в одной могиле муж похоронен по одному обряду, а жена – по другому.

Русы как племя, родственное аланам и живущее по соседству, упоминаются и в других арабо-персидских источниках, в том числе и великим поэтом XII в. Низами Гянджеви в «Искандер-наме». Прототипом главного героя этой поэмы является Александр Македонский. Подвиги Александра в Азии надолго остались в памяти жителей этого региона, и несмотря на то, что эллинистический полководец был завоевателем, вплоть до позднего Средневековья в Средней Азии и Иране слагали о нем легенды. Со времен эллинизма на Востоке создавались хроники и романы, в которых Александр терял черты иноземного завоевателя и оказывался полубожеством, благоволящим к Востоку. Персидский поэт Фирдоуси в «Шахнаме» даже говорит о его кровном родстве с иранским царем из династии Ахеменидов Дарием II! Более того, Александр удостаивается упоминания в одной из сур Корана под именем Зуль-Карнайна («Двурогого»)^[375]. Причем мусульмане причисляют его к сонму пророков.

Катакомба № 17.

Для В: закладная плита.

Для Д: сосуды; бляшки X-видные медные; бляшки геральдические; обломки пряжки (?) с ремешком; фрагменты ремешков; фибула двухпластиначатая, серебро; бусы янтарные, 2шт.; бусы, розовое стекло, 8шт.; буса золотостеклянная; буса розовая; буса цилиндрическая глазчатая; буса синяя с желтым зигзагом; буса; буса биконическая красная; бисер; бусы с глазками; пряжки; чешуйки медные; пряжка во фрагментах; вставки от пряжек стеклянные; нож

Катаомба № 19.

Для А, Г: 1 – буса; 2,3 – кружки лепные.

На плане А закладная плита удалена, Б – плита до снятия обмазки, В – плита после удаления обмазки

В поэме Низами эллинский правитель действует во второй половине I тысячелетия н. э. В воображении поэта (хотя Низами доподлинно знал, что Александр умер в 321 г. до н. э.) Искандер – мусульманин, совершающий паломничество в Мекку и пропагандирующий среди кипчакских женщин ношение чадры. Исторические походы македонского полководца смешаны в поэме с войнами арабов на Кавказе и походами в степи Заволжья. Очевидно, повлияли на азербайджанского автора и известия о походах русов на Бердаа и другие кавказские города в X – XI вв. Во всяком случае, описание русов и их страны у Низами весьма подробное. Мы его приводим в прозаическом (более точном) переводе М. Тебенькова:

[376] «Соблаговоли, великий царь, отомстить за меня несправедливым русам, которые похитили наших юных красавиц из супружеских лож Абхазии... Рус, жадный к битвам, явился к нам ночью из стран аланов и арков и ударил на нас, словно град. Не смогши пробить себе путь через Дербент и его окрестности, он пустился в море и на палубах своих судов совершил вторжение... и пробудил в этой стране ненависть, которая издревле разделяла наши две народности (выделено мною. – Е.Г.)... Он (рус. – Е.Г.) не оставил ничего, что было собрано в Абхазии... Этот народ опустошил всю территорию Бердаа...

Это нечто иное, как разбойники, подобные волкам и львам. Они никогда не предаются веселию пиров... Они овладевают странами и покоряют города... [377] Кинтал, который шел во главе русов, заметив, что небо принимает зловещий вид, собрал войско всеми Русиях, из которых он сделал как был семь молодых невест. Его войско состояло из буртасов, аланихазар... Все эти отряды казались залитыми в железо; шлем того же металла покрывал их головы.

(...) Александр сказал: «...начиная с тех гор, которые проходят по земле хазар, до самого моря Китайского, земля покрыта племенами тюрков, которые, несмотря на то что неосообщенно расположены к румийцам, превосходят их по ненависти, которую питают к русам. Возбудив тюрков этих стран напасть на русов, возможно их утомить и сдержать их напор» [378].

Согласно законам жанра, Искандер победил русов, но даже у такого воина ушло на это немало сил. Показательно, что войне с русами Низами отводит около пятой части от описания походов Искандера. Это говорит о силе племени, с которым пришлось столкнуться на Кавказе халифату. Хазары, например, такого впечатления на арабов и персов не произвели.

Сведения Низами, несмотря на всю свою поэтизированность, бесценны. Предводитель русов носит иранское имя Кинтал. Абхазы и русы испытывают друг к другу давнюю ненависть, которая возможна только у соседей – соперников. Войско русов, противостоящее Искандеру, состояло из хазар, буртасов, алан. Низами постоянно локализует русов в стране Алан.

Русов на Кавказе знает и Фирдоуси. Великий перс их упоминает в связи с событиями начала VIII в. Персонажи, конечно, античные – Дарий и Филипп Македонский, но под личиной Дария выступает у Фирдоуси арабский халиф, а румийцы Филиппа – это византийцы. Фирдоуси предлагает такую версию войны халифата с Византией: арабы вышли к румийским рубежам со стороны Кавказа, вступив в соглашение с «владыкой русов» [379].

В персидской хронике «Письмовник» упоминается Георгий Лаша, называемый «царем царей Абхаза, Шака, Алана и Руса» [380]. Все это свидетельствует о локализации неких русов на Северном Кавказе рядом с аланами, причем западнее их (вспомним, что русы у Низами – соседи абхазов).

Этот народ жил на Кавказе и в IX – XI веках – известно много сообщений о нападениях русов на города Дербент и Бердаа, а также об их вмешательстве в политику закавказских правителей. Сохранились эти факты в местных хрониках государств Восточного Закавказья – Ширвана и

Дербента. К тому времени Арабский халифат уже не являлся сильным государством, каким он был в VIII в. при Омейядах и Аббасидах. Кавказские правители арабского происхождения (эмиры) зависели от халифов только名义上. Больше их волновали отношения между собой и с соседями, а также с главами городских общин – раисами. Эти раисы вели самостоятельную политику, могли диктовать эмирам свои условия и иногда даже свергали их. Тогда эмиры призывали на помощь воинов из соседних племен. Этими событиями наполнена «История Ширвана и Дербента».

Самое раннее упоминание о русах в этой хронике – в главах, относящихся к аль-Бабу (Дербенту) под 987 г. (377 г. хиджры). Тогда эмир Дербента Маймун, сильно притесняемый раисами, договорился с русами о помощи. Они и прибыли на 18 судах. Это, конечно, было бы невозможно, находясь русы далеко от города, как думают некоторые историки. В других сообщениях русы упоминаются как своеобразная наемная дружины эмира:

«Эмир Маймун оставался в правительском здании как пленник, а вся власть была в руках раисов... Эмир Маймун тайно искал помощи против раисов урусов, и в 377/987 г. они прибыли на 18 судах. Сначала они послали один корабль, чтобы выяснить, действительно ли эмир желает их помочь, и, когда русы вывели эмира (из его заключения), народ аль-Баба соединенными усилиями перебил их всех до единого, а остальные корабли поплыли в маскат и разграбили его. От туда они последовали в Ширван и Муган...»

В 378/988 г. эмир Маймун восстановил цитадель аль-Баба и укрепился в ней. В 379/989 г. в аль-Бабе начались беспорядки, вызванные Мусой, проповедником из Гиляна... Дело кончилось тем, что проповедник сосредоточил в своих руках все государственные дела. Он потребовал у эмира выдать ему его телохранителей-русов (гуламов. – Е.Г.), чтобы им был предложен и сламили смерть. Так как эмир ответил отказом, начались беспорядки, и в 380/990 г. эмир укрепился в цитадели против проповедника. Муса и народ аль-Баба осаждали ее 28 дней, и дела приняли такой оборот, что эмир был вынужден просить проповедника обеспечить ему безопасность (с условием), что он сдаст ему цитадель, а сам со своими гуламами уедет в Табаристан, что и было разрешено...

В 416/1025 г. эмир Мансур женился на Сарийе, дочери владетеля Сарира. В 423/1032 г. эмир Мансур с газиями (воины – «борцы заверу». – Е.Г.) исламских центров совершил большой поход. Дело было в том, что русы напали на владетелей Ширвана, ограбили их и убили, а также полонили множество людей. Когда они возвращались с награбленным добром и пленными, газии аль-Баба и пограничных областей с эмиром Мансуром во главе, заняв теснины и дороги, предали их мечу, так что спаслись немногие. Они отняли у них всю военную добычу, живую и неодушевленную, которую те захватили в Ширване. (После этого русы и аланы вознамерились отомстить. Они собрались вместе и выступили по направлению аль-Баба и пограничных областей. Прежде всего в 424/1033 г. они двинулись на аль-Кара, где была только маленькая кучка (воинов)... Господь даровал победу мусульманам, которые перебили множество аланов и русов. Владыка алан был силой отражен от ворот Карака, и навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские центры»^[381].

В последнем сообщении русы опять упоминаются в связке с аланами как родственные и союзные народы.

Поволжье, Ширвани Дербент в раннем Средневековье

Сохранились сведения о русах на Кавказе и у ранних арабских географов. Один из первых арабских географов Мухаммад ибн Муса аль-Хваризми (80-е гг. VIII в. – после 847 г.), описывая «гору» между Черным и Каспийским морями, в которой располагаются аль-Баб ва-ль-Абваб (Дербент) и Баб аль-Алан (Дарьял), упоминает, что с севера к центру этой горы прилегает «Р-ф-сийа у гор и Баб аль-Хазар»^[382]. Арабские буквы *вав* и *фа* отличаются в скорописи только одной диакритической точкой, так что конъектура «Русийя» в связи с изложенными выше фактами вполне уместна.

В арабских сочинениях позднего Средневековья русы упоминаются в составе первоначального ядра армии Каирского султаната вместе с аланами (вариант – асами), черкесами и кипчаками. Аль-Калкаманди, каирский историк, говорит еще и о землях этих русов:

«Черкесы, русы, асы имеют благоустроенные и населенные города, засаженные плодородными деревьями...»^[383]

То есть представление о русах как о ближайших соседях северокавказских народов сохранялось на Востоке весьма долго.

Интересно, что в очень подробных этнографических описаниях Кавказа школы Джайхани, датируемых IX в. (см. главу 1), аланы подразделяются на четыре племени, причем «почет и власть принадлежит племени, называемому Рухс-ас». В. Ф. Минорский и Ф. Х. Гутнов^[384] бесспорно переводят это название как «светлые асы» и возводят его к роксоланам Северного Причерноморья.

Первый компонент этого этнонима переводится с иранских наречий как «светлый, белый», что символизирует не только цвет, а имеет социальный оттенок, показывая особое положение роксолан в сармато-аланской среде. Само название «роксоланы» скорее всего соединило в себе (по мнению античных авторов) два этнонима, один из которых – *рокс* – был, учитывая данные археологии, антропологии и лингвистики, североиранского, но не сарматского происхождения. Представления о светлом в племенных индоиранских названиях – указание на «царственность». «Рокс» как определение одной из частей североиранских племен еще в Причерноморье стало самостоятельным этнонимом и путем народно-диалектического упрощения *ks>s(s)* превратилось в *рос/рус*^[385].

Вполне возможно, что именно с миграцией этих русов связано появление с VI в., после того как стихло Великое переселение народов, катакомбных погребений в Кисловодской котловине с инвентарем, так похожим на салтовский. На рубеже нашей эры это племя занимало, видимо, пространство от запада Центрального Предкавказья до Таврики, но начало Великого переселения заставило, очевидно, часть его отправиться на запад. В VI – VII вв. они вернулись, обретя в Причерноморье и Европе во время гуннских походов другую материальную культуру. Этот район являлся одним из ключевых на торговом пути, продолжавшемся на «реке Рус», и поддерживал постоянную связь с лесостепным вариантом салтовской культуры.

Это предположение подтверждают и эпиграфические данные. Осетинские надписи, найденные в окрестностях Кисловодска, идентичны надписям Подонья как палеографически, так и лингвистически. Они соответствуют выделенному Г. Ф. Турчаниновым яссскому диалекту – «смеси» (вернее – синкретизму) дигорского с иронским^[386] (дигорон, ирон – самоназвание осетин. – Прим. ред.).

Таким образом, нельзя утверждать, что кавказские аланы стали основным этносом в формировании Русского каганата в Подонье. Слишком много у них археологических различий. Скорее, часть кавказского ираноязычного населения – «кавказские русы», которые археологически представлены памятниками Кисловодской котловины, имеют один исток с салтовцами – причерноморское племя роксолан, часть которого после гуннского нашествия отошла в Западное Предкавказье.

Не исключено, что некоторые из кавказских русов мигрировали в Подонье после начала функционирования торгового пути по «реке Рус».

Согласно данным истории языка и эпиграфики, надписи Верхнесалтовского и Маяцкого городищ менее насыщены буквами сиро-неисторианского хабита, характерного для степного Подонья и Северного Кавказа. Это может быть объяснено, по предположению Г. Ф. Турчанинова, тем, что жители этих городищ отошли от Черноморского побережья в глубь Подонских степей раньше, чем эти места подверглись нашествию гуннов, среди которых было много асов-неисториан.

Славяне и русы в Среднем Поднепровье: знакомство

Яркие признаки оседлого населения появились в бассейне Северского Донца, Оскола и Дона лишь на рубеже VII – VIII вв. Промежуток же между этими периодами – конец IV – VII вв. (время Великого переселения народов и сразу вслед за ним) – самый темный в археологическом отношении в истории Юго-Восточной Европы, которая представляла собой своеобразный «этнический котел». Определить этническую принадлежность редких поселений и погребений практически невозможно: истоки одних предметов находят в Прибалтике, других – в городах Причерноморья, третьих – в сармато-аланской среде. Во всяком случае, катакомбные погребения, характерные для лесостепного варианта салтовской культуры, которые с уверенностью можно было бы датировать V – VII вв., в этом районе неизвестны.

Да и климатические условия этого региона, в частности Поднепровья, в конце IV – начале VI в. были малопригодны для жизни. В конце IV в. началось резкое похолодание (холоднее всего было в V в.), стало сыро и болотисто. Поэтому и ждать больших находок этого времени не приходится.

Но в данном случае этномаркирующим признаком могут служить и стационарные *ремесленные поселения*. Непосредственная генетическая связь прослеживается между салтовской лощеной

керамикой и гончарной посудой VI – VII вв. так называемых «пастырского» и «канцеровского» типов. Поселки гончаров в Среднем и Нижнем Поднепровье – Пастырское городище, Балка Канцерка, Стецовка, хронологически и территориально вписываясь в пределы славянской пеньковской культуры, были бесспорно ей иноэтничны.

Пеньковская культура относится к области распространения славянской пражской керамики. Свое название эта посуда получила по местам первых находок – в Чехии и на Житомирщине (поселение Корчак). Славяне изготавливали посуду только для домашних и ритуальных нужд. Керамика обычно не выходила за пределы села, не говоря уже о продаже в другие регионы. Гончарного круга славяне не знали, и если появлялись круговые горшки и кувшины в какой-нибудь славянской культуре, это означало прибытие какого-нибудь иного этноса. После распада союза славян с этим народом искусство гончарного круга забывалось за ненадобностью.

И основной тип пражско-корчакской керамики – это лепные высокие горшки с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. На большей части посуды нет никакого орнамента. Только изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика^[387]. Эта керамика характерна для всего славянства в период после Великого переселения и до образования славянских государств. Хотя и позже, когда в городах вовсю работали гончарные мастерские, в селах продолжали лепить традиционные горшки. Такой была керамика и балтийских славян, и дунайских, и на Адриатике, и на Днепре.

Пеньковская культура простиралась в V – VII вв. от Нижнего Дуная до Северского Донца. Но в отличие от более западных славян, пеньковцы не знали курганов (господствовали урновые и ямные трупосожжения) и височных колец, по которым обычно различают группировки славян. Считается, что эти особенности достались пеньковцам от славян черняховской культуры, на которых оказало влияние двухвековое общение с готами, сарматами, даками, кельтами, аланиями и другими жителями Северного Причерноморья II – IV вв. н. э.

Пеньковская культура

Культурный слой на всех поселениях славян очень незначителен. Значит, период эксплуатации каждого селища был недолгим. Очевидно, это связано с неспокойной обстановкой в то время. Славянские племена в V – VII вв. появились на исторической арене как воины, беспокоившие границы Византии, и известно, что жители Поднепровья тоже участвовали в этих походах. Кроме того, подсечно-огневая система земледелия, которую практиковали тогда славяне, требовала частых переселений на новые места (после истощения почвы).

Застойка славянских поселений, как и почти везде, бессистемна, укреплений нет. Но на данной территории жили не только славяне. Обычно индикатором пеньковской культуры называют пальчатые и антропоморфные фибулы (застежки для плащей). Производились они, по мнению ряда ученых, на Пастырском городище в Поднепровье.

Славяне, как известно, до принятия христианства покойных сжигали. Но в достоверных погребениях с трупосожжениями подобные фибулы не найдены. Зато обнаруживают их в захоронениях по обряду ингумации. Таких умерших хоронили вытянуто на спи не, головой на северо-запад, с руками, лежащими вдоль туловища. Пальчатые фибулы находятся на плечевых костях – там, где был плащ. Ясно, что обряд погребения языческий, но не славянский. Однако около умершего, как правило, обнаруживается лепной славянский горшок с посмертной пищей!

Вообще плащи с фигурными застежками были очень популярны у народов, живших на границе с Римской империей и испытавших ее влияние, особенно на Дунае. Дунайские истоки многих пастырских украшений, в том числе и фибул, бесспорны. Немецкий ученый И. Вернер отмечает генетическую связь пальчатых фибул Приднепровья с фибулами крымских готов, гепидов и южнодунайских германских групп на византийской территории, замечая, что «германские» фибулы были парными и являлись принадлежностью женской одежды^[388]. А. Г. Кузьмин связывает ямные трупоположения на пеньковской территории, в инвентаре которых есть такие фибулы, с дунайскими ругами, часть которых после поражения гуннов ушла с ними в Поднепровье^[389].

Пальчатые фибулы с маскообразной головкой (памятники Северного Причерноморья)

Далее пальчатые фибулы уже в днепровском виде распространяются на Нижнем и особенно на Среднем Дунае, в рамках так называемой аварской культуры (ее связывают с приходом авар и появлением Аварского каганата), проникают на Балканы и Пелопоннесский полуостров, а также в области Мазурского Поозерья и Юго-Восточной Прибалтики^[390]. По крайней мере, в Среднее Подунавье эти фибулы попадают вместе с пеньковскими трупоположениями. Ареал их распространения совпадает с локализацией области Ругиланд и многочисленных топонимов с корнем rug, ruz. Сейчас существует и теория о происхождении имени «крусь» от этнонима «руги». Однако определить название народа, хоронившего покойных со славянскими сосудами и в плащах с фибулами, сейчас невозможно. Тем более что письменных свидетельств об обитании ругов на Днепре в V – VI вв. н. э. нет.

Серьги и височные кольца дунайских типов

Но ремесленники, создававшие эти изделия, ни к готам или ругам, ни к славянам, ни к тем, кто оставил пеньковские трупоположения, отношения не имели. На Пастьрском городище, помимо гончарных мастерских, обнаружены четыре юртообразных наземных постройки и шесть полуземлянок, также неславянской принадлежности (очаги в центре вместо традиционных славянских печей в углу дома). Все эти жилища имеют аналогии в жилых постройках Маяцкого комплекса салтовской культуры^[391]. Подобные постройки характерны и для других гончарных поселений Поднепровья того времени (Осиповка, Стецовка, Луг I, Будище и др.). В. С. Флеров считает все юртообразные жилища Среднего Поднепровья принадлежащими праболгарам^[392].

Но на поселениях типа Стецовки обнаружена керамика не приазовского, а «аланского» вида. Присутствие здесь юртообразных жилищ, а не классических полуземлянок лесостепного варианта салтовской культуры объясняется просто: принцип строительства полуземлянок был заимствован жителями лесостепи у славян Поднепровья, что признается практически всеми археологами. Исчезновение юртообразных помещений у салтовцев лесостепи тоже естественно. Согласно исследованию самого В. С. Флерова, такие жилища – переходный тип, характерный для периода приспособления к оседлой жизни. Это вполне естественно для народа, который провел в перепетиях Великого переселения более двух веков и раньше вел полукочевой образ жизни.

Лепная керамика этих центров, производившаяся не на продажу, тоже очень отличается от славянской и имеет явную генетическую связь с сарматскими горшками и керамикой комплексов степного юга, причем эта форма продолжала существовать в лепной посуде уже салтовской лесостепи^[393]. На славянских пеньковских поселениях доля керамики «пастьрского» типа очень мала – менее 1 процента. Как видно, славяне представляли не лучший рынок сбыта для пастьрских мастеров. Но среди степных народов, в основном сармато – алан, керамика пользовалась успехом. Аналогии гончарной пастьрской посуде найдены не только на Салтовском городище, но и в Молдавии и Болгарии (в Плиске).

Имя носителей пеньковской культуры давно известно. Это анты, хорошо знакомые византийцам и готам по событиям VI – начала VII в. Крупнейшие историки того времени – Прокопий Кесарийский, Иордан, Феофилакт Симокатта – отмечают, что анты пользовались тем же языком, что и склавины (более западная группа славян), имели с ними одинаковые обычай, быт, верования. Но вместе с этим византийцы как-то отличали склавина от анта даже среди наемников империи. Значит, этнографические особенности у антов все-таки были. Очевидно, неславянским является само название «анты». Большинство ученых производят его сейчас из иранских наречий (ант – «окраинный»). Иранскими в основе являются и многие более поздние названия славянских племен от Днепра до Адриатики: хорваты, сербы, северяне, тиверцы. В отношении хорватов и сербов более поздние заимствования невозможны: в VII – VIII вв. эти племенные союзы большей частью находились уже на Балканском полуострове. Поэтому логичными стали поиски иранских элементов в пеньковской культуре, принадлежавшей антам.

Существование в ее пределах гончарных мастерских, археологически связанных с сармато-аланской средой, позволило В. В. Седову говорить о формировании антского племенного союза на основе некоего «ассимилированного ираноязычного населения», которое осталось со временем черняховской культуры^[394]. Но как раз ассимиляция этого иранского элемента не прослеживается (можно говорить лишь о мирном их сосуществовании со славянами). Пастьрская лощеная керамика имеет прямую связь не с черняховской, а с приазовскими и крымскими формами II – VI вв. н. э. К

сожалению, источниковая база недостаточна для более полной характеристики «пастырской культуры».

Генетически связанным с ней является более поздний «канцерский тип» гончарной лощеной керамики. Он получил распространение в Надпорожье и по течению Тясмина. Хронологические рамки его являются темой отдельной дискуссии. Украинский археолог А. Т. Смиленко археомагнитным методом датировала Канцерское поселение второй половиной VI – началом VIII в. [\[395\]](#). Т. М. Минаева по аналогиям на Северном Кавказе сдвинула хронологические рамки выше: VIII – начало IX в. [\[396\]](#). С. А. Плетнева и К. И. Красильников обратили внимание на идентичность гончарных мастерских Канцерки и Маяцкого комплекса, что позволило им датировать Канцерку концом VIII в. [\[397\]](#), таким образом связав это поселение с «экспансией Хазарского каганата».

Действительно, в аланской принадлежности гончарных комплексов «канцерского типа» сомнений нет. Но также нет необходимости пересматривать установленную физическим методом дату этих поселений. Нижняя датировка лесостепных комплексов салтовской культуры всегда связывалась с теорией переселения алан с Кавказа, которое датируют VIII в. Однако оснований для такой датировки, как мы уже убедились, нет, а археологические и лингвистические материалы ставят под сомнение сам факт миграции крупного аланского массива. Данные же антропологии и нумизматики говорят о значительной архаичности Маяцкого и Верхнесалтовского могильников (канилологический тип и находки монет VI – начало VII в.). Верхнесалтовский могильник же отличается от остальных салтовских катакомбных захоронений и Северного Кавказа: если везде тела женщин скорчены, то в Верхнем Салтове вытянуты. Это позволяет археологам сделать вывод о сохранении здесь древней сарматской традиции, которая на Северном Кавказе была изжита. Архаичными признаются и многие погребения Дмитровского катакомбного могильника: аналогии их инвентарю не выходят за пределы – VII в. Эти факты дали В. С. Флерову возможность выделять особую этническую группу сармато-алан с сохранением *древних восточноевропейских традиций* [\[398\]](#). Поэтому более приемлемым представляется пересмотреть нижнюю границу именно указанных комплексов СМК, тем более что верхний слой и Пастырского городища, и Балки Канцерка имеет явный салтово-маяцкий облик.

Таким образом, комплексное исследование материалов археологии, лингвистики и эпиграфики, а также сообщений письменных источников позволяет предположить непосредственную связь ядра Русского каганата с сармато-аланскими племенами Северного Причерноморья и Крыма первых веков н. э., в особенности с роксоланами. После гуннского нашествия часть их появляется на Северном Кавказе (район Кисловодской котловины), что подтверждается как данными арабо-персидских источников о русах на Кавказе в VI – VII вв., так и аутентичными материалами археологии. Другая часть этих племен, вероятно, откочевала в Приднепровье и Подонье, что косвенно подтверждают материалы «пастырской культуры» и поселений «канцерского типа», а также наиболее ранний культурный слой Дмитриевского, Маяцкого и в особенности Верхнесалтовского комплексов, население которых значительно отличалось своей материальной культурой от других носителей лесостепного варианта СМК.

Участие в формировании ядра Русского каганата «рухсасов» Предкавказья также находит подтверждение. Богатый материал для решения этого вопроса дает Маяцкий могильник. Формы катакомб и черты обряда обездвиживания (частичное разрушение скелетов) очень близки Клин-Ярскому комплексу у Кисловодска, который датируется предварительно II – IV и V – VIII вв.

Этот обряд, известный еще у скифов, был распространен в формах, сходных с салтово-маяцкими, в черняховской культуре: во II – IV вв. – в Среднем и Нижнем Поднепровье, во II – V вв. – в Поднестровье и Побужье, в аланских могильниках Крыма. Со II – III вв. он известен в катакомбах Северного Кавказа, а также в катакомбной кубайско-карабулакской культуре III – IV вв. в Фергане. Выражался он в том, что при положении в могилу умершему перерезали сухожилия и связывали ноги, а через некоторое время (год или три) после похорон могила вскрывалась и кости покойного перемешивались, разрушалась грудная клетка (чтобы не мог дышать) и от скелета отделялась голова. Все это делалось, чтобы обезопасить живых от появления воскресшего мертвца. В зависимости от верований общины, в одних могильниках это применялось ко всем взрослым, в других – лишь к тем, кто при жизни выполнял магические функции. Кстати, подобные действия уже после принятия христианства были распространены у славян в Дунайской Болгарии, на Украине, в Белоруссии и Карпатах.

Архаичность части инвентаря Маяцкого могильника и канилологический тип, ближайшие аналогии которому находятся в роксоланских захоронениях Северного Причерноморья I – III вв. н. э., показывают, что миграцию с Северного Кавказа в VIII в. предположить нельзя. В Клин – Яре

такие захоронения появляются с V в. н. э., причем могильник функционирует непрерывно. С V по VIII в. отток населения из этих мест не происходил. Очевидно, и в Клин-Яре, и на Маяцком комплексе поселились родственные кланы, возвратившиеся из походов времен Великого переселения. Такой же является связь других древнейших комплексов салтовской культуры с памятниками V – IX вв. в районе Кисловодска. То есть ядро салтовцев появилось в Подонье еще в VI в. и сразу же наладило отношения со славянами. Это положило начало истории русов салтовской культуры.

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ РУССКОГО КАГАНАТА

Давно принято считать, что домонгольская Русь была чисто «европейским» государством, тяготевшим в международных связях, общественных отношениях и политической системе к Западу. И только монголо-татарское нашествие замедлило или даже повернуло ее развитие в другое русло, поставив Русь на одну ступень с восточными странами с их «государственным феодализмом» и «азиатским способом производства».

Конечно, есть и противоположный взгляд, представленный учеными – евразийцами (Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев и др.). Здесь другая крайность. Главная роль в формировании Русского государства и народа отводится тем же монголо-татарам, только со знаком «плюс». Для ранней истории Руси одним из основных факторов развития называется Хазарский каганат, размеры и влияние которого преувеличиваются непомерно (вспомним хотя бы гипотезу Гумилева о разделе территории восточных славян на сферы влияния и сбора дани между двумя «монстрами» – варягами с северо-запада и хазарами с юго-востока). Однако ни та, ни другая концепция не дают ответа, какова была роль «востока» в формировании древнерусской народности. Редкие упоминания об «иранском субстрате» у славян Поднепровья ограничиваются словами о незначительных остатках позднескифских племен, живших на землях антов. Существование государства с североиранским этносом русов во главе меняет традиционное представление об этногенезе восточных славян и становлении Киевской Руси.

Захоронения русов (тройное и семейное катакомбные погребения)

Поэтому только сейчас, выяснив происхождение салтовских русов, давших название Русскому каганату, можно переходить к главным вопросам: как возникло это государство, какую роль играли в нем славяне Поднепровья и какое отношение имеет каганат к Древней Руси.

В формировании этнополитического объединения с центром в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона, помимо русского и «рухского» ядра, участвовали степные сармато-аланы, протоболгары и восточные славяне. Определение характера отношений между этими этносами во взаимосвязи с данными письменных источников позволяет во многом понять социально-экономическую структуру Русского каганата и выявить основные моменты его истории.

Русы – этническое ядро и господствующий слой

Русы пришли в лесостепь между Доном и Днепром еще в конце VI – VII вв. И практически сразу им пришлось устанавливать отношения как с уже местным населением – славянами пеньковской культуры, так и с другими пришельцами – праболгарами и асами. В конечном итоге в становлении Русского каганата приняли участие все эти народы, и роль их была неодинаковой.

Палеографические материалы рунических надписей на степной территории салтовской культуры «в узком смысле» свидетельствуют о существовании там особого диалекта средневекового осетинского языка – «смеси дигорского с иронским» при насыщенности системы письма буквами сиро-несторианского хабита, то есть использовавшимися одним из на – правлений восточного христианства, а именно несторианства.

В I тысячелетии н. э. в христианстве существовало больше течений, чем мы представляем обычно. И вовсе не римское и византийское христианство были самыми популярными. Например, большинство варварских народов Европы (готы, руры и др.) исповедовали осужденное на

Вселенском соборе в Никее в 325 г. арианство, согласно которому Иисус Христос не равен Богу-Отцу, а лишь подобен Ему. Дело в том, что за теологическими спорами и различиями в обрядах скрывались социальные, политические, этнические противоречия и особенности. Во II в. н. э. выделилась Сирийская церковь, а в V в., после ожесточенных споров о сущности Христа, она окончательно отделилась от Константинопольского патриархата. На IV Вселенском соборе в Халкидоне в 451 г. был принят православный доктринальный догмат о несущности и нераздельности божественной и человеческой природ Христа, о сохранении их особенностей при совмещении в едином лице. Восточная Сирийская церковь считала, что эти природы раздельны, а Иисус не Бог и не Богочеловек, а лишь человек, ставший обителью божества. Одним из влиятельнейших сторонников этого учения был константинопольский патриарх Несторий (ум. в 451 г.), осужденный как еретик на III Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. По его имени учение получило название несторианства. Еще со II в. проповедь Сирийской церкви стала быстро распространяться – сначала в стремившихся к отделению восточных провинциях Римской империи, потом – проникнув в Сасанидский Иран, владевший частью традиционно сирийских земель, и далее в Среднюю Азию. А Северное Приаралье в это время населяли родственные русам племена асов, на рубеже нашей эры создавшие государство Яньцай (в транскрипции китайских хроник). Асский этнос сформировался в результате ассимиляции аланами Приаралья кочевавших там сарматских племен^[399]. И когда в Туран пришли гунны, часть асов, исповедовавших сирийское христианство, была увлечена в поход с кочевниками.

Кухонные гончарные и лепные горшки и котел с внутренними ручками

Г. Ф. Турчанинов резонно связывает сиро-несторианские письмена на аланском языке с приаральскими асами, пришедшими вместе с гуннскими ордами. По всей вероятности, они принесли в Восточную Европу, как в степь, так и на Северный Кавказ, самоназвание *ас*^[400]. Их краинологические серии характеризуются как брахицранностью, так и долихокранностью, погребальный обряд – захоронением в грунтовых ямах, керамический материал – котлами с внутренними ручками и юртообразными жилищами^[401]. Интересно, что все перечисленные особенности считаются праболгарскими. Конечно, это неверно. Асы и праболгары – разные народы, один из которых говорил на тюркском языке, другой – на иранском. Но к тому времени, когда асы и праболгары встретились с русами, их общение между собой уже было весьма долгим.

Кухонная керамика: горшки и котлы с внутренними ручками

Судя по истокам степного варианта лощеной салтово-маяцкой керамики и его повсеместному распространению в Подонье и Приазовье уже к началу VIII в., первые контакты асов с праболгарами относятся ко временам Великой Болгарии в Предкавказье и Приазовье. Уже тогда начался процесс взаимной ассимиляции степных сармато-алан и прраболгар, ибо когда они появились в Подонье после распада Великой Болгарии в середине VII в., различия между двумя этносами уже были незначительными, даже обряд погребения стал сходным. Разница фиксируется на уровне антропологии. Четко различаются краинологические серии Зливкинского могильника и Правобережного Цимлянского городища. В Зливках монголоидная примесь *растворена* в европеидной расе и отражает более раннее смешение, произошедшее за пределами Восточной Европы. У защитников Правобережной крепости монголоидная примесь более поздняя, близкая ко времени гибели городища. Европеидный тип с развалин Правобережного городища очень близок поздним сарматам Подонья и Волгоградского Поволжья, из чего можно сделать вывод о местных корнях воинов крепости. Исследователь цимлянских черепов В. В. Гинзбург также отмечает наличие у них экваториальной примеси, что говорит о *среднеазиатском* происхождении^[402]. То же наблюдается и в Нетайловском могильнике около Верхнесалтовского городища на Северском Донце. Поэтому самый крупный в салтовской культуре ямный могильник тоже принадлежал не болгарам, а асам. Эти факты согласуются с лингвистическими данными, полученными Г. Ф. Турчаниновым.

К тому же если обратиться к памятникам Северного Кавказа IV – V вв., то можно найти там ряд ямных погребений с такой характерной сарматской чертой, как деформация черепа. Интересно, что

ямные погребения встречаются и в катакомбных русских могильниках близ Кисловодска^[403]. Причем сарматы принимали очень активное участие в передвижениях праболгар, в том числе и в Европу. Балкано-дунайская культура Дунайской Болгарии, которую ученые связывают с болгарами-турками, сложилась во многом на сарматской основе. Сходные с ними краниологические серии происходят из болгарского комплекса Плиски на Дунае. То есть асы составляли значительную часть населения Великой Болгарии и после ее распада расселялись вместе с болгарами. С VII в. часть асов поселилась в Нижнем Поднепровье – в Надпорожье. Там зафиксированы типичные погребения в грунтовых ямах (антропологические данные не опубликованы), керамические серии из которых наиболее сходны с канцерскими^[404].

На границе степи и лесостепи Подонья кочевники, изрядно потрепанные во внутренних распрях после смерти хана Курбата и борьбы с хазарами, обнаружили генетически родственный их части уже оседлый племенной союз со своеобразной сложившейся культурой, с весьма развитой экономикой и торговыми связями (существование торгового пути от Северного Кавказа до верховьев Донца в VI – VIII вв. отчетливо фиксируется предметами восточного импорта).

Возможно, асские генеалогические предания сохранили память о «светлых», «царственных» аланах. Как бы то ни было, встреченное ими население, несмотря на занятия оседлым земледелием и скотоводством, было крайне военизированным. Приобретенные за долгие века военное искусство и торговые связи оставались на первом месте. Такими видели русов и арабо-персидские географы школы Джайхани. Они писали о «Соломоновых мечах» русов, об обычаях отдавать имущество дочери, чтобы сын добывал себе достояние мечом.

Круглые юртообразные жилища и их вероятная конструкция

Исследование могильников лесостепной зоны салтовской культуры подтверждает эти сообщения: в среднем около 25 – 30 процентов в ранней части захоронений составляют богатые парные погребения молодых воинов и их наложниц, распространены кенотафы в память о воинах, погибших вдали от родных мест; без оружия хоронили лишь глубоких стариков^[405]. Причем был распространен «посмертный брак», описанный у восточных авторов:

«...В могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и она умирает в заключении...»

В качестве посмертной жены выбирали, как правило, юную женщину, почти девочку (сам покойный мог быть уже в летах). Вероятно, это была не главная жена, а последняя, взятая в дом. Если это была не супруга, а просто рабыня, ее «выдавали замуж» за умершего, о чем свидетельствует посыпанный углями пол катакомбной камеры. Впрочем, не всегда женщины в парных погребениях моложе мужчин. С. А. Плетнева в Дмитриевском могильнике зафиксировала такой случай: взрослая женщина погребена с юношой, причем брак был «посмертный»^[406]. Что это значит – выясним чуть позже.

О глубоком социальном расслоении русского общества свидетельствуют обряд погребения и состав инвентаря. Г. Е. Афанасьев на материале Верхнесалтовского и Дмитриевского могильников выделяет такие социальные группы: предводители («высший командный состав»), старшие и младшие дружины, простые солдаты^[407]. С. А. Плетнева выделяет также пожилых семейных воинов, участвовавших в походах лишь в крайних случаях^[408]. Социальная структура русского общества, определяемая по могильникам, была неодинакова на разных поселениях.

Парные захоронения Дмитриевского могильника

Погребение-кенотаф с конем и женщиной

Наибольшая дифференциация отмечена в крупнейшем катакомбном могильнике – Верхнесалтовском. Мужские погребения различны по инвентарю: если в одних основной компонент – элементы конской сбруи и упряжи, а также сабли, для других характерны топоры и

элементы поясного набора, а в третьих – либо наконечники стрел, либо полное отсутствие инвентаря^[409]. Кроме того, катакомбы представителей верхушки общества были несравненно больше по размерам.

Другой исследователь социальной лестницы салтовцев, В. К. Михеев выделяет три большие страты: бедняки, земледельцы-ремесленники (то есть простые общинники, при необходимости участвовавшие в военных действиях), профессиональные воины-аристократы – «дружины»^[410]. Примерно ту же стратификацию показывает и Г. Е. Афанасьев.

В Дмитриевском могильнике третья, безынвентарная группа отсутствует, что говорит о меньшем социальном расслоении. Если в Дмитриевском комплексе к высшей страте относилось около 20 процентов из раскопанных погребений, то в Верхнесалтовском – около 6 процентов, однако инвентарь этих катакомб значительно богаче, чем дмитриевских. Столь заметная дифференциация в Верхнем Салтове естественна: ведь этот город был центром Салтовской земли, столицей Русского раннего государства. И как в любой столице, и положительные, и отрицательные черты общественного прогресса проявлялись там ярче и отчетливей.

Всадник, похороненный в катакомбе №106 из Дмитриевского могильника. Рисунок художника О. Федорова

Части конской сбруи

В целом подобная структура общества характерна для «варварских государств», когда большинство свободных членов общества уже отстранено от фактического управления, четко выделяется верхний слой, но насилия и легализованного принуждения еще нет (за исключением полукастовых структур).

Источники фиксируют у русов *матрилинейность*, то есть передачу наследства по женской линии. По сообщениям арабских географов, меч – это единственное, что доставалось сыновьям русов из отцовского богатства.

То есть имущество руса переходило его дочерям. Очевидно, женщина в русском обществе была наделена немалыми правами (если, конечно, она была «из рода русского» и свободной, а не рабыней). Эта черта позднего матриархата также подтверждается археологически. Нередки захоронения девушек 18 – 25 лет с полным набором оружия, иногда с конем – а такой чести удостаивались только знатные воины^[411]. В более чем 30 процентах женских захоронений VIII – начала IX в. присутствуют боевые топорики. Сам погребальный катакомбный обряд, как и инвентарь знатных воинов, полностью соответствует описанию похорон «знатного руса» ученых школы Джайхани и в «Худуд аль-алам», что подмечено еще Д. Т. Березовцом^[412].

Во второй половине IX в. на наиболее пристижных родовых участках уже не появляются новые захоронения. Очевидно, что-то заставило «знатных русов» уйти с насиженных мест.

Кроме того, материалы катакомбных могильников верхний Донца, Оскола и Среднего Дона дают информацию и о родоплеменной структуре общества русов. По наблюдению Г. Е. Афанасьева, в катакомбном погребальном обряде салтовской культуры отчетливо выделяются три традиции. Первая объединяет Верхнесалтовский и Ютановский комплексы, вторая – Дмитриевский и Нижнелубянский, к третьей относятся памятники Маяцкого могильника^[413]. В Верхнем Салтове всех умерших клали вытянуто на спине, в одну могильную камеру помещали не более 1 – 2 человек, в ритуальной пище преобладала козлятина, баранина, говядина и яйца. Многие комплексы содержали поясные наборы, соответствующие «среднему классу». Сами погребальные камеры были просторными и длинными, как и ходы, ведущие к ним (дромосы). У дмитриевцев могилы были меньше, мужчин они хоронили вытянутыми на спине, а женщин – на боку, скорченными. В качестве ритуальной пищи они предпочитали конину и орехи, в могилу клали много сосудов. Среди дмитриевских русов было немало представителей высшей страты, которые в загробный мир уносили сабли, луки и стрелы. В Маяцком могильнике некоторые погребения похожи на салтовские, а иные – на дмитриевские, но высок процент женщин, захороненных на левом боку.

Тризыны салтовской лесостепи

Три племенные группы древнейшего населения салтовской лесостепи прослеживаются и по антропологическим данным. Наиболее богатая, социально стратифицированная из них – Верхнесалтовско-Ютановская. Причем если Верхний Салтов был центром всей салтовской культуры, то Ютановская агломерация являлась центральным местом Приосколья. Троичная модель североиранского общества известна еще со скифских времен. Еще Геродот в V в. до н. э. записал скифскую этногенетическую легенду о трех сыновьях прародителя скифов Таргитая и трех золотых талисманах, упавших на землю с неба – плуге с ярмом, секире и чаше. Два старших сына, Липоксай и Арпоксай, не смогли дотронуться до предметов: как только они приближались, золото пылало огнем. Только младший, Колоксай, был допущен к талисманам и сумел дотронуться до них, потому что таинственное пламя при его приближении погасло. От этих братьев, по легенде, и произошли все скифские племена. Миф у скифов подкреплялся существованием священных предметов и обрядов, с ними связанных. По мнению известного французского исследователя эпоса и мифологии Ж. Дюмезиля, три предмета символизируют три общественные функции у индоиранцев (земледелец, жрец, воин) и находят параллели еще в древнем иранском предании – Авесте^[414].

Ж. Дюмезиль обращает внимание на три функциональных рода в Нартовском эпосе осетин. Каждый род отличался своими качествами: одни были богаты храбростью, другие скотом, а третые – умом. В генеалогических преданиях современных осетин также популярен сюжет о трех родах. Эти факты могут объяснить возникновение рассказа о трех видах и трех городах русов в арабо-персидской географии IX в. – Арсаний, Славий и Куйабе.

Таким было русское общество к концу VIII в. И если применить к нашим данным теоретические разработки специалистов по первобытности, то можно определить стадию развития русов. Социальная стратификация оформляется на первом этапе политогенеза, то есть когда уже существуют надобщинные властные структуры. Для примера, эту стадию древние египтяне прошли в первой половине IV тысячелетия до н. э., и сразу за этим последовало оформление и борьба двух государств – Нижнего и Верхнего. В конце первого этапа общество должно разделяться на несколько страт: 1) лица высокого статуса (старейшины крепких родов, старейшины племен и жречество), 2) лица среднего статуса (все, имеющие собственное хозяйство – земледельцы и ремесленники, главы больших семей) и 3) и большинство – члены кланов, женатые, но не имеющие еще собственного хозяйства и живущие под властью pater famillia, юноши и девушки, чужаки – «аутсайдеры» и т. д. Мы с уверенностью можем сказать, что русы эту стадию развития давно прошли. У доминирующего племени ко времени поселения в Подонье уже была малая семья, состоявшая из двух поколений – родителей и детей. Это видно по погребениям Верхнего Салтова: поэтому там и не хоронили в одной могиле много людей. Именно такая семья была экономической ячейкой русского общества. Среди них уже выделились профессиональные воины-дружинники (богатые погребения с саблями), высококвалифицированные ремесленники узкой специализации, а значит, уже в это время лесостепной вариант салтовской культуры должен быть объединен в протогосударство – вождество.

Рабы и данники русов

Русы оказались на таком этапе развития общества, когда закономерным стало систематическое использование чужого труда. По восточным источникам известно, что русы и продавали рабов, и сами пользовались рабским трудом, причем «с рабами обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими» (Иbn Русте). Конечно, не каждое общество периода ранних государств применяло труд невольников. В Киевской Руси такое неизвестно. Не было рабов или «подневольных работников рабского типа» (о различиях скажем позже) и у славян VI – VII вв. О непонятном византийцам характере «рабства» у славян сообщает Маврикий Стратег:

«Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей»^[415].

Сравнение описаний Маврикия о славянах и Ибн Русте о русах – не только еще одно доказательство того, что русы и славяне разные народы с различными традициями общественного бытия. Осмыслить природу этой разницы – значит понять и устройство Русского каганата, и

дальнейшее развитие уже славянской Руси. Экономическая основа славянского общества – это территориальная земледельческая община. Так было испокон веков. Насколько ученым удается проследить историю праславян, все время этот народ был земледельческим. Но русы, как мы видели, тоже были знакомы с оседлым земледелием, конечно, меньшее время. И у них сквозь оболочку соседской общины и малой семьи археологически прослеживается сохранение *родовых традиций* (даже участки кладбища были зарезервированы для отдельных родов).

Сельскохозяйственные орудия русов

1 – коса-горбуша; 2-5 – серпы; 6 – виноградарный нож; 7 – мотыжка; 8,9 – лемехи; 10 – чересло; 1-6, 8-10 – из Правобережного Цимлянского рода; 7 – из Дмитровского могильника

Объяснение здесь простое. Безусловно, этап родовой общины прошло все человечество. Но пока она зарождалась и развивалась, одни народы исчезали, а другие появлялись из осколков прежних. И соседская община сменяла родовую двумя путями, в зависимости от исторической ситуации. Первый путь – через разделение патриархальной большой семьи, когда она при благоприятных экономических условиях множилась до тех пор, пока не становилось ясно, что вести совместное хозяйство уже невозможно. Тогда несколько братьев отделялись и образовывали новый коллектив – *патронимию* (от лат. *pater* – отец) с общими покосами, угодьями, культурами и предком. За главой большой семьи в этом случае оставались идеологические функции, и культ рода сохранялся. Такая схема – наиболее распространенная. Именно по этому принципу распадалась родовая община и большая семья у русов (в Верхнем Салтове процесс был практически завершен, в Дмитриевском и Маяцком комплексах шел вовсю).

Предки славян пошли по другому пути – через *делокализацию рода*. В этом случае часть клана (субклан) отделялась и уходила на поиски новых земель. Если на этих землях им встречались такие же «отщепенцы» из других племен или даже этносов, жизненная целесообразность заставляла их смешиваться (не перебить же друг друга). Тогда уже ни один из глав этих субкланов не мог претендовать на первенство лишь на основании древности и славы его предков. Устанавливались чисто территориальные связи, где вождя и старейшин выбирали исключительно за их личные качества и каждый общинник имел право голоса. Земля в этом случае была коллективной собственностью. Так около трех с половиной тысяч лет назад образовался славянский этнос. И если связи только территориальные, совершенно не имеет значения, какого ты рода-племени, если ты отстаиваешь интересы данной соседской общины. Поэтому у славян (в нормальных условиях) рабства не было и быть не могло. Другое дело у русов, где социальное неравенство было объяснено и оправдано даже в этногенетических легендах. И конечно, в наихудших условиях оказывались покоренные племена с такими же родовыми традициями.

Ритуально-«обезвреженные» погребения

Праболгары и асы, пришедшие на чужую территорию после распада Великой Болгарии, оказались в под – чиненном положении. Это хорошо иллюстрируется данными Верхнесалтовского, Нижнелубянского, Дмитриевского, Маяцкого, Ютановского могильников в верховьях Северского Донца и Оскола.

Ямные захоронения в этих самых богатых и ремесленно развитых агломерациях составляют не более 6 – 8 процентов, причем принадлежат либо домашним рабам, либо – на периферии могильника – находящимся в подчинении всей общины/города^[416]. Отдельные же ямные могильники располагались на менее пригодных для кладбищ пологих левых берегах Северского Донца, в то время как катакомбные комплексы размещались на высоких правых берегах. Интерес представляет и обширный ямный Нетайловский могильник в Верхнем Салтове, который был почти так же богат, как и катакомбный, однако в нем практически отсутствуют детские захоронения, форма погребальных ям крайне необычная – дромосовидная, приближенная к катакомбному обряду, наличествует характерный для катакомб обряд «обезвреживания» покойника, выраженный очень сильно^[417]. О социальном положении нетайловцев свидетельствует и такой факт: при примерно одинаковом количестве вскрытых погребений в ямном могильнике найдено всего 12

дирхемов, тогда как в Верхнесалтовском катакомбном – более 150^[418].

Но изначальная близость рухс-аланской и асской культур повлияла, очевидно, на быстрое начало взаимной ассимиляции. Брахираны становились членами семей русов, сначала на неравноправном положении, но с сохранением обряда погребения. К концу VIII – началу IX в. все больше появляется женских брахиранных серий в парных погребениях по катакомбному обряду, а также смешанный мезокранный антропологический тип. Это уже свидетельствует о начале смешения асов и русов. На вновь освоенных лесостепных территориях все больше становится отдельных ямных могильников (долина Тихой Сосны). В Дмитриевском и Маяцком могильниках известно немалое количество грунтовых ям, в которых основные признаки ямных погребений утрачены и заменены деталями местного катакомбного обряда.

Однако проявляется односторонний характер ассимиляции: захоронения долихокранов в грунтовых ямах крайне редки^[419]. Причем и население двигалось в одну сторону: с юга на север (в степях на Дону неизвестны пока катакомбные могильники), очевидно, в политический центр. Там под влиянием местного населения кочевники переходили к оседлому образу жизни, потому в верховьях Оскола и Тихой Сосны нередки единые агломерации, состоящие из селищ и кочевий.

Все это показывает, что асам и праболгарам приходилось занимать положение данников и подчиненных. Но и рабами в привычном, древнегреческом понимании они не были. Ведь раб – это производитель, лишенный средств производства, юридических и гражданских прав и являющийся собственностью господина. Таких, конечно, в Русском каганате не было (недаром удивляло восточных авторов «хорошее отношение» русов к рабам). «Раб» вполне мог вступить в брак со свободной женщиной (или наоборот), причем, судя по обряду погребения, супруг не становился рабом.

Сухогомольшанский могильник: план, типы погребений, керамика и вещи из захоронений (по С. А. Плетневой)

Взаимовыгодный союз (славяно-русские отношения)

Кроме катакомбных погребений, в части могильников, принадлежавшей социальной верхушке (ближе к городищу), на Северском Донце встречаются группы *кремированных останков*, как безурновых, так и в салтовских лощеных сосудах, с салтовским же инвентарем В Сухогомольшанском могильнике в Готвальдовском районе Харьковской области салтовской была и конструкция могил; в бассейне того же Донца известны и отдельные могильники по обряду эксгумации.

Этническая принадлежность народа, сжигавшего своих покойников, дискутируется. Ни одна из основных точек зрения: ассимилированное пеньковское население, тюрки, угры, иранский этнос – не имеет доказательств (все они созданы на основе одной-двух деталей инвентаря). Сейчас большинство ученых склоняется к мысли о славянских истоках трупосожжений, тем более что они обнаружены в славянских могильниках в верховьях Дона, а также на *территории Киева*.

Во всяком случае, трупосожжения синхронны ранним катакомбам, а социальное положение покойников различно: если в Сухогомольшанском могильнике они входили в высший руководящий состав и их хоронили на элитных участках кладбища, то в Дмитриевском, напротив, находятся на периферии могильника, то есть в подчиненном положении. Как раз в Дмитриевском комплексе этническая принадлежность народа, кремировавшего покойников, почти не вызывает вопросов, ибо трупы сжигались в пеньковских и волынцевских, то есть славянских лепных сосудах. С большой осторожностью можно провести параллель с сообщением «Пределов мира» о группе славян, которые живут среди русов и служат им. В отношении же трупосожжений Сухой Гомольши обнаруживается интересная деталь: самые поздние такие захоронения относятся к первой половине IX в., как и богатые катакомбные погребения^[420].

Керамика из трупосожжений

Распространение древностей волынцевского типа на памятниках различных археологических культур (по А. В. Григорьеву):

I – роменская культура; II – культура типа Луки Райковецкой; III – культура типа Колочин; IV – салтово-маяцкая культура.

1 – Беседовка; 2 – Битица; 3 – Васильки; 4 – Вовки; 5 – Волынцево; 6 – Голяжье; 7 – Дмитровка; 8 – Жовтневое; 9 – Киев; 10 – Макча; 11 – Малые Будки; 12 – Мена; 13 – Обухов; 14 – Переяслав; 15 – Пески; 16 – Посудичи; 17 – Раковая Сечь; 18 – Сосница; 19 – Терновый; 20 – Ходосовка; 21 – Целиков Бугор; 22 – Шестовица

Отношения русов с этим соседним этносом – славянами – также, видимо, вошедшим в состав Русского каганата, носили иной характер, чем с асами и праболгарами. Данные археологии о пеньковской и «пастырской» культурах подтверждают сообщения восточных авторов о русах и славянах как давних соседях. В трудах арабо-персидских географов, сохранивших наиболее ранние сведения о Русском каганате (конец VIII – начало IX в.), – «Худуд аль-алам» и Гардизи – обозначается данническое положение славян по отношению к русам:

«Постоянно по сотне или двести они ходят на славян, насилием берут у них припасы... Много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя».

В других сочинениях, где упоминаются хакан и острова русов, говорится о подчинении славян русам, нападении последних на славян и работоговле ими. Очевидно, нападения были скорее эпизодом, поскольку даже в арабо-персидской литературе эта тема была скоро забыта, а в иных случаях изменена до прямо противоположной (встречаются уже в X – XII вв. рассказы о походах славян на русов).

Отдаленные археологические подтверждения можно найти только первой теме (кремированные останки в славянских горшках на периферии Дмитриевского могильника). В целом же археология рисует более мирную картину, хотя ее рассмотрение несколько запутывается проблемой преемственности славянских культур левобережья Днепра третьей четверти I тысячелетия н. э.

На рубеже VII – VIII вв. в Днепровском лесостепном левобережье и на правобережье Киевского Поднепровья на территории пеньковской культуры (на ее поздней сахновской стадии) появляется так называемая волынцевская культура. Субстратом творцов волынцевских древностей являются потомки антов – носителей пеньковской культуры. Особенно ярко заметна связь волынцевцев с пеньковским населением на Киевщине. Проявляется это в лепной керамике, технология которой очень консервативна – настолько, что по ней можно определять этническую принадлежность. На многих селищах в керамических комплексах волынцевской культуры встречаются пеньковские формы. А в раскопанных на киевском Крещатике пеньковских поселениях представлены типично волынцевские горшки с вертикальным венчиком. Возникает такая картина: на земли антов – славян пеньковской культуры мигрировали другие славянские племена. И уже на этой основе образовались племена, вошедшие в ядро Киевской Руси, – поляне, северяне, радимичи, вятичи.

Керамика волынцевской культуры:

1, 3, 6 – из поселения Волынцево, 2, 4, 5 – из могильника Сосница

Вопрос о пришлом этническом компоненте был решен только в последнее время. Это была миграция носителей именьковской культуры IV – VII вв. Среднего Поволжья. Связь между двумя культурами очевидна и прослеживается в круговой и лепной керамике (характерные горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками), планировке поселений (бессистемная) и форме жилищ (полуземлянки столбовой и каркасно-столбовой конструкции), обряде погребения (трупосожжение на стороне)^[421], то есть во всех этнообразующих компонентах материальной культуры.

Славянство носителей волынцевской культуры ученых не вызывает сомнения. А вот происхождение именьковцев долго было предметом острых дискуссий: предполагали финно-угорское (эволюция городецкой культуры), сибирское, тюркское, мадьярское происхождение. Но ни одна из версий так и не подкрепилась археологическим материалом.

Мысль о славянской принадлежности именьковцев была высказана и аргументирована археологом Г. И. Матвеевой. Чтобы озвучить такое предположение, нужна была изрядная доля

научной смелости. Трудно поверить в славян на Средней Волге. Ведь в нашем сознании эти места воспринимаются как «вотчина» тюркских и финно-угорских племен. Поэтому и не доверяли исследователи словам арабо-персидских авторов, называвших Итиль-Волгу «Славянской рекой» в рассказе о событиях VII в. Как могли попасть туда славяне? Еще во времена Римской империи леса Восточной и Центральной Европы, а также Балтийское Поморье населяли славяне, входившие в пшеворскую и зарубинецкую археологические культуры. Так же как и их потомки через тысячу лет, они сжигали покойных, делали лепную посуду почти без орнамента, жили в полуzemлянках размеров от 12 до 20 м². Поселения их застраивались «кучевым», бессистемным образом (система не нужна, если нет родовой общины и иерархии семей). Отличал славян одной культуры от другой и способ изготавляемых горшков. На Волыни и в Поднестровье жили пшеворцы (которых многие ученые считают венедами), а на Среднем и Верхнем Днепре – зарубинцы. Однако их спокойное существование было нарушено в III в. н. э. сначала нашествием бежавших из Прибалтики от внезапного холода готов. Тогда-то часть жителей Волыни и бассейна Днестра и ушла в Поволжье. Через век-полтора к ним присоединились и зарубинцы Поднепровья, ужившиеся с готами, но отвергшие власть гуннов. В результате на рубеже IV – V вв. в землях Среднего Поволжья образовалась большая славянская колония. Сейчас эта версия под сомнение не ставится: весь археолого-этнический комплекс имениковцев – славянский.

Ареал имениковцев охватывал земли Средней Волги от Нижней Камы на севере до Самарской Луки на юге, от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке. Три века славяне прекрасно ладили с местными жителями – финноуграми и остатками сарматов. На реке Белой в Башкирии раскопано совместное поселение славян и сарматов турбаслинской археологической культуры, а на Средней Волге в имениковских землях встречаются угорские и сарматские трупоположения [422]. Но на рубеже VII – VIII вв. славяне внезапно оставляют эти плодородные земли. Почему? Заставить земледельцев покинуть свои пашни может только серьезная угроза. В раннем Средневековье таковой, конечно, были кочевники. Некоторые ученые «грешат» на болгар, прибывших на Волгу после распада Великой Болгарии. Но, судя по арабским источникам, как мы уже говорили, болгары пришли на Волгу только в конце века. По всей видимости, врагами славян оказались мадьярские племена и те, кого автор «Пределов мира» назвал тюркскими печенегами. Археология подтверждает эту мысль. Как раз на рубеже VII – VIII вв. в этих местах появляются новые могильники – курганы с трупоположениями, имеющие аналогии в угорских древностях. Именно известия об этих кочевниках заставили славян организованно покинуть свои поселения, не дожидаясь войны и грабежа. Они решили вернуться в Поднепровье – в те земли, где жили раньше и предания о которых, очевидно, еще хранила память. Так появилась волынцевская культура.

В. В. Седов отождествил территорию волынцев с Русским каганатом Бертиńskих анналов и восточных источников. Произошло это во многом благодаря относительно высокой (оценка производилась по уровню ремесленных находок) культуре этих племен по сравнению с другими восточными славянами. Это различие особенно очевидно при сопоставлении волынцевской культуры и синхронной ей славянской культуре Правобережья Днепра типа Луки-Райковецкой, которая эволюционно формировалась из предшествовавших ей пражско-корчакских древностей. Здесь не знали гончарного круга. Он по – явился на правом берегу Днепра лишь в конце IX в. [423].

Проводивший раскопки Киева М. К. Каргер считал, что славяне Правобережья в IX в. были уже хорошо знакомы с гончарным кругом [424]. Но последующие разработки керамики (как гончарной, так и лепной) Старокиевской Горы и Подола выявили ее сходство с волынцевской и роменской, то есть там жили уже знакомые нам племена, входившие в Русский каганат, а не славяне Лука – Райковецкой культуры [425].

Орнамент на лепных сосудах Правобережья крайне примитивен, кузнечное дело тоже отличается простотой и традиционностью технологий, не изменявшихся тысячу лет. Взглянем на это с точки зрения теории развития общества. Давно уже на материале археологии и этнографии выявлены этапы развития ремесла, неизменные для всех народов мира. Предтечей ремесла называют доремесленные формы производства, берущие начало в домашних нуждах. Эти формы возникают задолго даже до первого разделения труда – до отделения скотоводства от земледелия. Тогда главным «ремесленником» была женщина. К тому же доремесленному производству ученые относят и мастеров-специалистов, работавших на нужды общины, в которой они проживали (такими были обязательные в каждом поселении кузнецы). Все это называется «домашним ремеслом». Уже потом (и для этого требуется не одно столетие) появляется ремесло общинное, когда специалисты в одной области, например гончары, живут отдельным поселком, который обслуживает нужды окрестных общин (как правило, родственных). Это уже действительно

ремесленная форма. И прежде чем гончары образуют отдельное поселение, появляется гончарный круг, который увеличивает производство посуды в 6 – 8 раз. И наконец, появляется ремесло, которое можно выделить в *самостоятельную экономическую отрасль*. Его основные черты – это товарный характер, узкая специализация мастерских (например, производство исключительно оружия) и усложнение технологий (появляется гончарный круг быстрого вращения, разделяется кузнечное и литейное дело). Тогда и возникают города в истинном смысле этого слова^[426]. В Русском кагане те, конечно, ремесло находилось уже на третьем этапе развития, чего нельзя сказать о славянах днепровского Правобережья.

Подобные лука-райковецкой керамики характеристики соотносятся с доремесленными формами производства («домашнее ремесло»), первым этапом становления ремесла и связаны с натуральным хозяйством.

У славян волынцевской культуры была *своя круговая керамика* еще в начале VIII в., в погребениях заметна социальная дифференциация, на их территории известны клады арабских монет, что говорит о развитии торговли. То есть на сахновской стадии пеньковскую культуру перекрывает также славянская (по форме лепной керамики, трупосожжениям, особенностям постройки полуземлянок), заметно *опережающая* своих соседей на пути классообразования и полито гене за.

Именьковскую культуру, генетически близкую к волынцевцам, связывают с позднезарубинецкими племенами черняховской культуры, которые сохранили гончарные традиции чернолощеной керамики, правда, в очень малой степени. Не более 10 процентов гончарной керамики присутствует и на волынцевских поселениях. Это естественно. Когда ремесло выделяется в особую отрасль хозяйства, сначала услугами ремесленников пользуется только знать.

Часть такой керамики составляют «постчерняховские» горшки волынцевского типа, по форме идентичные лепным сосудам, другую же (большую) – характерные сосуды из салтовских мастерских. Наибольшее количество волынцевских древностей выявлено на территории, пограничной с лесостепным вариантом салтовской культуры или заходящей на ее земли (крайне западная граница – округа Киева, на юго-востоке ареал охватывает часть бассейна Северского Донца^[427]). Причем в таких местах, как *Киев, Монастырек, Каневское поселение, волынцевские древности* *перерастают в древнерусскую культуру*.

Славянское жилище с городища Новотроицкое (реконструкция И. И. Ляпушкина)

При внимательном рассмотрении материалов волынцевской культуры становится очевидно, что она является результатом взаимодействия славян и салтовских русов. Выделяется немало сходных черт волынцевской культуры и лесостепного варианта салтовской культуры. На славянских поселениях в ряде полуземлянок – открытые салтовские очаги; практически по всему ареалу – распространение салтовской и «салтоидной» (то есть подражаний русским мастерам) керамики. Причем чем ближе к Северскому Донцу и ремесленным центрам на Днепре, тем ее больше (на поселении Вовки – 43 процента). Славяне пользуются салтовскими украшениями (в том числе амулетами, бусами) и орудиями труда^[428].

Эти явления имеют четкую верхнюю границу – вторая четверть IX в. После этого волынцевская культура трансформируется в роменскую, гончарная посуда выходит из употребления (объяснение В. В. Седова: «по каким-то историческим обстоятельствам прекращают функционировать гончарные центры»). Если в VIII – начале IX в. салтово-маяцкие вещи являются ведущей группой в ареале волынцевской культуры, то затем происходит резкое падение их доли. Надо отметить, что салтовские сосуды встречаются лишь в богатых волынцевских погребениях.

Интересно, что особой популярностью у славян пользовались подвески-амулеты с салтовскими солярными символами, что может свидетельствовать о некотором сближении духовной культуры славян и русов.

Заметно сильное влияние русских мастеров на волынцевцев и в области железообработки. Если на пеньковских памятниках обработка черного металла отличалась простотой технологических характеристик и крайне редким использованием прогрессивных приемов, то с усилением салтовского влияния (появление на Днепре ремесленных металлургических поселений) увеличивается количество приемов, улучшающих качество лезвия, начинает применяться двуслойный и трехслойный пакет. Причем тесные связи выражались не только в заимствовании

высокотехнологичных приемов и импорте готовой продукции, но и в поставках стали в виде полуфабрикатов из салтовских центров в славянские, а также в добыче руды в славянских землях.

Дело в том, что на Северском Донце и Осколе отсутствуют болотные железные руды, из которых изготовлено большинство изделий салтовской лесостепи. В основном руды располагаются на славянских территориях в верховьях Дона и Среднем Поднепровье^[429]. Такие тесные контакты явно свидетельствуют о дружественных отношениях в пределах одного политического образования.

Отношения славян и русов строились скорее на основе взаимовыгодного союза. Славяне получали доступ к свободным черноземам для занятия земледелием (система перелога, которую использовали славянские пахари, – самая эффективная по урожайности, но постоянно требующая новых земель) и надежную защиту от кочевников. Археологические материалы показывают, что этот период был исключительно мирным для славян левобережья Днепра, что привело к резкому увеличению населения^[430]. Русы же приобрели новую сферу политического влияния и рынки сбыта для транзитных и собственных товаров.

Планы полуземлянок СМК: 1-2, 4 – I тип; 3,5 – тип II

План жилища с. Волынцево:

1 – печь; 2 – сруб; 3 – материк; 4 – конусы; 5 – хозяйственные ямы; 6 – столбовые ямы

О мирных соседских отношениях свидетельствуют совместные поселения славян и русов. Например, на реке Хопер, у северо-восточных границ Русского племенного союза, археологами недавно обнаружено поселение, на котором совместно жили племена салтовской и боршевской культур, ничем не ущемляя друг друга. А на Днепре существуют поселки русских гончаров – Пастьорское городище и Канцерка. На территории волынцевцев появляются и городища – Можнач и Коробковское, население которых по всем признакам славянское, а каменные укрепления построены салтовцами^[431].

Славяне Поднепровья благодаря салтовцам включились в международную торговлю, совершенствовалось гончарное мастерство, у славянских женщин приобрели популярность украшения, произведенные русскими мастерами. Северяне, радимичи и другие племена Поднепровья получили от русов с рубежа VIII – IX вв. связи с прикаспийскими провинциями Арабского халифата, на городищах северян появились клады куфических дирхемов. Благодаря торговому пути по реке Рис (*Северский Донец и Средний Днепр*) и расцвел славянский центр на Днепре – Киев. А русы позаимствовали у славян конструкцию полуземлянок и печь (раньше в домах салтовцев был наземный очаг – еще с сарматских времен).

Вятичи: Реконструкция по черепу мужчины из кург. ус. Савино, Московская обл.

Раскопки А. В. Арциховского, 1928 г. Автор О. М. Григорьева

Реконструкция по черепу женщины из кург. ус. Красный стан, Московская обл. Раскопки А. В. Арциховского, 1928 г. Автор О. М. Григорьева

Северяне: Реконструкция по черепу женщины из кург. на Моисеевом городище, Курская обл. Раскопки А. Е. Алиховой, 1995 г. Автор О. М. Григорьева

Поляне:

Реконструкция по черепу женщины из Десятинной церкви, г. Киев.

Раскопки Т. В. Кибальчича, 1878 г. Автор Т. С. Балуева

Реконструкция по черепу мужчины из кург. с. Броварки, Полтавская губ. Раскопки В. В. Хвойко, 1903 г. Автор Т. С. Балуева

Влияние двух племен друг на друга было позитивным для обеих сторон и достаточно сильным. Оно выявляется даже антропологически: самые близкие аналогии черепным характеристикам салтовских русов обнаруживаются среди соседних славянских племен, в частности северян, радимичей, донских славян, отчасти полян. В отношении полян антрополог Т. И. Алексеева замечает, что их тип формировался отлично от других групп юго-восточной славянской колонизации (тиверцев, уличей) – на основе славян культуры Прага-Корчак и иранского элемента, который антрополог называет «субстратом»^[432]. Это вполне объяснимо, ибо на Киевщине волынцевская культура наложилась на памятники типа Луки Райковецкой – продолжения пражско-корчакской. Основа полянского союза образовалась из смешения этих племен.

Этноним *север* имеет иранское происхождение (*sew* – черный), а территория роменской культуры совпадает с ареалом гидронимов иранского происхождения и распространением краинологических серий, очень близких к салтовским^[433]. Это соответствует сообщению географов школы Джайхани о Vantit / Vanbit – «первом городе (земле) на востоке страны славян, некоторые жители которого похожи на русов». Значит, были часты смешанные браки между славянами и русами.

И такое развитие событий вполне естественно: если у русов была кровно-родственная община со строгой иерархией и градацией родов внутри племени, то славяне жили территориальной общиной, изначально для них характерной. А территориальная община принимала в свои ряды любого инородца. Сила культурной традиции славян всегда оказывалась сильнее любых кровно-родственных связей пришельца, и он ассимилировался в славянской среде. Так происходило и с русами.

В свете этого по-иному выглядят трупосожжения, совершенные с салтовским инвентарем и характерной угольной подсыпкой, зафиксированные на поселениях роменской и боршевской культур, в Киеве, в Днепровском Надпорожье. Ближе ко второй половине IX в. в лесостепном славянском Подонье появляется население, оставившее типичные для лесостепного варианта салтовской культуры *жилища*, гончарную керамику и лепную посуду и трупосожжения в салтовских сосудах^[434]. Скорее всего, это и были русы-славяне, уже взаимно ассимилированные и воспринявшие трупосожжение как обряд погребения.

Славянские земли Днепровского левобережья (волынцевская культура) вошли в зону политического и экономического влияния Русского племенного союза. Данная ситуация окончательно закрепилась в первой трети IX в. с упрочнением славяно-русских связей.

Таким образом, к концу VIII в. на территории от левобережья Днепра до Среднего и Нижнего Дона образовалось единое экономико-политическое объединение с центром, очерченным лесостепным вариантом салтовской культуры. Туда входили оседлые племена североиранского (русы) и славянского происхождения, а также кочевники – сармато-аланы (асы) и праболгары, первоначально занимавшие подчиненное положение и постепенно переходившие к оседлому образу жизни. Данное политическое объединение имело обширные торговые связи и *самую развитую в Восточной Европе того времени производящую экономику* (по уровню ремесла некоторые параллели можно провести лишь со Старой Ладогой археологического слоя Е-2, также находившейся на Волго-Балтийском пути^[435]). Анализ материальной культуры и письменных источников показывает, что это объединение по уровню развития соответствует раннему государству (составному протогосударству).

Столица этого протогосударства или государства находилась в верховьях Северского Донца как наиболее старой территории русов с богатым и знатным населением. Возможно, это было Верхнесалтовское городище, характеризуемое исследователями как протогород. Хотя по течению той же реки еще в XVII в. помнили Каганово городище, стертое с лица земли, рядом с которым топонимика знает Каганский перевоз и Каганский колодезь. К сожалению, раскопки на нем не проводились.

Русский племенной союз был одним из приоритетных торговых партнеров государств Закавказья и Средней Азии. Арабские монеты шли в Восточную Европу VIII – начала IX в. двумя каналами: первый – из Ирана через Каспий на Волгу и далее в Прибалтику – на Готланд, второй – из западных пределов Арабского халифата через Сирию и Закавказье на Дон и Северский Донец, а оттуда – в Юго-Восточную Прибалтику.

Возможно, именно второй путь описан в Баварском географе, составленном не позднее первой трети IX в.

Автор Баварского географа, проследовав в изложении вдоль славяно-германского водораздела до области прусов, то есть Нижней Вислы и Немана, далее очень бегло описывает территорию, на которой упоминаются, в числе неизвестных этнонимов, хазары и русы:

«...*Брусы (прусы. – Е.Г.) – во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна. Висун. Бейры. Кацеры (хазары. – Е.Г.), 100 городов. Руссы. Форидеренлиуды. Фрешиты. Шеравицы. Луколане. Унгаре. Вишляне...*»

Путь, проделав этот круг, замыкается вновь на Висле.

В Русском каганате эти два потока сливались, но в 30-х гг. IX в. второй поток, проходивший по «реке Руса» – Северскому Донцу и Среднему Днепру, прекратил свое существование. На территории между Днепром и Дунаем находок монет того времени нет.

Причем обилие кладов на территории Русского племенного союза говорит о том, что дирхемы оседали здесь, что для купцов, обладавших этими богатствами, земли между Доном и Донцом были родными (в чужом kraю клады обычно не зарывают). Полная противоположность в этом отношении – Хазарский каганат. Весь комплекс находок монет на нижней Волге и нижнем Донце, которые можно было бы связать с торговым движением непосредственно в Хазарии, состоит из двух небогатых кладов и нескольких монет. Хазарские иудеи занимались транзитной торговлей, и ни деньги, ни товары в больших количествах там не оседали.

Судя по находкам археологов, торговые связи салтовских русов были очень обширны. На городищах обнаруживаются иранские ткани, шелк, товары из Хорезма, Сирии – золотую и серебряную посуду, дорогие украшения.

В Средней Азии ко времени монголо-татарского нашествия еще сохранялась община русов. Плано Карпини, используя местные источники и рассказы очевидцев, сообщает, что в Ургенче, столице древнего Хорезма, было «очень много христиан»^[436], именно хазар, русов, аланов»^[437].

Граффити на дирхемах VIII-IX вв.

Хорезм и вообще Приаралье – древняя зона алано-асского расселения. В Среднем междуречье Сырдарьи и Амударьи во II в. до н. э. – середине I тысячелетия н. э. существовало североиранское государство Кангюй, которое является очагом этногенеза аланских племен, а северо-западнее его располагался Янтай – государство асов (сармато-алан). Основное население Русского каганата – и русы, и асы – в конечном итоге были *выходцами из древнего Турана* (Приаралье и Северный Прикаспий)^[438], и связи с прародиной, как видно, сохранялись долго. О присутствии хазар в Приаралье источники упоминают с VIII – начала IX в.

Попадали к русам и товары из Китая и Индии: восточные рубежи Русского племенного союза находились на пересечении различных ветвей знаменитого Шелкового пути – там находилось Правобережное Цимлянское городище – форпост русов на востоке.

Были включены русы и в торговлю по Волго-Балтийскому пути, по которому с конца VIII в. началось интенсивное движение. С запада по нему шли прежде всего балтийские славяне, с востока – салтовские купцы. На участие русов в балтийской торговле уже в самом начале IX в. указывают граффити на куфических дирхемах Петергофского клада.

Но русы, в отличие от хазар, занимались не только торговлей чужими товарами. Развитие ремесла в Подонье к началу IX в. достигло европейского уровня того времени, а во многих случаях, по признанию археологов, превосходило Западную Европу. Большой популярностью пользовалась салтовская лощеная керамика, изготовленная с помощью гончарного к руга, который был тогда последним словом техники. Не менее была развита и металлообработка, оружейное дело. Русское

оружие, судя по сведениям «Худуд аль-алам», хоть и не могло конкурировать с дамасской сталью, но признавалось одним из лучших.

Два каганата: начало противостояния

В начале IX в. экономика Русского племенного союза находилась в стадии небывалого подъема, который обычно предшествует переходу этноса от последнего этапа первобытно – об – щинного строя к становлению государства. Появилась необходимость в собственной денежной единице. И русы, которые еще недавно золотыми и серебряными монетами украшали жен и наложниц, стали чеканить свою монету. Этот вывод можно сделать на основе находок так называемых «варварских подражаний» дирхемам, найденных в верховьях Дона и Донца.

А если вспомнить, что в то же время произошло и продвижение русов к границам Хазарии (постройка Правобережного Цимлянского городища), то именно тогда Русский этно-политический союз *стал каганатом в полном смысле этого слова*, который в него вкладывался в раннее Средневековье. То был уже действительно верховный сюзерен, имеющий основания для претензий на господство в регионе. И глава русов принял титул кагана. За этим следовало и признание на Востоке того, что «*ар-Rus, также как аль-Хазар и ас-Серир, – это название государства, а не города или людей*»^[439].

Но каганат в Юго-Восточной Европе мог быть только один: титул кагана приравнивался в степи к императорскому и означал полновластного хозяина земель. Русы стали опасными конкурентами Хазарии не только в экономике, но и в политике. Хазарский каганат (а точнее, его иудейская верхушка) жил торговлей и практически ничего не производил (это доказано археологическими данными). К началу IX в., по свидетельству купцов и путешественников, Хазария уже во многом зависела от русских товаров:

«*Преимущественная их (хазар. – Е.Г.) пища есть рис и рыба; остальное же... привозится из Руси, Булгара*»^[440].

«Русский» путь из Арабского халифата через Закавказье на Дон и Донец мог где-то конкурировать с Волжским, каспийское окончание которого было под контролем Хазарии. И продвижение Русского племенного союза на восток, и постройка крепости в выгодном с торговой и военно-стратегической точки зрения месте – в низовьях Дона – заставили Хазарию беспокоиться всерьез.

Иудейский переворот в Хазарии

Однако Хазарский каганат в начале IX в. был уже не тот, что знали русы немного ранее. В Итиле – столице Хазарии – произошли большие политические перемены, а именно так называемый иудейский переворот царя Обадии. Что это было конкретно, в связи с чем был совершен этот переворот – вопрос неразрешенный и даже практически неисследованный. Слишком мало письменных источников, повествующих о данном событии, точнее, источник один – переписка испанского еврея Хасдаи ибн Шафрута с хазарским царем Иосифом (не ранее середины X в.).

Иудейские надгробия окрестностей Керчи

Хазарский иудаизм стал притчей во языцах. Уже не одно десятилетие он является предметом научных и околонаучных дискуссий, исследований, далеко не всегда беспристрастных. И это действительно явление, которое заслуживает самого серь – езного изучения. Практически все источники, упоминающие Хазарию IX – X вв. (в том числе и Житие Константина Философа, и Повесть временных лет, и арабские авторы), говорят о распространении иудейской религии. Но в то же время этнические евреи не составляли в Хазарском каганате сколько-нибудь значительной социальной группы. Случай, конечно, уникальный. Особенно если вспомнить, что традиционный иудаизм не только не стремится к распространению своей веры на другие народы, но и всячески ограждает себя от этого процесса. Известно, что последовательные талмудисты называют иноплеменников, исповедующих иудаизм, «прокажой Израиля».

Средневековые евреи, наслышанные о хазарском феномене, например, Эльдад Гадани, пытались представить хазарских иудеев евреями колена Симонова, позабывшими веру своих предков. Таким

образом они хотели приписать заслугу создания Хазарского каганата ортодоксальным иудеям. А вот хазарский царь Иосиф производит свой народ от тюрок. Это значит, что хазарские иудеи закрытой сектой не были, иудейская религия здесь была прозелетической, принимающей желающих независимо от их этнического происхождения.

Потому возник спор о характере хазарского иудаизма. Одни, ссылаясь на упоминание в письме Иосифа раввинистической литературы, склонялись к талмудизму, закрывая глаза на открытость хазарской веры. Другие настаивали на караимстве или библизме (течение в иудейской религии, не знающее Талмуд).

Судя по словам Иосифа, первоначально верхушка хазарского общества при «царе» Булане приняла какой-то неортодоксальный вариант. Как рассказывает Иосиф, Булан получил божественное откровение, предписывающее ему обратиться в истинную – иудейскую веру. Но, по обычаю раннего Средневековья (так поступил и киевский князь Владимир), Булан устроил диспут, в котором принимали участие мусульманский и христианский проповедники. Каждый из них хулил веру соперника, но оба согласились, что «вера Израиля – лучшая вера и вся она – истина».

Кембриджский манускрипт

В письме неизвестного хазарского еврея X в., которое на – зывают по месту находки Кембриджским анонимом, имеется иная версия этих событий. Некие евреи бежали из Армении в Хазарию и «породнились путем браков с жителями этой страны... и они стали одним народом». Смешавшись с язычниками, евреи забыли свои обычай, сохранив только обрезание и частично соблюдение субботы^[441].

В пространной редакции письма Иосифа говорится, что обращение в иудаизм произошло за 340 лет до Иосифа, то есть в самом начале VIII в. Еврейский ученый Иегуда га-Леви, писавший около 1140 г., ссылаясь на неизвестные источники, утверждал, что хазары приняли иудейство за 400 лет до него, то есть около 740 г.

Скорее всего, иудаизм был занесен в Хазарию с Кавказа. Еврейские общины в Дагестане (то есть в соседней с Хазарией области Сарир) упоминаются задолго до VIII в. Появились они там после подавления в Персии восстания маздакитов – секты, боровшейся с зороастрийцами. Некоторые иудейские общины Ирана поддержали Маздака и его последователей и после жестокого подавления восстания в 528—529 гг. вынуждены были бежать. Судя по источникам, религиозные взгляды этих евреев отличались от ортодоксальных: «застали их, что пьют не еврейское вино и блудят в домах персов»^[442]. Потому другие, раввинистские общины и не возражали против удаления соплеменников из Персии. Эти-то свободные нравы и позволили, очевидно, изгнанным смешаться с хазарским населением.

Но ни в начале VIII в., ни позже, ни в самом конце существования Хазарии – в X в. – иудаизм не был единственной и даже наиболее распространенной религией этого каганата. Византийские источники в связи с борьбой за Крым нередко упоминают хазар. Так ни ко времени женитьбы сильного императора Константина Копронима на дочери хазарского хакана, ни при антихазарском восстании Иоанна Готского в конце VIII в. ни один византиец неупоминает о том, что хазарские хаканы были иудеями. Самих хазар автор Жития Иоанна Готского определяет как язычников. Св. Кирилл (Константин Философ) был в Хазарии с проповедью в 860—861 гг. и участвовал в религиозном диспуте, о чем сообщается в его житии. Арабский автор Ибн аль-Асир сообщает, что хазары в 868 г. приняли ислам в обмен на помощь мусульман против нашествия неких тюрок^[443]. В «Пределах мира» при описании хазарской столицы Атиля говорится, что в отгороженной западной его части живет хазарский правитель (тархан хакан) с дружиной, а в другой части – мусульмане и язычники. О вероисповедании хакана и дружины ничего не сказано. Известно и о больших христианских общинах на юге Хазарии, что связано с влиянием Армянской церкви. Историк Кавказской Албании Мовсес Каланкатвали сообщает о принятии в 80-е гг. VII в. хазарским правителем христианства из Западной Армении^[444]. Ибн Русте уже сообщает, что иудаизм исповедует лишь хакан хазар, его заместитель и те из предводителей хазарских племен, кто наиболее близок им^[445]. И эти данные верны для второй половины IX в., когда позиции иудаизма значительно укрепились. Основная же часть хазар придерживалась древней тюркской религии и поклонялась небесному божеству Тангри.

Но на обращении Булана история иудаизма у хазарской верхушки не закончилась. О продолжении

известно как по арабским источникам, так и по переписке царя Иосифа. Аль-Масуди и Димашки сообщают:

«...Правитель Константинополя во дни Харуна ар-Рашида изгнал иудеев из своего государства, а те направились в страну хазар, где нашли умных и благочестивых людей, объявили им свою веру, а те признали ее наиболее правильной, присоединились к ней...»^[446]

Правление халифа Харуна ар-Рашида – это 786—809 гг. В еврейско-хазарской переписке говорится о некоей проведенной – новой царем Обадией религиозной реформе, в результате которой хазарские иудеи были ознакомлены с Мишной и Талмудом, то есть основами классического раввинистического иудаизма (раньше в Хазарии был какой-то другой вариант этой религии). В результате царь Обадия «укрепил веру согласно закону и правилу»:

«Он (Обадия. – Е.Г.) был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв (принятых) у хазанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди»^[447].

Эти слова противоречат версии о караимстве хазар. Караимская религия полностью построена на отрицании Талмуда и борьбе с ним. Если бы Обадия предложил такие перемены караимам, «укреплять веру» ему пришлось бы огнем и мечом, и сомнительно, что он вышел бы победителем. Таким образом, в конце VIII – начале IX в. часть хазарской верхушки сменила доталмудическую религию на раввинизм.

Примерно то же рассказывает и Кембриджский аноним, не называя имен: некий храбрый военачальник, полуказарин-полуеврей, под влиянием жены и тестя начал интересоваться религией, ревностно выполнять предписания. Греки и арабы попытались прекратить распространение иудейства среди хазарской знати и послали миссионеров. В диспуте ни один из проповедников трех вер не добился успеха. И тут иудеям помогло чудо. Из некоей пещеры были извлечены «книги закона Моисеева», содержание которых мгновенно убедило хазар вернуться к иудаизму «полностью»^[448].

Повод для перемен указали арабские авторы: миграция евреев из Византии, где их заставляли принимать христианство или уезжать. Настоящей причиной изгнания, видимо, были активные контакты византийских евреев с Арабским халифатом. Принятие талмудического иудаизма сулило хазарской знати другой уровень торговли на всех дорогах Евразии, а также большую изоляцию правящих кланов от населения.

Очевидно, религиозными переменами Обадии дело не ограничилось, были и какие-то политические преобразования («обновление царства»), которые нам неизвестны. Прежде система вождества в Хазарии была такой же, как и в других тюркских племенных союзах. «Худуд аль-алам» называет титул верховного правителя хазар – тархан хакан, и там, кстати, не указано, что хакан исповедует иудаизм. А об этом знаменательном факте мусульманский автор обязательно упомянул бы. Тема иудаизма у хазар начинается в восточной литературе позже, с Джайхани и Ибн Русте. Значит, если хазары и были иудеями до начала IX в., это был не тот иудаизм, на который следовало обращать внимание.

У хакана имелся «заместитель», именуемый «бек». Такая форма двоевластия была характерна для всех тюрок. До конца VIII в. хакан был реальным главой государства и фигурировал в этом качестве во всех восточных и грузинских источниках того времени. В начале IX в. с просьбой о строительстве Саркела обращаются к византийцам уже хакан и бек вместе. А европейские источники вообще не представляют хакана как реального правителя (и Булан, и Обадия, и Иосиф – «цари», то есть беки). Хакану остается только сакральная функция. Бек командует войском, взимает налоги, является верховным судьей. А хакан, хотя и считается выше бека, назначается оным из лиц «известного рода». Примечателен и обряд избрания хакана: напомним, что кандидата душат шелковым шнуром и в таком состоянии интересуются, сколько лет он собирается править. После того как он называет цифру, его избирают. Если же хакан, проправив указанное количество лет, не собирается на тот свет, его убивают, так же как и в случае мора, голода и других несчастий и стихийных бедствий. Таким образом, иудейская реформа помогла беку заполучить власть в свои руки. Можно предполагать, что переворот обошелся малой кровью, поскольку упоминания о проблемах с неверными нет.

Скелеты убитых женщин с Правобережного Цимлянского городища, изгрызенные зверем

Более подробно о событиях в Хазарии узнать нельзя: письменные источники исчерпаны, археология бессильна (пока не исследована собственно хазарская культура). Только можно сказать с уверенностью, что после этого переворота политика Хазарии резко изменилась, а звезда этого каганата ярко вспыхнула и начала медленно затухать.

Подготовка к войне

Примерно в то же время Русский каганат начинает возводить мощнейшие укрепления на северо-востоке и юго-востоке. Тогда появляются те самые белокаменные крепости, для создания которых требовались силы государства. Хазария строит Семикаракорскую крепость на реке Сал, а повсеместно восточнее этих укреплений появляются кочевнические курганы с ровиками, где отличительной чертой погребального обряда является наличие в могиле черепа и костей коня. Эти захоронения имеют истоки в карайкуповской культуре (течение реки Урал и Белая). Карайкуповские памятники связываются исследователями с территорией прародины венгров – Великой Венгрии, а курганы определяются как мадьярские.

Конфликт между Русским каганатом и Хазарией начался, по-видимому, с разгрома последней Правобережного Цимлянского городища – военного и торгового форпоста русов на Нижнем Дону. Эта крепость по сложности планировки, системе обороны и другим показателям не имела равных на этой территории ни раньше, ни позднее. В результате археологических раскопок 1987—1990 гг. установлено, что она была уничтожена во второй четверти IX в., до постройки Саркела. Население было частью вырезано, частью уведено в плен; иные – праболгары и степные асы – перешли на сторону родственных им хазар. Об этом свидетельствует краниологический и археологический материал Саркела и поселения, основанного на месте Правобережного Цимлянского городища. Центр Русского каганата находился слишком далеко от низовьев Дона, чтобы оказать оперативную помощь, но силами пограничных гарнизонов были уничтожены хазарские Семикаракоры.

После этого удачного набега на врага с запада хазары при непосредственной помощи Византии в 834—837 гг. построили на левом берегу Дона крепость Саркел.

Византия – арбитр или провокатор?

Не последнюю роль в конфликте двух каганатов сыграла Византия. Именно византийские мастера помогают хазарам в строительстве крепостей, но в Византию направляется и посольство русов, которое потом попадает во Франкское государство и благодаря тому – в Берлинские анналы епископа Пруденция. Очевидно, Византия имела свои стратегические интересы и пыталась контролировать конфликт, начавшийся в Восточной Европе.

Отношения между Византийской империей и Хазарией всегда были противоречивы и зависели в основном от интересов Византии. Во время атак Арабского халифата на империю хазары были ее естественными союзниками, поскольку арабы пытались закрепиться и на Северном Кавказе. В VIII в. Восточная Европа Византию не особенно интересовала, поскольку в самой империи постоянно вспыхивали восстания, политические группировки вымывали друг друга в борьбе за власть, прикрываясь религиозными доктринаами («иконоборцы» и «иконопочитатели»), с востока угрожал халифат, а с северо-запада беспокоили дунайские болгары. В это время Хазарии удалось в трудной борьбе подчинить восточную часть Крыма, в том числе и Крымскую Готию. Но власть хазар была непрочной. Крымские колонии постоянно были охвачены освободительными движениями, которым по мере возможностей помогали местные аланы и греки. К концу первой трети IX в. ситуация в стране относительно стабилизировалась в пользу иконоборцев: императоры Лев V (813—820), Михаил II (820—829) и Феофил (829—842) успешно боролись с монахами и иноками. Лев V сумел заставить болгар заключить тридцатилетний мир и дал решительный отпор Аббасидскому халифату в Малой Азии. Михаил II утопил в крови восстание Фомы Славянина, а сын его Феофил чувствовал себя уже настолько уверенным, что издал в 833 г. эдикт о закрытии всех монастырей в населенных пунктах, надеясь навсегда покончить с иконопочитанием и монашеством.

Настало время позаботиться и о крымских колониях. Они уже представляли немалую проблему. В

Юго-Западном Крыму в VIII – начале IX в. сооружается ряд пещерных монастырей (Инкерман, Чильтер, Шулдан, Качи-Кально и др.). Возникли они после массового переселения в Крымскую Готию и Херсонес монахов-иконопочитателей. Одновременно на южном берегу Крыма появляются многочисленные поселения и христианские могильники. Новые жители отдаленной колонии, а также хазарских крымских владений явно не жаловали официальный Константинополь, и распространение там антиправительственных настроений могло повлечь и потерю Крыма для Византии. Тем более что полуостров был желанным не только для империи.

В начале IX в. Русский каганат уже определил свои внешнеполитические цели: контроль над Волго-Балтийским торговым путем, Закавказье, Северное Причерноморье.

У Черного моря, кстати, еще со времен гуннского нашествия остался племенной союз с названием «рос». В конце VIII – начале IX в. эти русы стали все чаще и чаще беспокоить византийские владения Причерноморья. На рубеже VIII – IX вв., по сообщению Жития св. Стефана Сурожского, некий русский «князь» Бравлин, появившийся из Неаполя Скифского, «пленил» южное и восточное побережье Крыма от Херсона до Керчи и напал на Сурож (Судак-Сугдею). Только чудо св. Стефана помогло сурожцам избавиться от оккупантов. Известно, что в тот момент в Сугдее сидел хазарский наместник Юрий Тархан^[449]. Совместные интересы Византии и Хазарии в этом случае видны весьма четко.

Данные топонимики и археологии, как мы выяснили ранее, дают основание говорить о родственности этноса «рос» начала нашей эры русам Подонья. Письменные данные IX в. подтверждают этот тезис. В Орозии короля Альфреда (IX в.) сообщается:

«И эта река Данай (здесь: Дон. – Е.Г.) течет от туда на юг, на запад от алтарей Александра, в (землю) народа Рохоусков»^[450].

Византия в начале IX в.

План святилища-лабиринта.

Обнаружен и интерпретирован А. Т. Синюком и В. Д. Березуким.

Кирпич из Саркела с изображением лабиринта

В этом случает говорится не о Верхнем Доне, а о его низовьях. Название народа имеет явную североиранскую этимологию, а располагаются «рохоуски» там, где в первые века н. э. обитали роксоланы. Автор Жития Георгия Амастидского упоминает о росах как о народе, хорошо известном в Причерноморье: «нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого». Там же говорится о «древнем таврическом избиении иностранцев», сохраняющем силу у причерноморских росов. Прямые аналогии этому обычанию есть в «Худуд аль-алам» и других арабо-персидских сочинениях в цикле о трех городах или видах русов: «Уртаб – город, где любого чужеземца убивают». Это еще одно подтверждение родственности жителей Русского каганата и Северного Причерноморья. Жил «грубый и дикий народ росов» в IX в., по данным византийских хронистов XI – XII вв., «у северного Тавра», то есть у Крымских гор. Судя по всему, русы Подонья и Причерноморья были не только связаны общностью происхождения, но и координировали свою политику.

Нарастающая активность русов в этом регионе создала условия для создания в 30-х годах IX в. византийско-хазарского альянса в области оборонительной политики против русов.

Об этом говорят обстоятельства постройки Саркела, о которых сообщают многие византийские источники: Константин Багрянородный, Георгий Кедрин, «Продолжатель Феофана». Точное время строительства неизвестно, но приблизительно вычислить можно. Согласно Константину, это произошло в правление императора Феофила, то есть не ранее 829 г. и не позднее 842 г. У Кедрина рассказ об этом событии помещен под 834 г., а «Продолжатель Феофана» сразу после этого

упоминает поход Феофила против арабов 837 г. По этим данным можно с уверенностью говорить, что Саркел был построен в первой половине 830-х гг. Официально просьба к Феофилу исходила от кагана и *бека*, значит, иудейский переворот в Хазарии к тому моменту был удачно завершен.

План крепости Саркел (по С. А. Плетневой)

В империи к посланникам степного народа отнеслись с повышенным вниманием. Византии исполнение хазарской просьбы было важно стратегически. Об этом говорит состав отправившихся в Хазарию строителей. Возглавлял миссию очень знатный и влиятельный в империи человек – Петроня Каматир, брат жены Феофила, Феодоры. Кроме того, в экспедиции участвовали представители Пафлагонии, византийской фемы на южном берегу Черного моря.

В целях привлечения сильного союзника в борьбе против Русского каганата Хазария сделала значительную территориальную уступку Византии – империи были отданы Крымская Готия и Херсонес. В источниках это связывается лишь с платой за постройку Саркела^[451]. Однако исследователи не раз обращали внимание на неравноценность такой сделки, что дает возможность предполагать тайное соглашение о *военно-политическом союзе* или, по крайней мере, об обещании благожелательного по отношению к Хазарии нейтралитета. Кроме того, Византия помогала Хазарии и потому, что та была ярым врагом Арабского халифата.

Уже по этим жертвам видно, как были обеспокоены новые хазарские власти быстрым ростом могущества Русского каганата и его союзников. Территориальные уступки в торговой фактории переоценить трудно. Да и Византии, очевидно, легче было договориться с давно знакомыми, прогнозируемыми иудеями, чем с «неведомым» ранее народом. Но расставлять точки над «и», как мы увидим, опытные византийцы не спешили. Им нужно было убедиться, что выигравший в конфликте не будет в состоянии претендовать на господство в Причерноморье.

Гибель Донской Руси

Постройкой Саркела мероприятия Хазарии и Византии против русов не ограничились.

Хазарские земли между Волгой и Нижним Доном были полны кочевавшими там племенами, которые являлись вассалами Хазарии, причем Хазария тратила немало сил на удержание этих племен в подчиненном состоянии, то есть на данной территории. Наиболее сильным, многочисленным и активным среди этих племен были венгры, кочевавшие в Среднем Поволжье и уже продвинувшиеся в Прикубанье. Впрочем, считать их вассалами хазар в полном смысле нельзя.

Устное мадьярское предание хранило память о целом «хазарском» периоде в их истории.

Сведения о кубанской «прадорине» венгров сообщает византийский император середины X в. Константин Багрянородный (местность эта в венгерских сказаниях называлась Леведией). История мадьяр записана у Константина, во-первых, в главе о печенегах:

«Да будет известно, что пачиннакиты сначала имели место своего обитания на реке Атиль, а также на реке Геих (Яик, Урал. – Е.Г.), будучи соседями и хазар, и так называемых узов (гузов. – Е.Г.). Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войной на пачиннакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачиннакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок (так называли византийцы мадьяр. – Е.Г.), победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной... вплоть до сегодня уже в течение пятидесяти лет»^[452].

Тот же император, проявляя поразительную и неслучайную осведомленность в событиях^[453], рассказывает и о прародине венгров, и о военном соглашении между хазарами и венграми, скрепленном женитьбой венгерского вождя на «благородной хазарке», вероятно, иудейского вероисповедания:

«Народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия – по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозвывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведией, течет река Хидмас, которая именуется также Хингулус (сопоставимо с рекой Угру у царя Иосифа и с современной Кубанью. – Е.Г.)... Турук было семь родов, но архонта

над собой, своего или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся названный Леведия. Они жили с хазарами и в течении трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой»^[454].

«Три года», как полагают ученые, это, конечно, порча текста рукописи «Об управлении империей». Скорее всего (это видно и из дальнейших событий), первоначально было «тридцать лет»: в конце VIII – начале IX в., как мы помним, автор «Пределов мира» никаких венгров – мадьяр в Прикубанье не упоминает.

Отношения новое хазарское правительство наладило с мадьярами очень умело, о чем также рассказывает Константин Багрянородный:

«Через некоторое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. По сему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: „Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему“. Отвечая хагану, тот произнес: „Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я не способен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц (Алмуш. – Е.Г.), либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему“. Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычая „закану“ хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сегодня они выдвигают архонта Турции из этого рода».

Курган с ровиком и инвентарь из него (ух. Веселый, по С. А. Плетневой)

Арпад и Алмуц (Алмош) – абсолютно реальные персонажи, известные по другим источникам – «Деяниям венгров» и хроникам королевства Венгрии. Арпад называется одним из семи мадьярских вождей, а Алмо, его отец, считался тем человеком, который вывел мадьяр из Великой Венгрии. Правда, в «Деяниях венгров» Адмош передает власть сыну после вступления на территорию будущего королевства Венгрии. А в другой хронике сообщалось, что Алмош был убит в Трансильвании перед началом обретения мадьярами родины на Среднем Дунае^[455] (у венгров существовал обычай убивать вождей, уже неспособных к управлению).

И хазарские правители в союзе с Византией умело направляют энергию части венгерских кочевников на степи между Доном и Днепром и Северное Причерноморье, то есть на территорию, подвластную русам. Именно мадьярам принадлежат появившиеся во множестве подкурганные с ровиками погребения на восточных границах Русского каганата.

В это время, почувствовав, что несет с собой такой контакт с союзниками-вассалами Хазарии – племенами степной цивилизации, руководство Русского каганата направляет в Византию посольство за помощью, надеясь, что империя, ведущая постоянно двойственную политику, сочтет более выгодным помочь русам. Именно это посольство, отправленное около 837 г., и было принято при дворе германского императора Людовика Благочестивого в 839 г., что и отразили знаменитые Берлинские анналы епископа Пруденция (см. часть I главу 1).

Если рассматривать сообщение анналов в связи с изложенными выше событиями, с учетом того, что это послы Русского каганата с центром на Северском Донце, то разъясняются многие вопросы, намеренно запутанные представителями норманно-хазарской теории в отечественной исторической науке. Становится понятной и сама цель поездки в Византию, и долгий окружной путь послов, обратная дорога которых была отрезана «варварскими племенами» венгров, дошедших к тому времени до Дона и Донца. Константинополь же действительно вел двойственную политику, сталкивая два кагана – та. Византия помогла Хазарии, беспокоясь за свои владения в

Причерноморье, но она, конечно, не была заинтересована в появлении на месте салтовцев хазар. Поэтому посольство «народа рос» было, несмотря на очевидную безрезультатность миссии, принято с почестями.

За время долгого – три года – посольства русов мадьяры, прокочевав между Доном и Днепром, прошли через Киев. В Повести временных лет они оставили о себе лишь краткое воспоминание:

«Идоша Угри мимо Киевъ горою еже ся зоветь ныне Оугорь с кое и прищедъше ко Днепру и сташа вежсами...»^[456]

Но Ибн Русте, информация которого восходит к середине IX в., упоминает о том, что «мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки...». Речь идет о славянах юга Восточно-Европейской равнины, поскольку мадьяр восточный автор локализует в Северном Причерноморье. Очевидно, с этой территории венгры ушли не сразу: о «подвигах» венгров на Днепре подробно, сильно приукрашивая, повествуют «Деяния венгров» – источник XII в. с сочетанием фольклорной и книжной основы, где география славянской Руси времен феодальной раздробленности перенесена на события 830—840-х гг., однако сам путь мадьяр описан точно – от Великой Венгрии в междуречье Камы и Волги через будущую территорию Владимира-Сузdalского княжества в «область русов».

Именно в «Деяниях венгров» сохранились некоторые подробности мадьярского похода на салтовскую Русь, также облеченного в древнерусские реалии XII в. Приведем их с некоторыми сокращениями:

«О Руси... Достили они области русов и, не встретив какого-либо сопротивления, проникли до самого города Киева. А когда проходили через город Киев, переплывая реку Днепр, то захотели подчинить себе королевство русов. Узнав об этом, вожди русов сильно перепугались, ибо услышали, что вождь Алмош... происходит из рода короля Аттилы, которому их предки платили ежегодную дань. Однако киевский князь собрал всех своих вельмож и, посоветовавшись, они решили начать битву с вождем Алмошем... Тот же киевский князь, отправив своих послов, призвал на помощь семь куманских вождей, своих самых верных друзей... (Русы бежали за стены Киева) О мире между вождеми русами. Вождь Алмош... подчинил себе землю русов и, забрав их имения, на вторую неделю пошли на приступ Киева (Русы запросили мира)»^[457].

Описана также и долгая осада столицы русов. Хронист XII в., записавший и приукрасивший устные «Деяния», полагал, что этой столицей был Киев. Но в рассказе фигурирует каменная крепостная стена, которой, конечно, в Киеве тогда не было. На месте Киева в VIII – X вв. существовало три поселения, которые лишь к концу этого времени слились в один город. А первые укрепления Киева – это «Ярославов вал»; более древние не обнаружены. Перенесение знакомых реалий XII в. на события трехвековой давности проявляются и в упоминании куманских (половецких) вождей, поспешивших на помощь русам. Очевидно, в устном оригинале упоминались какие-то кочевники, которых хронист назвал куманами для того, чтобы поддержать интерес читателя. Ведь «Деяния венгров» по жанру – это исторический роман. Такого рода литература была очень популярна в указанное время. Но, приукрашивая и модернизируя события, обработчик все же оставил основную канву событий нетронутой (роман-то исторический, а не «фантастический»).

Кроме того, «Деяния венгров» сообщают о реакции вождей русов на появление мадьяр: «вожди русов сильно перепугались, ибо услышали, что вождь Альмош... происходит из рода Аттилы, которому они платили ежегодную дань». «Испуг» вождей русов – это, конечно, не исторический факт, а скорее литературный прием, призванный прославить мадьярского предводителя. Здесь главное, что хронисту было известно какое-то предание о русах, входивших на правах вассалов еще в Гуннский союз (гунны, по-видимому, были родственны мадьярам).

Далее говорится об обязательстве русов платить мадьярам ежегодную дань (ее размер указан также в реалиях XII в. – 10 000 марок). Однако известно, что примерно в 840—850-х гг. венгры ушли на поиски своей родины дальше, в Ателькюзу – междуречье Днепра и Днестра. Еще к периоду правления в Византии императора Феофила (то есть до 842 г.) относится сообщение о венграх в Хронике Георгия Амартола (точнее, у его продолжателя): болгары в очередном конфликте с Византией обратились к уграм за помощью^[458]. Значит, венгерские орды в немалом количестве уже находились на Дунае. Только оттуда они могли успеть на помощь болгарам. Угры упоминаются и в Житии св. Кирилла (Константина Философа), причем как союзники или даже вассалы хазар. А это уже вторая половина IX в. В это же время угорские племена продолжали уходить на запад. Хорошо знакомые нам Бертинские анналы под 862 г. сообщают, что неведомый дотоле народ угров совершил опустошительный набег на владения Людовика Немецкого^[459]. Таким образом, мадьяры разорили салтовские земли, вынудили русов и славян платить дань, а сами откочевали дальше.

Ежегодная дань, очевидно, предназначалась уже союзнику и сюзерену (согласно словам Константина Багрянородного) венгров – Хазарскому каганату.

И если славянские земли Поднепровья, видимо, сильно не пострадали от незваных гостей, то ядро Русского каганата было опустошено. Основной своей цели Хазария ненадолго, но достигла. Прежде всего перестал существовать «русский» торговый путь – из Сирии и Закавказья по Северскому Донцу, исчезли клады восточных монет по «реке Рус». Куфический дирхем обращаться на этих территориях перестал. Тогда-то и «наидоша Козаре» на русские и славянские земли и наложили дань, переподчинив себе те славянские племена, которые находились под влиянием салтовских русов. На этом и завершается собственно история Русского каганата на Северском Донце, ибо каганатом он уже не являлся.

Глава 3

СУДЬБЫ САЛТОВСКОЙ РУСИ

Вопрос о связи салтовской руси с правящим слоем Древнерусского государства, также как и с названием «Русская земля», является отдельной и весьма запутанной проблемой. Можно ли утверждать, что именно благодаря салтовцам славянское Поднепровье стало называться «Русью»? Ведь летописи ничего не сообщают об этом. Одних археологических данных о смешении русов Подонья со славянами явно недостаточно. Их след должен был остаться и в организации власти, и в культуре Древней Руси. Да и в письменных памятниках должны сохраниться данные о русах с иранскими корнями.

Куда ушла элита?

События 30-х гг. IX в. заметно изменили облик салтовской культуры. Конечно, большая часть населения осталась на своих местах. В начале XII в. летопись знает на Северском Донце ясов (так называли славяне степные сармато-аланские племена – но не самих русов). Очевидно, это и были осевшие на землю асы. Аль-Идриси упоминает о существовании в том же XII в. где-то в Подонье Руссии-турк, и такое представление долго будет держаться в литературной традиции восточных авторов, но у Идриси это скорее воспоминание, чем реальность.

Но часть населения Русского каганата покинула родину, что прослеживается археологически. Прежде всего это сделали род и окружение кагана – иного выхода у них не было. Прекращают пополняться наиболее знатные части катакомбных могильников, исчезают с территории салтовской культуры погребения, совершенные по обряду трупосожжения, и именно во второй четверти IX в. А эти люди занимали далеко не последнее место в социальной структуре Русского племенного суперсоюза. Пропадают и солнечные янтарные амулеты, оберегавшие русов.

Восточнославянские памятники аланского письма на Рязанщине (Х-XI вв.) по Г. Ф. Турчанинову

Куда ушла салтовская элита – неясно. Путь на Днепр был временно отрезан – там обосновались венгры. Конечно, те, кто пришел в славянское Поднепровье раньше, имел там мастерские и уже почти ассимилировался со славянами, остались. Но принять новых беженцев возможности не было. Наиболее безопасным был путь на север, по верховьям Дона и Оке, хорошо знакомый русам по торговым делам.

Люди, оставившие салтовские жилища и трупосожжения, появляются ненадолго на боршевских поселениях, то есть на землях славян Среднего Дона, входивших в Русский каганат. Например, на селища славян на реке Воронеж в середине IX в. появляются салтово-маяцкие жилища (полуземлянки с очагом в центре) и лепная керамика салтовского типа, а также в могильниках – трупосожжения с салтовским керамическим комплексом^[460]. То же явление наблюдается и на славянском городище Титчиха. На Титчихе обнаружены и аланские письмена салтовского типа на сосудах. А. Н. Москаленко, занимавшаяся раскопами Титчихи, не могла понять, почему грубая лепная и круговая салтовская керамика появляется здесь, казалось бы, вдали от известных археологических центров ее производства?^[461] Ведь собственно салтовских гончарных центров здесь не обнаружено. Объяснение может быть одно: русы не долго прожили на этом месте. Не успев создать своего производства, они двинулись дальше. А на время проживания в славянских поселках им хватило тех запасов, что были вывезены из центра каганата, а также той посуды, что

была сделана в домашних условиях женщинами. После мадьярского разорения выбирать не приходилось.

Но все-таки кто-то из салтовцев остался среди славян на более длительный срок и вполне освоился, сумев заняться во – стребованными славянами ремеслами. Возможно, о пребывании там русов свидетельствуют рунические надписи на горшке из погребения у села Алекановка и пряслице из села Борки на Рязанщине, сделанные салтовским письмом по-славянски. Пряслице из славянского селища Борки (в 2 км от современной Рязани) было обнаружено в 1945 г. На пряслице в верхней части по кругу русскими письменами выведено: «908 анзи» (анзи – года), внизу – «918 лъта». Ясно, что авторы и первой, и второй надписи были христианами византийского образца (даты – по византийской христианской эре). Г. Ф. Турчанинов считает, что родным для авторов был один из североирландских диалектов, а не древнерусский язык: славянин написал бы «лъта 918»^[462].

Та же манера письма и культура – в надписи на горшке из погребения, обнаруженного в селе Алекановка, близкого к Боркам. Осенью 1897 г. один из первых профессиональных русских археологов В. А. Городцов при вскрытии погребения нашел глиняный горшок с круговой, сделанной до обжига, надписью из 15 знаков. В 1898 г. ему посчастливилось найти еще два обломка с надписями. Ритуальные сосуды были явно славянскими, как и само погребение. Конечно, это была сенсация: наконец-то мир увидит то самое славянское письмо «без устроения», «черты и резы», о которых писал в X в. Черноризец Храбр! Особенно интересно было, что это женское погребение было христианским, а надписи сделаны не на кириллице. Чаще всего алекановские надписи пытались прочитать как скандинавские руны, но безуспешно. Не получили они прочтения и через тюркское руническое письмо. Граффити на горшке удалось прочитать только Г. Ф. Турчанинову как сармато-аланское письмо: первые восемь букв достоверно читаются как «славутие». Модно трактовать это как имя хозяина горшка. Однако до окончательных выводов еще далеко.

Население Алекановского поселка признается вятическим, и Г. Ф. Турчанинов считает, что славяне переняли аланское письмо^[463]. Алекановские надписи датируются X в., и скорее здесь мы имеем дело с завершением процесса ассимиляции славянами части русов, путь миграции которых шел через Средний и Верхний Дон и Оку.

Другая часть салтовцев этим путем вышла на Волго-Балтийскую магистраль. Какой-то информатор аль-Идриси считал, что Кукийана (центр одного из «видов» русов) находится в Волжской Булгарии, являясь «городом тюрок, именуемых Руса». А под 1229 г. Лаврентьевская летопись упоминает о «Пургасовой Руси» в Среднем Поволжье, которая участвовала в походе мордовского князя на Новгород. Вот это сообщение вместе с предысторией событий:

«В лето 6736 (1228)... Того же месяца (января. – Е.Г.) 14, великий князь Юрий и Ярослав... пошли на морду: и муромский князь Юрий Давыдович, вступив в землю мордовскую, в Пургасову волость, пожег и потравил хлеб, побил скот и отоспал к себе полон, а мордва бежала в свои леса... А болгарский князь (Волжской Булгарии. – Е.Г.) пришел на Пуреша, союзника Юрия, и, услышав, что великий князь Юрий жаждет села мордовские, бежал прочь...»

«В лето 6737 (1229), в апреле пришла мордва с Пургасом к Новгороду, и отбились от них новгородцы; они же зажгли монастырь святой Богородицы и церковь, захватив много убитых. В то же лето Пурешев сын с половцами победил Пургаса, и перебил всю морду и Русь Пургасову, а Пургас едва бежал с малым отрядом...»^[465]

Из текста летописи совершенно ясно, что «Пургасова Русь» к русским княжествам отношения не имела. Иначе бы летописец пояснил, что заставило русских участвовать в набегах против своих соотечественников. Это какой-то этнос, носивший имя «русь», но совершенно обособленный. Также очевидно, что читателям XIII в. не нужно было пояснить, кто это такие.

В. В. Седов связывает «Пургасову Русь» с потомками именьковского населения^[466], но этноним «русы» по отношению к именьковской культуре IV – VII вв. не зафиксирован ни в одном источнике. Были ли это салтовские русы – покажут археологические раскопки. А Волжский путь выводил мигрантов на берега Балтийского моря, с населением которого у русов были давние торговые контакты.

Аланы на Балтике: неожиданный поворот

Следы аланской руси встречаются в письменных источниках, рассказывающих о южном побережье Балтийского моря (к сожалению, на этих землях не проводилось до сих пор серьезных археологических раскопок). Ведь салтовские русы были активными участниками торговли по

Волго-Балтийскому пути и по магистрали по реке Рус на юго-восточный берег Балтики, амулеты русов изготавливались из балтийского чистого янтаря. Показательно, что этот янтарь поступал в распоряжение киевских ремесленников в конце X – XI вв., когда сквозного пути по реке Рус уже не существовало, сохранилась лишь западная его часть.

В посольстве Русского каганата в Византию в 837—839 гг., по свидетельству Бертинских анналов, были представители свеонов, которых император, «*сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока неудастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет*».

Из рассказа епископа Пруденция видно, что своены, в отличие от русов с хаканом во главе, были франкам неплохо известны. Жили они недалеко от границ Франской империи, не были ее союзниками или вассалами, что дало Людовику основания подозревать в них шпионов и задержать до выяснения обстоятельств (то есть были ли в действительности эти свеоны из Русского каганата, либо же из соседней с франками страны).

Свеоны известны были еще во времена римского историка Тацита (II в. н. э.). Тогда это было не большое островное племя, обитавшее в Балтийском море. Тацит сообщает, что «общины свионов обитают среди самого Океана (Балтийского моря. – Е.Г.)» и отличает их от свебов («шведов»), живших тогда на северо-востоке Германии. Уже тогда у свеонов были сильные дружины и хороший флот.

Многие ученые, считая свеонов и свевов-скандинавов одним народом, доказывают так скандинавское происхождение племени «русь». Но свеоны – это особое балтийское племя, занимавшееся торговлей на Волго-Балтийском пути и военными набегами на берега Балтики. Свебы-шведы появляются на другом берегу моря, в современной Швеции, уже в эпоху Великого переселения народов, то есть через четыре века после Тацита.

Но почти за тысячелетие от первого упоминания свеонов до написания Бертинских анналов этот народ, как и многие другие, растворился среди этносов побережья Балтики, в основном славян. В представлении французских хронистов начала IX в. свеонами являлись, очевидно, все народы, обитавшие на Балтийском море.

О тесных контактах салтовских русов с жителями Южной и Юго-Восточной Прибалтики хорошо известно и по археологическим данным. Вполне вероятно, что на ободритской и прусской землях имелись уже русские колонии, куда могли и направиться русы с Северского Донца и Дона.

Большинство сообщений письменных источников об аланах или роксоланах на Балтике связаны именно с юго-востоком (точнее – областью между Неманом и Вислой), начиная с Географа Раввенского конца VII в.

Анонимная «Космография» (то есть описание мира), созданная около 700 г. в Раввене, – один из интереснейших па – мятников географической мысли Запада. В особенности уникальны ее сведения о северо-востоке Европы. Обычно «достижения» западных ученых того времени в описании этих мест сводились к пересказу Геродота и Плиния. Неизвестный географ из Равенны воспользовался не только информацией тысячелетней давности, но и внимательно проштудировал готских авторов, и не только Иордана и Кассиодора, но и недошедшие до нас сочинения. Поэтому «свежие» данные раввенца относятся к периоду от IV до конца VII вв. В «Космографии» говорится, что страна роксоланов находится около Океана (то есть Балтийского моря) и через нее протекает река Вистула (Висла)^[467].

Балтийское Поморье раннего средневековья

Согласно прусским летописям, в IV в. н. э. роксоланы оби – тали у Балтийского моря между Вислой и Неманом. Также прусские хронисты сообщают, что «*аланы вышли из Пруссии и Samojeden и могли быть племенем вандалов*»^[468]. Прусский летописец епископ Христиан и пользовавшийся его хроникой Лука Давид писали о южно-балтийских роксоланах как соседях пруссов, помогавших «их врагам мазурам в войне, последовавшей после пришествия мнимых готов в Прусию...». Почитают этих роксолан не за готов, а за руссов (Reussen. – Е.Г.)»^[469]. Адам Бременский (XI в.) упоминает на восточном берегу Балтики алан, которые сами себя называли Wizzi, тюрок (Turci) и русов (Ruzzos). Причем Адам знает как руссов в привычном нам понимании – жителей Киевской Руси, «королем» которой был Ярослав Мудрый, так и другое племя с таким же названием, но живущее на юго-востоке Балтийского моря. Вот несколько отрывков из его «Деяний архиепископов

Гамбургской церкви»:

«Болеслав, христианнейший король, в союзе с Оттоном III подчинил всю Славинию, Руссию и пруссов...»

Конечно, можно пойти по простому пути и решить, что речь идет о нападении польского короля Болеслава I Храброго (992—1025) на Ярослава Мудрого в союзе со Святополком Окаянным в 1018 г., что зафиксировано в Повести временных лет. Так и поступил один из переводчиков «Деяний» М. Б. Свердлов ^[470]. Но во-первых, ни о каком *подчинении* Руси в 1018 г. речь идти не могла (русичи изгнали поляков). Во-вторых, у Адама союзником Болеслава назван германский император Оттон III, умерший в 1002 г., то есть задолго до похода на Киевскую Русь. Хорошие контакты с Германией Болеславу удалось наладить в 1000 г. при встрече с Оттоном в Гнезно. А после вступления на имперский престол Генриха II (1002 г.) польско-германские отношения резко и надолго ухудшились. То есть захват Русии мог произойти в период с 1000 по 1002 г. В русских летописях сообщений об этом нет, поэтому речь у Адама шла о другой Руси. О какой?

Н. С. Трухачев, считавший, что именем «русь» мы обязаны балтийским славянам, думал, что Болеслав и Оттон III взяли остров Рюген ^[471]. Но и это невозможно. Остров Рюген, место обитания племени ругов (ран, руян), входил в Балтийскую Славонию. Раны называются Адамом Бременским своим именем. Он считает их «наиболее храбрым народом из склавов (славян. – Е.Г.)». У Адама упомянутая Руссия отличается от земель балтийских славян и расположена между Славонией и Пруссиею, то есть там, где Раввенский аноним помещал роксолан.

В Восточной Прибалтике, рядом с «турками», мифическими амазонками и песьеголовыми бременский хронист и его комментатор, живший позднее, помещают алан:

«Если возвращаться с севера к устью Балтийского моря, первыми встречаются норманны, затем выступает Скония, область данов, над ней на обширных пространствах обитают готы вплоть до Бирки. Затем на значительной территории царят свеноны (в это время свеноны по созвучию уже шведы. – Е.Г.) вплоть до земли женщин. Над ними, как говорят, живут Wizzi, мири, скуты и турки вплоть до Руссии (здесь – Киевская Русь. – Е.Г.)...»

На этом море есть и другие многочисленные острова, все полные свирепых варваров, и по этой причине мореплаватели их избегают. Говорят, что в близи от этих берегов Балтийского моря находятся амazonки... Говорят некоторые, что они зачинают детей, проглатив глоток воды. Говорят также, что они становятся беременными от проезжих купцов или от тех, которые находятся у них в плену... И когда дело доходит до родов, то мужского пола рождаются песье головые, а женского – прекраснейшие женщины... Песьеголовые – те, которые имеют голову на груди. В Руссии их часто берут в плен, и они лают словами. **Там есть также те, которые называются аланы или албаны, которые на их языке называются WIZZI, жесточайшие амброны. Они рождаются с седыми волосами...**»^[472]

Таким образом, у Адама Бременского упоминаются два народа, которых можно назвать по происхождению северными иранцами. Во-первых, это руссы, жившие между Пруссией и Славонией, известные еще Раввенскому анониму и прусским хроникам. Во-вторых, это аланы у восточного берега Балтийского моря рядом с финскими (мири – меря, ламы) и кельтскими (скуты – скотты, амброны) племенами. Причем аланы Адама Бременского живут именно около берега (очевидно, на каких-то островах), а не на побережье.

По мнению А. Г. Кузьмина, есть все основания связывать алан, русов и тюрков Адама с Руссией-турк восточной традиции, а значит – с салтовцами. Выдающийся ученый не без основания считает, что именно страну русов-алан знали скандинавские саги как «Хольмгард» (Holmgardr).

С этим названием связано немало интересных и запутанных моментов. Более 100 раз встречается оно во всех видах древних скандинавских источников, впервые – в рунической надписи начала XI в. Именно там, по словам северных сказителей, правили русские князья («конунги») Вальдемар и Ярицлейв, то есть Владимир Святой и Ярослав Мудрый. В Саге об Олаве Трюггвасоне, где встречается одно из первых упоминаний «Русии», в Хольмгарде княжит Вальдемар, а события должны относиться к концу X в. Но странно, что основные действия связаны с Виком – областью, которая платит князю Хольмгарда дань. О подчинении же Вика древнерусским князьям ничего не известно.

Обычно с Хольмгардом отождествляют древнерусский Новгород. Известно, что и Владимир и Ярослав были новгородскими князьями. Но при более внимательном прочтении источников оказывается, что название «Хольмгард» просто перенесено на Новгород, потому что правители Новгорода конца X – начала XI в. звались русами. Раньше под Хольмгардом у скандинавов подразумевалось совсем другое место.

Первый компонент слова – это германское *хольм* («остров»). Второй, *гард*, во многих индоевропейских языках, в том числе и кельтском, который оказал значительное влияние на скандинавские диалекты, – «сад», «огороженное место». Таким образом, получается «огороженный остров», «остров-крепость».

Название Wizzi A. Г. Кузьмин сопоставляет с известной областью Вик на востоке Прибалтики, расположенной напротив острова Сааремаа. Именно Вик упоминается во многих сагах рядом с Хольмгардом. Ученый делает вывод о тождестве Сааремаа и Хольмгарда^[473]. Казалось бы, одна из областей аланской Руси на Балтике найдена. Но, к сожалению, серьезных раскопок на острове до сих пор не проводилось, а без археологических данных любое предположение нельзя считать доказанным.

Но обращение к германским и скандинавским источникам еще раз опровергает норманнскую теорию о скандинавском происхождении русов. В сагах «русь» никогда не помещалась в Швеции.

В поисках салтовских русов помогают и исторические разыскания великого русского ученого М. В. Ломоносова. В своей «Древней российской истории» он пересказывает неизвестный, к сожалению, нам источник, который он именует «Преторием»:

«Алане были смешаны с курляндцами... А как сей народ на помянутом месте размножился, произошли великие споры. Для прекращения оных выбран королем Видевит или Вейдевутизалан... Вейдевут принял на себя чин верховного жреца... Таковое превращение аланволжских, то есть россан или россов к Балтийскому морю происходило не в один раз...»^[474]

«Курляндцы» – это, конечно, название времен Ломоносова. Имеются в виду литовские племена курши и земгалы, обитавшие в южной и западной Латвии. Позднее, в XVI в., на их землях образовалось Курляндское герцогство. Источник Ломоносова – одна из многочисленных поздних прусских хроник, которые использовал и Бухгольц, и другие издатели XVIII в. Важно, что у М. В. Ломоносова была информация, по которой он смог проследить путь алан – россан (то есть салтовских русов) от Волги до Балтики, причем именно до юго-восточного берега, где и раньше знали роксолан.

Не исключено, что к аланской Руси на Балтике принадлежали киевские князья – Олег Вещий и Игорь. По крайней мере, ближайшей лингвистической параллелью к имени *Олег* является вовсе не «норманнское» *Хельгу*, а иранское *Халег*. Немало иранских имён упоминается и в договорах Руси с греками времен Олега и Игоря, о чем подробнее скажем ниже. Кроме этого, в X – начале XI в. Киев еще сохранил доставшиеся в наследство от Русского каганата торговые связи с южным побережьем Балтийского моря: янтарные украшения в Киеве тогда изготавливались из светлого балтийского янтаря, тогда как с XII в. стали использоваться уже темные местные сорта.

«Русские» названия днепровских порогов и салтовцы

Не исключено, что часть русов осталась в Днепровском Надпорожье, где и раньше были салтовские ремесленные поселения. Существование их там по меньшей мере до X в. подтверждают археологи. Кроме того, «русские» названия Днепровских порогов у знатока истории Восточной Европы Константина Багрянородного имеют явные осетинские параллели. Византийский император в одной из глав «Об управлении империей» подробно рассказал о пути киевских русов от Среднего Днепра до Черного моря и остановился на названиях Днепровских порогов, приведя и славянские и русские названия. Долгое время норманисты считали русские имена Днепровских порогов одним из главных своих «столпов»: «русское» здесь явно не славянское, так каким же ему быть, если не скандинавским! Однако из германских языков названия порогов объяснялись только после натяжек и исправлений.

У Константина о Днепровских порогах сказано следующее:

«И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они (росы. – Е.Г.) спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом (пактиот – союзник, иногда вассал. – Е.Г.) росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединяются все моноксилы (лодки, выдолбленные из цельного дерева. – Е.Г.), тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-русски по-славянски «Нести». Порог (этот) столь же узок, как пространство циканистрия^[475], а по середине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие на подобие островков. Поэтому на бегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь от туда вниз, издает громкий и страшный гул. В виду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на суши, а прочие веши оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами (дно, волокутых),

чтобы не на толкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие по середине, а третые у кормы, толкая (ее) шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски **Ульврси**, а по-славянски **Остров унипрах**, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый **Геландри**, что по-славянски означает «Шум порога», а затем также – четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски **Аифор**, по-славянски же **Неасит**, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов.

А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски **Варуфорос**, а по-славянски **Вулнипрах**, ибо оно бразует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как напервом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски **Леанди**, а по-славянски **Веручи**, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски **Струкун**, а по-славянски **Нарези**, что переводится как «Малый порог».

Известно, что эти названия не объясняются ни в славянских, ни в германо-скандинавских языках. Например, Эссупи обозначает «не спи», а именно в иранских языках первая гласная – отрицание (сам корень – индоевропейский). Сейчас этот порог называется «Будило».

Название второго порога, Ульврси, без поправок переводится из скифо-иранских наречий как «порог-ограждение». Это соответствует переводу Константина Багрянородного «порог – остров».

Название третьего порога, Геландри, император считает славянским, а русского не приводит. Но в славянских языках такого слова, которое означало бы «шум порога», нет. Поэтому считается, что название русское, просто Порфирогенет перепутал – и русский, и славянский языки ему, конечно, знакомы не были. Норманисты предлагают скандинавское объяснение: *Gelandi* – «шумящий». Это единственная германская этимология, которая точно соответствует названию. Но ему не уступает и североиранская. В осетинском *gaelaes* – «голос», *dwar* – «двери», «порог».

Четвертый порог по-русски именовался *Айфор*, по-славянски *Неясыть*. Константин, точнее, его информатор, объясняет название тем, что здесь якобы гнездились пеликаны. Но в Надпорожье пеликанов никогда не было, а в древнерусском языке «неясыть» – это просто ненасытная, прожорливая птица, без обозначения вида. Главное в комментарии Константина – что там располагались птичьи гнездовья. Из скандинавских языков *Айфор* в значении «место гнездовий» никак не объясняется. В осетинском же языке *Aj* – «яйцо», *fors* – «порог».

Пятое название, *Валуфорос*, должно отражать имеющуюся при пороге большую заводь, как и поясняет Константин. То же значит и славянское название (Вулнипраг – «Вольный порог»). Норманисты толкуют первую основу от *Baru* – «волна», а вторую от *fors* – «водопад». Но эта этимология явно не соответствует словам византийского императора. А общеиранское *vargu* – «широкий», *fors* – порог, что точно соответствует комментарию источника.

Шестой порог русы именовали *Леанти*, а славяне *Веручи*, что должно обозначать «кипение воды» (то есть в отношении к порогу – очень быстрое движение). Скандинавоманы удовлетворительную версию предложить не могут. В осетинском же *lejun* – «бежать». Это соответствует значению, указанному в византийском сочинении.

Наконец, седьмое название, по словам Константина, должно переводиться как «малый порог». Здесь также отсутствует норманская этимология. В североиранских языках *Sturkon* – «небольшой»^[476].

Все эти данные не только прекрасно согласуются с иранским происхождением русов. Чтобы появились такие устоявшиеся названия порогов, их авторы должны либо жить вблизи их, либо постоянно ими пользоваться. Причем говорить эти люди должны были не на славянском языке. Путь по Днепру, описанный у Константина, заработал лишь в конце IX – началу X в. Русы, оставшиеся в Киеве, к этому времени уже ассимилировались славянами, о чем ясно говорят археологические данные. Так что в византийском источнике речь идет, скорее всего, о тех, кто жил в Северном Причерноморье и еще не забыл родную речь.

Наследие Русского каганата в договорах Олега и Игоря

Древнерусское государство и восточнославянское общество долго еще сохраняли связи и традиции, оставшиеся от сармато-аланских русов. Относится к ним и связь с Причерноморьем, которое до начала XI в. не несет следов присутствия славян, но почему-то и в X в. признается сферой интересов русских князей.

Много ценной информации сохранилось в договорах киевских князей Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг. Договоры были заключены после походов князей на Константинополь, удачного для Олега (знаменитый щит на вратах Царь-града) и провального для его воспитанника. Оба договора были вставлены в Повесть временных лет одним из летописцев начала XII в. Новгородские летописи, которые использовали киевское летописание только до 1115 г., договоров не знают. Русские оригиналы сохранились плохо, и договор 944 г. пришлось переводить с греческого и вписывать по двум вариантам – русскому и византийскому. Ценно то, что это подлинные, не отредактированные кем-то в свою пользу документы. По ним можно делать выводы о составе правящего слоя – «рода русского» в первой половине X в., о его политических интересах. К сожалению, другие данные Начальной летописи об этом времени не раз исправлены, полны противоречий и не заслуживают подобного доверия. Например, о кончине князя Олега в летописи сохранились три версии: могила на Щековице в Киеве, могила в Ладоге и смерть от укуса змеи «за морем».

Особенно интересен договор Игоря, в котором перечислены имена многих русских вельмож и купцов. Большинство этих имен явно не славянские:

«Мы от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянника Игоря, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн от Сфандры, жены Улеба, Прастен от Тудора, ЛибиарФастов, Гром Сфириков, Прастен от Акуна, племянника Игорева, Кары Тудков, Каршев Тудоров, Егри Евлисков, Воист Воиков, Истр Аминодов, Прастен Тернов, Ятвяг Гунарев, Шибрид от Алдана, Кол Клеков, Стегги Этонов, Сфирика... (имя человека, пославшего Сфирику, утрачено. – Е.Г.), Алвад Гудов, Фудри Туадов, Мутур Утин; купцы: Адунь, Адулб, Игги влад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моны, Руальд, Свенъ, Стир, Алдан, Тилен, Апубксарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всего княжья, и от всех людей Русской земли...»^[477]

С одной стороны, договор ясно свидетельствует, что русы Игоря говорили по-славянски. Но славянские имена (Святослав, Володислав, Предслава) – только у членов княжеского дома. Среди остальных имен выделяется ряд бесспорно иранских, связанных с наследием салтовских русов: *Сфандра* (от имени героя популярного иранского эпоса, также «Эсфанд» – название 12-го месяца в иранском календаре), *Прастен* (вариант – *Фуростен*, *Фрастен*), *Фрутан* («скромный»), *Алвад*, *Мутур* (от «мохтар» – высший, главный), *Стир*, *Истр*, *Гунастр*, *Алдан*, *Туробид*^[478]. *Фрастен* в разных вариациях вообще оказывается самым популярным именем среди послов и купцов – употребляется пять раз!

Остальные имена находят параллели в других индоевропейских (и не только) языках. *Егри*, *Уто* (вельможа, которого в Византии представлял Мутур), *Кол*, *Гуды* – это имена венедо-иллирийской группы, распространенные в Средние века на Балканах. Имена с основой *фаст* были популярны в VIII – X вв. у племени фризов, обитавшего на берегу Северного моря. Они же часто использовали имя *Гримм*. Имена *Роальд*, *Шихберн*, *Куци*, *Моны* имеют кельтскую основу^[479].

В числе «русских» имен из договора Игоря выделены и чудские (финно-угорские, эстонские) антропонимы: *Каницар*, *Искусеви*, *Апубксарь*^[480]. Эти имена употреблялись и в области Вик, уже упоминавшейся в связи с проблемой русов на Балтике. Есть основания считать финно-угорским и имя русского князя Игоря. Обычно это имя производится от скандинавского *Ингвар*, однако оказывается, что последнее было заимствовано скандинавами во время Великого переселения народов. Корень *Инг* в уральских языках обозначает «господин», «старший». Западноевропейские источники называют Игоря *Ингером* и никогда – Ингваром, хотя это имя им было хорошо знакомо. В Древнюю Русь имя *Ингвар* попало, судя по летописям, в конце XII в. и никогда не смешивалось с *Игорем*^[481].

Многие другие имена из этого договора еще ждут своего объяснения. Но уже очевидно, что доминирующими в киевской элите первой половины X в. были три этнических компонента: салтовско-причерноморский, прибалтийский и дунайско-балканский. То есть потомки создателей

Русского каганата уживались с совершенно другими народами. И даже не просто уживались. Все они составляли один «род русский». В договоре совершенно отсутствует разделение правящей верхушки по этническому принципу: «иранцы» перемешаны с «кельтами», «эстонцами», «иллирийцами». Сфандра доверяет представлять свои интересы перед греками Шихберну, княгиня Ольга – Искусеви, а Предслава – Каницару. По замечанию А. С. Королева, изучающего международные отношения на Руси X в., «если бы знать договора сохраняла связь с теми местами, откуда она происходила, то имена в договоре располагались бы по этническим группам»^[482]. То есть, судя по договору, в середине X в. слова «род русский» носили уже не этническую, а социальную окраску. К этому важному выводу мы вернемся чуть ниже, а пока продолжим чтение договоров. Действительно ли терялась связь дружинников и купцов с родиной предков?

Принципиально значимо, что в византийских источниках X в. русы североирландских корней с «Боспора Киммерийского» (Керченского пролива), родственные салтовцам, отождествляются с Киевской Русью. На киевских русов переносится название «скифы», «тавроскифы». Осведомленные византийцы не могли просто путать постоянно разноэтнические племена, тем более Константинополь уже имел тесные торговые контакты и с тем, и с другим народом. Договоры же Олега и Игоря показывают, что русы черноморские и киевские не только сотрудничали, но и считали свои интересы едиными.

Еще в договоре Олега с Византией Русская земля упоминается как возможное место гибели греческих судов, что предполагает Причерноморье. Здесь же можно вспомнить и упоминание о «Корсунской стране» (то есть о крымских колониях Византии) в договоре Игоря с греками. Игорю вменяется в обязанность, с одной стороны, не покушаться на греков, а с другой – защищать их крымские поселения от внешней угрозы:

«И о Корсунской стране. Да не должен князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать (обороняя корсунян), – дам ему, сколько ему будет нужно. И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-то возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство, то будет обвинен по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла. И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и усвятого Елферья, а с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь. И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то повелеваем князю русскому, дабы не пускал их, иначе причинят зло и его стране»^[483].

Судя по тексту, с одной стороны, некие русы должны отправляться из Византии «по домам» вверх по Днепру, после поражения в походе теряя право останавливаться в устье Днепра и на острове Св. Эферия (обычно отождествляется с островом Березань или западной частью Кинбургского полуострова, которая в те времена была островом). Это путь киевских русов, описанный Константином Багрянородным.

С другой стороны, какие-то русы могут не пустить черных болгар в крымские колонии Византии. Причем в отличие от устья Днепра, права русов на эту территорию даже после провального похода Игоря византийцы не оспаривают. Черные болгары обитали тогда в Прикубанье и Восточном Приазовье. Эти булгары давно, со времен распада Великой Булгарии, были вассалами Хазарии. Между ними и крымскими греками находился только Керченский полуостров. И здесь возникают поразительные параллели с данными Константина Багрянородного, также относящимися к X в.:

«Когда властодержец Алании с хазарами не в мире, а предпочитает дружбу императора Армеев, то хазарам – если они не захотят также пребывать с императором в дружбе и мире – он может наделать весьма много зла, закрывая им путь и нападая на них внезапно, при проезде их в Саркел или в климаты или в Херсон...

И если только этот князь озабочится преградить им путь (ср. в договоре Игоря «дабы не пускал их». – Е.Г.), то глубокий мир водворится в Херсоне и в климатах...»^[484]

Таким образом, владетель Алании у Константина и «князь русский» договоров – одно и то же лицо, правитель Причерноморской Руси, хозяин Боспора Киммерийского. Значит, права Руси на причерноморские территории признавались Византией, и права давние, «родовые», связанные с русами начала IX в.

Русские письмена в Житии св. Кирилла

Вообще проблема Причерноморской Руси, к сожалению, мало исследована, да и археологический материал недостаточен. Можно лишь констатировать, что за время, прошедшее с Великого переселения народов, произошла взаимная ассимиляция части североиранского населения и этноса с «дунайскими» традициями, в котором одни видят готов, другие – ругов. Эти дунайские элементы «наследили» в Крыму и Причерноморье, оставив в погребениях V – VI вв. пальчатые фибулы, похожие на пастырские («антские»), но не идентичные им.

Не исключено, однако, что именно о салтовской сармато-аланской руси имеется сообщение в Житии св. Кирилла, в главе о его миссии в Хазарию в 861—862 гг:

«Пришли же к цесарю послы от хазар, говоря: „От начала знаем лишь единого Бога, который стоит над всеми, и Ему кланяемся на восток, в остальном держась своих постыдных обычаев. Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины, предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру, говоря: „Наша вера – лучшая среди всех народов“. Из-за этого посылаем к вам, (вспоминая) старую дружбу и сохраняя взаимную любовь, ибо вы – великий народ, о Бога царство держите. Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру“.

Тогда стал искать цесарь Философа и, когда нашел его, рассказал ему о хазарском деле, говоря: «Иди, Философ, к людям тем...» (...)

Тогда же пустился в путь и, когда дошел до Херсона, научился здесь еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание.

Жил там некий самаритянин и, приходя к нему, беседовал с ним, и принес самаритянские книги, и показал ему.

И выпросив их у него, Философ затворился и отдался молитве, и, приняв знание от Бога, начал читать (эти) книги без ошибок. Увидев это, самаритянин возопил великим гласом и сказал: «Во истину те, кто веруют в Христа, скоро и Дух Святой и благодать обретают». А когда сын его вскоре крестился, тогда он и сам крестился после него.

Нашел же здесь Евангелие и Псалтырь, написанные **русскими письменами**, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы согласные и гласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога»^[485].

Житие св. Кирилла написано, как установлено, одним из его современников или ближайших учеников. Поэтому такому сообщению вполне можно и нужно доверять. Из приведенных слов биографа, который мог быть и свидетелем описанных выше событий или мог слышать о них от самого Кирилла, очевидно, что еще до обретения моравскими славянами азбуки от святых братьев существовали какие-то русские письмена и русские книги – Евангелие и Псалтырь. Значит, в середине IX в. у древних русов не только была своя письменность – они уже были христианами. Очевидно также, что русы Жития этнически не славяне – славянские языки Кирилл знал прекрасно.

Этот сюжет вызвал немалые затруднения в интерпретации и длительную научную дискуссию. Особую популярность получила версия об ошибке переписчика, что якобы в оригинале было написано «сурские» письмена, то есть сирийские. Но в те времена сирийской общины в Крыму не было, а автор жития говорит только о народах, постоянно проживавших в Крыму.

Другие считали русов норманнами и утверждали, что биограф Кирилла русами мог назвать живших в Тавриде готов, чей язык «похож» на норманнский. Но ученик и сподвижник Кирилла был прекрасно осведомлен о существовании племени готов, и в XVI главе Жития готы упоминаются среди народов, имеющих свое письмо.

Н. К. Никольский предложил версию о «русских письменах» жития как глаголице^[486], имеющую логическое продолжение в отождествлении русов с дунайскими ругами. Руги, жишие на Дунае, уже в V в. исповедовали арианство (течение в христианстве, согласно которому Бог-Сын не равен Богу-Отцу, а лишь подобен Ему). Поскольку еще в 325 г. на Вселенском соборе арианство было объявлено ересью и потом преследовалось, поэтому арианам для записи богослужения потребовалась тайнопись. Именно арианской тайнописью, по мнению многих ученых, и была изначально глаголица – система письменности, именовавшаяся «русским письмом» в южно – и западнославянских землях в XII – XV вв. Первоначально глаголица не была славянским письмом, и для ее приспособления к славянской речи потребовалось введение дополнительных букв. Также глаголицу часто называли «готским» письмом. То есть выражение «русское письмо» здесь носит религиозный смысл (как алфавит неортодоксальных христиан). А в Житии Кирилла «русские» – это явно этническая принадлежность, а не религиозная. Суть именно в том, что народ русов имел свою письменность и знал христианство. Кроме того, следы ругов в IX в. в Крыму не обнаружены

археологически.

Вспомним, что «русские письмена» в Житии Кирилла упоминаются в одном ряду с труднодоступными восточными языками и системами письма, которыми тяжело овладеть европейцу. Видимо, восточной была и система письма увиденного Константином Евангелия. Тем более что Кириллу пришлось различать «буквы гласные и согласные», сравнивая с греческим языком. А лишь в семитических алфавитах гласные обозначались огласовками. Потому в принципе можно принять точку зрения Г. Ф. Турчанинова на «русские письмена» жития как систему письма сармато-алан Подонья и предположить возможность миграции части населения Русского каганата в Причерноморье и Крым. Тем более что роксоланы жили там и раньше, и часть их, по всей видимости, оставалась и до Средневековья.

Указанием на эту локализацию, возможно, являются сообщения о русах арабо-персидской географии, восходящие ко второй половине IX в. («Анонимной записке»). Не исключено, что именно Керченский полуостров – это тот самый «остров русов», куда мигрировали многие жители Русского каганата после войны с мадьяро-хазарской коалицией. Тем более что активность русов на Черном море во второй половине IX в. после некоторого затишья резко возрастает. Это заметно по сочинениям константинопольского патриарха Фотия, фрагмент из которых уже приводился в части 1 главе 1.

Русы вновь заявили о себе как о политической силе, с ко – торой нужно считаться. Но располагалась эта сила уже в другом месте, в Северном Причерноморье. Что-то более конкретное сказать о причерноморских русах нельзя: для этого необходимы немалые дополнительные исследования. Тема эта, особенно связь Руси Причерноморской и Киевской, достойна отдельной книги.

«...Отмстить неразумным хазарам»

Широко известен сюжет Начальной летописи о «родиче» Рюрика Олеге, которому тот, умирая в Новгороде в 879 г., передал княжение и сына своего Игоря. Потом Олег собрал войско, спустился по пути из варяг в греки в Среднее Поднепровье, попутно подчиняя себе города и племена, и хитростью захватил Киев, убив «незаконных» его правителей Аскольда и Дира. После этого он сел в Киеве, являясь регентом при малолетнем Игоре.

Но еще в XIX в. учеными были отмечены странности изложенной выше истории. Во-первых, это редкое многообразие «могил» Олега и версий его смерти, обозначенных в Повести временных лет. И позднее в Киеве приезжим показывали две могилы Олега – на Щековицах и у Западных ворот. Значит, основания для этого были. Во-вторых, слишком неестественна приведенная в Начальной летописи генеалогия от Рюрика до Святослава. Рюрик, по летописи, умер в 879 г., а его внук Святослав, сын Ольги и Игоря, родился в 942 г. В той же летописи под 903 г. сообщается о женитьбе Игоря на Ольге. Таким образом, Рюрик перед смертью производит единственного наследника – Игоря. У Игоря за три года до трагической смерти в Древлянской земле (945 г.) рождается опять-таки единственный наследник Святослав. При этом детей у них с Ольгой не было в течение 39 лет брака, а Ольге в 945 г. было около 60 лет! В этом почтенном возрасте ее хочет взять в жены древлянский князь Мал. Потом Ольга изощренно мстит древлянам за убийство мужа. Причем далее летописец сообщает, что когда Ольга в 956 г. ездила в Константинополь, ее красотой прельстился император Константин Багрянородный. То есть Ольга в событиях 940—950-х гг. явно представлена как молодая, привлекательная, энергичная женщина. Да и Игорь не выглядит старцем.

Очевидно, что в генеалогии «Рюриковичей» недостает по меньшей мере одного звена. И эту лакуну всячески пытались скрыть. Зачем? Ответ очевиден: чтобы привязать киевскую династию к правившему когда-то в Новгороде Рюрику. Согласно обширным и подробным генеалогиям балтийских славян, Рюрик и его братья принадлежали к очень древнему и именитому роду ободритских королей и князей. Конечно, киевскому княжескому дому конца X – XI вв., после перемещения центра тяжести внешней политики в Европу, было выгодно объявить себя потомками известного на Западе рода. Именно поэтому Игорь, Олег и даже киевские правители Аскольд и Дир называются варягами, коими, по всей видимости, не были. Эта версия происхождения киевской династии – довольно поздняя по сравнению с другими, остатки которых сохранились в летописи.

По другой причине летописцы, особенно новгородские, стремятся лишить Олега княжеского достоинства и представить его «воеводой» Игоря. Сей вымысел был нужен, чтобы представить родоначальником династии самого Игоря. В Новгородской первой летописи Олег вообще второе лицо в государстве: Киев захватывает не он, а Игорь, поход на Византию совершается совместно с

Игорем, причем не в 912, а 922 г. Очевидно, что если применяются такие подлоги, власть «основателем» династии была захвачена самым незаконным путем. Обстоятельства этого захвата проясняет сохранившийся независимый источник – богемские хроники. Оказывается, Игорь был племянником киевского князя Олега Вещего, у которого был прямой наследник, сын Олег. Именно он после смерти отца совершил поход на Византию в 922 г. Игорь силой захватил киевский стол, выгнал двоюродного брата, и тот вынужден был скрыться в Моравии^[487].

Славянские объединения в IX в. (до 882 г.) 1 – материалы волынцевского типа

Таким образом, ничто не говорит о варяжском происхождении Олега Вещего. Напротив, и его, и Игорев договоры с греками свидетельствуют об их тесных связях с Северным Причерноморьем и аланская Русью.

Интересно и то, что первым делом Олега Вещего, согласно Повести временных лет, было выяснение отношений с хазарами:

«В лето 6392 (884). Пошел Олег на северян (потомки племен волынцевской культуры, входивших в стратегический союз с Русским каганатом. – Е.Г.), и победил их, и возложил на них легкую дань, и освободил их от дани хазарам, сказав: „Я им противник, а вам – незачем. В лето 6393 (885). Послал крадимичам (тоже потомки славян Русского каганата. – Е.Г.), спрашивая: „Кому дань даете?“ Они же ответили: „Хазарам“. И сказали Олег: „Не давайте хазарам, но дайте мне“. И дали Олегу пощелягу, как раньше хазарам давали. И владел Олег полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами...»^[488]

То есть Олег собрал как раз те славянские племена, которые входили раньше в Русский каганат. Не было ли это воспоминанием о 839 г.? Но как бы то ни было, недолго продлилось господство хазар над славянскими и другими территориями. Сил нового хазарского руководства хватило лишь на краткий стремительный взлет политического могущества Хазарии при активной поддержке Византийской империи. Потом начался длительный период медленного угасания и разложения, точку в котором поставил в 965 г. киевский князь Святослав.

Но перед этим произошли весьма интересные события, связанные с хазарами и русами. Ни в судьбе Хазарии, ни для русов они ничего не решили. Но остановиться на этих фактах принуждает их широкая известность (хорошую рекламу им сделали в своих работах Л. Гумилев и В. Кожинов). Единственный источник, по которому они стали известны, – это анонимное еврейско-хазарское письмо середины X в., найденное в кембриджской библиотеке. Вот что в нем сообщается:

«И еще во дни царя Иосифа, моего господина, искали его поддержки, когда были преследования (евреев) во дни злодея Романуса (византийский император. – Е.Г.). Когда это стало известно моему господину, он уничтожил многих необрязанных. Но злодей Роману спослал большие дары Хлгу, царю Руси, подстрекнув его совершить злое дело. И пришел тот ночью к городу Смкрии (Самкерц, Керчь. – Е.Г.), и захватил его обманным путем, так как не было там правителя, раб-Хашмоная. И стало это известно Булици, он же Песах... и пошел тот в гневе на города Романуса и перебил (всех) от мужчин до женщин. И захватил он три города и, кроме того, много селений. От туда он пошел к (городу) Шуриун (Херсон. – Е.Г.) и воевал против него... И вышли они из земли подобно червям... Израиля и умерло из них 90 человек... но заставил их платить дань и выполнять работы. И избавил (Песах хазар) от руки русов и поразил всех находившихся там мечом. И пошел он оттуда на Хлгу и воевал с ним четыре месяца, и Бог подчинил его Песаху, и он направился и нашел добычу, которую (Хлгу) захватил в Смкриу. Тогда сказал (Хлгу), что это Роману сподобил меня сделать это. И сказал ему Песах: если это так, то иди войной на Романуса, как ты воевал со мной, и тогда я оставлю тебя в покое. Если же нет, то умру или буду жить, пока не отомщу за себя. И пошел тот и делал так против своей воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне победили его огнем. И бежал он, и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в Пр(Персию. – Е.Г.) и пал там он и войско его. И так попали русы под власть хазар»^[489]

Исходя только из источника, можно описать события таким образом. Время правления хазарского царя Иосифа, автора знаменитого письма испанскому еврею, точно неизвестно, но ученые условно согасились на 920—960-х гг. Император Роман I Лакапин (920—944) убедил некого «царя» русов Хлгу напасть на хазар. Хлгу захватил Самкерц. Хазарский наместник Песах в ответ взял три неизвестных византийских города, а также заставил жителей Херсонеса выплатить ему дань. После

этого Песах четыре месяца воевал с «царем» русов, в конце концов подчинил его и заставил его идти войной на Византию. Четыре месяца Хлгу на море воевал против Константинополя, но потерпел поражение и ушел морем в Персию, где и погиб вместе с войском. Именно тогда Русь была подчинена хазарам.

Кембриджский документ

Возникает масса вопросов. Самые важные из них – кто такой Хлгу и где находилось его «царство»?

А вот так это известие комментируют некоторые ученые последних десятилетий. Л. Н. Гумилев не сомневается, что Песах победил именно киевских русов, а под именем Хлг скрывается Игорь: «Каганату удалось не только обложить Киев данью, но и заставить славяно-руссов совершать походы на Византию, исконного врага иудео-хазар». Конечно, Игорь в 944 г. ходил на Византию, и его флот был сожжен греческим огнем (это известно из Начальной летописи). Но обстоятельства смерти Игоря тоже освещены в Повести временных лет, как и последовавшие за его гибелью события: он был убит древлянами во время сбора дани, и его жена Ольга за него отомстила. Так что ни в какой Персии Игорь не пропадал. Во-вторых, никакому логическому объяснению не поддается, почему хорошо известного за пределами Киевской Руси Игоря автор письма, знаток истории, называет Хлгу.

Н. Голб и О. Прицак, эрудированные авторы нового перевода текста, вторую проблему решают. Им известно, что, по Новгородской первой летописи, киевский князь Олег нападал в 922 г. на Константинополь. Они отождествляют этого Олега с Олегом Вещим и с Хлгу анонима^[490]. И опять-таки получается, что хазары подчинили Киевскую Русь. Более того, авторы считают, что именно хазары (точнее, хазарские иудеи) заставили Олега Вещего сначала пойти войной на Византию в 922 г., а потом напасть на Персию.

Поскольку о походе русов в Иран ничего не известно, Н. Голб и О. Прицак причисляют к «Прс» земли Закавказья, в том числе Бердаа. На этот город действительно в 943—944 гг. на – пали русы, о чем сообщают близкие к событиям восточные источники. Согласно Ибн Мискавейху, персидскому автору второй половины X – начала XI в., отряд русов захватил богатый закавказский город Бердаа близ реки Куры в армяно-грузинском приграничье. Правитель Бердаа Марзбан в той время отсутствовал, воюя в Сирии. Русы быстро справились с небольшим гарнизоном города, после чего объявили жителям, что гарантируют свободу вероисповедания и безопасность в случае, если они признают власть русов над собой. Однако это предложение не встретило ожидаемой поддержки, и часть жителей города была уничтожена. Вернувшийся Марзбан не смог выбить захватчиков из Бердаа. Русы сами оставили город после разразившейся среди них эпидемии некой желудочной инфекции. Ночью они вышли из крепости, прихватив добычу, добрались до своего лагеря на берегу Куры, откуда отбыли на родину. Другой восточный автор, Бар Геб-рей, добавляет, что в походе участвовали также аланы и лезгины.

Те же русы воевали в Закавказье и во второй половине IX в., и в 913—914 гг., и позже, о чем уже говорилось в предыдущих главах. Но вот чего нельзя найти ни в русских летописях, ни в других памятниках древнерусской литературы, так это даже намека на такую закавказскую активность Киева того времени. Да и восточные авторы совершенно четко указывают место жительства этих русов – на Северном Кавказе, рядом с алантами. Нужно наконец признать, что в Восточной Европе X в. существовало не одно племя русь. Тогда не будет необходимости сдвигать указанные в источниках даты разных русских походов, пытаясь привязать их к биографиям киевских князей, а также выяснить, что понадобилось Олегу Вещему или Игорю на Кавказе. В восточных сочинениях, описывающих походы в Закавказье, с одной стороны, и в Кембриджском документе, с другой, упоминаются совершенно разные группы русов, не связанные с киевскими и ведущие самостоятельную политику.

Хлгу, воевавший с хазарами в Крыму, был главой причерноморских русов. Во-первых, все действия рассказа Кембриджского анонима о противостоянии русов и хазар не выходят за пределы Крыма и ближайшего Причерноморья. Даже наместник Крымской Хазарии Песах вынужден разбираться с русским «царем» в одиночку, без помощи прикаспийской метрополии или каких-либо союзников. Для покорения Киевской Руси у Песаха, конечно, не хватило бы ресурсов. М. И. Артамонов пытается решить этот вопрос так: он объявляет Хлгу одним из воевод Игоря, вроде

известного по летописям Свенельда, утверждая, что Песах имел дело с некоей «варяжской дружиной», бродившей по Причерноморью в поисках добычи^[491]. Но эта версия отпадает по двум обстоятельствам. Во-первых, в документе сказано, что у Хлгу имелась «своя земля», в которую ему было стыдно возвращаться после поражения у Константинополя. В этой стране Песах и воевал с «царем» русов четыре месяца, что показывает возможность пополнения и человеческих, и материальных ресурсов с той и другой стороны. Иными словами, такой продолжительной могла быть война между двумя соседними странами, а не разбирательства с бродячей дружиной. Во-вторых, Хлгу в источнике называется на иврите «мэлэх», что соответствует арабскому «малик» – *полновластный, независимый правитель, хозяин своей земли.*

Как сообщает наш неизвестный еврей, русы доставляли немало беспокойства крымским хазарам: Песах спасает крымских хазар «от руки русов». Из этого послания ясно, что русы Причерноморья в середине X столетия представляли независимый и достаточно влиятельный анклав, примерно равный по силам хазарской колонии в Крыму (иначе автор не заявлял бы с гордостью о спасении хазар). Имя предводителя русов – Хлгу (Халегу – иран. «творец», «создатель») – действительно совпадает с именем киевского князя. Но это свидетельствует вовсе не о том, что Хлгу и Олег Вещий – одно и то же лицо. Просто часть киевских русов и жители Причерноморья были этнически близки, и у них были популярны одни и те же имена.

Общее прошлое не всегда предполагает общие интересы. Но в X в. русы Поднепровья и Причерноморья нередко действовали вместе, как это видно по договорам Олега и Игоря с греками. Общими оставались и их основные противники – византийцы и хазары, пока в русско-хазарском противостоянии не поставил точку Святослав Игоревич.

Среднее Поднепровье после падения Донской Руси

Ясно, что проследить путь русов Подонья в славянское Приднепровье весьма проблематично. К примеру, катакомбных погребений на Киевщине не обнаружено, только трупосожжения в салтовских сосудах. Конечно, это часть ассимилированных русов. Но по количеству и качеству вещей в могилах эти русы на социальную верхушку не тянут.

Определить же, как и откуда вернулась в Поднепровье русская элита, пока археологии не под силу. Это связано со сложными и бурными миграционными процессами, происходившими на будущей территории Киевской Руси в IX – первой половине X в. Миграции на территорию Восточно-Европейской равнины продолжались всю последнюю четверть I тысячелетия н. э. Ни один из летописных славянских племенных союзов не сформировался только на основе племен, уже живших здесь в VIII – начале IX в. Например, словене ильменские (будущие новгородцы) стали синтезом двух потоков миграции балтийских славян. Первый прошел в конце V – VII вв. и принес в Приильменье обычай захоронения в длинных (от 10 – 12 до 100 м) невысоких курганах, по обряду трупосожжения. Эти славяне пришли из Среднего Повисленья и района Мазурских болот, и связано было переселение с сильным похолоданием в Прибалтике. Рядом с ними с конца VII – VIII в. жили тоже славяне, хоронившие покойных в сопках (сопки – это особый вид могил – высокие кругобокие насыпи с уплощенной вершиной; основание сопок обкладывали кольцом из валунов). Эти славяне пришли из балтийского Поморья. В основании многих сопок есть темный слой золы – след от костров, которые жгли, чтобы освятить место захоронения. А к X в. в Новгородчине появляются люди, оставившие курганные насыпи, похожие на приднепровские. Причем лингвисты установили, что знаменитый «щокающий» новгородский диалект появился *раньше* восточно-славянского языка. Примерно такие же процессы происходили на землях летописных кривичей, вятичей, радимичей и других. Сама восточнославянская языковая общность начала оформляться в XI в.^[492].

На земли славян волынцевской культуры в IX в. происходит массовая миграция славян из Среднего Подунавья. Именно с дунайскими славянами появляются семилучевые и семилопастные височные кольца радимичей и вятичей. Возможно, поэтому летописец утверждает, что эти племена произошли «от ляхов».

Вторая большая миграционная волна, также из Среднего Подунавья, фиксируется в начале X в. С ней связано появление в Среднем Поднепровье трупоположений в срубных гробницах, ориентированных на запад, иногда с христианскими атрибутами^[493]. Эти погребения давно привлекали ученых. С одной стороны, было очень соблазнительно объявить покойных русами – социальной и этнической верхушкой Киевского государства. Ведь среди них встречаются весьма богатые – с массой оружия, конем и женшиной-наложницей. Весь обряд этих трупоположений очень похож на похороны знатного руса, увиденные Ибн Фадланом на Волге в 922 г., и обряд,

описанный Львом Диаконом в рассказе о походе Святослава на Дунай 971 г. Если бы не одно принципиальное отличие: русы Ибн Фадлана и Льва Диакона покойных *сжигали*, а значит, их нельзя объявить мигрантами с Дуная. И еще одна странность, не позволяющая отделить «авторов» трупоположений от славян: несмотря на различия в погребальном обряде, горшки и украшения, сопровождавшие покойного, были типично славянскими.

Русы в средневековой Европе по А. Кузьмину

Особенно важно, что погребений по обряду ингумации до X в. в Среднем Поднепровье пока *незафиксировано*^[494]. Значит, пришельцы никак не связаны с русами Олега Вещего. В то же время появляется на Среднем Днепре ранняя круговая керамика *моравского* типа (как мы помним, традиции гончарного круга были забыты после разгрома Русского каганата).

В. В. Седов связывает новую культуру с дунайскими славянами, утверждая, что для них ингумация стала характерна с VII – VIII вв., после длительных контактов с аварами в составе Аварского каганата^[495]. По мнению А. Г. Кузьмина, это частично ассимилированные славянами руки из дунайского Ругиланда^[496]. Эта миграция, как считает ученый, отразилась в летописной версии о выходе полян-руси из Норика (так называли с римских времен земли между верхней Дравой и Дунаем).

Действительно, поляне очень странное племя. Известна фраза из Начальной летописи: «поляне, которые ныне называются русью...», а также многочисленные рассказы одного из летописцев об отличии полянских обычаев от традиций других славянских племен. Вот как летописец сравнивает полян с другими славянами:

«Поляне, по обычаю отцов, кротки и тихи, стыдливы перед своими снохами и сестрами, материами и родителями; глубоко стыдливы также перед свекровями и деверьми. Имеют брачный обычай: не ходят зять за невестой, но приводят ее вечером, а на утро приносят за нее – что дают. А древляне жили зверинским образом, жили по-скотски... если все нечистое, и брака у них не бывало, но умывали девицу воды. И ради мичи, и вятичи, и северяне имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, если все нечистое и срамословили при отцах и снохах»^[497].

Можно подумать, что летописец-полянин просто хотел выделить свое племя среди других и придал полянам-язычникам черты, близкие к христианским. Но это не так. Описанные обычаи точно отражают традиции родовой общины и большой семьи, которых у славян Поднепровья не было. Это и покупной брак, и утренний дар мужа жене после первой брачной ночи, и перечисление родственников, перед которыми поляне «были стыдливы». Но и сам летописец, «предвидя» соблазны ученых объявить полян неславянами, подчеркивает:

«Полянеже, жившие особо, как мы уже говорили, были славянского рода и прозвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и прозвались древлянами...»^[498]

Особенности славянского племени полян подтверждают и антропология, и археология. С одной стороны, археологи согласны, что поляне произошли «от тех же славян», что и древляне, волыняне, дреговичи. Этими славянами были как раз дулебы, которым пришлось столкнуться в VII в. с аварами («обрами» русских летописей). Но выдающийся антрополог современности Т. И. Алексеева, изучая славянские погребения уже христианского времени (языческое трупосожжение не оставляло объекта исследования), обратила внимание: поляне отличаются от всех других славянских племен Поднепровья^[499]. Но несомненно, что основу полян составили все же дулебы (археологическая культура – типа Прага-Корчак). Сам же полянский племенной союз значительно усилился во второй четверти X в. после миграции с Дуная родственных племен, став доминирующим в регионе. Полянская элита «перекрыла» русскую, заимствовав этоним (этот процесс зафиксировал летописец).

Переселение с Дуная носило, судя по количеству трупоположений на Киевщине, массовый характер и сильно затронуло именно земли роменской культуры – наследницы волынцевской. Но уже в конце X – начале XI в. материальная культура переселенцев и «коренных» жителей одинакова и различается социально, а не этнически, что говорит об очень *быстрой ассимиляции*. А «коренными» жителями Киевщины являлись носители волынцевской культуры, среди которых были и славяно-русы.

Наследие Русского каганата

Гораздо очевиднее большой пласт в культуре Древней Руси, вероятнее всего связанный именно с Русским каганатом. Во-первых, это древний объем Руси в древнерусских письменных источниках, очерчивающий лишь территорию славянских племен, входивших в состав Русского каганата, – волынцевскую культуру, а также титул «каган», применяемый митрополитом Иларионом к Владимиру Святому и Ярославу и автором «Слова о полку Игореве» – к Олегу Тмутараканскому.

Ученые давно обратили внимание, что в летописях существует «широкое» и «узкое» понятие Русской земли. Впервые понятие «Русская земля» упоминается в договоре Олега 911 г., правда, без указания территорий. По договору князя Игоря ясно, что «русская страна» – это Киев, Чернигов, Переяславль, а также что-то в Северо-Восточном Причерноморье. Мы уже говорили, что причерноморские русы были союзниками, а не вассалами киевского князя. Поэтому остаются только города Среднего Поднепровья. Хорошо видно, как век от века расширялась собственно Русская земля, включая новые территории. Но и в XII в. хорошо помнили, что в «узкий смысл» понятия «Русь» *не входят* Новгород и его земли, Ростово-Суздальская земля, Рязанская, Смоленская, Полоцкая, Владимиро-Волынская и Галичская территории, древляне, тиверцы, а также северные области радимичей и вятичей. В. В. Седов совершенно верно отождествил изначальную Русскую землю летописей с волынцевской культурой, носители ко – торой входили в Русский каганат.

Кроме того, это «знаки Рюриковичей», самые близкие аналогии которым находят археологи на территории лесостепного варианта салтовской культуры – земле Русского каганата.

Множество сюжетных совпадений отмечается в осетинских «Нартах» и русских былинах древнейшего Киевского цикла. Ж. Дюмезиль считает, что в ряде случаев необходимо говорить об общих истоках древнейших русских былин и осетинского эпоса^[500]. Эти истоки – в туранских авестийских преданиях и иранской «Рустемиаде». Поразительные сходства между «Нартами» и былинами замечали еще в XIX в. фольклористы М. Халанский и В. Ф. Миллер.

Иногда совпадения банальны и относятся лишь к общему индоевропейскому прошлому славян и иранцев. Но иной раз действительно примечательны. Наиболее точные совпадения касаются Святогора и Ильи Муромца. Богатырь Святогор сопоставляется с великаном Мукаром из «Нартов». Напомним, что Святогор – повелитель и единственный житель неких «святых гор», наделенный неслыханной силой. Он настолько тяжел, что когда спускается на равнину, земля не выдерживает его, и он вынужден удалиться домой.

Однажды Святогор сталкивается с Ильей Муромцем. Они братаются и вместе отправляются в паломничество «по святым горам». По пути им встречается каменный гроб, и они решают примерить, кому он окажется впору. Первым ложится Илья, но гроб ему велик. Потом туда спускается Святогор. Гроб идеально подходит ему, но когда великан пробует встать, то ему не удается. Илья пытается помочь товарищу, но и ему не удается вытащить Святогора из глубокого гроба. Тогда великан просит Илью разбить скалу. Но всякий раз, когда богатырь ударяет по ней палицей, вокруг гроба появляется новый железный обруч. Хозяин «святых гор» чувствует, что ему конец, и просит названного брата наклониться, чтобы перед смертью передать ему свою силу. Илья отказывается: «Будет с меня силы, больший братец, не то земля на себе носить не станет». Великан отвечает: «Хорошо ты сделал, меньший барт, что не послушал моего последнего наказа: я бы дохнул на тебя мертвым духом, и ты бы лег мертв подле меня. А теперь прощай...» Тут Святогор передает Илье свой меч. В иных записях былины хозяин святых гор отдает Илье и свою жену. Великан Мукара в «Нартах» тоже правитель гор, подружившийся с богатырем – осетинским героем Созырыко. Мукара устраивает подобное состязание, только не опускает ся в каменную могилу, а ложится на дно моря, которое вдруг покрывается льдом и становится его гробом. Но в Нартовском эпосе великан все же дует на своего младшего товарища, который от этого не умирает, а оказывается жив и здоров, забирает меч, жену и сокровища Мукары. Жилище Святогора и его осетинского аналога – это, конечно, Кавказские горы. Ясно, что этот эпизод не мог быть заимствован русскими у осетин или наоборот: слишком много этнографических отличий при одинаковой в целом сюжетной линии. Причем различия объяснимые. Черты же русского эпоса свидетельствуют, что его первоначальные создатели бывали на Кавказе и знают обычай аланских племен. Каменный гроб, столь подробно описанный, – это типичные склепы аланских племен (русы Кавказа сооружали, как и салтовцы, земляные катакомбы, а аланы – скальные склепы).

В одной из былин того же цикла Святогор встречается с несомненно славянским персонажем – Микулой Селягиновичем. Но вот подробности встречи уходят корнями не в славянский мир. У Микулы, как известно, имелась чудесная переметная сумка. Святогор хочет приподнять суму, но напрасно – только сам по колено уходит в землю. На вопрос удивленного богатыря, что же «в

сумочке», Микула сообщает, что там «тяга земная». Совершенно аналогичная история рассказывается в осетинском эпическом цикле о Батразе.

Святогор не был русом: «Не ежал он на святую Русь, не носила его мать сыра-земля...» – отголоском звучит в онежских былинах это эпическое отражение ираноязычных соседей русов на Кавказе.

Любопытные параллели с иранским эпосом можно обнаружить в былинах об Илье Муромце. Например, Илья, переодетый нищим, встречается с очередным врагом Киева – Идолищем Поганым. Идолище его, разумеется, не узнает и просит рассказать о силе своего будущего противника – Ильи: «Он много ли хлеба есть-кушает? А и много ли пьет зелена вина?» Муромец отвечает: «Уж он хлеба-то ест по три калачика, а напиточек-то пьет по три рюмочки!» Идолище удивлено: «И его-то называют богатырем? Как я хлеба-то ем по три печи, а напиток-то пью по три ведра!» Такой же разговор состоялся и у нартовского богатыря Созырыко со злобным великаном Елтаганом.

Вообще истоки цикла об Илье Муромце даже не в североирандском фольклоре середины I тысячелетия н. э., а гораздо глубже. Это показывает сюжетное сходство древнерусского и иранского эпоса. Аналогами Ильи здесь являются богатырь Рустем и царевич Исфендиар. Типично «руstemовская» тема – это мотив поединка между отцом и сыном, незнакомыми друг с другом, и убийства одного другим. Оттуда же – чудовищная хищная птица, угрожающая герою посреди моря (Сизый Орел наших былин).

Есть и другие очевидные совпадения. Как известно, частым персонажем былин является Владимир Красное Солнышко, прототипами которого наши фольклористы считают Владимира Святого и Владимира Мономаха. В Повести временных лет Мономах представлен воплощением всех человеческих достоинств. О Владимире Святом один из летописцев, его современник, отзываетя иронично, создавая образ гуляки и женолюба. Ничего похожего во многих древнейших былинах. Там Владимир труслив, малодушен, неблагодарен, деспотичен. Это явный самодур, смертельно завидующий успехам и талантам Ильи. Былинные богатыри величают его собакой, дурнем, а Соловей-Разбойник – еще и вором. Образ противоположен летописному настолько, что трудно подумать, что говорится это об одном лице. Об обоих Владимирах имеются отзывы иностранных, не всегда дружелюбных источников, которые бы с удовольствием живописали все указанные недостатки. Значит, от Владимиров в этих былинах только имя. Кто же прототип? В. Ф. Миллер обнаружил, что такие же отзывы сохранились в иранском эпосе о современнике Рустема царе Кейкаусе^[501].

Еще одно совпадение с осетинскими «Нартами». Там имеется поучительная история о смерти богатыря Батраза, слишком возгордившегося своими подвигами. Его осаждают, мучают налетающие в огромном количестве духи, и в результате он убивает себя. То же происходит в одной из русских былин с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. Они тоже начали хвастать своими победами: «Подавай нам силу нездешнюю, мы и с тою силой справимся!» Нездешняя сила не заставила себя ждать и явилась в лице двух воинов-духов. После первой схватки духи не только остались живы, но и удвоились. Процесс «размножения» неземной силы в арифметической прогрессии продолжался до тех пор, пока богатыри не убежали в горы, где и превратились в камни.

По замечанию М. Халанского, «шелка шемаханские, седла черкасские» встречаются в былинах в связи с каждым героем^[502], хотя никакого отношения к быту Киевской Руси не имеют. Например, аналогии седлам древнерусских воинов прослеживаются в Венгрии, Польше, Чехии VIII – X вв., никаких «черкасских» седел не наблюдается.

В сказке о Еруслане Лазаревиче сохранен даже иранский именослов: Валазарь, царь Киркоус Киркозанович и т. д. Да и знаменитый эпизод, в котором Еруслан встречается с головой доброго великана, которая всячески ему помогает, популярен во многих осетинских сказаниях (там, кроме головы, фигурируют и другие останки богатырей).

Иранские имена в дружине киевских князей, а также особые типологические сходства в русском былинном эпосе и древних иранских и осетинских сказаниях выходят за рамки всемирных литературных параллелизмов и гидронимии южнорусских степей и лесостепей. Для того чтобы получить такое иранское наследство, нужно было очень тесно, вплоть до ассимиляции, контактировать с носителями культуры, причем не со скіфами и сарматами, а позже, уже в раннем Средневековье.

Отдельная тема – иранские божества в язычестве Древней Руси. Они упомянуты летописцем под 980 г.:

«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором:

деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь...»^[503]

Давно установлено, что собственно к язычеству славянских племен, входивших тогда в состав Руси, эти божества имели мало отношения. Владимир пытался унифицировать религию социальной верхушки, своих приближенных. Пантеон языческой реформы Владимира представлен, кроме божеств славян (Макошь) и имеющих кельтическую основу (Перун, Дажьбог), ираноязычными названиями богов с совпадающими функциями: например, Дажьбог, согласно иранисту В. И. Абаеву, «добрый бог» (первая часть – из кельтского), Хорс – тот же «добрый», «солнечный»^[504]. Именно от его имени, как считают иранисты, произошло русское слово *хорошо*. Связан Хорс как бог Солнца с понятием круга: *хорошо, хоровод*. Этот бог был достаточно известен и почитаем в Древней Руси, среди какой-то части населения. Он упоминается в «Слове о полку Игореве»:

*Всеслав князь людем судяше,
Князем грады рядяше,
А сам в ночь вльком рыскаше
Из Києва дорискаше до кур Тмутороканя
Великому Хръсови вльком путь прерыскаше.*

Речь идет о князе-волхве Всеславе Полоцком, который, по преданию, мог превращаться в волка. Хорс-Солнце пересекал утреннюю дорогу князя-оборотня. То есть автор «Слова...» в конце XII в. прекрасно помнил о роли этого божества. В различных церковных сочинениях, обличающих язычество, Хорс стоит вторым после Перуна, как и в пантеоне Владимира. Кто же поклонялся Хорсу, если Владимир ввел кроме него еще и Дажьбога, выполнявшего те же функций? За пределами Руси у других славян Хорс неизвестен. В старосербском зафиксировано собственное имя Хръсь, но это имя, а не божество. Сербы в своей основе, как мы упоминали, тоже имели иранский субстрат. Они относятся к числу «кантских» племен, покинувших Причерноморье в VI – начале VII в. Значит, если божество заимствовано восточными славянами у иранцев, то в VII-IX вв., то есть в составе Русского каганата.

Второй достоверно иранский бог – Симаргл. Еще в начале XX в. было установлено, что Симаргл соответствует священной собаке-птице иранской мифологии Сэнмуруву. Там это был священный пес Ахурамазды, верховного божества иранцев. Сэнмурув являлся покровителем посевов и ростков^[505]. В восточных и юго-восточных районах Руси в XI – XIII вв. Симаргл был хорошо известен и являлся частым персонажем прикладного искусства. В Суздале он даже изображен на церковных дверях. Симаргл также неведом другим славянам, кроме восточных. Причем и в Древней Руси весьма быстро забыли крылатого пса. Переписчики книг искали слово, деля его на две части: почитают «Сима и Регла». Это значит, что заимствование произошло поздно, оставалось чуждым и не прижилось (у славян была своя богиня плодородия – Мокошь).

В «иранстве» подозревают и Стрибога, который тоже неизвестен южным и западным славянам. Он упоминается еще и в «Слове о полку Игореве», где ветры названы «Стрибожьими внуками», которые стрелами веют с моря.

То есть из шести богов Владимира три были божествами жителей Русского каганата. Причем значения этих божеств весьма плохо были знакомы древнерусским переписчикам и стали вовсе непонятны к XIII в. Значит, социальная верхушка конца X в., во главе которой уже были выходцы, очевидно, с Балтики (отсюда первый бог – Перун), состояла во многом из потомков салтовских русов, ославленных, но еще сохранивших память о своей культуре. Отсюда же и иранские сюжеты в дружинном былинном цикле, который был создан во времена Владимира.

Немало о наследии Русского каганата можно узнать и из лингвистики. В русском языке выделяются как иранизмы, объясняемые контактами праславян со скифо-сарматами еще в I тысячелетии до н. э., так и аланизмы, наблюдающиеся лишь в восточнославянских языках. Причем иранско-восточнославянские параллели – сравнительно поздние и односторонние, то есть у восточных славян видны заимствования из североиранских наречий, а, к примеру, в осетинском древнерусских слов нет. Это значит, что иранский этнос, с которым славяне Поднепровья контактировали, исчез с лица земли.

Известный иранист В. И. Абаев отметил, что в формировании южной части восточных славян должен быть североиранский субстрат (фонетика не заимствуется у соседей, а в данном случае произошла замена праславянского взрывного g в задненебный фрикативный g)^[506]. То есть жители Киевщины должны были ассимилировать какие-то североиранские племена, которыми и были

салтовские русы.

И сейчас в русском языке сохранились слова, напоминающие о русах Подонья. Таков этноним *грузины* (сами себя они называют «картвели»), он пришел именно от русов: в североиранских *gurg* – «волк», а название «грузины» возникло у рухс-алан Северного Кавказа от прозвища грузинского князя V в. Вахтанга Gurgasali – «волчья голова»^[507]. Иранские корни имеют слова *морда* (иран. *marda* – «голова»), *жратъ, шамать, степь, сапог, штаны, хата*. Название растения *заря* произошло от иранского слова, обозначающего «зелье». В русских деревнях употребляли глагол *варзать* в значении «делать что-либо плохо», тогда как в древнем иранском значении *warz* – «делать». В Вятке было в ходу слово *бах* («кляча»), а в осетинском *баех* – «лошадь»^[508].

Иранские корни имеет и фольклорный Вий, описанный у Н. В. Гоголя. Впервые божество *Vayu* зафиксировано в священном древнеиранском предании Авесте. У осетин Вий – это чудовищный бог смерти и мести, привратник загробного мира^[509].

К временам Русского каганата восходит и начало древнерусской денежно-весовой системы. Норма первоначальной русской куны – 2,7 г – точно совпадает с весом дирхема африканской чеканки, которые были в ходу на территории Русского каганата^[510]. Название другой известной денежной единицы Древней Руси – *ногата* – прямо восходит к арабскому *nakd* – «полноценная наличная монета». Ногата составляла 1/20 гривны кун. Этот счет восходит к арабской монетной реформе халифа Абд аль-Малика, по которой за один золотой динар стали давать 20 дирхемов.

Летописная традиция ПВЛ, отражающая лишь точку зрения Мономаховичей, не упоминает о существовании ни Русского каганата, ни аланская Руси. Но возможно, память о ней хранили другие, южнорусские традиции, запечатленные в «сарматской» версии польских хроник и западнорусской литературе и отразившиеся в поздних летописных сводах и отдельных сказаниях. Но, к сожалению, обстоятельного исследования истоков уникальной информации польских хронистов до сих пор не существует.

Так открывается целый неисследованный пласт в русской и восточнославянской истории политики, языческой религии, культуре. Локализация Русского каганата, самого раннего государственного образования, имеющего отношение к имени «Русь», в области сармато-аланской салтовской культуры возвращает к поиску индоарийских и иранских истоков.

Вместо заключения ПЕРВОЕ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЧАЛО КИЕВСКОЙ РУСИ

История Русского каганата не завершилась в момент его гибели. Именно земли, входившие в его состав, стали ядром Киевской Руси, а его жители внесли неоценимый вклад в древнерусскую культуру.

Реконструкция развития Русского каганата дает возможность сделать некоторые выводы о процессах политогенеза, протекавших в этом образовании, и о роли в них славян Поднепровья, а главное – о том, как связаны русы с хаканом во главе и славянская Русь Поднепровья.

Процессы образования государства, сложения народностей протекали сходным образом во всех уголках земного шара. Отличия были связаны с географическим фактором и конкретными историческими обстоятельствами. Но ученыe все же смогли выделить некоторые закономерности в этно – и политогенезе. К сожалению, даже образование Древнерусского государства совершенно не изучено с этой точки зрения. Исследователи российских древностей пренебрегают достижениями историков первобытного общества. Конечно, немного коробит, когда наших предков надо сравнивать с «пребывающими в дикости» этносами Центральной Африки или коренными народами Америки. Но ученый должен следовать прежде всего разуму, а не чувствам. А исторический опыт свидетельствует, что прогресс – явление все же всемирное, и есть стадии развития, через которые в разное время прошло все человечество. Первобытность – это как раз такой период, и истоки нашего менталитета, традиций общественных отношений нужно искать именно там.

Политогенез всегда стимулировали именно внешние вторжения, межэтнические контакты. В первобытности потестарная структура этноса ориентирована на замкнутость. Это связано и с натуральным хозяйством, и с неразвитостью ремесел и обмена. Простые (первичные) протогосударства возникают в рамках даже не племени, а его части – этносоциального организма

или в результате слияния субкланов нескольких племен. Именно так можно характеризовать рухское ядро Русского каганата, которое состояло из трех родов и их ответвлений.

Вторичное протогосударство (или раннее государство) появляется на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война, возникающая в результате расширения производства и – как следствие – усилившегося соперничества вождей. Цель этой войны не грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта. Именно этот момент переживал Русский племенной союз в конце VIII – начале IX в., в период оформления каганата. То есть русам уже мало было заставить окрестные племена платить дань: на асских, праболгарских и славянских землях русские мастера строят укрепления, металлурги создают оружие и орудия труда, ширится сеть гончарных мастерских. В раннем государстве начинается активный внутренний обмен товарами и даже специализация отдельных районов.

Массовые миграции чрезвычайно ускоряли характерный от доклассового общества к раннеклассовому процесс замены основных этносоциальных ячеек первобытности новыми, более крупными этносоциальными общностями – *народностями*. При переселении на новую территорию, как правило, происходило столкновение с местным населением. В данном случае рухсам пришлось столкнуться со славянами пеньковской культуры и недавно пришедшими именьковцами.

Здесь могло быть несколько путей развития отношений. Часто столкновение завершалось завоеванием пришельцами автохтонного населения. Как правило, это происходило при схватке этносов, уже знакомых с первичным протогосударством и имевших давние социальные и потестарно-политические традиции. В социально-экономическом отношении эти завоевания могли иметь тройкий характер:

- 1) завоеватели навязывают свой способ производства;
- 2) победители оставляют без изменения способ производства побежденных, довольствуясь данью;
- 3) происходит взаимодействие двух способов производства, в результате которого возникает третий^[511].

Здесь схема развития отношений славян и русов шла по второму пути, что подтверждают арабо-персидские источники. И это было очень рационально: славяне занимались земледелием, а русы за поставку сельскохозяйственной продукции охраняли их от нападений.

В этническом отношении выделяются следующие возможные исходы:

- 1) полная ассимиляция завоевателями местного населения;
- 2) пришлое население растворяется в местном;
- 3) происходит синтез этнического суперстрата (пришлое население) и субстрата (аборигены), в результате чего возникает новая общность^[512].

Критерием ассимиляции является *смена языка*. Однако закономерность этнических процессов при завоевании пока не выявлена, как не определена еще степень участия в этногенезе ассимилируемого народа, особенно если оба этноса находились на примерно одной ступени развития. Например, политическое господство пришлого населения дает ему явную «фору». Однако если завоевание не влекло за собой сколько-нибудь существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни, в способе производства, местное население сохраняло свой язык и этническое самосознание. В случае же с Русским каганатом и его наследницей – Киевской Русью от «суперстрата», «социальной верхушки» сохранилось лишь название и некоторые антропологические черты, а также элементы культуры и языка. Русская «элита», находившаяся примерно на одном уровне развития с автохтонным населением, ассимилировалась менее чем за полтора века^[513].

Примерно те же процессы наблюдаются в Дунайской Болгарии и Венгрии (хотя в последнем случае славяне переняли язык у пришлого населения, но ассимиляция мадьяр заняла меньше века). Об этих государствах осталось гораздо больше источников, чем о Русском каганате, поскольку они граничили с Византийской империей. А раз процессы в этих образованиях похожи, значит, обратившись к Болгарии и Венгрии, можно будет лучше понять судьбы славян и русов.

Первоначально болгарами назывались, как мы помним, тюркские племена. В VII в. после распада Великой Болгарии в Приазовье орда хана Аспаруха переправилась через Дунай и захватила огромную территорию от Дуная и Черного моря до Балканских гор, где жили славяне.

Образовавшееся в 681 г. Первое Болгарское царство носило в итоге договорной характер. Конечно, тюрки заставили славян платить дань и даже переселили их в пограничные районы, освободив себе степные земли для кочевий. Хозяйственный уклад народов нового «государства» был абсолютно различен: славяне – земледельцы, болгары – кочевые скотоводы. Поэтому изначально жили они обособленно друг от друга. Политическая власть принадлежала болгарам, правящий слой состоял из знатных болгарских родов. Но уже на рубеже VIII – IX вв. наблюдается славянизация болгарских

титулов, главы областей называются не тарханами, а традиционным южнославянским «жупан». Среди представителей болгарской знати появляются люди со славянскими именами-титулами. Когда в 864 г. Болгария официально принимает крещение, в это время даже не встает вопрос о богослужении на тюркском языке. А это значит, что социальная верхушка Первого Болгарского царства уже давно говорила *по-славянски*. Так чуть больше чем за полтора века тюрки-кочевники полностью растворились в славянах. С венграми все произошло быстрее. Массовое переселение их на Дунай относится ко второй половине IX в. А уже во второй половине X в. на территории Венгрии появляется единая белобродовская археологическая культура, абсолютно славянская.

Может быть, пришлое население ни в Болгарии и Венгрии, ни в Русском кагане и на Руси не стало социальной верхушкой? Хотя и византийцы о болгарах и венграх, и арабы и персы о русах говорят совершенно обратное... Почему так быстро произошло растворение в славянской культуре?

Как показывают этнографические исследования, 1) в крайнем проявлении потестарная или раннеполитическая структура, ориентированная на расширение этно-социального организма и характерная для эпохи разложения первобытно-общинного строя, может принять вид надстройки, *этнически чуждой* основной массе населения. В этом случае происходит прочная фиксация этнических границ средствами власти. Этническая граница таким образом становится кастовой. Классический пример – отношения арийских и дравидийских племен в Индии, где несмотря на этнические смешения, касты сохраняются и ныне.

2) Во втором варианте развития таких обществ сосуществуют *две параллельные потестарно-политические структуры* (на нижнем уровне управления сохраняются структуры основной массы населения). Однако в данном случае элита также стремится сохранить внутреннюю корпоративность, и этническая стратификация все равно становится и социальной, и ассимиляция происходит очень медленно^[514].

Рассмотренные случаи характерны для обществ с *кровнородственной* основой. Если у побежденных родовая община и тем более, если они отдаленно родственны победителям, их гораздо легче убедить, что они не имеют права на власть по законам родового общества: их предки менее знатны, всегда подчинялись пращуром победителей и т. д. Примерно такой путь развития можно наблюдать в отношениях русов лесостепи и асского-праболгарского Подонья.

В междуречье Днепра и Донца (как и Дунайской Болгарии и Венгрии) местную основу составляло славянское население с территориальной общиной, обладающей способностью быстрой ассимиляции пришельцев. Однако этого недостаточно. Если завоеватели *малочисленны* и сумели *навязать* свою политическую или потестарную структуру покоренному населению, инстинкт самосохранения в любом случае приведет их к установлению четких этнических границ.

По иному пути пойдет этническое и политическое развитие, если пришлое население достаточно многочисленно и переселение не связано с жестокой борьбой с местными жителями, а также если пришельцам нашлось место в экологической нише (к примеру, если основное занятие местного населения – земледелие, а пришлого – ремесло и торговля). Именно так случилось в Русском каганате. Отношения русов и славян были исключительно мирными, а так как славянская территориальная община была более открыта, чем русская позднеродовая, миксация (смешение населения) фактически приняла форму ассимиляции русов славянами. Этому способствовало и падение Русского каганата во второй четверти IX в. под натиском кочевников.

Так же быстро славяне ассимилировали и других пришельцев. Норманисты любят упоминать о скандинавских погребениях в дружинных могильниках Киевской Руси. Действительно, таковые появляются во второй половине X в. в Гнездове, Тимереве. Доля их по отношению к остальным погребениям очень мала – около 5 процентов, захоронения со скандинавскими вещами очень бедны. Но важно другое: если в X в. можно определить, кто похоронен – славянин, финноугр, тюрок, скандинав, то уже к началу XI в. погребальный обряд в дружинных могильниках полностью нивелируется. От этнического самосознания дружинников-неславян не остается и следа.

Так на этапе становления государства территориальная община славян оказалась неизмеримо сильнее воинственных и жестких традиций кровного родства русов, болгар, мадьяр, да и многих других.

Этнополитическая и социальная история Юго-Восточной Европы периода, предшествовавшего образованию Древнерусского государства, представляет собой клубок неразрешенных и не поставленных еще проблем. По мере исследования этой истории вопросы о происхождении социальных и политических институтов древнерусского общества, о формировании древнерусской народности могут быть рассмотрены в совершенно новом контексте. Поэтому новая трактовка

одного из аспектов истории Юго-Восточной Европы VIII – IX вв., а именно отождествление Русского каганата восточных и западных раннесредневековых источников с салтово-маяцкой археологической культурой в «кузком смысле» (лесостепной и степной варианты), пожалуй, ярчайшей на территории Восточной Европы того времени, конечно, поможет в дальнейшем исследовании одной из центральных проблем российской истории – происхождении и становлении Руси как государства и этноса.

Явное влияние Русского каганата прослеживается во многих сферах жизни Древней Руси: иранские имена договоров Руси с греками, сюжеты былин Киевского цикла, аланизмы в русском языке и так далее. Иначе и не могло произойти при столь сильном взаимодействии славян и русов в рамках раннего государства. Первоначальная территория летописной «Русской земли» точно соответствует расселению славянских племен, входивших в состав Русского каганата.

В данном случае важнее другое. В формировании Древнерусского государства принимали участие многие и многие этносы. Такое явление – правило для раннего Средневековья, и не только. Но одного преобладающего влияния, благодаря которому и возникла Киевская Русь, выделить нельзя. Поиски норманистов в этом направлении вряд ли когда-нибудь увенчаются успехом. Теория о разделении Восточной Европы на хазарскую и норманнскую сферы влияния рушится при объективном анализе данных археологии и письменных источников. Скорее всего, Русский каганат на Северском Донце оставил славянам имя «Русь». Но само государство у славян Поднепровья возникло под влиянием *внутренних* социальноэкономических и политических предпосылок. Правящая династия уже с середины X в. приняла славянские имена и быстро ассимилировалась.

Уже в то время противопоставление русов славянам имело не этническую, а социальную природу, символизируя два полюса общественного устройства Древней Руси – «Землю» и «Власть».

Литература

Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971

Абаев В. И. О происхождении фонемы g (h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. – М., 1964

Абрамова М. П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1971

Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников северного Кавказа // Советская археология. – 1982. № 2

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н. э. – М., 1997

Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. – 1980. № 12

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // Советская этнография. – 1968. № 2

Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. – М., 1990

Алексеева Т. И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне: антропология и этническая история. – М., 1999

Алиев Р. Низами Гянджеви // Низами. Стихотворения и поэмы. – Л., 1981

Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб., 1994

Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962

Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62.

Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // Советская археология. – Вып. VI. М., 1940

Афанасьев Г. Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // Советская этнография. – 1985. № 3.

Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. – 2001. № 2

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. – М., 1993

Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII – X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). / Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. М., 1987

Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных

комплексах донских алан // Российская археология. – 1993. № 4

Афанасьев Г. Е. Топологическое исследование степени доступности салтовомаяцких городищ //

Проблемы изучения древних поселений в археологии. – М., 1990

Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сыродутного горна // Советская археология. – 1982. № 2

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего Средневековья. – Киев, 1990

Бартольд В. В. О письменности у хазар // Сочинения. – Т. 5. М., 1968

Бейлис В. М. Библейская история русов и славян в версии аль-Масуди // Восточная Европа в древности и Средневековье. Спорные проблемы истории. – М., 1993

Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI – IX вв. (Сарир) // Исторические записки. – Т. 78. М., 1963

Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археологія. – Т. XXIV. Київ, 1970

Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтова в 1959—1960 гг. (Печенежское водохранилище) //

Краткие сообщения Института археологии АН УССР. – Вып. 12. Киев, 1962

Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. – София, 1979

Бзаев К. К. Происхождение этнического термина «Русь». – Владикавказ, 1995

Бируни/ Абу ар-Райхан Мухаммед Ибн Ахмед аль-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). – М., 1963

Боровский Я. Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. – М., 1988

Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. – Киев, 1985

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – СПб., 1999

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Вып. 3. М., 1974

Вайнберг Б. И. Этнogeография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. – М., 1999

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986

Васильевский В. Г. Труды. – Т. 3. Пг., 1915

Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь, 1996

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов // Советская археология. – 1972. № 4

Вилинбаев В. Б. Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий // Slavia Antiqua. – Т. XXI. 1974

Винников А. З. Жилые и хозяйствственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. – М., 1984

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. – Воронеж, 1995

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998

Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. – СПб., 1997

Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ, 1999

Гадло А. В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII – IX вв. // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 3. – Историческая этнография. – Л., 1985

Гай Плиний Секунд. Естественная история // Вестник древней истории. – 1949. № 2

Гедеонов С. Варяги и Русь. – СПб., 1876

Герасимова М. М. Этногенетические процессы палеоантропологии Северного Кавказа эпохи

Средневековья // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1986

Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. – М., 1878

Гинзбург В. В. Краниологические материалы изПравобережного Цимлянского городища // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 109

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997

Готье Ю. В. Кто были обитатели древнего Салтова // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Вып. 5. – М., 1927.

Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – М., 1984

Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. – СПб., 1881

Грушевский М. С. Історія України – Руси. – Київ, 1913. Т. 1

- Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М., 1948
- Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя – этнос – история. – М., 1989
- Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. – Вып. 2. – Орджоникидзе, 1981
- Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах на прибрежья Каспийского моря. – СПб., 1874
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999
- Дъерффи Д. Время составления анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // Летописи и хроники. 1973. – М., 1974
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1977
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. 1. М., 1962; Т. 2. М., 1967
- Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. – Киев, 1973
- Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. – Киев, 1967
- Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX – XIV вв. // Историк-марксист. – 1940. № 3
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986
- Иванов В. А. Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угрев на Южном Урале. – Уфа, 1988
- Иловайский Д. И. Начало Руси. – М., 1996
- Иордан. О происхождении и действиях гетов (Getica). – СПб., 1997
- История монголов / Дж. дель Плано Карпини. – 3-е изд. – Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. – 3-е изд. – Книга Марко Поло. – 4-е изд. – М., 1997
- Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996
- Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). – М., 1992
- Калинина Т. М. Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999
- Калинина Т. М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1976
- Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М., 1988
- Каргер М. К. Древний Киев. – Т. 1. М.; Л., 1958
- Карсанов А. Н. Где находилась «страна алланов и русских»? // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996
- Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего Средневековья // Славяне и Русь. – Киев, 1979
- Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. – 1948. № 2
- Ковалевская В. Б. Западное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М., 1981
- Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V – IX вв. – Вып. 1. М., 1998
- Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских аллан // Аланы: история и культура. – Alanica. – III. – Владикавказ, 1995
- Коковцов П. П. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932
- Колода В. В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавилен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза, 1992
- Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях аль-Идриси. – М., 1999
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989
- Коробов Д. С. Погребальные сооружения северокавказских аллан как источник для изучения аланской миграции в бассейн Среднего Дона // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996
- Королев А. С. История междуkjяжеских отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X в. – М., 2000
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / Избранные сочинения. – Т. 4. М.; Л., 1957
- Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. – М., 1962
- Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и

славяне. – М., 1978

Крыганов А. В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). – Самара, 1998

Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1982. С. 131

Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1985

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992

Кузнецов В. А. Рецензия на кн.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. – М., 1967 // Советская археология. – 1969. № 2

Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтике // Вопросы истории. – 1970. № 10.

Кузьмин А. Г. Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. – Кн. 2. М., 1986

Кузьмин А. Г. На гаснущих волнах великих переселений // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. Кн. 1. М., 1986

Кузьмин А. Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. – 1993. – № 5 – 6

Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). – М., 1997

Ламбин Н. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. № 1

Ламбин Н. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – Т. LXXI. СПб., 1874

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. – М.; Л., 1989

Левицкий Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему Средневековью // Сообщения польских ориенталистов. – Вып. 2. М., 1961

Ловягин Е. Две беседы Святейшего Патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь // Христианское Чтение. – 1882. Ч. II

Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Сочинения М. В. Ломоносова. – Т. 5. СПб., 1902

Лукан Марк Анней. О гражданской войне десять книг // Вестник древней истории. – 1949. № 2

Ляпушкин И. И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62. М., 1958.

Ляпушкин И. И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62. М., 1958

Мінаїва Т. М. Кераміка балки Канцерка в світлі археологичних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. – Вип. XIII. Київ, 1961

Маврикий. Стратегикон // Вестник древней истории. – 1941. № 1

Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане // Советская археология. – 1975. № 2

Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997

Матузова Г. И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. Тексты. Перевод.

Комментарий. – М., 1979

Мельникова Е. А., Никитин Л. Б., Фомин Л. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX века // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. – М., 1984

Мерперт Н. Я. «Верхнее Салтово» (Салтовская культура). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М.; Л., 1949

Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. 36. М., 1951

Миллер В. Ф. Кавказско-русские параллели. Приложение к: Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892

Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI веков. – М., 1963

Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // Советская археология. 1986. № 3

Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII – середина X вв.). – Автореферат диссертации... канд. ист. наук. – М., 1986

Морошкин Ф. Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. – СПб., 1842

Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусского поселения на Дону. – Воронеж, 1965

Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. – Киев, 1987

Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. – Киев, 1990

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков. – М., 1993

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1991. М., 1994

Нахапетян В. Е. Эпиграфические памятники Саркела и их роль в изучении этнической истории Подонья // Вопросы этнической истории Волго-Дона. – Пенза, 1992

Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. – М., 1994

Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь... Волоконовка, 1991

Никольский Н. К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа. – Л., 1928

Новосельцев А. П. «Худуд аль-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. – 1986. № 5

Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1967

Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. – 1982. № 4

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. – 1991. № 2 – 3

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990

Осада Константинополя скифами, кои суть русские, и поход императора Ираклия в Персию // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 27. Тифлис, 1900

Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967

Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. Кн. первая / Сост., предисл., введения к документам, comment. А. Г. Кузьмина. – М., 1986

Очерки истории культуры славян. – М., 1996

Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М.; Л., 1965

Петрашенко В. А. Волынцевская культура наПравобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. – Смоленск; М., 1995

Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные источники и историческая традиция //

Художественный язык Средневековья. – М., 1982

Пигулевская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. – М., 1952

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941

Пиоро И. С. Крымская Готия

Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990

Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // Российская археология. – 1993. № 4

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989

Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. – М., 1972

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 142. М., 1967

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 2000

Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986

Подосинов А. В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Раввенского анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999

Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. 1. М., 1964

- Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев, 1988
- Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. – М., 1992
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – СПб., 1998
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.; Л., 1939
- Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988
- Рикман Э. А. Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI – X вв. в низовьях Днестра и Дуная // Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972
- Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. – Сергиев-Посад, 1915
- Русский хронограф. – Ч. II. – Хронограф западнорусской редакции. // Полное собрание русских летописей. – Т. 22. Ч. II. СПб., 1914
- Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. – Вып. XVIII. М., 1953
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков. – М., 1993
- Рыбаков Б. А. Ремесло // История культуры Древней Руси. – Т. 1. М.; Л., 1951
- Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. – 1967. № 2
- Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XLIII. М.; Л., 1953
- Сагадеев А. В. Социально-исторические предпосылки возникновения и развития классической арабо-мусульманской культуры // Ценности мусульманской культуры и опыт истории. Russian Oriental Studies. – V. 5. N. – Y., 1999
- Санкина С. Л. Возвращаясь к норманнской проблеме // Этнографическое обозрение. – 1998. № 2
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. II. М. – Л., 1941
- Святной Ф. Что значит в Несторовой летописи выражение «поидоша из немец», или Несколько слов о Варяжской Руси. – СПб., 1844
- Седов В. В. Древнерусская народность. – М., 1999
- Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. – 2001. № 2
- Седов В. В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. – 1998. – № 4.
- Седов В. В. Славяне в древности. – М., 1994
- Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. – М., 1995
- Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981
- Славяне и Русь: Проблемы и идеи. – М., 1998
- Сміленко А. Т. Слов'яни та іх сусіди в степовому Подніпрові (II – XIII ст.). – Київ, 1975
- Смиленко А. Т. К изучению лепной керамики пеньковских памятников // Древняя Русь и славяне. – М., 1978
- Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. – 1972. № 1
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. – М., 1988
- Солодовник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев, 1959
- Солоухо Ю. А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. – 1940. № 3 – 4
- Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. – Ч. XIX. 1909. Январь
- Страбон. География. – М., 1994
- Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). – Киев, 1975
- Талис Д. Л. Росы в Крыму // Советская археология. – 1974. № 3
- Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. – Тифлис, 1896
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М., 1997
- Тимощук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. – М., 1995
- Трубачев О. Н. В поисках единства. – М., 1997
- Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. – Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. – М., 1967
- Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкоznания. – 1977. № 6

Трухачев Н. С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X – XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. – 1980. М., 1981

Туалагов А. К вопросу о письменности средневековой Алании. По материалам Нартовского эпоса осетин // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ, 1990

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971

Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // Советская этнография. – 1946. № 2

Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. – № 6 – 7

Федоров Г. С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996

Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV. От царствования Лохраспа до царствования Искандера. – М., 1969

Флавий Вописк Сиракузский. Божественный Аврелиан // Вестник древней истории. – 1959. № 4

Флеров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. – 2001. № 2

Флеров В. С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. –

Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1981

Флеров В. С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990

Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. – М., 1984

Флеров В. С. Правобережная Цимлянская крепость // Российская археология. – 1996. № 1

Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996

Флерова В. Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. – 2001. – № 2

Фомин А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX – X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. XIV. Л., 1973

Френ Х. Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. – Т. XV. – Отделение Науки и художества. 1836

Бабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. – 1970. № 2

Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла. – Варшава, 1885

Халиков А. Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея. – СПб., 1869

Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма. – СПб., 1884

Худуд аль-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. – Л., 1930

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980

Шевцов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981

Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. – М., 1978

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. – М., 1996

Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961

Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1987

Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. – Вып. XIX. М., 1954

- Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. – Кн. 1. М., 1825
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. – М., 1956
- Buchholtz S. Versuch in der Geschichtte des Herzogthums Mecklenburg. – Rostok, 1753
- Hudud al-'Alam. The regions of the World. A Persian Geography 372 a. h. – 982 a. d. / Tranl. by V. Minorsky. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. – London, 1970.
- Mi nor sky V. Sharaf ai-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – L., 1942
- Noonan Th. Did the Khazars possess a monetary economy? An analysis of the numismatic evidence // Archivum Eurasiae Medii Aevi. – T. 2. Wiesbaden, 1982
-

Сноски

Примечания

- 1** Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. – Кн. 1. М., 1825. С. 116—119.
- 2** Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. – Кн. 1. М., 1825. С. 116—119.
- 3** Морошкин Ф. Л. Историко-критические исследования о русах и славянах. – СПб., 1842. – С. 112; Святной Ф. Что значит в Несторовой летописи выражение «поидоша из немец», или несколько слов о Варяжской Руси. – Спб., 1844. Ч. 2. С. 22.
- 4** Гедеонов С. Варяги и Русь. – СПб., 1876. С. XCVI.
- 5** Иловайский Д. И. Начало Руси. – М., 1996. С. 88.
- 6** Соловьев С. М. Сочинения. – Кн. 1. М., 1988. С. 225.
- 7** Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь, 1996. С. 284.
- 8** Эта датировка умозрительна и основана на концепции ученого. Никакими источниками она не подтверждается.
- 9** Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX веков // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1967. С. 408.
- 10** См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII веков. – М., 1993.
- 11** Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. – 1991. № 2 – 3. С. 8.
- 12** Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. С. 302.
- 13** Березовец Д. Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археологія. – Т. XXIV. Київ, 1970. С. 73 – 74.
- 14** Кузьмин А. Г. Варяги и Русь на Балтике // Вопросы истории. – 1970. № 10. С. 28 – 55.
- 15** Трухачев Н. С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X – XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. – 1980. М., 1981.
- 16**

- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. – Смоленск; М., 1995. С. 50 – 51.
- 17**
Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории... С. 83 – 97.
- 18**
Санкина С. Л. Возвращаясь к норманнской проблеме // Этнографическое обозрение. – 1998. № 2.
- 19**
Седов В. В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. – 1998. № 4. С. 4 – 7.
- 20**
Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. С. 288—289.
- 21**
Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков. – М., 1993. С. 14.
- 22**
Назаренко А. В. Русь и Германия в IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. – 1991. М., 1994. С. 30 – 31.
- 23**
Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. – Пг., 1915. С. 64 – 69.
- 24**
Ловягин Е. Две беседы Святейшего Патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь // Христианское Чтение. – 1882. – Ч. II. С. 424—425 432—436.
- 25**
Некоторые ученые пытаются разделить крещение русов при Фотии и Игнатии, но вряд ли в этом есть необходимость. В 867 г. правили и тот, и другой патриархи. Фотий был свергнут 25 сентября 867 г. из-за своей политической позиции. Императора Михаила III убил его соправитель Василий I Македонянин, а Фотий открыто выступил против узурпатора. В результате Фотия отправили в ссылку, назначив лояльного Игнатия. Поэтому вполне вероятно, что заслуга в крещении русов была приписана Игнатию.
- 26**
Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. – Сергиев-Посад, 1915. С. 280—281.
- 27**
Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М., 1988. С. 87.
- 28**
Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. Кн. первая / Сост., предисл., введения к документам, comment. А. Г. Кузьмина. – М., 1986. С. 668.
- 29**
Сагадеев А. В. Социально-исторические предпосылки возникновения и развития классической арабо-мусульманской культуры // Ценности мусульманской культуры и опыт истории. / Russian Oriental Studies. – V. 5. N. – Y., 1999. С. 15 – 16.
- 30**
Алиев Р. Низами Гянджеви // Низами. Стихотворения и поэмы. – Л., 1981. С. 8.
- 31**
Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX веков // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1967. С. 376—377.
- 32**
В этом месте – неясное слово, которое одни исследователи читают как «Танайис» (Дон), а другие – как «Атиль» (Волга).
- 33**
Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986. С. 124.
- 34**
Калинина Т. М. Древняя Русь и страны Востока в X в. (Средневековые арабо-персидские источники о Руси). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1976.
- 35**
Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 403.
- 36**

См.: Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея. – СПб., 1869.

37

Hudud al-'Alam. The regions of the World. A Persian Geography 372 a. h. – 982 a. d. / Tranl. by V. Minorsky. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. – London, 1970.

38

Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XLIII. М.; Л., 1953. С. 3 – 44.

39

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. – М., 1993.

40

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. С. 17 – 19.

41

Имеется в виду Гибралтар. Т. М. Калинина переводит слово аль-халидج «по смыслу» как «пролив» (Калинина Т. М. Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999. С. 91), хотя его точное значение «залив». Такое исправление некорректно, ибо именно термин «залив» свидетельствует о крайне слабом представлении арабов о западных землях и водных путях.

42

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / Избранные сочинения. – Т. 4. М.; Л., 1957. С. 101.

43

Иbn Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986. С. 91, 268.

44

Калинина Т. М. Водные пространства ... С. 92. Названия Гог и Магог в арабской традиции связаны с легендой об Александре Македонском, который запер этих жестоких существ за железной стеной. Разрушиться эта стена должна перед концом света.

45

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.; Л., 1939. С. 75.

46

Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. С. 215.

47

Левицкий Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему Средневековью // Сообщения польских ориенталистов. – Вып. 2. М., 1961. С. 53 – 55.

48

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература... С. 248.

49

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях аль-Идриси. – М., 1999. С. 193—198.

50

Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. С. 191.

51

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах... С. 26.

52

Калинина Т. М. Водные пространства... С. 92.

53

Коновалова И. Г. Восточная Европа... С. 124.

54

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. 1. М., 1962. С. 3 – 17.

55

Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси... С. 11.

56

Hudud al-'Alam. The regions of the World. A Persian Geography 372 a. h. – 982 a. d. / Tranl. by V. Minorsky. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. – London, 1970. P. 75.

57

«Опустошенная земля» – это земли западных уйголов, которые в 840 г. стали жертвами опустошительного нашествия хакасов.

58

К северу от Каспийского и Аральского морей находились заболоченные области, источавшие вонь и мешавшие движению путешественников. Подробное описание «Зловонной земли» дано в 8-й секции VI климата, где она помещается рядом с кочевьями тюрков-карлуков, локализуемых в Восточном Приаралье.

59

Отождествляются с реками Южного Урала.

60

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении аль-Идриси... С. 83 – 85.

61

Бейлис В. М. Библейская история русов и славян в версии аль-Масуди // Восточная Европа в древности и Средневековье. Спорные проблемы истории. – М., 1993. С. 4 – 5.

62

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. – Вып. XVIII. М., 1953. С. 128—150.

63

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах... С. 25 – 26.

64

Впервые арабы и персы услышали о славянах от византийцев еще в VII в. В это время склавины и анты (так называет их Прокопий Кесарийский) сильно беспокоили границы Восточной Римской империи. Оттуда и форма этнонима – ас-сакалиба, которая происходит от «склавинов» византийских источников.

65

1 день пути = около 30 км.

66

Важное свидетельство о социально-потестарном устройстве славянского общества (союзы и «сверхсоюзы» племен).

67

Допускается конъектура «Хорват». В таком случае речь идет о территории белых хорватов Повести временных лет, однако город с таким названием неизвестен.

68

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 387.

69

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. 2. М., 1967. С. 119.

70

Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). – М., 1997. Ст. 33.

71

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 173.

72

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. – М., 1995. С. 150—166.

73

См.: Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье... С. 152—153.

74

Hudud al-'Alam. The regions of the World. A Persian Geography 372 a. h. – 982 a. d. / Tranl. by V. Minorsky. E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series, XI. – London, 1970. P. 158.

75

Данный обычай – явное свидетельство матриархальных традиций в обществе русов.

76

Анонимный автор «Худуд аль-алам» тот же сюжет о единодушии относит к буртасам.

77

Столь важная роль жрецов характерна для ираноязычных обществ.

78

Этот сюжет присутствует во всех сочинениях, относящихся к географической школе Джайхани, и связан с сюжетом об острове русов.

79

- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 345 (карта).
- 80**
Лаврентьевская летопись... Ст. 67.
- 81**
Бешевлиев В. Първобългарски надписи. – София, 1979. С. 57, 58.
- 82**
Худуд аль-алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. – Л., 1930. С. 19.
- 83**
Очерки истории культуры славян. – М., 1996. С. 274.
- 84**
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 197.
- 85**
Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 7 5.
- 86**
Ibi d. P. 7 6.
- 87**
В. Ф. Минорский вообще локализовал ориентиры «Пределов мира» с крайней осторожностью, а на современную карту большинство из них предпочитал не переносить (см.: Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 43 5).
- 88**
Худуд аль-алем. Рукопись Туманского... С. 29.
- 89**
Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 379.
- 90**
Он же. «Худуд аль-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. – 1986. № 5.
- 91**
Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. С. 192.
- 92**
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 215.
- 93**
Худуд аль-алем. Рукопись Туманского ... С. 29.
- 94**
Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 15 7.
- 95**
Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 380.
- 96**
Он же. «Худуд аль-алам»... С. 95.
- 97**
Новосельцев А. П. «Худу аль-алам»... С. 96.
- 98**
Заходер Б. Н. Каспийский свод... – Т. 2. С. 23.
- 99**
Там же. – Т. 1. С. 225.
- 100**
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 211.
- 101**
Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. – М., 1956. С. 102.
- 102**
Коновалова И. Г. Восточная Европа... С. 96 – 97.
- 103**
Эта гора – собирательный, полумифический образ, отражающий смутные представления арабских географов о севере Восточной Европы. Определить ее местонахождение невозможно.
- 104**
О море Мрака Идриси говорит еще в 5-й секции VII (более северного) климата: «Что касается западного края моря Мрака, то он граничит с северной ар-Русийя, отклоняется в северном

направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом нет уже никакого прохода» (Коновалова И. Г. Восточная Европа... С. 73). В другом месте, при описании Восточной Прибалтики, Идриси также говорит о море Мрака, где находятся «острова амазонок» (там же, С. 194). Все это позволяет говорить, что в «западном крае моря Мрака» отразились смутные представления Идриси о Финском и Ботническом заливах Балтийского моря. Само название «море Мрака» – того же рода, что и гора Кукая и Йаджудж и Маджудж, то есть относится к легендам арабской космографии.

105

Там же. С. 97.

106

Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. С. 111—117.

107

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 213.

108

Древняя Русь в свете... С. 193.

109

Ар-ран – название Кавказской Албании современников захвата Закавказья Арабским халифатом, то есть со второй четверти VIII в. – Е. Г.

110

Hudud al-'Alam. The regions of the World... Р. 6 7.

111

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 213—219.

112

Часть Черного моря.

113

Далее описание страны славян очень похоже на то же у Ибн Русте. Об отличиях мы говорили выше.

114

По смыслу эта «река» отождествима с низовьями Дона (возможна конъектура Дуна).

115

В. Ф. Минорский объясняет термин «моровват» как рыцарство (Р. 159).

116

Пропущен сюжет об огромных муахах.

117

Очевидно, V. n. nd. г.

118

Местонахождение этих городов, кроме Баланджара и Самандара, неизвестно.

119

Ибн Фадлан подобное сообщает о гузах (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу/ Пер. и комм. (А. П. Ковалевского); под ред. И. Ю. Крачковского. – М. – Л., 1939. С. 60), однако более скептически относится к мусульманству «турок».

120

Hudud al-'Alam. The regions of the World... Р. 158—163. Далее следует рас – сказ о городах Булгар и Сувар – явная вставка из более позднего источника. После этого следует рассказ о Зангистане.

121

Ibid. Р. 101.

122

Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI – IX вв. (Сарир) // Исторические записки. – Т. 78. М., 1963. С. 249—266.

123

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 2. С. 47.

124

Лаврентьевская летопись... От. 25.

125

Грот К. Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. – СПб., 1881. С. 225.

126

Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961. – С. 134.

127

Дъерффи Д. Время составления анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // Летописи и хроники. 1973. – М., 1974. С. 115—123.

128

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. – М., 1996. С. 112.

129

Иванов В. А. *Magna Hungaria* – археологическая реальность? // Проблемы древних угрев на Южном Урале. – Уфа, 1988. С. 53 – 66.

130

Размеры мадьярской земли, по данным «Пределов мира», – 150 на 100 фарсахов (длина и ширина, примерно 900 на 600 км) (Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 10 1).

131

Халиков А. Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. С. 11.

132

Шушарин В. П. Ранний этап... С. 112, 157, 159.

133

Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 16 3.

134

Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997. С. 10.

135

Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именъковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996. С. 40 – 49.

136

Там же.

137

Флерова В. Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. – 2001. № 2. С. 71 – 82.

138

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. (Этапы этнокультурной истории). – М., 1992. С. 41.

139

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах... С. 22 – 23 (араб. текст).

140

Каакзов Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии... С. 235—258.

141

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 225.

142

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах... С. 150—151.

143

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 215.

144

Новосельцев А. П. «Худуд аль-алам»... С. 98.

145

Ламбин Н. О. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Т. LXXI. – Спб., 1874. С. 60 – 61.

146

Лаврентьевская летопись... Ст. 5 1.

147

Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. С. 44 – 46.

148

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. С. 61, 160.

149

То есть по меньшей мере с середины VII в. по начало IX в. эти праболгарские племена находились в Восточном Приазовье.

150

Это расположение связано с датировкой сведений «Пределов мира» не ранее середины X в. и неверным представлением о «русах» анонима как о Киевской Руси (локализовать русов ХАА на севере Восточной Европы действительно невозможно).

151

Hudud al-'Alam. The regions of the World... P. 101.

152

Буртасы и b. radhas – очевидно, один и тот же этнос, часть которого проживала на правом, а часть на левом берегах Волги.

153

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. – М., 1999. С. 306.

154

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества... С. 213.

155

Косвенным подтверждением такой датировки корпуса сведений «Пределов мира» служит то, что автор, упоминающий о знаменитых ученых халифата VIII в., не знает о выдающихся географах конца IX – X вв., труды которых были известны во всем арабском мире.

156

В начале XIV в. Шамс ад-дин Мухаммад ибн абу Талиб ад-Димашки говорил об «островах» русов в море Майутис (Азовском море) (Заходер Б. Н. Каспийский свод.... т. 2, с. 79 – 80), однако это очевидная позднейшая гlossenса.

157

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 379.

158

Аль-Марвази (середина XI в.), также относимый к школе Джайхани, используя основу того же рассказа, переселяет мадьяр на Дунай, хотя и описывает их между волжскими булгарами и славянами (Minorsky V. Sharaf ai-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – L., 1942, p. 35).

159

Иранист И. Г. Добродомов, опираясь на тезис о наибольшей архаичности сообщений школы Джайхани, выводит «Эсегель» от ираноязычного названия реки Оскол – одного из мест жительства салтовских булгар (Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии Европейской части СССР // Имя – этнос – история. – М., 1989. С. 16). Иранские корни данного названия весьма вероятны, но эти данные не противоречат нашим выводам. Древнейшие поселения волжских булгар имели очень много черт, сближающих их с культурами ираноязычных кочевников.

160

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах... С. 26.

161

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 2. С. 78.

162

Minorsky V. Sharaf ai-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – L., 1942, p. *23 (араб. текст).

163

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 2. С. 79.

164

Хавалай в значении «около» употребляется намного чаще.

165

Minorsky V. Sharaf ai-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. – L., 1942, p. 36.

166

Эту краткую вставку (если это вставка) аноним, возможно, позволил себе сделать, ознакомившись с каким-то новейшим и подробным исследованием автора, знатчего о походе русов на Бердаа в 943 г. (поход на Бердаа в ХАА находится в главе, посвященной арабскому миру).

167

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 411—412.

168

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 2. С. 1 02.

169

Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.; Л., 1939. С. 141.

170

Древняя Русь в свете... С. 21 8.

171

Калинина И. Г. Восточная Европа ... С. 145.

172

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 414—418.

173

Иловайский Д. Начало Руси. – М., 1996. С. 189.

174

В. Я. Петрухин выдвинул гипотезу о трех группах русов как о «сакральной легенде», подобной распространенному мотиву о трех братьях, и соответственно ее недостоверности (Петрухин В. Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык Средневековья. – М., 1982). Однако аргументация этой версии фактически сводится к присутствию в рассказе о группах русов числа «три», сомнительным аналогиям со скандинавскими сагами и т. д.

175

Ибн Хаукалъ говорит о черных соболях.

176

Коновалова И. Г. Восточная Европа... С. 146.

177

Там же. С. 126—132.

178

Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. 1. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. – Ч. XIX. 1909. Январь. С. 67 – 79.

179

Готье Ю. В. Кто были обитатели древнего Салтова // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Вып. 5. М., 1927.

180

Грушевский М. С. Історія України – Руси. – Київ, 1913. Т. 1. С. 226—232.

181

Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // Советская археология. – Вып. VI. М., 1940. С. 157—158.

182

Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. – Вып. XIX. М., 1954.

183

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. – М., 1995. С. 83.

184

Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. С. 293—295.

185

Ляпушкин И. И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62. М., 1958. С. 140.

186

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим, 2000. С. 8.

187

Мерперт Н. Я. «Верхнее Салтovo» (Салтовская культура). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М.; Л., 1949.

188

Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. 36. М., 1951.

189

Березовець Д. Т. Про им'я носіїв салтівської культури // Археологія. – Т. 24. Київ, 1970.

190

Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. С. 42 – 46.

191

Она же. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. / Материалы и исследования по археологии СССР. – № 142. М., 1967. С. 167.

192

По этому поводу специалист по археологии алан Северного Кавказа В. А. Кузнецов резонно заметил: «Скорее наоборот, ибо салтово-маяцкая культура в известной мере является отпочкованием от аланской культуры» (см.: Кузнецов В. А. Рецензия на кн.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. – М., 1967 // Советская археология. – 1969. № 2. С. 296—300).

193

Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 108—109.

194

Флеров В. С. Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1981.

195

Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. – 2001. № 2. С. 45.

196

Там же. С. 50 — 55.

197

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. – 1991. № 2 – 3. С. 6.

198

Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Вопросы истории. – 1991. № 2 – 3. С. 6.

199

Плетнева С. А. От кочевий к городам.... С. 186.

200

Новосельцев А. П. Хазарское государство ... С. 108—109.

201

Коковцов П. П. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932. С. XXIV.

202

От начальных букв полного имени и фамилии Фирковича в еврейской графике: Авраам Бен Рабби Шемуэл Фиркович.

203

Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма. – СПб., 1884.

204

Вихнович В. Л. Карайм Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. – СПб., 1997.

205

Коковцов П. П. Еврейско-хазарская переписка... С. I – XXXVIII.

206

Каспийское море.

207

Черное море.

208

Кубань или низовья Дона, в бассейне которых кочевала часть венгерских племен до перехода в Паннонию.

209

Коковцов П. П. Указ. соч. С. 81 – 83; 98 – 102.

210

Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 108.

211

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. С. 53.

212

Там же.

213

Лаврентьевская летопись... Ст. 19.

214

Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 157.

215

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – СПб., 1998. С. 139.

216

Путешествие Ибн Фадлана... С. 76.

217

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986. С. 150.

218

Федоров Г. С. Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996. С. 149—151.

219

Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 186.

220

Послераздела Великой Булгари имежду пятью наследниками ханы Курбата, первый из которых, Батбаян, остался на земле отца – в Северо-Восточном Приазовье. – Е.Г.

221

То есть в северо-восточном Причерноморье.

222

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хроника» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. С. 61.

223

Константин Багрянородный. С. 53.

224

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. С. 22 – 27.

225

Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 186—187.

226

Далее – ПЦГ.

227

Гинзбург В. В. Краинологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 109. С. 294—307.

228

Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане // Советская археология. – 1975. – № 2. С. 202—203.

229

Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 171—175.

230

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах... С. 26 – 27.

231

Кузьмин А. Г. Хазарские страдания // Молодая гвардия. – 1993. № 5 – 6. С. 237.

232

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах... С. 27.

233

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ, 1990. С. 78.

234

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах... С. 20 – 22.

235

Ковалевская В. Б. Западное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М., 1981. С. 92 – 93.

236

Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сыродутного горна // Советская археология. – 1982. № 2. С. 171—172.

237

Седов В. В. Славяне в древности. – М., 1994. С. 151.

238

Колода В. В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавилен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза, 1992. С. 45 – 46.

239

См. также: Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства... С. 45.

240

Заходер Б. Н. Каспийский свод... – Т. 1. М., 1962. С. 139.

241

Там же. С. 141.

242

Там же. С. 168.

243

Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 134.

244

Лаврентьевская летопись... Ст. 291.

245

Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Вып. XLIII. М.; Л., 1953. С. 24 – 25.

246

Миллер В. Ф. Кавказско-русские параллели. Приложение к: Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892. С. 67 – 68.

247

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. – Ставрополь, 1971. С. 195.

248

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. II. М. – Л., 1941. С. 85.

249

Там же. С. 21.

250

Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 186.

251

Афанасьев Г. Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры // Советская этнография. – 1985. № 3.

252

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах... С. 19.

253

Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». – М-Л., 1965.

254

Флеров В. С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990. С. 168—169.

255

Березовец Д. Т. Про им'я... С. 69 – 70.

256

Талис Д. Л. Росы в Крыму // Советская археология. – 1974. № 3.

257

Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь... Волоконовка, 1991.

258

Древняя Русь в свете... С. 290.

259

Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. – 1982. № 4. С. 154.

260

Седов В. В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. – 1998. № 4. С. 6.

261

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего Средневековья. – Киев, 1990. С. 58.

262

Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62. С. 25.

263

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. – М., 1993. С. 140.

264

Флеров В. С. Правобережная Цимлянская крепость // Российская археология. – 1996. № 1. С. 112.

265

Флеров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // Российская археология. – 2001. № 2. С. 56 – 70.

266

Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII – X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). / Археологические открытия на новостройках. – Вып. 2. М., 1987. С. 114—120.

267

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. С. 38.

268

Афанасьев Г. Е. Топологическое исследование степени доступности салтовомаяцких городищ // Проблемы изучения древних поселений в археологии. – М., 1990.

269

Там же; Крыганов А. В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1998. С. 359.

270

Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. – № 6 – 7. 1933.

271

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период. – М., 1956. С. 102.

272

Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.

273

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. – М., 1962. Карты 5 – 6.

274

Мельникова Е. А., Никитин Л. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX века // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. – М., 1984. С. 40.

275

Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX – X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. – М., 1994. С. 142.

276

Фомин А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX – X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. XIV. Л., 1973.

277

Мельникова Е. А., Никитин Л. Б., Фомин А. В. Указ. соч. С. 32 – 33.

278

Вилинбахов В. Б. Раннесредневековый путь из Балтики в Каспий // Slavia Antiqua. – Т. XXI. 1974. С. 90. К сожалению, В. Б. Вилинбахов, в отличие от В. Н. Зоценко, не указывает, на какую часть IX в. приходится основное количество монет и к какому монетному двору они относятся.

279

Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. – Alanica. – III. Владикавказ, 1995. С. 168—173.

280

Там же. С. 169; Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 176.

281

Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V – IX вв. – Вып. 1. М., 1998. С. 50.

282

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 412.

283

Афанасьев Г. Е. Где археологические свидетельства... С. 43.

284

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М., 1997. С. 172—173.

285

Лаврентьевская летопись... Ст. 17.

286

Терехова Н. Н. и др. Указ. соч. С. 183.

287

Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. – М., 1990. С. 260.

288

Бируни/ Абу ар-Райхан Мухаммед Ибн Ахмед аль-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия.) – М., 1963. С. 120.

289

Колчин Б. А. Черная металлургия... С. 149.

290

Николаенко А. Г. Северо-Западная Хазария... С. 94 – 95.

291

Терехова Н. Н. и др. Указ. соч. С. 19 9.

292

Плетнева С. А. От кочевий к городам... С. 160.

293

Колода В. В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железо-плавилен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза, 1992. С. 46.

294

Терехова Н. Н. и др. Указ. соч. С. 20 1.

295

Терехова Н. Н. и др. Указ. соч. С. 20 1.

296

Там же. С. 205.

297

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Вып. 3. М., 1974. С. 26 – 71.

298

Быков А. А. Указ. соч. С. 63 – 67.

299

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Вып. 3. М., 1974. С. 26 – 71.

300

Седов В. В. Русский каганат... С. 9 – 10.

301

Янин В. Л. Указ. соч. С. 102.

302

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах ... С. 27.

303

Бабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. – 1970. № 2. С. 64 – 69.

304

Нахапетян В. Е. Эпиграфические памятники Саркела и их роль в изучении этнической истории Подонья // Вопросы этнической истории Волго-Донья. – Пенза, 1992. С. 44.

305

Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев, 1959. С. 168—169.

306

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ, 1990. С. 78.

307

Френ Х. Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. – Т. XV. – Отделение Науки и художества. – 1836. С. 51.

308

Бартольд В. В. О письменности у хазар // Сочинения. – Т. 5. М., 1968. С. 46 6.

309

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X – XI веков. – М., 1963. С. 20 4.

310

Карсанов А. Н. Где находилась «страна аланов и русских»? // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996. С. 84 – 86.

311

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971. С. 96 – 99.

312

Туаллагов А. К вопросу о письменности средневековой Алании. По материалам Нартовского эпоса осетин // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996. С. 148—149.

313

Ляпушкин И. И. Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 62. М., 1958.

314

Плетнева С. А. От кочевий к городам ... С. 184.

315

Гадло А. В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII – IX вв. // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 3. – Историческая этнография. – Л., 1985. С. 70 – 79.

316

Ляпушкин И. И. Памятники... С. 143.

317

Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. – М., 1878. С. 10.

318

Уdal'цов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // Советская этнография. – 1946. № 2. С. 45.

319

Лукан, Марк Анней. О гражданской войне десять книг // Вестник древней истории. – 1949. № 2. Кн. VIII. С. 215—225.

320

Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб., 1994. С. 290—291.

321

Гай Плиний Секунд. Естественная история // Вестник древней истории. – 1949. № 2. IV, 80.

322

Страбон. География. – М., 1994. VII, 3, 17.

323

Страбон. Указ. соч. – II, 5, 7.

324

Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. – 1948. № 2. V, 8, 16.

325

Флавий Вописк Сиракузский. Божественный Аврелиан // Вестник древней истории. – 1959. № 4. XXXIII, 5.

326

Клавдий Птолемей. Указ. соч. – III, 5, 6.

327

Боровский Я. Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси. – М., 1988. С. 11 4.

328

Пиоро И. С. Крымская Готия. – С. 32 – 33.

329

Осада Константинополя скифами, кои суть русские, и поход императора Ираклия в Персию // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 15.

330

Русский хронограф. – Ч. II. – Хронограф западнорусской редакции. // Полное собрание русский летописей. – Т. 22. Ч. II. СПб., 1914. С. 119.

331

Лаврентьевская летопись ... Ст. 9 – 10.

332

Пиоро И. С. Крымская Готия. С. 33.

333

Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – М., 1984. С. 62.

334

Рикман Э. А. Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI – X вв. в низовьях Днестра и Дуная // Исследования по истории славянских и балканских народов. – М., 1972.

335

Далее в работе будет не раз употребляться термин «сармато – аланы», что подчеркивает не этническое родство этих народов, а их долгое совместное проживание и контакты.

336

Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. – Киев, 1973. С. 248.

337

Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. – Киев, 1967. С. 152.

338

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М., 1948. С. 252.

339

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992. С. 133.

340

Рикман Э. А. Некоторые традиции... С. 42 – 43.

341

В последнее время ряд ученых отсчитывает эту эпоху с начала III в. н. э., когда восточнонемецкое племя готов под влиянием резкого изменения климата передвинулось с берегов Вислы в район Северного Причерноморья.

342

Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951. С. 135.

343

Кузьмин А. Г. На гаснущих волнах великих переселений // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. – Кн. 1. М., 1986. С. 542.

344

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб., 1997. С. 84 – 85.

345

Там же. С. 84.

346

Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. С. 276.

347

Пигуловская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941. С. 165 – 16 6.

348

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. – Смоленск, 1995. С. 45.

349

Пигуловская Н. В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. – М., 1952. С. 46 – 47.

350

Иордан. С. 86.

351

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – СПб., 1999. С. 169.

352

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. XII – XIII вв. – М., 1993. С. 85.

353

Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. – М., 1998. С. 476.

354

Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 241.

355

Карсанов А. Н. Об этнической принадлежности росомонов // Имя – этнос – история. – М., 1989.

356

Трубачев О. Н. В поисках единства. – М., 1997. С. 225.

357

Там же. С. 193—206.

358

Осетины глазами русских и иностранных путешественников. – Орджоникидзе, 1967. С. 330.

359

Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1985. С. 46.

360

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 162—163.

361

Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н. э. – М., 1997. С. 78 – 92.

362

Абрамова М. П. Ранние аланы... С. 10,27 – 29,66 – 67.

363

Коробов Д. С. Погребальные сооружения северокавказских алан как источник для изучения аланской миграции в бассейн Среднего Дона // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М., 1996.

364

Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. – 1972. № 1. С. 78 – 80.

365

Абрамова М. П. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1971. С. 70.

366

Кузнецов В. А. Очерки... С. 134.

367

Герасимова М. М. Этногенетические процессы палеоантропологии Северного Кавказа эпохи Средневековья // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1986. С. 27 – 28.

368

Кузнецов В. А. Очерки... С. 234—235.

369

Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // Советская археология. – 1982. № 2. С. 164.

370

Древняя Русь в свете ... С. 202—203.

371

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 364.

372

Тебеньков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. – Тифлис, 1896. С. 8 – 9.

373

Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах на прибрежья Каспийского моря. – СПб., 1874. С. 382.

374

Дорн Б. Каспий. С. 384.

375

Прозвище происходит от вида шлема Александра, в котором тот изображался на монетах.

376

Русы напали на Абхазию, и царь абхазов Дували просит Искандера. – Е.Г.

377

Кроме этого, русы напали на Арран, разгромили Дербент
и пленили царицу Бердаа Нушабе, в которую Александр Македонский, согласно Низами, был влюблен.
Узнав об этом, Искander идет в поход на русов. Русы посыпают на встречу ему войско. – Е.Г.

378

Тебеньков М. Древнейшие сношения... С. 44 – 56.

379

Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV. От царствования Лохраспа до царствования Искандера. – М., 1969. С. 366.

380

Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989. С. 28.

381

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X – XI веков. – М., 1963. С. 68 – 70.

382

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М., 1988. С. 40 – 42.

383

Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – Т. 1. М., 1964. С. 47, 58.

384

Minorsky V. Commentaries // Hudud al-Alam... Р. 367; Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания... С. 47.

385

Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкоznания. – 1977. № 6. С. 27.

386

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники... С. 118.

387

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. – М., 1995. С. 7.

388

Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенов // Советская археология. – 1972. № 4. С. 103—104.

389

Славяне и Русь: Проблемы и идеи... С. 439.

390

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. С. 88.

391

Винников А. З. Жилые и хозяйствственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. – М., 1984. С. 101—119.

392

Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. С. 33.

393

Смиленко А. Т. К изучению лепной керамики пеньковских памятников // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. С. 162.

394

Седов В. В. Древнерусская народность. – М., 1999. С. 32 – 36.

395

Сміленко А. Т. Слов'яни та іх сусіди в степовому Подніпрові (II – XIII ст.). Київ, 1975. С. 118.

396

Мінаїва Т. М. Кераміка балки Канцерка в світлі археологичних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. – Вип. XIII. – Київ, 1961.

397

Плетнєва С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. – М., 1990. С. 119.

398

Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. – М., 1984. С. 191.

399

Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ, 1999. С. 124.

400

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники... С. 30.

401

Юртообразные жилища вообще не могут быть признаком, по которому можно определить этнос, поскольку они были характерны для всех переходящих к оседлой жизни кочевников Евразии и формы их крайне неустойчивы даже в рамках одного поселения.

402

Гинзбург В. В. Краниологические материалы изПравобережного Цимлянского городища // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 109. С. 306—307.

403

Абрамова М. П. Ранние аланы ... С. 29.

404

Шевцов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981. С. 99.

405

Плетнєва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. С. 192—199.

406

Там же. С. 20 2.

407

Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // Российская археология. – 1993. № 4. С. 140—142.

408

Плетнєва С. А. От кочевий к городам... С. 83.

409

Афанасьев Г. Е. Донские аланы ... С. 44 – 49.

410

Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII – середина X в.). – Автореферат диссертации... канд. ист. наук. – М., 1986. С. 21 – 26.

411

Плетнєва С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // Российская археология. – 1993. – № 4. С. 15.

412

Березовець Д. Т. Про им'я носіїв... С. 6 9.

413

Афанасьев Г. Е. Донские аланы... С. 91.

414

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1977. С. 155—158.

415

Маврикий. Стратегикон // Вестник древней истории. – 1941. № 1. С. 253.

416

Плетнєва С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. – М., 1972. С. 108.

417

- Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. (Печенежское водохранилище) // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. – Вып. 12. Киев, 1962. С. 18 – 22.
- 418** Крыганов А. В. Нетайловский могильник на фоне праболгарских некрополей Европы // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). – Самара, 1998. С. 363.
- 419** Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах ... С. 34.
- 420** Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // Советская археология. – 1986. № 3. С. 173.
- 421** Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986. С. 150.
- 422** Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996. С. 40 – 57.
- 423** Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. – 1980. № 12. С. 29.
- 424** Каргер М. К. Древний Киев. – Т. 1. М.; Л., 1958. С. 413.
- 425** Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. – Киев, 1987. С. 106—107.
- 426** Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев, 1988. С. 171—179.
- 427** Петрашенко В. А. Волынцевская культура наПравобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. – Киев, 1990. С. 47 – 50.
- 428** Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1987. С. 78 – 81.
- 429** Рыбаков Б. А. Ремесло // История культуры Древней Руси. – Т. 1. М.; Л., 1951. С. 80 (карта).
- 430** Тимошук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. – М., 1995. С. 153.
- 431** Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). – Киев, 1975. С. 64.
- 432** Алексеева Т. И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне: антропология и этническая история. – М., 1999. С. 165.
- 433** Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья... С. 17.
- 434** Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. – Воронеж, 1995. С. 79.
- 435** Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего Средневековья // Славяне и Русь. – Киев, 1979. С. 96 – 98.
- 436** Христиане Приаралья – несториане.
- 437** История монголов / Дж. дель Плано Карпини. – 3-е изд. – Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. – 3-е изд. – Книга Марко Поло. – 4-е изд. – М., 1997. С. 51.
- 438** Вайнберг Б. И. Этнogeография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. – М., 1999. С. 280—283.
- 439**

Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 411—412.

440

Заходер Б. Н. Каспийский свод ... Т. 1. С. 84.

441

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. С. 138.

442

Солоухо Ю. А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. – 1940. № 3 – 4. С. 131—145.

443

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 1. С. 152.

444

Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 147.

445

Хвольсон Д. А. Известия о хазарах... С. 17.

446

Заходер Б. Н. Каспийский свод... Т. 1. С. 152.

447

Коковцов П. П. Еврейско-хазарская переписка... С. 80, 97.

448

Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 13 9.

449

Васильевский В. Г. Труды В. Г. Васильевского. – Т. 3. СПб., 1915. С. CCLXVII.

450

Матузова Г. И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарий. – М., 1979. С. 23, 27.

451

Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. – М., 1992. С. 21 5.

452

Константин Багрянородный. С. 155.

453

Это доказывает непосредственное участие Византии в интригах Хазарии вокруг Русского каганата.

454

Константин Багрянородный. С. 159.

455

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. – М., 1997. С. 150.

456

Лаврентьевская летопись... Ст. 25.

457

Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961. С. 137—138.

458

Грот К. Я. Моравия и мадьяры ... С. 225.

459

Там же. С. 24 7.

460

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона... С. 78 – 79.

461

Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусского поселения на Дону. – Воронеж, 1965. С. 161—162.

462

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники... С. 174.

463

Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники... С. 178.

464

Юрий (1189—1238) – сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимирский (1212—1216 1218—1238). Ярослав (1190—1246) – его младший брат, отец Александра Невского.

465

Лаврентьевская летопись... Ст. 451.

466

Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. – 2001. № 2. С. 13.

467

Подосинов А. В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Раввенского анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999. С. 233.

468

buchholtz s. versuch in der geschichtte des herzogthums mecklenburg. – rostok, 1753. s. 48.

469

Святной Ф. Что значит в Несторовой летописи выражение «поидоша из Немец», или Несколько слов о Варяжской Руси. – СПб., 1844. Ч. 2. С. 42 – 43.

470

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. – М.; Л., 1989. С. 138—139.

471

Трухачев Н. С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X – XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. – 1980. – М., 1981. С. 164.

472

Латиноязычные источники... С. 138, 140, 143—144.

473

Славяне и Русь: Проблемы и идеи. С. 466—470.

474

Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Сочинения М. В. Ломоносова. – Т. 5. СПб., 1902. С. 287—289.

475

Циканистирий – дворцовый ипподром в Константинополе.

476

См.: Брайчевский М. Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. – Киев, 1985. С. 19 – 30.

477

Лаврентьевская летопись... Ст. 46 – 47.

478

Бзаев К. К. Происхождение этнического термина «Русь». – Владикавказ, 1995. С. 86.

479

Кузьмин А. Г. Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X. – Кн. 2. М., 1986. С. 643—649.

480

Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX – XIV вв. // Историк-марксист. – 1940. № 3. С. 40.

481

Кузьмин А. Г. Древнерусские имена... С. 645—646.

482

Королев А. С. История международных отношений на Руси в 40-е – 70-е годы X в. – М., 2000. С. 33.

483

Лаврентьевская летопись... Ст. 50 – 51.

484

Ламбин Н. О Тмутораканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. № 1. С. 67.

485

Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. С. 76 – 77.

486

Никольский Н. К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа. – Л., 1928. С. 36 – 37.

487

Славяне и Русь: Проблемы и идеи. С. 450.

488

Лаврентьевская летопись... Ст. 24.

489

Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 216.

490

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы... С. 151.

491

Артамонов М. И. История хазар. С. 379.

492

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. С. 358—382.

493

Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. С. 203—206.

494

Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. – Киев, 1990. С. 85.

495

Седов В. В. Древнерусская народность. С. 203.

496

Славяне и Русь: Проблемы и идеи... С. 447—448.

497

Лаврентьевская летопись ... Ст. 13 – 14.

498

Лаврентьевская летопись... Ст. 12.

499

Алексеева Т. И. Антропологическая характеристика... С. 165.

500

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос ... С. 81.

501

Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892. С. 12.

502

Халанский М. Великорусские былины Киевского цикла. – Варшава, 1885. С. 133.

503

Лаврентьевская летопись... Ст. 79.

504

Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. С. 11 – 15.

505

Рыбаков Б. А. Руслан и бог Симаргл-Переплут // Советская археология. – 1967. № 2. С. 91 – 116.

506

Абаев В. И. О происхождении фонемы g (h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. – М., 1964. С. 115—121.

507

Абаев В. И. Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. С. 11 – 15.

508

Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. – Вып. 2. – Орджоникидзе, 1981. С. 41.

509

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. – Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. – М., 1967. С. 39.

510

Янин В. Л. Денежно – весовые системы... С. 100.

511

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // Советская этнография. – 1968. № 2. С. 35.

512

Там же. С. 36.

513

Кстати, примерно то же, но за больший промежуток времени, произошло с ближайшими родственниками русов – аланами. Когда говорят, что аланы – это предки современных осетин, это не совсем верно. От алан сохранился только язык (и то в измененном виде) и немногочисленные культурные традиции. Физически современные жители Осетии связаны с местным населением Центрального Кавказа, известным еще с бронзового века.

514

Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1982. С. 131.